

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 30. № 3

2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 30. No. 3

2025

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number ПИ № ФС77-78162 of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, U.V. Naumova, I.V. Smetanina*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up by *E.S. Reshetnikova, O.N. Yadykina*

Technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on May 11, 2025.

Date of publication: Aug. 14, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 21.9. Published pages 23.6.

Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 46. «С» 14.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № ФС77-78162 от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, У.В. Наумова, И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка *Е.С. Решетниковой, О.Н. Ядыкиной*

Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 11.05.2025 г.

Дата выхода в свет: 14.08.2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 21,9. Уч.-изд. л. 23,6.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 46. «С» 14.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. версия сайта: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

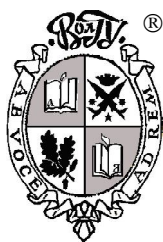
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного

университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025

Том 30. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2025

Volume 30. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2025. Vol. 30. No. 3

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Gorelkin* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
A.S. Smirnov – Assistant Editor (Volgograd);
P.I. Lysikov – Assistant Editor of the Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc. *Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc. *E.Yu. Giryu* (Saint Petersburg);

Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos* (Athens, Greece);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025. Т. 30. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
А.С. Смирнов – технический секретарь (г. Волгоград);
П.И. Лысиков – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *В.А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Стельник* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);

канд. ист. наук *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиоулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, доц. *Е.Ф. Кричко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

- Казаров С.С.* Додона в эпоху римских завоеваний (I в. до н. э. – I в. н. э.) 6
- Каспаров А.И.* Аполлинарий, епископ Валанса: биография, житие и культ [На англ. яз.] 12
- Кручинина Н.А.* Формирование основ политики государственного регулирования трудовых отношений в Великобритании в период послевоенного кризиса 1919–1921 годов 19

ИСТОРИЯ АЗИИ

- Труонг Анх Тхуан, Во Ван Минь.* Фауна и флора Вьетнама XVII–XVIII вв. в записках западных путешественников [На англ. яз.] 31
- Лицю Лю, Благодер Ю.Г.* Сцены из городской жизни: заметки русского врача В.В. Корсакова о Пекине начала XX века 43

ИСТОРИЯ РОССИИ ДО 1917 г.

- Рыблова М.А.* Образ оленя в символике ранних сообществ донских казаков 53
- Вовина-Лебедева В.Г.* Топецкая гарь 1746 г. в свете новых данных 65
- Рассказов С.В., Мармонтова Т.В., Абдрахманов К.А.* Карты Ишимской и Новоишимской (Пресногорьковской) линии середины XVIII в.: публикация, описание и историографический контекст 79
- Неклюдов Н.В.* Консервативный либерализм Е.Н. Трубецкого: общественно-политические взгляды редактора журнала «Московский еженедельник» 95

ИСТОРИЯ СССР

- Синицын Ф.Л.* Советский эксперимент по латинизации русского алфавита, 1919–1931 гг.: политические аспекты 107
- Новиков М.В.* Советские авиаторы в Испании в 1936–1937 гг. (по документам Разведывательного управления РККА) 117
- Шкаревский Д.Н.* Органы советской военной юстиции в локальных войнах 1938–1940 годов 128

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XX ВЕКЕ

- Ли Мэнлун, Линь Ифу, Гулькина А.А.* Китайско-американское военное сотрудничество в период холодной войны: программа «Жемчужина мира» [На англ. яз.] 139
- Садаков Д.А.* США и нарушения прав человека южнокорейской диктатурой Пак Чон Хи в 1972–1979 годах 151

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Бухарин М.Д.* Полярность международной среды в теории и истории 164
- Парубочая Е.Ф.* «Мягкая сила» и публичная дипломатия ЕС и Великобритании в отношении стран Центральной Азии 175
- Бхагват Дж.В., Рогачев И.В.* Влияние США на современные российско-индийские отношения [На англ. яз.] 189
- Выходец Р.С., Тюменцев И.О.* Вопросы информационно-психологической безопасности в ракурсе Программы деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы 201
- Заславская Н.Г., Лисенкова А.Д.* Угольная энергетика в Европейском союзе в условиях «энергетического перехода» и антироссийских санкций 212

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Макаренко К.М., Панкратова Л.С.* Социализирующее воздействие родителей на формирование электоральных установок современной российской молодежи в контексте глобальных кризисов идентичности и доверия 222

CONTENTS

EUROPEAN HISTORY

- Kazarov S.S.* Dodona in the Era of Roman Conquests (1st c. BC – 1st c. AD) 6
- Kasparov A.I.* Apollinaris, Bishop of Valence: Biography, Vita, Cult 12
- Kruchinina N.A.* Formation of the State Policy of Labour Regulation in United Kingdom During the Post-War Crisis of 1919–1921 19

ASIAN HISTORY

- Truong Anh Thuan, Vo Van Minh.* Fauna and Flora in Vietnam During the 17th and 18th Centuries Through Historical Materials of Westerners 31
- Liqiu Liu, Blagoder Yu.G.* Scenes from City Life: Notes of the Russian Doctor V.V. Korsakov About Beijing at the Beginning of the 20th Century 43

RUSSIAN HISTORY BEFORE 1917

- Ryblova M.A.* The Image of a Deer in the Symbolism of the Early Communities of the Don Cossacks 53
- Vovina-Lebedeva V.G.* Self-Immolation of Peasants in Topsa of 1746 in Light of New Data 65
- Rasskasov S.V., Marmontova T.V., Abdrakhmanov K.A.* Two 18th Century Maps of the Old Ishim and the New Ishim Border Lines in Siberia: Description and Historiographical Context 79
- Neklyudov N.V.* The Conservative Liberalism of E.N. Trubetskoy: Socio-Political Views of the Editor of the Journal “Moskovskii Ezhenedelnik” 95

HISTORY OF THE USSR

- Sinitsyn F.L.* The Soviet Experiment on Latinization of the Russian Alphabet, 1919–1931: Political Aspects 107
- Novikov M.V.* Soviet Aviators in Spain in 1936–1937 (According to the Documents of the Intelligence Directorate of the Russian Red Army) 117
- Shkarevsky D.N.* The Soviet Military Justice in Local Wars 1938–1940 128

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 20TH CENTURY

- Li Menglong, Lin Yifu, Gulkova A.A.* Sino-US Military Cooperation During the Cold War: The Case of “Peace Pearl” Program 139
- Sadakov D.A.* The United States and the Human Rights Violations of the South Korean Park Chung-Hee’s Regime, 1972–1979 151

CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

- Bukharin M.D.* Polarity of the International Environment in Theory and History 164
- Parubochaya E.F.* The EU and UK “Soft Power” and Public Diplomacy in the Central Asia’s Countries 175
- Bhagwat J.V., Rogachev I.V.* Influence of the USA on Indian-Russian Relations 189
- Vykhodets R.S., Tyumencev I.O.* Issues of Information and Psychological Security from the Perspective of the Program of Activities of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization for 2026–2030 201
- Zaslavskaya N.G., Lisenkova A.D.* Coal Energy in the European Union in the Context of Energy Transition and Anti-Russian Sanctions 212

POLITICAL SCIENCE

- Makarenko K.M., Pankratova L.S.* The Socializing Influence of Parents on the Formation of Electoral Attitudes of Modern Russian Youth in the Context of Global Crises of Identity and Trust 222

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.1>

UDC 94(3)

LBC 63.3(0)323.44

Submitted: 21.11.2023

Accepted: 01.04.2024

DODONA IN THE ERA OF ROMAN CONQUESTS (1st c. BC – 1st c. AD)

Sarkis S. Kazarov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. The ancient Greeks were very receptive to various kinds of predictions, as a result of which various oracles enjoyed great authority. One of them was the Dodona Oracle, located on the northernmost border of Greece in a mountainous region called Epirus. **Methods and materials.** The article is based on various types of historical sources – narrative, epigraphic, and archaeological data – which predetermined the methods and principles of the study. This is, first of all, a comparative historical method, with the help of which, by comparing various historical sources, the most important of them are identified. The author also used the principle of trust in the historical source. **Analysis.** Originating in the Late Bronze Age, the Dodona Oracle reached its peak in the 5th – 4th centuries BC. Some changes in the position of the Dodona sanctuary occurred during the era of the Roman conquests. The territory of Epirus was first devastated by the Roman army under Aemilius Paulus in 168/167 BC, and then Dodona itself was sacked by the Thracians in 88 BC. All this gave rise to the opinion that after these devastations, Dodona's activities were completely stopped. This conclusion was indirectly supported by the silence of narrative sources. However, some epigraphic sources, as well as some monuments of material culture in general, made it possible to reconsider the prevailing opinion. Very indicative in this regard are fragments of the monument to the wife of Emperor Octavian Augustus, Livia, on the basis of which parts of the dedicatory inscription have been preserved. Fragments of this inscription mentioning the Molossian Agonothetes and the Epirotic League are supplemented by a number of similar inscriptions, the texts of which are only partially preserved. **Results.** All this allowed for a reevaluation of the prevailing opinion among historians and introduced the idea that, during the time of the first princeps, Dodona continued to operate, albeit with a slight shift in its activities, transforming from an oracle into a venue for various holidays and festivals.

Key words: Dodona, oracle, Hellenism, temenos, Roman domination, agonothetes.

Citation. Kazarov S.S. Dodona in the Era of Roman Conquests (1st c. BC – 1st c. AD). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 6-11. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.1>

УДК 94(3)

ББК 63.3(0)323.44

Дата поступления статьи: 21.11.2023

Дата принятия статьи: 01.04.2024

ДОДОНА В ЭПОХУ РИМСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ (I в. до н. э. – I в. н. э.)

Саркис Суренович Казаров

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Древние греки были весьма восприимчивы к разного рода предсказаниям, вследствие чего большим авторитетом у них пользовались различные оракулы. Одним из таких был Додонский оракул, находившийся на самой северной границе Греции в горной области под названием Эпир. **Методы**

и материалы. Статья написана на основании разнообразных видов исторических источников – нарративных, эпиграфических, данных археологии, что предопределило методы и принципы исследования. Это, прежде всего, сравнительно-исторический метод, с помощью которого путем сравнения различных исторических источников выделять наиболее важные из них. Автор использовал также принцип доверия к историческому источнику. *Анализ.* Возникнув в эпоху позднего бронзового века, он достиг своего расцвета к V–IV вв. до н.э. Некоторые изменения в положении Додонского святилища произошли в эпоху римских завоеваний. Сначала территория Эпира подверглась опустошению римской армией под командованием Эмилия Павла в 168/167 гг. до н.э., а затем сама Додона была разграблена фракийцами в 88 г. до н.э. Все это породило мнение о том, что после всех опустошений деятельность Додоны была полностью прекращена. Данный вывод косвенно подкреплялся молчанием нарративных источников. Однако некоторые эпиграфические источники, а также памятники материальной культуры в целом позволили пересмотреть бытующее среди историков мнение. Весьма показательны в этом отношении фрагменты памятника супруге императора Октавиана Августа Ливии, на основании которого сохранилась часть посвятельной надписи. Фрагменты этой надписи с упоминанием молосских агонифетов и Эпиротского союза дополняются рядом подобных надписей, тексты которых сохранились лишь частично. *Результаты.* Все вышесказанное дает возможность предположить, что во времена первого принцепса Додона продолжала функционировать, лишь немного поменяв характер своей деятельности, превратившись из оракула в место проведения различных праздников и фестивалей.

Ключевые слова: Додона, оракул, эллинизм, теменос, римское господство, агонифет.

Цитирование. Казаров С. С. Додона в эпоху римских завоеваний (I в. до н. э. – I в. н. э.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.1>

Введение. Древние греки, будучи по натуре людьми суеверными, безоговорочно верили различным приметам и предсказаниям, вследствие чего имеющиеся в стране оракулы, а также находившиеся при них прорицатели [11, р. 24] пользовались большим влиянием и уважением [6, р. 7; 9, р. 9]. Как известно, Додонский оракул, располагавшийся на самой северной окраине греческого мира, в горной области под названием Эпир, заслужил славу одного из древнейших и авторитетнейших оракулов Древней Греции. Общий контур его развития представляется в следующем виде. Возникнувший в эпоху поздней бронзы [12, р. 13], оракул постепенно приобрел большой авторитет и популярность [15, р. 131], достигнув своего расцвета в V–IV вв. до н.э. В этот период святилище стало не только религиозным, но и политическим и социальным центром Эпиротского союза, свидетельством чего могут служить обнаруженные на территории теменоса различные декреты и постановления [7, р. 234–235; 18, р. 180]. Длительное время священная территория Додоны, так называемый теменос, не имела никаких культовых сооружений, и лишь в период эллинизма здесь возникли первые строения, возведение которых связывают с деятельностью царя Пирра [6, р. 15]. *Locus communis* («общим местом») у большинства современных

исследователей истории Додоны является мнение о том, что разграбление Эпира римским полководцем Эмилием Павлом в 168/167 гг. до н.э. (Plut. Aem. 29.2-5), а затем и опустошение Додоны фракийцами в 88 г. до н.э. (Diod. 311.101.2) привели к полному упадку святилища, из которого оно уже никогда не смогло выйти [3; 8; 13; 14]. Действительно ли Додона после означенных событий полностью утратила свой авторитет или же сохранялась преемственность в ее деятельности в I в. и ни о каком упадке святилища нельзя вести речь, – вот те вопросы, ответы на которые мы постараемся дать в настоящей работе.

Методы и материалы. Статья написана на основании разнообразных видов исторических источников – нарративных, эпиграфических, данных археологии, что предопределило методы и принципы исследования. Это, прежде всего, сравнительно-исторический метод, с помощью которого путем сравнения различных исторических источников выделены наиболее важные из них. Автор использовал также принцип доверия к историческому источнику, который позволяет, не отказываясь от критического анализа, в той или иной мере использовать все имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники.

Анализ. Прежде чем принять ту или иную точку зрения об упадке или преемственности

в развитии святилища в Додоне, необходимо обратиться к источникам. Из нарративных источников, прежде всего, выделим труд географа и историка Страбона (рубеж I в. до н.э. – I в. н.э.), который сообщает о том, что большая часть Эпира после разгрома его римлянами представляла собой обезлюдившие селения и развалины, а Додонский оракул, как и остальные оракулы региона, прекратил свои вещания (Strab. VII.7.9). Однако помимо Страбона никакие иные литературные данные этот факт не подтверждают. Более того, Страбон особо упоминает только о прекращении вещания самим оракулом (τὸ μαντεῖον), но никак не фиксирует завершение всякой иной деятельности святилища.

Римские авторы, жившие на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. (Тит Ливий, Вергилий, Дионисий Галикарнасский, Корнелий Непот и др.) упоминают Додону, но исключительно в историческом контексте в связи с вышеуказанными событиями, при этом ни словом не обмолвившись о ее современном состоянии. В их трудах в том числе не содержится ни малейших упоминаний о каких-либо связях Додоны с Римом в рассматриваемый период. Весьма двусмысленным является пассаж Дионисия Галикарнасского, в котором отмечается знатный римлянин по имени Луций Маллий, лично посетивший Додону и видевший на священной территории треножник с начертанными на нем древними письменами (Dion Hall. I.19.3). Но, во-первых, к сожалению, нам остается непонятным время посещения Додоны Маллием. Во-вторых, нам также ничего неизвестно и о личности самого посетителя. Одним словом, имеющиеся в нашем распоряжении литературные свидетельства не помогают в определении статуса святилища Додоны и ее отношений с римлянами на рубеже веков. Но тем не менее благодаря греческим и римским авторам Додона олицетворяла некое символическое, по словам французского историка Пьера Нора, «место памяти» («lieux de mémoire») не только для греков, но и для римлян [16].

Несколько иную картину общественной и культурной жизни Додоны позволяют представить данные археологии. Но и здесь не все так однозначно. Греческий археолог Д. Эвангелидес, проводивший с середины XX в. рас-

копки на территории Додоны, идентифицировал как римские весьма немногочисленные артефакты. В их числе он называет пару мегалитов, обнаруженных возле и внутри христианской базилики, которые, однако, не поддаются точной датировке [10]. Также весьма незначительно и количество votives, относящихся к I в. до н.э. – I в. н.э.

Одной из известнейших достопримечательностей Додоны является театр, который со временем изменил свои функции. Если в эпоху классики главным его предназначением являлась постановка театральных представлений, что отражало греческие традиции, то в римскую эпоху функции театра в Додоне претерпели изменения. Театр, изначально предназначенный для драматических постановок, в какой-то момент превратился в культурное пространство, более тесно связанное с римской культурной традицией. По своей значимости и монументальности он превосходил даже архитектурный комплекс самого святилища, более того, Додонский театр, сооруженный во времена Пирра [6, р. 31], считался одним из самых величественных в Древней Греции [5, р. 59]. Помимо придания чисто римских традиций типично греческому строению и, следовательно, указанному месту, также практически подтверждает мысль, что это конкретное пространство предназначалось для использования его не только греками, но и римлянами (или «латинизированными» людьми), либо живущими поблизости, либо посещающими место. И, конечно, театр в Додоне служил никак не для нескольких случайных посетителей этого региона. Увеличение размеров театра может указывать на посещение его значительным количеством присутствующей публики. В свете недавних исследований, отмечающих трансформацию греческих театров в римские цирки, происходившую со II по IV в. [2, р. 336–338], подобный факт имел место и в Додоне примерно в тот же самый период. Но нельзя не признать, что твердых оснований для подобного предположения у нас, конечно, недостаточно.

С другой стороны, весьма примечательно появление в качестве официальных должностных лиц агонифетов (ἀγωνοθέτης). Если в более ранний период, в V–III вв. до н.э.,

в качестве официальных должностных лиц эпиграфические источники упоминают проста-тов и грамматевсов, то теперь упоминания о них исчезают. Упоминаемые в надписях агонифеты – это, судя по этимологии слова, устроители соревнований, будь то состязания спортивные, музыкальные или какие-либо иные. Появление их в качестве официальных должностных лиц, скорее всего, свидетельствовало о том, что основным направлением деятельности руководителей Додоны стало устройство агоний – того или иного вида состязаний.

Как известно, с определенного времени в Додоне стали проводиться состязания, посвященные местному культу Зевса с эпиклезой *Ναοί* [4, р. 333]. Исследование самих состязаний выходит за пределы этой статьи, поэтому ограничимся лишь констатацией данного факта. И с большой долей вероятности можно предположить, что в должностные обязанности упоминаемых агонифетов как раз и входила организация таких игр.

К эпохе Августа определенно относится статуя, посвященная его супруге Ливии [1, р. 200; 4, р. 337]. На сегодняшний день этому посвящению в исторической литературе уделялось скромное внимание, возможно, потому, что она сама не сохранилась. Ее основание было обнаружено внутри теменоса недалеко от так называемого храма Зевса. Большой интерес для нас представляют фрагменты частично сохранившейся надписи, в которой упоминается агонифет молоссов, представляющий койнон некоего народа, название которого, к сожалению, не сохранилось, затем следует имя Ливии и далее имя Цезаря (*ἄγωνοθετο[ῶντος] ... τοῦ Μολοσσοῦ τὸ κοινὸν τῶν ... Λιβίαν τὴν Καίσαρος Σεβαστοῦ*). Основанием для датировки надписи как раз и может служить титул *Σεβαστός*, который идентичен латинскому *Augustus*, что позволяет датировать надпись временными рамками с 27 г. до н.э. по 14 г. н.э. Возможно, на основании из известняка стояла статуя Ливии в натуральную величину. Хотя от статуи ничего не сохранилось, не исключено, что в качестве материала использовалась бронза, что подтверждается значительным количеством бронзовых статуй, обнаруженных в Додоне и относящихся к периоду эллинизма. По всей

вероятности, возведение статуи императора или членов его семьи свидетельствовало о возникновении здесь императорского культа. Существует предположение, что разрешение на установку статуи Ливии должно было исходить от религиозного совета святилища [18, р. 187]. Более того, единичные статуи Ливии весьма редки; супруга первого принцепса чаще появляется в составе династической группы в натуральную величину, в большинстве случаев с посвянительной надписью на основании. Возможно, что и указанная статуя Ливии в Додоне являлась частью некой династической групповой композиции императорской семьи, тем более что на этот счет существует исторический аналог – групповая композиция, состоящая из статуй Октавиана, Агриппы и Ливии, которую обнаружили на территории театра в близлежащем городке Бутринте, а точнее мраморные фрагменты шеи и головы. Возможно, что династическая группа в Бутринте была установлена в память о победе Августа у мыса Акций в 31 г. до н.э. и имела целью напомнить о давних мифологических связях между Римом и Бутринтом, ибо оба эти города якобы были основаны троянцами [19]. Но в нашем случае подобное предположение едва ли продуктивно, ибо к основанию Додоны ни Эней, ни троянцы не имели никакого отношения. Если сооружение статуи свидетельствовало о наличии какой-либо формы имперского культа, то основная функция святилища как места поклонения, которая выполнялась ранее, сохранилась и в период Августа.

Не менее сложен и интересен вопрос о самих жертвователях, то есть тех, кто оплатил возведение памятника. Сохранившиеся фрагменты надписи определенно указывают нам на молосское происхождение агонифета, но далее, по нашему мнению, идет указание не на какую-либо отдельную народность Эпира (будь то хаоны, феспроты или те же молоссы), а на общий федеративный орган – койнон эпитронов (*κοινὸν τῶν Ἐπιτροτῶν*). Политическая элита Эпира – богатые частные лица или сообщества – могла позволить себе расходы на учреждение имперского культа, чтобы воздать почести императору в благодарность за некие неизвестные нам политические благодеяния. Если в тексте надписи

не указывается цель посвящения, то, по справедливому утверждению Д. Пиччинини, установка памятника или статуи в честь царя, императора или кого-либо из его семьи неразрывно связана с идеей «возврата» услуги, которую уже получил или мог бы получить народ или город-государство в ближайшем будущем [18, р. 188]. В любом случае здесь очевидно намерение заручиться поддержкой новой власти. В случае нашего посвящения высший федеральный орган власти – эфиротский койнон хотел угодить новой власти в свете нового порядка, установленного Августом, или же стремился выразить благодарность новой династии. Однако акция должна была принести определенную пользу эфиротам и, безусловно, быть известна центральной власти. И была ли воздвигнута статуя только одной Ливии или же целой династической группы, не столь важно, так как женские члены императорской семьи играли не менее значимую роль в этом обмене пожалованиями и оказывали определенное, а порой и решающее влияние на принятие решений самим императором [1, р. 73]. Если, с одной стороны, возведение статуи и установление имперского культа – продукт деятельности «местных» отдельных личностей и сообществ, то, с другой стороны, одобрение таких действий и, собственно, распространение императорских культов шли из центра, из самого Рима [19, р. 51–52]. Однако воздаяние почестей императору и его семье было бы бесполезно, если бы сам получатель не знал об этом факте. Наличие статуи или скульптурной группы членов императорской семьи в Додоне свидетельствует о ее посещении либо Августом, либо отдельными представителями римской элиты. Кроме того, оно способствовало повышению авторитета самой Додоны в эпоху Августа, что одновременно полностью опровергает мнение о полном запустении и упадке святилища в I веке.

Интересным источником, позволяющим сделать ряд важных предположений и заключений, является надпись на обнаруженном в Додоне железном стригиле (*strigilis* – лат.), относящемся примерно к I в. до н.э. Сама по себе находка стригиля, железного скребка, предназначенного для очищения кожи атлетов от песка и грязи во время спортивных состязаний, косвенно свидетельствует о проведе-

нии здесь спортивных соревнований. Надпись на скребке содержит обращение святилища Зевса *Naoi* и богини Дионы царю Зеникету, в котором гарантируется на вечные времена сохранность его денег и товаров (изделий) и выражается надежда на дальнейшие успехи в его делах [17, р. 122–124]. Зеникет, по всей вероятности, хранил в его сокровищнице свои богатства. Тот факт, что Зеникета называют «царем» и «ксеном», подтверждает гипотезу о том, что он был царем пиратов. Греческая исследовательница С. Дзувара-Сули придерживается иной точки зрения: указывая, что стригиль – типичный инструмент спортсменов, она, соответственно, считает Зеникета атлетом, участником спортивных состязаний [20, р. 519]. Однако такое утверждение нам кажется сомнительным, ибо царь пиратов едва ли выступал бы на играх в качестве обычного атлета.

Некоторый интерес также представляет надпись на мраморной стеле, которая, несмотря на сложности с определением ее датировки, по мнению обнаружившего ее Д. Эвангелидеса, относится все-таки к эпохе римского господства, а точнее к рубежу I веков. Она сильно повреждена, но в ней также упоминается агонифет по имени Лисаний из племени молоссов ([ἀγ]ωνοθέταν τοῦ Λυσανίου τῶν δὲ Μολοσσῶν...) [10, р. 252; 4, р. 551]. Замена в тексте надписи молосского простата на агонифета как раз и позволяет нам отнести данную надпись к эпохе римского господства.

Результаты. Таким образом, мы не имеем никаких оснований говорить о каком-либо упадке Додоны в рассматриваемый период. К I в. мы наблюдаем признаки преемственности в деятельности святилища, которые заключались в переходе от ранее широко известной функции прорицания к организации многолюдных праздников и состязаний, о чем свидетельствует перестройка местного театра, который считается одним из самых величественных в Древней Греции. Додона по-прежнему была местом посещения не только обычных граждан, но и высокопоставленных лиц. Речь может идти лишь о смене основного вектора в ее деятельности: если в классический период святилище Зевса славилось своими предсказаниями, то затем оно стало местом проведения различных спортив-

ных и, возможно, иных культурных фестивалей. Имя хозяина святилища – верховного владыки всех греческих богов продолжало звучать, но уже не в связи с процедурой прорицания, а в связи с состязаниями, посвященными Зевсу Naoi.

REFERENCES

1. Bartman E. *Portraits of Livia: Imaging the Imperial Woman in Augustan Rome*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1999. 242 p.
2. Bressan M. *Il teatro in Attica e Peloponneso tra eta greca ed eta romana*. Roma, Quasar, 2009. 462 p.
3. Bosman Ph. The Dodona Bronze Revisited. *Acta Classica*, 2016, vol. LIX, pp. 184-192.
4. Cabanes P. *L'Empire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine (272–167 av. J.C.)*. Paris, Les Belles Lettres, 1976. 649 p.
5. Curnow T. *The Oracles of the Ancient World*. London, Bristol Classical Press, 2004. 256 p.
6. Dakaris S. *Dodona*. Athen, Archaeological Receipts Fund, 1996. 48 p.
7. Davies E.A. Wholly Non-Aristotelean Universe: The Molossians as the Ethnos, State and Monarchy. Brock R., Hodkinson S., eds. *Alternatives to Athens, Varieties of Political Organization, Community of the Ancient Greece*. Oxford, 2002, pp. 234-236.
8. Dieterle M. *Dodona. Religionsgeschichtliche und historische Untersuchungen zur Entstehung und Entwicklung des Zeus-Heiligtüms*. Heideshalm, Georg Olms Verlag, 2007. 450 S.
9. Eidinow E. *Oracles, Curses and Risk among the Ancient Greeks*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 536 p.
10. Evangelides D. Excavation at Dodona. *Epeirotika Chronika*, 1935, iss. 10, pp. 192-260. (In Greek).
11. Fowler M.A. *The Seer in the Ancient World*. Berkley, Los Angeles, University of California Press, 2008. 326 p.
12. Kleitsas X.N. *The Early Dodona (1500–800 B.C.). The Bronze Artefacts*. Ioannina, Ephorate of Antiquities of Ioannina, 2021. 178 p.
13. Lhote E. *Les lamelles oraculaires de Dodona*. Geneve, Librairie Droz, 2006. 454 p.
14. Moustakis N. *Heilegtümer als politischen Zentren. Untersuchungen zu den multidimensionalen Wirkungsgebieten von polisübergreifenden Heiligtümern im antiken Epirus*. München, Herbert Utz Verlag, 2006. 240 S.
15. Nicol D.M. The Oracle of Dodona. *Greece and Rome*, 1958, vol. 5, pp. 128-143.
16. Nora P. *Les lieux de memoire*. Paris, Gallimard, 1997. 1642 p.
17. Parke H.W. *The Oracles of Zeus: Dodona, Olumphia, Ammon*. Oxford, Basil Blackwell, 1967. 294 p.
18. Piccinini J. Dodona at the Time of Augustus. Galli M., ed. *Roman Power and Greek Sanctuaries*. Athens, Scuola Archeologica Italiana di Atene, 2013, pp. 177-192.
19. Rose C. The 1998 Post-Bronze Age Excavations at Troia. *Studia Troica*, 1999, vol. 9, pp. 35-71.
20. Tzouvara-Souli C. The Cult of Zeus in Ancient Epirus. Cabanes P., Lamboley J.-I., eds. *L'Illyrie meridionale et l'Empire dans l'antiquite*. Paris, 2004, pp. 515-547.

Information About the Author

Sarkis S. Kazarov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Archeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, B. Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, ser-kazarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

Информация об авторе

Саркис Суренович Казаров, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ser-kazarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.2>

UDC 94(4)«375/1492»
LBC 63.3(4Фра)4-7

Submitted: 20.06.2024
Accepted: 18.02.2025

APOLLINARIS, BISHOP OF VALENCE: BIOGRAPHY, VITA, CULT

Anton I. Kasparov

Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Apollinaris, bishop of Valence, was the brother of the famous Avitus of Vienne, but his biography is practically limited by that. Apollinaris was canonized in Merovingian times, and the only source that can expand our knowledge is the *Life of Apollinaris*. This hagiographical text about the last years of the life of Apollinaris reached our time. The *Life* was first published in the 17th century and was considered a reliable Merovingian text, but in the 19th century, the German researcher B. Krusch suggested that it was a Carolingian forgery. In this connection it is necessary to analyse the authenticity of the *Life* and the relevance of the information it contains about the bishop's own personal history and cult. *Methods and materials.* The study of the *Life* has been carried out on the method of critical analysis and the biographical method. *Analysis.* A critical analysis of the *Life*, along with verification of its dating and the reliability of the data concerning the time of the saint's lifetime, has enabled the refutation of B. Krusch's arguments, which asserted that the text was a Carolingian forgery. The author compiled the text in the first person and adequately reflected the realities of the early sixth century. The *Life* was written by a contemporary who personally accompanied the saint on his journey to Arles and Marseilles. This trip was made after the Burgundian king Sigismund was overthrown in 523, when the Gallic prefecture of the Ostrogothic kingdom took over Provence up to the Isere River. Since, according to the *Life*, Apollinaris died soon after this journey, it is possible to assume that the death of the saint himself occurred around 524–525. *Results.* The *Life of Apollinaris* is a reliable source and is an example of Merovingian hagiography of the mid-6th century. This text allows us to reconstruct the last years of Apollinaris' life and to determine the time of his bishopric as 490/491–524/525. In addition, the *Life* demonstrates that the cult of St. Apollinaris began to develop immediately after the saint's death.

Key words: Merovingian hagiography, Apollinaris, source studies, kingdom of Burgundy, Ostrogoths, Merovingian history, Church history.

Citation. Kasparov A.I. Apollinaris, Bishop of Valence: Biography, Vita, Cult. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 12-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.2>

УДК 94(4)«375/1492»
ББК 63.3(4Фра)4-7

Дата поступления статьи: 20.06.2024
Дата принятия статьи: 18.02.2025

АПОЛЛИНАРИЙ, ЕПИСКОП ВАЛАНСА: БИОГРАФИЯ, ЖИТИЕ И КУЛЬТ

Антон Игоревич Каспаров

Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Аполлинарий, епископ Валанса, был братом известного епископа Авита Вьеннского, однако этим биография Аполлинария практически ограничивается. Он был канонизирован во времена Меровингов, и единственным источником, который может расширить наши знания, является Житие Аполлинария. Этот агиографический текст о последних годах жизни Аполлинария дошел до нашего времени. Впервые Житие было опубликовано в XVII в. и считалось достоверным меровингским текстом, но в

XIX в. немецкий исследователь Б. Круш предположил, что это каролингская подделка. В этой связи необходимо проанализировать подлинность Жития и актуальность содержащихся в нем сведений о жизни епископа и его культе. *Методы и материалы.* Исследование Жития произведено с использованием метода внутренней критики источника. Кроме того, в работе применялся биографический метод. *Анализ.* Критический анализ Жития, проверка его датировки и достоверности данных о времени жизни святого позволили опровергнуть аргументы Б. Круша, утверждавшего, что текст является каролингской подделкой. Автор составил текст от первого лица и адекватно отразил реалии начала VI века. Данное произведение было написано современником, который лично сопровождал святого в его путешествии в Арль и Марсель. Это путешествие было совершено после свержения бургундского короля Сигизмунда в 523 г., когда часть Прованса до реки Изер была передана Галльской префектуре Остроготского королевства. Согласно Житию, Аполлинарий умер вскоре после этого путешествия. Следовательно, смерть самого святого произошла около 524–525 годов. *Результаты.* Житие является надежным источником по описываемому периоду и представляет собой образец меровингской агиографии середины VI века. Этот текст позволяет реконструировать последние годы жизни Аполлинария и определить время его епископства как 490/491–524/525 годы. Кроме того, Житие показывает, что культ святого Аполлинария начал развиваться сразу после смерти святого.

Ключевые слова: меровингская агиография, Аполлинарий, источниковедение, Бургундское королевство, остготы, меровингская история, история церкви.

Цитирование. Каспаров А. И. Аполлинарий, епископ Валанса: биография, житие и культ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 12–18. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.2>

Introduction. *Life of Apollinaris* was first published in Latin without commentary by the Jesuit F. Labbé in 1657 [11, pp. 698-693]. In 1770 another Jesuit, J. Ghesquierus, once again released this Latin text and provided it with commentaries in the series of *Acta Sanctorum (AS)*. He claimed that *Life* was compiled by a contemporary of the events, deacon Eladius [14]. In 1896 the German researcher B. Krusch in *Monumenta Germaniae Historica (MGH)* again published this text in Latin [15]. B. Krusch's edition differs only in minor details from the publication of J. Ghesquierus: a different division into paragraphs and transcriptions of some proper names (Alifius/Alisius), including the name of the supposed author, who is also an actor in the text (Eladius/Claudius). B. Krusch dismissed the Merovingian date of the text, arguing that the author wrote in Carolingian times. In his opinion the hagiographer was a falsifier who, in order to reliably portray contemporary events, used scraps of information drawn from the texts of Avitus of Vienne, *Life of Caesarius* and the writings of Cassiodorus. After such a sceptical assessment by an authoritative scholar, interest in this work clearly waned, and it was out of most researchers' field of view. At the same time, the arguments of B. Krusch were not accepted by all researchers [2, p. 218], and the *Life of Apollinaris* was sometimes mentioned as a Merovingian text, unsupported by any arguments [5, p. 557]. But

only in 2015 the Austrian philologist A. Kinney released a critical article on this *Life*, where she completely refuted the linguistic assumptions of B. Krusch [10]. This was followed by our joint work with Professor B. Ward-Perkins with a summary of *Life* (MGH version) accompanying a short article in the Oxford University e-project *Cult of Saints in Late Antiquity*, where the main arguments were raised that the *Life* is a Merovingian text [9]. This project focused on the publication of texts or their summaries, and the problems related to the source analysis were presented only in the short form of the commentary. For this reason it is necessary to release a more extended special analysis of the *Life* as a historical source.

Methods and materials. The study was conducted on the basis of several methods. The critical method of source analysis was the main one. It implied rechecking *Life's* authorship, dating, and purpose of creation, as well as scientific interpretation, in order to understand the adequacy of reflection in the text of the realities of the analysed period. The biographical method made it possible to reconstruct the facts of life and activity of the saint.

Analysis. Bishop Apollinaris governed the episcopal see of Valence in the late fifth and early sixth centuries. He is known from various extant reliable sources. Apollinaris took part in several church councils held in Epaon in 517 and in Lyon

in 518–523 and put his signature under their decisions [2, p. 218]. Some letters of Apollinaris to his brother Avitus, the bishop of Vienne, have survived. They testify to the tender affection between the two brothers [13, pp. 243-258]. All other biographical information about Apollinaris has to be drawn from his *Life*.

According to this text, Apollinaris was born into Vienne in a noble and influential family. The author did not forget to mention that the saint was the brother of Avitus of Vienne (§ 1). According to the hagiographer, the senators Parthenius, Ferreolus and Arcutamia were relatives of the saint (§ 10). Apollinaris was a representative of the highest South Gallic aristocracy. Their descendants occupied the episcopal sees in cities of Gaul and were important actors at the courts of the barbarian kingdoms of the 5th and 6th centuries. They formed a close-knit circle of educated elites that directly implemented the continuity of Roman institutions in these early mediaeval kingdoms.

The author of the *Life* omitted mentioning the saint's parents, his childhood, adolescence, and youth, as well as the circumstances of his election and administration of the episcopal see. But the hagiographer gave much concrete information about the events of the last years of the bishop's life and his personal communication with the saint. This can also serve as an argument that the text was written by a younger contemporary of the saint. The Carolingian forger would certainly have used in his work the usual canons and topoi of hagiography in describing the childhood and adolescence of Apollinaris and the choice of service to God, rather than confining himself to the account of the last years of the saint's life.

The hagiographer began his account with an episode about the royal courtier Stephen, who was a head of the *fiscus* in the Burgundian kingdom of Sigismund (516–524). Stephen had married the sister of his dead wife. This marriage was considered close-related and was forbidden by the decrees of the church. For this violation the bishops, including Apollinaris and Avitus, excommunicated Stephen at the Council of Lyons (516–523) (§ 2). According to the hagiographer, this decision angered the king, and all the bishops involved in the council were sent into exile *in oppido Sardinia* in the region of Lyons. In this region a town with a similar name is unknown.

B. Krusch assumed that the author meant the island of Sardinia, where the Vandal kings usually exiled their clergymen. In the opinion of B. Krusch this assumption exposes the Carolingian author, who confused the Burgundian and Vandal kings in his work. B. Krusch also saw a contradiction between this account and the acts of the Council of Lyons, where Stephen suffered only a temporary minor excommunication. In his opinion the exile of the bishops did not take place. However, it should be noted that there is no reason not to trust the author of the *Life* and call into question the fact of the bishops' exile after the decision to excommunicate Stephen. About the place of exile (*in oppido civitatis Lugdunensium, quod nuncupatur Sardinia*), A. Kinney suggested many possible interpretations: from a settlement unknown to us or a figurative name of this place by the exiled bishops ("our Sardinia"; the place called "Sardinia"), which was transferred to the text of the *Life*, to a common mistake of the later copyist or corruption of the manuscript itself [10, pp. 165-167]. There are many different variants that demonstrate the appearance of *Sardinia* in the text, and to give preference to one of which is not possible at the moment. One thing is certain: the mention of a reference *in Sardinia* does not necessarily point to a later author.

The author of the *Life* adds that after some time the king ordered all the bishops to return from exile, except Apollinaris, because he was the most persistent in denouncing Stephen (§ 3). According to the *Life*, Apollinaris in exile performed a miracle when, during an unprecedented heat wave, the waters of the Rhone became undrinkable, but a fresh spring flowed from the ground. The hagiographer added that this spring had dried up when Apollinaris left the place of exile, and this proved that it appeared thanks to the saint's virtues (§ 4). The return from exile occurred after the king had fallen with fever. According to the author, the queen went to Apollinaris to implore his help to heal her husband. She persuaded him to let her have his hooded cloak (*cuculla*), covered the king, and he was immediately cured (§ 5). The grateful king repented of what he had done against the bishops and allowed Apollinaris to return from exile. The hagiographer quotes him as saying, "I am a sinner because I have often plagued honest [people] with impious torments" (§ 6). This episode demonstrates that

the role of King Sigismund in the *Life* is certainly negative. At the same time, Sigismund himself was already venerated as a saint at the end of the 6th century. According to Gregory of Tours, the cult of Sigismund became widespread, and those seeking healing flocked to his tomb [4, p. 87]. The negative role of the king in the *Life* was incompatible with the image of a venerated king-martyr known since the end of the 6th century. This allows us to conclude that the biographer of Apollinaris did not know about the cult of Sigismund. It's an important argument that the text was compiled by a contemporary of the saint, who composed the *Life* before the spread of the cult of Sigismund in the late 6th century.

At the beginning of the 6th century, the border between the Burgundian and Gothic kingdoms was along the river Durance, and the diocese of Valence was under the rule of the Burgundian king. But by 523 relations between the Burgundian and Ostrogothic royal courts had reached a peak of tension. The Burgundian king Sigismund, whose kingdom was sandwiched between the aggressive Frankish kingdoms and the united Gothic power, in his politics sought support from the Byzantine Empire. Therefore, he more and more conducted pro-Byzantine and consequently anti-Gothic policy [3, p. 40]. The reason for the war was the murder by Sigismund of his son, who was at the same time the grandson of the Ostrogothic king Theodoric the Great. Theodoric made an alliance with the kings of the Franks. As a result, Sigismund was drawn into conflict with the two most powerful forces in Gaul. The Franks invaded the Burgundian kingdom. Theodoric ordered his general Tuluin not to rush into Burgundy but to wait for the outcome of the battle between the Burgundians and the Franks. Burgundian kings Sigismund and his brother Godomar were defeated in battle in 523. On hearing the result, Tuluin entered Burgundy and occupied the land unhindered. In this case usually said about the territory between the rivers Durance and Isere [18, p. 448; 8, p. 82-83; 7, p. 125-128].

In connection with these political events should be considered Apollinaris' trip along the Rhone. According to the hagiographer, Apollinaris at the end of his life was warned from Heaven about his imminent death and decided to make a journey along the Rhone. This trip, according to

the author, was 'frightening' because of the rapid flow of the river. But the saint was able to calm the storm with his prayers and drove a demon out of the body of one of his travelling companions named Alifius (§ 7–8). This story demonstrates that in the eyes of common people of the 6th century, travelling along the Rhone continued to be a dangerous undertaking, as was mentioned long before by Strabo [6, p. 220]. The *Life* says that one of the main purposes of his trip was Arles – from 508, the centre of the Gallic prefecture of the Ostrogothic kingdom, organised by Theodoric the Great. According to the hagiographer, upon his arrival in Arles, Apollinaris was cordially welcomed by Bishop Caesarius, accompanied by the people (*plebiis comitatus obsequiis*) and Prefect Liberius, as well as by his relatives Parthenius and Ferreolus (§ 10) [12, pp. 677-684, 833-834; 10, p. 173]. This solemn official meeting, reminiscent of the *adventus* of the Roman ceremonial, could be realised only after 523, when the Gallic prefecture of the Ostrogothic kingdom had expanded as a result of the war with the Burgundians. It was not accidentally at this time that Apollinaris, who was at death's door, ventured on a 'frightening' journey down the Rhone and was solemnly welcomed at Arles by the heads of the prefecture and church of Provence. Certainly, this journey must be regarded as necessary for the head of Valence's community to determine the principles of existence under the new government. Up to this time such a journey by a bishop of Valence had been practically impossible owing to the enmity of the two kingdoms. Apollinaris' arrival in Arles can be dated to 523–524. According to other sources, the boundaries of the expansion of the Ostrogoths' possessions in Gaul at this time are not clearly defined. H. Wolfram suggested that the power of Theodoric the Great in that period extended over the territory northwards from the river Durance to the river Drome, 'but most probably to the river Isere' [18, p. 448; 8, pp. 82-83]. The arrival of the bishop of Valence in Arles mentioned in the *Life* is a documentary confirmation of this assumption. Thus, the *Life* is an important source defining the northern border of the Gallic prefecture in 523–530 along the Isere River.

According to the hagiographer, after a short stay in Arles, Apollinaris also visited Marseilles at the invitation of his relative Arcutamia (§ 10)

[12, p. 135]. Having fulfilled his mission at the limit of his strength, Apollinaris finally fell ill on his return to Valence. According to the author of the *Life*, when the saint was lying in bed and could not rise for the morning service, a certain “demon-driven” Paragorius tried to use force and raised his hand against him. However, he was miraculously immobilised in this posture until the arrival of the bishop’s clergy. He could not move his hand until the saint offered prayers (§ 12). According to the *Life*, Bishop Apollinaris died shortly afterwards. The author extols that Valence in Apollinaris received its saint patron in Heaven (§ 14). In view of the fact that Apollinaris died almost immediately after his return from his journey along the Rhone, we can assume that this happened no later than 524–525. If we take into consideration the author’s words that Apollinaris held the episcopal see for 34 years, we can determine the time of his bishopric as 490/491–524/525.

The *Life*, preserved in several manuscripts (the earliest is from the 11th century), was presumably written by someone who was present in travel to Arles and Marseilles. This is evidenced by the author’s regular first-person plural narrative in description of this trip (*pervenimus, nos, nobis, vidimus*). Furthermore, the author considers Apollinaris as his bishop and patron (*nostrum pontificem* (§ 8, only in the *AS* version), *noster patronus* (§ 13)). This suggests that the *Life* was composed shortly after the saint’s death by one of his clerics who was personally acquainted with the holy bishop. J. Ghesquierus suggested that the author was the deacon Eladius (*MGH* version – Claudius), who also acted as an actor in the text itself [14, p. 47]. However, this remains only in the field of hypothesis, since the nature of our data does not allow us to confirm or deny this version.

The hagiographer began his story of the saint with events that took place no earlier than 517. The author shows himself to be a contemporary of the last years of the saint’s life, so the text could have been composed immediately after the saint’s death around 525. The city of Valence in the 520–530s passed three times under the power of various barbarian kingdoms. At the same time, the negative role of the Burgundian king who sent the holy man into exile suggests that it could hardly have been composed under the rule of his brother, Burgundian king Godomar II (524–534), under

whose authority Valence was in 530–534. Then the *Life* could have been composed either in 524–530, when Valence was part of the Gallic prefecture of the Ostrogothic kingdom, or after 534, when this city finally came under the power of the Frankish kings. The negative image of Sigismund in the text dictates the upper limit of the creation of the *Life*. King Sigismund in the second half of the 6th century had already begun to be venerated as a saint [4, p. 87; 17]. Such a hagiographical text, where Sigismund sends the saint bishops Apollinaris and Avitus into exile, could have been created only before. Then we can conclude that the *Life* is an excellent example of Merovingian hagiography, created in the middle of the 6th century.

A special account should be made of the arguments of B. Krusch, who believed that the *Life* is a Carolingian forgery. In his opinion the author inserted in his text many names contemporary to Apollinaris, borrowing them from the letters of his brother Avitus, the *Life of Caesarius* and the works of Cassiodorus. Then the hagiographer showed considerable erudition, but at the same time, in the opinion of B. Krusch, he placed the island Sardinia in the region of Lyons. B. Krusch believed that the place “Sardinia” was an erroneous borrowing by the author from accounts of African bishops exiled by the Vandals. This is not very consistent with the “erudition” of the author, who was able to flawlessly link names from many Merovingian sources. Furthermore, for the supposed B. Krusch’s “such knowledgeable” Carolingian author, the text of the *Life* itself looks rather primitive. The whole construction built by B. Krusch looks rather contradictory, and the author’s “erudition” is shattered by the Latin grammar he demonstrated. At the same time, such a contradiction did not embarrass B. Krusch. He accused the hagiographer of being familiar with and utilising the works of Avitus of Vienne, Cassiodorus, the *Lives of Caesarius*, and other texts concerning the exile of African bishops. However, his comments regarding the quality of the hagiographer’s Latin are entirely negative. To explain the peculiarities of Latin which he considered anomalous, B. Krusch claimed that the author lacked education or that he was stupid. On the basis of the linguistic peculiarity “revealed” by him, the German researcher tries to present the hagiographer as an uneducated Carolingian

writer instead of a possibly quite ordinary Merovingian author. As A. Kinney has convincingly shown, B. Krusch unreasonably defined Latin of the *Life* as a distinctive feature of Carolingian times. According to A. Kinney, there are no obvious anachronisms in the text, and for linguistic reasons, it cannot be dated to Carolingian times. Taking into account the linguistic features of this text, she herself came to the conclusion that the *Life* was most likely composed “by a Gallic hagiographer who either knew the bureaucratic vocabulary of fifth- and sixth-century bishops intimately or participated in it himself” [10, pp. 160-162]. Then we can conclude that the attacks of B. Krusch on the authenticity of the *Life* from a linguistic point of view are untenable.

Another argument of B. Krusch was that the hagiographer did not include in the text several episodes about the saint known to us, such as his participation in the Council of Epaon in 517. But this does not indicate ignorance of the hagiographer and is due to the nature of the genre of hagiography itself. For example, in *Life of Caesarius*, compiled in the middle of the 6th century, the authors did not mention any council at which the saint was present [16].

According to the logic of B. Krusch, it is necessary to recognise that the *Life* is a falsification because the author pretended to be a contemporary of the events. However, about the purpose of the creation of this falsification German researcher did not dare to give an answer. Apparently, the answer to this question seems not clear. Obviously, the text was created to glorify the saint and his cult. Apollinaris was made a saint shortly after his death, and his veneration on 5 October is already mentioned in the gallic recension of *Martyrologium Hieronymianum*, compiled around 600 [2, p. 218]. The need to preserve the memory of the saint and the development of his cult were the reasons for the creation of the *Life of Apollinaris*.

The cult of Saint Apollinaris was known from many martyrologies, starting with *Martyrologium Hieronymianum*. This indicates that the saint was venerated almost immediately after his death in 524–525. The author did not mention the place of burial of Apollinaris, but according to some documents, he was first buried in the church Saints-Pierre-et-Paul near Valence. According to

the *Lists of the Church of Valence*, Apollinaris' body was moved to the larger church Saint-Stephan in the late 8th century under Bishop Bonitus [2, p. 212]. According to other data, the transfer to Saint-Stephan was made at the time of Bishop Dambertus and it was reported that he was the sixth bishop after Apollinaris. This data does not appear to be reliable; Bishop Dambert is absolutely unknown according to other sources [14, p. 57]. In our opinion, here we are most likely dealing with a corrupted name of Bishop Lambertus, who is also mentioned in *Lists* as the predecessor of Bonitus and the founder of the temple of Saint-Stephan. At the same time, the chronology in *Lists* is clearly broken, because in fact Bishop Bonitus, who was present at the Council in 788, preceded Lambert, who lived already under Louis the Pious (814–840) [2, p. 215, 219]. The contradictions of the extant data do not allow one to speak definitively about the date of the transfer to the church of Saint-Stephan. Apparently, this happened around the second half of the 8th century. Around 1060 the relics of Apollinaris were transferred to the Cathedral church Saint-Apollinaire in Valence. These relics were kept there until they were dispersed in the 16th century by Calvinists [1; 14, p. 58].

Conclusion. All the arguments given by B. Krusch about the Carolingian origin of the *Life of Apollinaris* are untenable. There is no reason not to trust the author, who demonstrated that he was a contemporary of the events. The *Life* was indeed composed shortly after the death of Bishop Apollinaris, which, as shown in this study, occurred around 524–525. The author accompanied Apollinaris on the travel at the end of the saint's life to Arles and Marseilles. Probably the author was the deacon Eladius (Claudius), who is mentioned in the story. The *Life* was composed either immediately after the saint's death in 524–525, but before 530, or after 534, when the kingdom of Burgundy was finally conquered by the Franks. On the other hand, a negative reflection of King Sigismund is incompatible with venerating him as a saint. It allows us to conclude that the author of *Life* did not know about the cult of Saint Sigismund venerated from the end of the 6th century. We must admit that the *Life* is a Merovingian text of the middle of the 6th century, created for the sake of glorifying the cult of the saint, who during his lifetime occupied a significant role in the

hierarchy of the Gallo-Roman nobility of Burgundy and Provence. The creation of this text in the middle of the 6th century allows us to say that the cult of St Apollinaris developed almost immediately after the death of the saint. According to the *Life*, Apollinaris held the episcopal see for 34 years, and we can determine the time of his bishopric as 490/491–524/525.

REFERENCES

1. Aigrain R. Apollinaire. *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*. T. 3. Paris, s.n., 1924, cols. 982-986.
2. Duchesne L. *Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule*. T. 1. Paris, Thorin & Fils, 1894. 386 p.
3. Fox Y. Anxiously Looking Past: Burgundian Foreign Policy on the Eve of the Reconquest. *East and West in the Early Middle Ages*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019, pp. 32-44.
4. Gregorius Turonensis. Gloria Martyrum. Krusch B., ed. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum*. Vol. 1, 2. Hannover, s.n., 1969, pp. 37-111.
5. Heinzelmann M. Gallische Prosopographie, 260-527. Werner K.F., ed. *Francia*. Vol. 10. München, Artemis, 1982, pp. 531-718.
6. James E. *The Merovingian Archaeology of South-West Gaul*. Oxford, British Archaeological Reports, 1977. 547 p.
7. Kasparov A.I. *Galliya pod vlastyu frankskih korolej 511–561* [Gaul Under the Rule of the Frankish Kings 511–561]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2023. 224 p.
8. Kasparov A.I. Zhitie svjatogo episkopa Cezarija [Life of Saint Bishop Caesarius]. Bannikov A.V., Kasparov A.I., Przhigodzkaja O.V., eds. *Rannehristianskie zhitija gallskih svjatyh* [Early Christian Lives of Gallic Saints]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2016, pp. 53-178.
9. Kasparov A., Ward-Perkins B. *The Latin Life of Apollinaris. Cult of Saints, E06687*. Oxford, 2023. URL: <http://csa.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E06687>
10. Kinney A. An Appeal against Editorial Condemnation: A Reevaluation of the Vita Apollinaris Valentinensis. Zimmerl-Panagl V., Dorfbauer L.J., Weidmann C., eds. *Edition und Erforschung lateinischer patristischer Texte*. Berlin, De Gruyter, 2015, pp. 157-177.
11. Labbe P. *Novae bibliothecae manuscript librorum*. T. 2. Paris, apud Sebastianum Cramoisy, 1657. 880 p.
12. Martindale J.R. *The Prosopography of Late Roman Empire*. Vol. 2. Cambridge, Cambridge University Press, 1980. 1342 p.
13. Shanzer D., Wood I. *Avitus of Vienne. Letters and Selected Prose*. Liverpool, Liverpool University Press, 2002. 464 p.
14. Vita Apollinaris. *Acta sanctorum, octobri*. Vol. 3. Antwerpen, s.n., 1770, pp. 45-62.
15. Vita Apollinaris. Krusch B., ed. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. Vol. 3. Berlin, s.n., 1896, pp. 197-203.
16. Vita Caesarii. Krusch B., ed. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. Vol. 3. Berlin, s.n., 1896, pp. 457-501.
17. Vita Sigismundi. Krusch B., ed. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. Vol. 2. Hannover, s.n., 1888, pp. 333-340.
18. Wolfram H. *Goty* [Goths]. Saint Petersburg, Juventa Publ., 2003. 656 p.

Information About the Author

Anton I. Kasparov, Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, Professora Popova St, 14a, 197022 Saint Petersburg, Russian Federation; Candidate for a Degree, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, akdrama@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7567-7626>

Информация об авторе

Антон Игоревич Каспаров, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, ул. Профессора Попова, 14а, 197022 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; соискатель кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, akdrama@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7567-7626>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.3>

UDC 94(410).083
LBC 63.3(4Вел)61-2

Submitted: 04.11.2023
Accepted: 10.01.2024

FORMATION OF THE STATE POLICY OF LABOUR REGULATION IN UNITED KINGDOM DURING THE POST-WAR CRISIS OF 1919–1921

Natalia A. Kruchinina

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article covers the main political discussions on the regulation of relations in the United Kingdom industry during the post-war crisis of 1919–1921. Economic difficulties began in the country already during the First World War and persisted in the post-war years; they provoked mass strikes, which peaked in 1919–1921. *Methods and materials.* The article is based on the materials of government committees and commissions on labour relations. The documents of party conferences, the Trades Union Congress, journalistic works, and statistical and economic studies of the leading political figures of the United Kingdom of this period are used as additional sources. *Analysis.* The problem of labour conflicts and ways to prevent them was one of the central themes of the political discussions of the United Kingdom of the post-war period. Proposals to solve this problem ranged from stimulating a free economy (Conservatives) to nationalising leading industries (Labours). Government commissions dealing with the problems of labour conflicts began to be created already in the last years of the First World War, and in 1917–1919 there were three important commissions devoted to this issue (Barnes, Whitley and Sankey). Of these, the proposals of the Whitley Committee were of the greatest practical importance, on the basis of which the Industrial Court and the system of joint industrial councils were created; they remain in the United Kingdom to this day. *Results.* Most of the proposals of the commissions examining the problems of labour conflicts were ignored by the government of D. Lloyd George, and the system of advisory bodies and industrial courts created on the basis of the proposals of the Whitley Committee, although it proved its effectiveness, did not extend to the leading branches of industry, so that, despite active political discussions, no effective mechanisms for preventing major labour conflicts were created during this period.

Key words: United Kingdom, labour conflicts, strike movement, Sankey Commission, Whitley Committee.

Citation. Kruchinina N.A. Formation of the State Policy of Labour Regulation in United Kingdom During the Post-War Crisis of 1919–1921. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 19-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.3>

УДК 94(410).083
ББК 63.3(4Вел)61-2

Дата поступления статьи: 04.11.2023
Дата принятия статьи: 10.01.2024

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО КРИЗИСА 1919–1921 ГОДОВ

Наталья Александровна Кручинина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются основные политические дискуссии по вопросам регулирования отношений в промышленности Великобритании в период послевоенного кризиса 1919–1921 годов. Экономические трудности начались в стране уже во время Первой мировой войны и сохранялись в послевоенные годы, они провоцировали массовые забастовки, пик которых пришелся на 1919–1921 годы. *Методы и материалы.* Статья основывается на материалах правительственных комитетов и комиссий по

трудовым отношениям. В качестве дополнительных источников привлечены документы партийных конференций, Конгресса тред-юнионов, публицистические работы и статистико-экономические исследования ведущих политических деятелей Великобритании этого периода. *Анализ.* Проблема трудовых конфликтов и способов их предотвращения была одной из центральных тем партийно-политических дискуссий Великобритании послевоенного периода. Предложения по решению этой проблемы варьировались в самом широком диапазоне: от стимулирования свободной экономики (консерваторы) до национализации ведущих отраслей промышленности (лейбористы). Правительственные комиссии, рассматривавшие проблемы трудовых конфликтов, стали создаваться ближе к концу Первой мировой войны, и в 1917–1919 гг. работали три важных комиссии, посвященных этому вопросу (Барнса, Уитли и Сэнки). Из них наибольшее практическое значение имели предложения комитета Уитли, на основе которых были созданы Промышленный суд и система объединенных промышленных советов, сохраняющиеся в Великобритании до наших дней. *Результаты.* Большинство предложений комиссий, рассматривавших проблемы трудовых конфликтов, правительство Д. Ллойд Джорджа оставило без внимания, а система консультативных органов и промышленных судов, созданная на основе предложений комитета Уитли, хотя и показала свою эффективность, не распространилась на ведущие отрасли промышленности, так что, несмотря на активные политические дискуссии, никаких эффективных механизмов по предотвращению крупных трудовых конфликтов в этот период создано не было.

Ключевые слова: Великобритания, трудовые конфликты, забастовочное движение, комиссия Сэнки, комитет Уитли.

Цитирование. Кручинина Н. А. Формирование основ политики государственного регулирования трудовых отношений в Великобритании в период послевоенного кризиса 1919–1921 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 19–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.3>

Введение. Экономические трудности периода Первой мировой войны заставляли британское правительство, как и правительства всех других стран-участниц, предпринимать меры по регулированию экономики с целью эффективной организации военного производства и преодоления последствий разрыва традиционных торговых и экономических связей. Одновременно принимались меры по регулированию трудовых отношений. В том числе, например, акты о производстве вооружений 1915 и 1917 гг. (Munitions of War Act 1915, 5 & 6 Geo. 5. с. 54; Munitions of War Act 1917, 7 & 8 Geo. 5. с. 45) регулировали размер заработной платы, продолжительность рабочего дня, условия приема и увольнения с работы. Эти же законы запрещали стачки и локауты, а вместо них вводили обязательный государственный арбитраж трудовых конфликтов. Во время войны эти меры продемонстрировали свою эффективность, но политическая элита Великобритании в большинстве своем рассматривала их тогда как чрезвычайные, а потому временные и подлежащие отмене после войны.

Однако после войны социально-экономическая ситуация оставалась сложной. Реализация отложенного спроса, поставки товаров в Европу обеспечили британской экономике

рост в 1919–1920 гг., но уже в 1921 г. начался заметный спад. Высокие налоги, относительная техническая отсталость британской промышленности, недостаток инвестиций, внешняя конкуренция тормозили рост экономики и раскручивали инфляцию. Проблема инфляции существовала уже во время войны: в 1917 г. инфляция (для потребительских цен) составила 23 %. После войны она несколько снизилась, составив в 1919 г. 9,5 %, но отмена Д. Ллойд Джорджем в том же году официальной привязки курса фунта стерлингов к доллару увеличила инфляцию на следующий год до 13 % [11, р. 441]. Безработица (среди членов профсоюзов) в 1919 и 1920 гг. составляла 2,4 %, но резко увеличилась в 1921 г. – до 14,8 % [9, р. 424].

Социально-экономические проблемы приводили к росту активности рабочего движения и количества трудовых конфликтов. В 1919 г. число членов профсоюзов составляло 6,5 млн, достигло своего пика в 1921 г. (8,3 млн) и начало снижаться в 1922 г. (6,6 млн) [11, р. 410]. Все эти годы шли забастовки шахтеров, железнодорожников, рабочих текстильной, машиностроительной, судостроительной промышленности. Общее количество забастовок в стране составило 1352 в 1919 г. (в них приняли участие 2,6 млн чел.), 1607 забастовок в

1920 г. (1,9 млн чел.) и 763 – в 1921 г. (1,8 млн чел.). В 1922 г. забастовочное движение резко пошло на спад: в стачках этого года участвовало только чуть больше полумиллиона человек [11, р. 426].

Целью статьи является изучение процесса выработки подходов к регулированию отношений труда и капитала в период послевоенного кризиса 1919–1921 гг. в Великобритании. Этот период, хоть и краткий, интересен тем, что теперь при разработке проектов совершенствования трудового законодательства не просто ставилась задача ликвидации рабочего недовольства и преодоления трудовых конфликтов, как это было в конце XIX – начале XX в., но и учитывался опыт регулирования, появившийся во время Первой мировой войны. В историографии эта проблематика не получила специального освещения, хотя тема политики в отношении трудовых конфликтов в послевоенный период всегда затрагивалась в работах общего характера, посвященных истории профсоюзного движения [19; 31] и предыстории «государства благоденствия» [15; 17; 35]. В последние годы в зарубежной историографии проблема трудовых отношений 1920-х гг. упоминается как предыстория в контексте исследований современного трудового законодательства [16; 18] или рассматривается достаточно подробно на уровне микроистории на примере отдельных городов и районов [10]. В отечественной историографии эти вопросы также либо просто упоминались [3; 4], либо исследовались отдельные частные аспекты темы [1].

Методы и материалы. Статья основывается на традиционных подходах и методах исторического исследования (историко-сравнительном, историко-системном), которые позволяют выявить наиболее значимые проекты регулирования трудовых отношений рассматриваемого периода, проанализировать историю их возникновения и проблемы их реализации. Главным источником в данном исследовании стали публикации отчетов правительственных комитетов и комиссий по трудовым отношениям (комиссии Барнса, комитета Уитли, комиссии Сэнки) [12; 14; 27–30; 36]. В качестве дополнительных источников привлечены материалы партийных конференций и Конгресса тред-юнионов [7; 22; 23; 33;

38], мемуары, дневники [5; 6], публицистические работы и статистико-экономические исследования [8; 9; 13; 24; 32; 39] ведущих политических деятелей Великобритании этого периода.

Анализ. Среди ведущих британских партий не было единства в оценке причин трудовых конфликтов и способов их преодоления. Консерваторы считали главной причиной недовольства рабочих инфляцию и сокращение заработной платы [6, р. 216]. Совет Национальной юнионистской ассоциации (объединения местных консервативных организаций) на ежегодной конференции 10 июня 1920 г. в Бирмингеме (первой послевоенной конференции ассоциации) в своем обращении к делегатам совсем не склонен был недооценивать рабочее движение и популярность лозунга национализации, считая даже, что вопрос о национализации станет одним из важнейших на следующих парламентских выборах. При этом совет отмечал, что для решения проблемы инфляции и роста стоимости жизни нужны меры экономического характера, направленные на расширение производства, а радикальные призывы к социализму и национализации только создают угрозу индивидуальному предпринимательству и подрывают основы демократии и процветания. Эндрю Бонар Лоу, лидер Консервативной партии, обращаясь к делегатам этой конференции, говорил в основном о сокращении правительственных расходов, регулировании налоговых и кредитных ставок, восстановлении мировой торговли, лишь кратко упомянув, что не может быть никаких уступок тем, кто наступает на сам принцип индивидуальной предпринимательской инициативы [7].

Либеральная партия, напротив, стремилась к переменам и активно включилась в процесс выработки новой политики в сфере экономики и трудовых отношений. В региональных отделениях Национальной либеральной федерации (НЛФ) создавались комитеты для обсуждения этого вопроса, но особенно активно действовала в этом направлении либеральная федерация Манчестера. Высказанные там идеи были систематизированы в 1920 г. Рэмси Мьюром, профессором новой истории университета Манчестера, одним из ведущих либеральных теоретиков межвоенного

периода и активным членом манчестерской либеральной федерации, в работе «Либерализм и промышленность: навстречу лучшему социальному порядку».

Признавая, что права рабочих должны быть защищены, а условия их труда и жизни – существенно улучшены, Мьюр видел решение этой задачи в создании системы сотрудничества между основными участниками экономических отношений – менеджерами, работниками, владельцами капитала, потребителями и государством, представляющим интересы общества в целом. Взяв за основу рекомендации комитета Уитли, Мьюр предлагал создать в каждой отрасли постоянные производственные советы (industrial councils), состоящие из представителей тред-юнионов, менеджеров и владельцев предприятий. Советы должны иметь право регулировать все вопросы, связанные с условиями труда работников данной отрасли, включая размер минимальной заработной платы и продолжительность рабочего дня. Решения советов должны направляться в Министерство труда и с его помощью становиться основой законодательных актов, обязательных для конкретной отрасли и устанавливающих минимальные требования ко всем ее предприятиям [32, р. 70–94].

Ежегодное собрание совета НЛФ 26 ноября 1920 г. постановило, в том числе, создать специальный комитет по выработке нового социально-экономического курса партии. Итоговые резолюции по этому вопросу были приняты на заседании генерального комитета НЛФ 24 и 25 февраля 1921 г. и утверждены ежегодной конференцией НЛФ 24 и 25 ноября 1921 г. в Ньюкасле. В целом эти резолюции повторяли предложения Мьюра и манчестерской либеральной федерации, придавая им теперь официальный характер. В частности, там указывалось, что «парламентом должен быть учрежден Национальный производственный совет, состоящий из представителей работодателей, рабочих, служащих и общественности, что Национальный производственный совет должен рассматривать и давать рекомендации по вопросам, касающимся общих проблем производства, увеличения производительности, пропорционального вознаграждения труда» [33, р. 22]. Национальный

производственный совет понимался как посредник между производственными советами разных отраслей и между производственными советами и министерствами торговли и труда. В его же обязанности входило регулирование условий труда, продолжительности рабочего времени и ставок заработной платы.

Лейбористская партия, конечно, также активно обсуждала проблему трудовых конфликтов, но она делала акцент на изменении самой системы управления промышленными предприятиями, хотя варианты новой организации экономики предлагались разные. Национализация рассматривалась лейбористами как один из вариантов. В частности, 20-я ежегодная конференция Лейбористской партии в Скарборо, проходившая 22–25 июня 1920 г., единогласно одобрила резолюцию с требованием национализации угольной промышленности. В резолюции было отмечено, что только национализация позволит создать такую систему управления отраслью, которая будет в равной степени учитывать интересы производителей, потребителей и государства [23, р. 177]. Но вопрос о распространении принципа национализации на другие отрасли промышленности на конференции не поднимался.

Одним из делегатов этой конференции, голосовавшим за резолюцию о национализации, был будущий премьер-министр Рэмси Макдональд. В сентябре 1920 г. он выпустил книгу «Стратегия для Лейбористской партии», где более подробно разбирал вопрос о национализации. Он считал последнюю эффективным способом решения трудовых конфликтов, но нигде не упоминал о всеобщей национализации, рассматривая ее только применительно к отдельным отраслям – угледобывающей, хлопчатобумажной, железным дорогам. Кроме того, переход отдельных отраслей промышленности в государственную собственность не означал для него создания системы государственного управления этой промышленностью. На примере угольной промышленности он выстраивает иерархическую систему управления начиная от шахтных комитетов и заканчивая национальным департаментом, решающим проблемы отрасли в целом. Членами этих управляющих органов, подчеркивает Макдональд, должны быть не назна-

ченные государством чиновники, а представители шахтеров, шахтных менеджеров, потребителей и государства как собственника шахт [24, p. 77–97].

Еще одним делегатом конференции в Скарборо, также голосовавшим за резолюцию о национализации, был Сидней Уэбб – один из ведущих лейбористских теоретиков того периода. В ноябре 1920 г. он выпустил небольшую брошюру «Причины рабочего недовольства», где прямо утверждал, что главным способом преодоления трудовых конфликтов является изменение системы управления промышленностью. Идеалом Уэбба была промышленная демократия – система, в которой все участники производственного процесса – владельцы, акционеры, менеджеры, рабочие – вместе принимают решения в коллективных управленческих органах. При этом формы собственности предприятий могут быть разнообразными: собственность может быть национализированной, муниципальной, кооперативной и даже частной, – гораздо важнее создать эффективную систему управления, которая будет учитывать интересы всех работников и общества в целом [39, p. 11–15].

Наконец, еще один вариант организации управления экономикой предлагали гильдейские социалисты. Их признанный лидер Джордж Дуглас Говард Коул, журналист и член Фабианского общества, в октябре 1920 г. издал книгу «Гильдейский социализм: новое прочтение» [2; 13], в которой старался обосновать и объяснить гильдейскую модель социализма. В его интерпретации гильдейская система была универсальной формой организации экономики в виде централизованной системы значительного количества самоуправляющихся предприятий и отраслей, подчиняющихся Конгрессу промышленных гильдий и управляющихся посредством демократической системы выборов руководителей всех уровней и коллективного принятия решений. Коул считал, что гильдейская система может быть реализована в любой отрасли экономики, тем не менее присоединение к национальной гильдейской системе рассматривалось им как добровольное [13, p. 42–77].

На правительственном уровне проблема трудовых конфликтов стала изучаться еще во время войны. 12 июня 1917 г. Д. Ллойд Джордж

назначил Комиссию по расследованию беспорядков в промышленности под руководством бывшего лидера Лейбористской партии, а теперь министра пенсионного обеспечения Джорджа Николла Барнса. Комиссия в составе двадцати четырех человек (не считая председателя) была разделена на восемь групп, каждая из которых изучала ситуацию в определенном регионе Великобритании от Шотландии до юга Англии. В том числе в состав комиссии вошли члены парламента председатель Национального союза неквалифицированных рабочих, будущий лидер Лейбористской партии Джон Роберт Клайнс, либералы, чиновники Министерства снабжения сэр Морис Леви и сэр Джордж Маркс. Каждая из восьми групп подготовила свой доклад, а 17 июля 1917 г. комиссия представила премьер-министру сводный итоговый доклад.

Отмечая, что причины недовольства рабочих отличаются в разных регионах Великобритании, комиссия выделяет и общие причины, причем большинство из них были следствием продолжающейся войны. Важнейшей причиной рабочих беспорядков комиссия называет отставание роста заработной платы от роста стоимости жизни и дефицит продуктов питания в результате неравномерного их распределения. В качестве других причин комиссия отмечала недовольство актами о производстве вооружений, которые препятствовали квалифицированным рабочим по своему желанию менять место работы, вынуждая их работать за сравнительно низкую заработную плату (в результате чего образовались явные диспропорции в определении размера заработной платы, когда неквалифицированные рабочие в некоторых случаях получали больше квалифицированных); злоупотребления при выдаче свидетельств, освобождающих от обязательной военной службы; нехватку жилья и даже ограничения в употреблении спиртных напитков.

Рекомендации комиссии Барнса были вполне практическими: снизить цены на продукты питания, повысить заработную плату, особенно для сельскохозяйственных рабочих, повысить размеры страховых выплат за несчастные случаи на производстве, улучшить снабжение продовольствием и спиртными напитками. Но наравне с этим доклад Барнса

содержит еще один любопытный пункт, а именно он указывает на еще одну причину рабочего недовольства, не перечисляя ее, правда, в списке основных: рабочие считают, что условия их труда и их судьбы определяются некими властными органами, на которые они не имеют никакого влияния. И поэтому комиссия рекомендовала реализовать на практике предложения комитета Уитли [14, р. 3–8].

Комитет Уитли имел более сложную историю. Еще в марте 1916 г. Г.Г. Асквит назначил Комитет послевоенной реконструкции, который должен был дать рекомендации по проблемам восстановления страны после заключения мира. Первоначально в нем было два подкомитета – один, посвященный вопросам образования, другой – торговли и промышленности [37, р. 249–250]. В октябре Асквит учредил еще один подкомитет – по взаимоотношениям между нанимателями и наемными работниками. Его председателем был назначен председатель комитета путей и средств (то есть заместитель спикера палаты общин) либерал Джон Генри Уитли. В комитет вошли (не считая председателя) двенадцать человек, причем они представляли профсоюзы, организации предпринимателей и научную общественность. Так, членами комиссии, в том числе, были председатель Национального союза неквалифицированных рабочих Джон Роберт Клайнс, председатель совета директоров компании Лондонской и северо-западной железной дороги сэр Гилберт Клотон и профессор политической экономии университета Манчестера Сидней Джон Чапман. Итоговый, пятый по счету, отчет был представлен Уитли 1 июля 1918 года. За это время сменился глава правительства, подкомитет стал комитетом и попал в ведомство учрежденного новым премьером Министерства реконструкции.

В отличие от доклада комиссии Барнса, который в лучшем случае был принят к сведению, доклад комитета Уитли получил достаточно широкую поддержку, и основные его рекомендации были реализованы правительством. Комитет Уитли выдвинул пять основных предложений: создание в каждой отрасли с хорошо развитыми профсоюзными организациями объединенных производственных

советов (joint industrial council), которые состоят из представителей предпринимателей и работников и обсуждают вопросы, связанные с функционированием отрасли в целом; создание на отдельных предприятиях рабочих комитетов из представителей администрации и работников, регулирующих повседневные вопросы условий и эффективности труда; законодательное регулирование заработной платы в отраслях с низким уровнем вовлеченности работников в профсоюзное движение; создание постоянного арбитражного суда для рассмотрения тех случаев трудовых конфликтов, в которых стороны не смогли прийти к соглашению посредством обычной процедуры; предоставление Министерству труда права проведения расследования обстоятельств возникновения трудовых конфликтов [27–30; 36].

Объединенные производственные советы начали создаваться уже с января 1918 г., в то время как комитет Уитли еще продолжал работу [5, р. 470–472]. К концу 1921 г. их было уже 73, в 1940-е гг. их число приближалось к сотне, а некоторые из них сохраняются до наших дней. Система выстраивалась на трех уровнях: отраслевые советы, районные советы и рабочие комитеты на предприятиях. Важным было то, что на всех уровнях советы и комитеты включали представителей владельцев, служащих и рабочих, в отличие, например, от профсоюзов, где владельцы предприятий никогда не были представлены. Система производственных советов не стала универсальной и не охватывала все отрасли промышленности, например, в таких крупных и важных отраслях, как машиностроение, судостроение, металлургия, их не было совсем. Функции их также были различны, не все советы имели право обсуждать вопросы заработной платы [26, р. 23–25]. Но в целом ряде отраслей, в частности на муниципальном транспорте, электроснабжении, керамической промышленности, система стала функционировать успешно, охватив в том числе государственных и муниципальных служащих.

Рекомендации комитета Уитли легли в основу Акта о комиссиях по вопросам заработной платы, получившего королевскую санкцию 8 августа 1918 г. (Trade Boards Act 1918, 8 & 9 Geo. 5. с. 32). Закон 1918 г. вносил по-

правки и конкретизировал аналогичный акт 1909 г. (Trade Boards Act 1909, 9 Edw. 7. с. 22). Законы предоставляли министру труда право создавать комиссии по вопросам заработной платы в тех отраслях, где «не существует эффективных механизмов регулирования заработной платы», причем в каких именно отраслях создавать эти комиссии решал сам министр. Комиссии получали право устанавливать минимальные нормы оплаты труда, дифференцируя их в зависимости от вида работ, времени суток и местности, где располагается предприятие. Закон 1918 г. упрощал процедуру создания комиссий и предоставлял им новые права. До конца 1921 г. было создано 37 новых комиссий и еще чуть больше десяти – в 1920–1930-е годы.

Вторым законом, разработанным на основе рекомендаций комитета Уитли, стал Акт о промышленных судах (Industrial Courts Act 1919, 9 & 10 Geo. 5. с. 69), одобренный королем 20 ноября 1919 г. и дополнивший уже существующий Акт о примирении 1896 г. (Conciliation Act 1896, 59 & 60 Vict. с. 30). Помимо согласительных процедур, применявшихся в отношении трудовых конфликтов по Акту о примирении, Акт о промышленных судах учреждал в качестве постоянно действующего органа Промышленный суд (он сохранился до наших дней, хотя функции его несколько видоизменились [20]), а также предоставлял министру труда право создавать специальные арбитражные (ad hoc boards of arbitration) и следственные комиссии (courts of inquiry). Эта система также стала сразу активно применяться. Уже в 1920 г. из всех трудовых конфликтов, разрешенных при посредничестве Министерства труда, 58 % случаев рассматривал Промышленный суд, 31 % – согласительные комиссии, а оставшиеся 11 % приходились на все другие формы арбитража [25, р. 19].

Вся система консультативных и согласительных органов, созданная по предложениям комитета Уитли, работала достаточно эффективно, но только в тех отраслях, которые реализовали у себя такие формы сотрудничества. Наиболее крупные отрасли как раз работать по предложенным Уитли схемам не хотели, в их числе была и угледобывающая промышленность. Федерация шахтеров

Великобритании была одним из самых крупных и хорошо организованных профсоюзов, объединявшим двадцать региональных отделений. В годы войны управление угольной промышленностью, как и другими стратегическими отраслями, перешло под контроль правительства. Заработная плата шахтеров постепенно росла, но росла и стоимость жизни. Конференция Федерации шахтеров, проходившая в январе 1919 г. в Саутпорте, потребовала от правительства увеличения зарплаты на 30 %, шестичасового рабочего дня и национализации шахт. После неудачных переговоров с правительством шахтеры начали угрожать забастовкой. Д. Ллойд Джордж в ответ предложил созвать комиссию из представителей шахтеров, шахтовладельцев и правительства [8, р. 5–6].

Комиссия была создана специальным актом парламента (Coal Industry Commission Act 1919, 9 & 10 Geo. 5. с. 1), одобренным Георгом V 26 февраля 1919 года. Председателем комиссии был назначен сэр Джон Сэнки – судья отделения Королевской скамьи Высокого суда правосудия. Состав комиссии в течение ее работы несколько менялся, но итоговые доклады подписали двенадцать человек. Четверо были назначены Федерацией шахтеров: председатель федерации Роберт Смайлли, вице-председатель Герберт Смит, генеральный секретарь Фрэнк Ходжес и экономист, лейборист и в недавнем прошлом депутат парламента сэр Лео Чиозза Мани. Еще два члена Фабианского общества вошли в комиссию по соглашению между правительством и федерацией: это были Сидней Уэбб и один из крупнейших социалистических теоретиков Великобритании межвоенного периода преподаватель Лондонской школы экономики Ричард Тоуни. Три человека были назначены в комиссию правительством: Артур Бальфур – консерватор, бывший премьер министр, а теперь министр иностранных дел, сэр Артур Дакем – предприниматель и инженер-химик, работавший во время войны в Министерстве снабжения, и сэр Аллан Смит, консерватор, член парламента и юрист, участвовавший во время войны как представитель правительства в переговорах по трудовым конфликтам. И наконец, три члена комиссии были представителями шахтовладельцев: Эван Уильямс –

председатель Ассоциации владельцев предприятий горнодобывающей промышленности Великобритании, сэр Адам Ниммо – ее вице-председатель и Роберт Уотсон Купер – представитель угледобывающей компании «Саут Мур» [12, р. III].

Согласно обычной процедуре правительственная комиссия, закончив работу, представляет отчет, содержащий рекомендации правительству. Если часть членов комиссии не согласны с мнением ее большинства, они представляют альтернативный отчет – отчет меньшинства. Такая практика менее распространена, но ни в коем случае не является отклонением от нормы. Комиссия Сэнки закончила работу 20 июня 1919 г. и представила четыре отчета.

Первым (в порядке публикации) был отчет председателя комиссии – сэра Джона Сэнки. Сэр Джон, один из выдающихся юристов своего времени, сын мелкого торговца из Глостершира, будущий лорд-канцлер правительства Макдональда, придерживался достаточно левых взглядов. Он высказался за национализацию шахт и прав на разработку угля (с выплатной компенсации владельцам), мотивируя свое решение тем, что уголь является продуктом общественного значения, от которого зависит жизнь и процветание всей страны, поэтому добыча его должна контролироваться государством. Последнее сможет эффективно организовать работу всей отрасли (что показала организация военного производства в период войны), снизить цену на уголь на внутреннем рынке и преодолеть многочисленные технические трудности разработки угольных пластов, с которыми не в состоянии справиться сотни нынешних шахтовладельцев. Управление национализированными шахтами сэр Джон предлагал поручить министерству горнодобывающей промышленности, но под контролем системы советов, состоящих из представителей шахтеров, менеджеров и потребителей. Эти же советы должны будут также решать и возникающие трудовые споры [12, р. IV–XIII].

Вторым был опубликован отчет «шахтерской группы» – Смайлли, Смита, Ходжеза, сэра Лео Чиозза Мани, Уэбба и Тоуни. В целом они согласились с предложениями сэра Джона и уточняли частные вопросы, касав-

шиеся представительства шахтеров в советах и условий разрешения трудовых споров на национализированных шахтах. Однако все представители Федерации шахтеров высказались за то, что право на добычу полезных ископаемых должно перейти к государству без всякой компенсации владельцам [12, р. XIII–XIV].

Третьим следовал отчет шахтовладельцев – Уильямса, Купера и сэра Адама Ниммо, к которым присоединились также Бальфур и сэр Аллан Смит. Они выступили категорически против перехода угледобывающей промышленности в руки государства, именно потому что уголь имеет огромное общественное значение, а государство не в состоянии организовать эффективную работу отрасли. Государственные чиновники не могут брать на себя коммерческие риски и слишком зависимы от политической конъюнктуры. Государству не удастся снизить цены на уголь, а государственная собственность не предотвратит трудовых конфликтов. При этом, не употребляя термина «национализация», авторы доклада рекомендовали переход в собственность государства угольных пластов, что позволит решить многочисленные технические и организационные проблемы их разработки. Они предложили также создание в угольной промышленности системы производственных советов по схеме Уитли с целью решения вопросов заработной платы и условий труда; создание особого государственного горного департамента, в компетенцию которого войдут вопросы технологий и техники безопасности; меры, направленные на решение вопросов жилья и здравоохранения шахтеров [12, р. XIV–XXI].

Четвертый доклад был представлен сэром Артуром Дакемом, считавшим равно неудовлетворительными как частную собственность на шахты, так и национализацию угольной промышленности. Он был согласен с переходом в руки государства (путем выкупа) прав на добычу угля, а сами шахты предлагал объединять по районам в акционерные компании, в советах директоров которых должны присутствовать представители акционеров, шахтеров, менеджмента и государства. Специальные меры предлагались им также по регулированию заработной платы, улучшению

техники безопасности и условий труда шахтеров [12, р. XXII–XXVIII].

Доклады комиссии Сэнки обсуждались очень широко. Федерация шахтеров, Конгресс тред-юнионов и Лейбористская партия поддерживали требование национализации [22, р. 145–146; 38, р. 259–274]. Однако Д. Ллойд Джордж, выступая в августе 1919 г. в палате общин, идею национализации полностью отверг. Правительство поддержало скорее идеи, сформулированные сэром Артуром Дакемом, о реорганизации угледобывающей промышленности, создании районных промышленных объединений, представительства шахтеров в советах директоров, улучшении условий труда и т. п. [34, col. 2006–2008]. Однако против предложений отчета А. Дакема выступили шахтовладельцы, так что и от них Д. Ллойд Джордж к 1920 г. отказался. Горный департамент действительно был создан согласно Акту о горнодобывающей промышленности, одобренному королем 16 августа 1920 г. (Mining Industry Act 1920, 10 & 11 Geo. 5. с. 50), но получил так мало реальных прав, что превратился фактически в статистическое бюро соответствующего профиля [21, р. 377–380].

Два месяца спустя, 29 октября 1920 г., Георг V поставил свою подпись на Акте о чрезвычайных полномочиях (Emergency Powers Act 1920, 10 & 11 Geo. 5. с. 55), который предоставлял монарху право в случае возникновения ситуации (или угрозы возникновения ситуации), приводящей к проблемам с обеспечением населения продовольствием, водой, топливом, освещением или нарушающей работу транспорта, указом в совете объявлять чрезвычайное положение и принимать постановления к ликвидации данной ситуации. Нарушение королевских постановлений при чрезвычайном положении каралось тюремными заключениями или штрафами. Этот закон стал использоваться для борьбы с забастовочным движением.

Результаты. Социально-экономические трудности Великобритании последних лет Первой мировой войны и первых послевоенных лет вывели проблему трудовых конфликтов на одно из первых мест в политической повестке дня. Игнорировать эту проблему не могла ни одна крупная политическая партия, хотя варианты ее решений предлага-

лись самые разные – от создания условий для развития свободной экономики в духе Адама Смита до национализации основных ее отраслей. Правительство также не оставляло эту проблему без внимания. Но из всех правительственных комитетов и комиссий практическое значение имели только рекомендации комитета Уитли, на основе которых была создана система консультативных органов и промышленных судов, достаточно эффективно работавшая в межвоенный период и частично сохранившаяся даже до наших дней. Комиссия Сэнки только активизировала общественные дискуссии вокруг национализации, но к решению настоящих проблем шахтеров и угледобывающей промышленности не привела.

Важнейшим недостатком системы Уитли была ее неуниверсальность. Крупнейшие отрасли британской экономики отказались от ее использования, так что система Уитли, безусловно, способствовала улучшению условий труда и жизни части британских рабочих и смягчению социальной напряженности, но не могла помочь предотвратить крупнейшие трудовые конфликты 1920-х гг. – стачку шахтеров 1921 г. и всеобщую забастовку 1926 года. Карательное законодательство, принимавшееся Д. Ллойд Джорджем одновременно с созданием промышленных судов и согласительных комиссий, могло помочь (и действительно помогало) эффективно управлять страной в период серьезных общественных кризисов, которыми, безусловно, являлись крупнейшие забастовки, но никак не могло предотвратить их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Довженко В. И. Формирование системы промышленных комитетов в Англии: 1918–1921 гг. // Очерки политической истории Великобритании: XIX–XX вв. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. С. 60–72.
2. Коль Г. Гильдейский социализм. М.: Плановое хозяйство, 1925. 134 с.
3. Суслопарова Е. А. Проблема экономического планирования в программных документах британских лейбористов: историческая ретроспектива XX в. // Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем. СПб.: Ассоциация «Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований Институт но-

вого индустриального развития им. С. Ю. Витте», 2021. С. 403–411.

4. Сулопарова Е. А. Ранняя история Лейбористской партии Великобритании в портретах ее деятелей. М.: ООО «МАКС Пресс», 2019. 352 с.

5. Addison C. Four and a Half Years: A Personal Diary from June 1914 to January 1919. In 2 vols. Vol. 2. L.: Hutchinson, 1934. 629 p.

6. Amery L. S. My Political Life. Vol. 2. L.: Hutchinson, 1953. 536 p.

7. Annual Conference Minutes and Report of Central Council to Conference, 1920–1 // Bodleian Libraries. Conservative Party Archive. NUA 2/1/36 – NUA 2/1/37.

8. Arnot R. P. Facts from the Coal Commission. Westminster: The Labour Research Department, 1919. 40 p.

9. Beveridge W. H. Unemployment: A Problem of Industry. N. Y.: AMS Press, 1969. 514 p.

10. Bowie D. Reform and Revolt in the City of Dreaming Spires: Radical, Socialist and Communist Politics in the City of Oxford 1830–1980. L.: University of Westminster Press, 2018. 354 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv9zcyj2n>

11. Butler D., Butler G. British Political Facts. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 625 p.

12. Coal Industry Commission. Reports and Minutes of Evidence. Vol. 2. Cmd. 360. L.: HMSO, 1919. 1219 p.

13. Cole G. D. Guild Socialism: Re-Stated. L.: Leonard Parsons, 1920. 224 p.

14. Commission of Enquiry into Industrial Unrest. Summary of the Reports of Commission. Cd. 8696. L.: HMSO, 1917. 8 p.

15. The Development of the British Welfare State, 1880–1975 / ed. by J. R. Hay. L.: E. Arnold, 1978. 116 p.

16. Enhancing the Right to Strike // Institute of Employment Rights Journal. 2018. Vol. 1, № 1. P. 48–55.

17. Gilbert B. B. British Social Policy: 1914–39. L.: Batsford, 1970. 343 p.

18. Hayes L., Novitz T., Ewing K. Trade Unions and Economic Inequality // Institute of Employment Rights Journal. 2021. Vol. 4. P. 118–141.

19. Howell C. Trade Unions and the State: the Construction of Industrial Relations Institutions in Britain, 1890–2000. Princeton, N. J.; Oxford: Princeton univ. press, 2005. 243 p.

20. Industrial Court. URL: <https://www.industrialcourt.gov.uk/>

21. Kirby M. W. The Politics of State Coercion in Inter-war Britain: The Mines Department of the Board of Trade, 1920–42 // The Historical Journal. 1979. Vol. 22, № 2. P. 373–396.

22. The Labour Party. Report of the 19th Annual Conference Held in Palladium, Southport, on June 25th, 26th and 27th, 1919. L.: The Labour Party, s. a. 242 p.

23. The Labour Party. Report of the 20th Annual Conference Held in the Olympia, Scarborough, on June 22nd, 23rd, 24th and 25th, 1920. L.: The Labour Party, s. a. 224 p.

24. MacDonald J. R. A Policy for the Labour Party. L.: Leonard Parsons, 1920. 188 p.

25. Ministry of Labour. Industrial Relations Department. Report on Conciliation and Arbitration, 1920. L.: HMSO, 1921. 293 p.

26. Ministry of Labour and National Service. Industrial Relations Handbook. An Account of the Organisation of Employers and Workpeople in Great Britain, Collective Bargaining and Joint Negotiation Machinery, Conciliation and Arbitration and Statutory Regulation of Wages in Certain Industries. L.: HMSO, 1944. 260 p.

27. Ministry of Reconstruction. Committee on Relations Between Employers and Employed. Final Report. Cd. 9153. L.: HMSO, 1918. 4 p.

28. Ministry of Reconstruction. Committee on Relations Between Employers and Employed. Report on Conciliation and Arbitration. Cd. 9099. L.: HMSO, 1918. 5 p.

29. Ministry of Reconstruction. Committee on Relations Between Employers and Employed. Supplementary Report on Works Committees. Cd. 9001. L.: HMSO, 1918. 4 p.

30. Ministry of Reconstruction. Committee on Relations Between Employers and Employed. The Second Report. Joint Standing Industrial Councils. Cd. 9002. L.: HMSO, 1918. 7 p.

31. Morgan J. Conflict and Order: The Police and Labour Disputes in England and Wales, 1900–39. Oxford: Clarendon, 1987. 305 p.

32. Muir R. Liberalism and Industry: Towards a Better Social Order. L.: Constable and C^o, 1920. 207 p.

33. National Liberal Federation. Proceedings in Connection with the Thirty-Eighth Annual Meeting of the National Liberal Federation, Held at Newcastle-upon-Tyne, on November 24th and 25th, 1921. L.: The Liberal Publication Department, 1922. 63 p.

34. Parliamentary Debates (House of Commons). 5th series. Vol. 119. L.: HMSO, 1919. 2166 col.

35. Peden G. British Economic and Social Policy: Lloyd George to Margaret Thatcher. Oxford: P. Allan, 1985. 239 p.

36. Reconstruction Committee. Subcommittee on Relations Between Employers and Employed. Interim Report on Joint Standing Industrial Councils. Cd. 8606. L.: HMSO, 1917. 8 p.

37. The Reconstruction Committee and Its Subcommittees // Nature. 1916. Vol. 98, № 2457. P. 249–250.

38. Trades Union Congress. Report of Proceedings at the 51st Annual Trades Union Congress Held in St. Andrew's Hall, Glasgow, on September 8th to 13th,

1919 / ed. by C. W. Bowerman. L.: Co-Operative Printed Society, 1919. 408 p.

39. Webb S. The Root of Labour Unrest: An Address to Employers and Managers. Fabian Tract № 196. L.: Fabian Society, 1920. 15 p.

REFERENCES

1. Dovzhenko V.I. Formirovanie sistemy promyshlennykh komitetov v Anglii: 1918–1921 gg. [Formation of the System of Trade Boards in England: 1918–21]. *Ocherki politicheskoy istorii Velikobritanii: XIX–XX vv.* [Essays on the Political History of Great Britain: 19th – 20th Centuries]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1992, pp. 60-72.

2. Cole G. *Gildejskij socializm* [Guild Socialism]. Moscow, Planovoe hozjajstvo Publ., 1925. 134 p.

3. Susloparova E.A. Problema ekonomicheskogo planirovaniya v programmnykh dokumentah britanskih lejboristov: istoricheskaja retrospektiva 20 v. [Problem of Economic Planning in Policy Documents of British Labour Party: Historical Retrospective of the 20th Century]. *Planirovanie v rynochnoj ekonomike: vospominaniya o budushhem* [Planning in a Market Economy: Memories of the Future]. Saint Petersburg, Assotsiatsiya «Nekommercheskoye partnerstvo po sodeystviyu v provedenii nauchnykh issledovaniy Institut novogo industrialnogo razvitiya im. S. Yu. Vitte», 2021, pp. 403-411.

4. Susloparova E.A. *Rannjaja istorija Lejboristskoj partii Velikobritanii v portretah ee dejatelej* [Early History of the British Labour Party in Biographies]. Moscow, OOO «MAKS Press», 2019. 352 p.

5. Addison C. *Four and a Half Years: A Personal Diary from June 1914 to January 1919. In 2 vols. Vol. 2.* London, Hutchinson, 1934. 629 p.

6. Amery L.S. *My Political Life. Vol. 2.* London, Hutchinson, 1953. 536 p.

7. Annual Conference Minutes and Report of Central Council to Conference, 1920–1. *Bodleian Libraries. Conservative Party Archive.* NUA 2/1/36 – NUA 2/1/37.

8. Arnot R.P. *Facts from the Coal Commission.* Westminster, The Labour Research Department, 1919. 40 p.

9. Beveridge W.H. *Unemployment: A Problem of Industry.* New York, AMS Press, 1969. 514 p.

10. Bowie D. *Reform and Revolt in the City of Dreaming Spires: Radical, Socialist and Communist Politics in the City of Oxford 1830–1980.* London, University of Westminster Press, 2018. 354 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv9zcyj2n>

11. Butler D., Butler G. *British Political Facts.* Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2011. 625 p.

12. *Coal Industry Commission. Reports and Minutes of Evidence. Vol. 2. Cmd. 360.* London, HMSO, 1919. 1219 p.

13. Cole G.D. *Guild Socialism: Re-Stated.* London, Leonard Parsons, 1920. 224 p.

14. *Commission of Enquiry into Industrial Unrest. Summary of the Reports of Commission. Cd. 8696.* London, HMSO, 1917. 8 p.

15. Hay J.R., ed. *The Development of the British Welfare State, 1880–1975.* London, E. Arnold, 1978. 116 p.

16. Enhancing the Right to Strike. *Institute of Employment Rights Journal*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 48-55.

17. Gilbert B.B. *British Social Policy: 1914–39.* London, Batsford, 1970. 343 p.

18. Hayes L., Novitz T., Ewing K. Trade Unions and Economic Inequality. *Institute of Employment Rights Journal*, 2021, vol. 4, pp. 118-141.

19. Howell C. *Trade Unions and the State: the Construction of Industrial Relations Institutions in Britain, 1890–2000.* Princeton, New Jersey; Oxford, Princeton univ. press, 2005. 243 p.

20. *Industrial Court.* URL: <https://www.industrialcourt.gov.uk/>

21. Kirby M.W. The Politics of State Coercion in Inter-War Britain: The Mines Department of the Board of Trade, 1920–42. *The Historical Journal*, 1979, vol. 22, no. 2, pp. 373-396.

22. *The Labour Party. Report of the 19th Annual Conference Held in Palladium, Southport, on June 25th, 26th and 27th, 1919.* London, The Labour Party, s. a. 242 p.

23. *The Labour Party. Report of the 20th Annual Conference Held in the Olympia, Scarborough, on June 22nd, 23rd, 24th and 25th, 1920.* London, The Labour Party, s. a. 224 p.

24. MacDonald J.R. *A Policy for the Labour Party.* London, Leonard Parsons, 1920. 188 p.

25. *Ministry of Labour. Industrial Relations Department. Report on Conciliation and Arbitration, 1920.* London, HMSO, 1921. 293 p.

26. *Ministry of Labour and National Service. Industrial Relations Handbook. An Account of the Organisation of Employers and Workpeople in Great Britain, Collective Bargaining and Joint Negotiation Machinery, Conciliation and Arbitration and Statutory Regulation of Wages in Certain Industries.* London, HMSO, 1944. 260 p.

27. *Ministry of Reconstruction. Committee on Relations Between Employers and Employed. Final Report. Cd. 9153.* London, HMSO, 1918. 4 p.

28. *Ministry of Reconstruction. Committee on Relations Between Employers and Employed. Report on Conciliation and Arbitration. Cd. 9099.* London, HMSO, 1918. 5 p.

29. Ministry of Reconstruction. *Committee on Relations Between Employers and Employed. Supplementary Report on Works Committees. Cd. 9001.* London, HMSO, 1918. 4 p.

30. Ministry of Reconstruction. *Committee on Relations Between Employers and Employed. The Second Report. Joint Standing Industrial Councils. Cd. 9002.* London, HMSO, 1918. 7 p.

31. Morgan J. *Conflict and Order: The Police and Labour Disputes in England and Wales, 1900–39.* Oxford, Clarendon, 1987. 305 p.

32. Muir R. *Liberalism and Industry: Towards a Better Social Order.* London, Constable and Co, 1920. 207 p.

33. National Liberal Federation. *Proceedings in Connection with the Thirty-Eighth Annual Meeting of the National Liberal Federation, Held at Newcastle-upon-Tyne, on November 24th and 25th, 1921.* London, The Liberal Publication Department, 1922. 63 p.

34. *Parliamentary Debates (House of Commons). 5th Series. Vol. 119.* London, HMSO, 1919. 2166 col.

35. Peden G. *British Economic and Social Policy: Lloyd George to Margaret Thatcher.* Oxford, P. Allan, 1985. 239 p.

36. Reconstruction Committee. *Subcommittee on Relations Between Employers and Employed. Interim Report on Joint Standing Industrial Councils. Cd. 8606.* London, HMSO, 1917. 8 p.

37. The Reconstruction Committee and Its Sub-committees. *Nature*, 1916, vol. 98, no. 2457, pp. 249-250.

38. Bowerman C.W., ed. *Trades Union Congress. Report of Proceedings at the 51st Annual Trades Union Congress Held in St. Andrew's Hall, Glasgow, on September 8th to 13th, 1919.* London, Co-Operative Printed Society, 1919. 408 p.

39. Webb S. *The Root of Labour Unrest: an Address to Employers and Managers. Fabian Tract No. 196.* London, Fabian Society, 1920. 15 p.

Information About the Author

Natalia A. Kruchinina, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, kruchinina1832@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6866-9454>

Информация об авторе

Наталья Александровна Кручинина, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, kruchinina1832@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6866-9454>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.4>

UDC 94:930.2(597)«16/17»
LBC 63.3(5Вье)4

Submitted: 18.06.2024
Accepted: 15.02.2025

FAUNA AND FLORA IN VIETNAM DURING THE 17th AND 18th CENTURIES THROUGH HISTORICAL MATERIALS OF WESTERNERS

Anh Thuan Truong

University of Danang, University of Science and Education, Danang, Vietnam

Van Minh Vo

University of Danang, University of Science and Education, Danang, Vietnam

Abstract. *Introduction.* The article systematically studies animals and plants in Vietnam, which were mentioned in historical materials by Westerners who have been present in Vietnam or were interested in researching this country during the 17th and 18th centuries. Based on the analysis of the advantages and limitations of historical materials records by Westerners during this period, the authors of the article aim to initially restore a piece of natural conditions in particular, as well as the overall picture of the country and people of Vietnam in general during the 17th and 18th centuries. *Methods and materials.* The authors combine the two main research methods: comparison and collating. To complete the research of the content in the article, the authors used original historical materials, including reports, letters, travel diaries, works, etc., of Western missionaries, traders, travelers, and researchers who operated in Vietnam or were interested in researching this country during the 17th and 18th centuries. *Analysis.* In the 17th and 18th centuries, to preach the Gospel, trade, travel, and research, Westerners set foot in Vietnam or were interested in studying this country. During that process, many aspects of the country and people of Vietnam were recorded in their reports, letters, travel diaries, works, etc. Among them, natural conditions in general and Vietnam's animals and plants in particular are also the content that attracts the attention of Westerners. That is an essential premise for the article's author to conduct research and provide a statistical table of animals and plants in Vietnam during the 17th and 18th centuries. On that basis, the author analyzes and highlights the accurate and detailed description while clarifying some non-incompatibilities and shortcomings when comparing and collating historical materials recorded by Westerners about several specific animals or plants. All of the above work is aimed at evaluating as objectively and accurately as possible the value of historical materials recorded by Europeans in conveying the image of the country and people of Vietnam who came to the Western world during the 17th and 18th centuries. *Results.* The article has provided researchers and readers with an overview of the animal and plant species mentioned in historical documents recorded by Westerners during the 17th and 18th centuries through the creation of statistical tables and analysis of data from those statistical tables. Based on the analysis of the advantages and limitations of these historical documents, the article's authors initially affirm their significance in partially restoring the appearance of the system of animals and plants in Vietnam during this period. *Authors' contribution.* Truong Anh Thuan searched and collected historical materials recorded by Westerners during the 17th and 18th centuries related to Vietnam's flora and fauna and formed the article's main contents. The author analyzes the advantages and limitations of these historical materials, thereby affirming their value in initially restoring the picture of Vietnam's flora and fauna in the 17th and 18th centuries from the perspective of history and bibliology research. Vo Van Minh conducted statistics and classification and created statistical tables on Vietnam's flora and fauna mentioned in historical materials recorded by Westerners during the 17th and 18th centuries. He analyzed data from those statistical tables as a basis for making scientific judgments and assessments presented in the article.

Key words: Vietnam, fauna, flora, Westerners, historical materials.

Citation. Truong Anh Thuan, Vo Van Minh. Fauna and Flora in Vietnam During the 17th and 18th Centuries Through Historical Materials of Westerners. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.4>

УДК 94:930.2(597)«16/17»
ББК 63.3(5Вье)4

Дата поступления статьи: 18.06.2024
Дата принятия статьи: 15.02.2025

ФАУНА И ФЛОРА ВЬЕТНАМА XVII–XVIII вв. В ЗАПИСКАХ ЗАПАДНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Анх Тхуан Труонг

Университет Дананга, Университет науки и образования, г. Дананг, Вьетнам

Ван Минь Во

Университет Дананга, Университет науки и образования, г. Дананг, Вьетнам

Аннотация. *Введение.* В статье систематизированы животные и растения Вьетнама, которые упоминались в исторических материалах западных путешественников, посетивших Вьетнам в XVII и XVIII веках. На основе анализа преимуществ и недостатков исторических материалов, записанных путешественниками в этот период, авторы статьи ставят своей целью реконструировать отдельные стороны природных условий Вьетнама в XVII и XVIII вв., а также представление о стране и народе Вьетнама в этот период. *Методы и материалы.* Авторы сочетают два основных метода исследования – сравнение и сопоставление. Для полноты исследования содержания статьи авторы использовали оригинальные исторические материалы, включая отчеты, письма, путевые дневники, труды и т. д. западных миссионеров, торговцев, путешественников и исследователей, посетивших страну в XVII и XVIII веках. *Анализ.* В XVII и XVIII вв. для проповедования Евангелия, торговли, путешествий и исследований западные путешественники появились на территории Вьетнама. В ходе своего продвижения они зафиксировали в своих отчетах, письмах, путевых дневниках, работах многие аспекты жизни страны и народа Вьетнама. Особое внимание они уделяли описанию природных условий, животных и растений Вьетнама. На основе этих материалов авторы анализируют и выделяют точное и подробное описание, одновременно разъясняя некоторые несоответствия и недостатки при сравнении и сопоставлении исторических материалов, записанных западными путешественниками о нескольких конкретных животных и растениях. *Результаты.* В статье представлен обзор видов животных и растений, упомянутых в исторических документах, посредством создания статистических таблиц и анализа данных из этих статистических таблиц. На основе анализа преимуществ и недостатков этих исторических документов авторы статьи изначально утверждают их значимость для частичного восстановления внешнего вида системы животных и растений во Вьетнаме в этот период. *Вклад авторов.* Анх Тхуан Труонг осуществил поиск и анализ исторических материалов, сформулировал основное содержание статьи. Ван Минь Во провел классификацию и анализ полученных данных, составил статистические таблицы.

Ключевые слова: Вьетнам, фауна, флора, западные путешественники, исторические материалы.

Цитирование. Труонг Анх Тхуан, Ван Минь Во. Фауна и флора Вьетнама XVII–XVIII вв. в записках западных путешественников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 31–42. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.4>

Introduction. The 17th and 18th centuries are considered the period that laid the foundation for exchange relationships in many fields between Vietnam and the West until today. During this time, to spread the Gospel, trade, travel, and research to satisfy the passion for discovering new things brought from a distant kingdom in the Far East that had not previously been known, some Westerners from different social components

(missionaries, traders, travelers, and researchers) have set foot in Vietnam or are interested in investigating this country. While living and operating in different areas of Vietnam, Westerners have recorded things they have “seen and heard” or feelings and understandings drawn from their experiences in reports, letters, travel diaries, and works. In particular, Vietnam’s animals and plants are some of the contents that

receive their attention. These historical materials helped Western readers understand animals and plants in Vietnam during the 17th and 18th centuries.

Methods and materials. When conducting research on this issue, the author relies entirely on original historical materials, including reports, letters, travel diaries, writings, etc., of Western missionaries [1; 2; 5; 9; 11; 12; 14; 15; 18], traders [3], travelers [4; 6; 7; 17], and researchers [8; 16] who have operated in Vietnam or were interested in researching this country in the 17th and 18th centuries and whose descriptions were vividly intuitive, not too in-depth (sometimes even confused or wrong) because they were not professional animal and plant researchers or did not have in-depth knowledge about this field. The authors use comparison and collating methods to “restore” pictures of animals and plants in Vietnam during the 17th and 18th centuries, mentioned by Westerners in their historical materials, thereby clearly analyzing the characteristics, advantages, limitations, and meaning of those documents. In processing historical materials, the authors also use analysis and synthesis to provide accurate scientific data and arguments to serve the process of researching this issue.

Analysis. When researching Vietnam’s animals and plants in the 17th and 18th centuries, it would be a big mistake if scholars did not use historical materials from Westerners who had presented in Vietnam or were interested in researching this country during this period. Based on the collection, selection, collation, and comparison of the above historical materials, the authors of the article have created a statistical table to help researchers and readers have a relatively general and comprehensive overview of plants and animals in Vietnam mentioned in historical materials compiled by Westerners during the 17th and 18th centuries.

From the above statistical table, it can be seen that in historical materials compiled during the 17th and 18th centuries by eight missionaries (Christoforo Borri, Giuliano Baldinotti, Alexandre de Rhodes, Joseph Tissanier, Giovanni Filippo de Marini, Jean Koffler, Nuntius de Horta, and an unknown missionary operated in Tonkin in the second half of the 18th century), one merchant (Samuel Baron), three travelers (William Dampier, Jean-Baptiste Tavernier, John Barrow), and two

researchers (Jean-Baptiste Gabriel Alexandre Grosier, Alexis Marie de Rochon) who operated in Vietnam or were interested in researching this country at that time, directly or indirectly mentioned 82 plants and 73 animals vegetating in the Cochinchina (South of the Gianh River) and Tonkin areas (Vietnam). Based on research on the similarities in biological characteristics or functions and utilities of these 81 plant species in Vietnamese lives during the 17th and 18th centuries, the author divided them into six main groups. The first is the fruit trees group with 26 species. The second is the group of food crops with 23 species. Third is the group of woody plants with nine species. Fourth is the group of aromatic and medicinal plants with 12 species. Fifth is the group of flowers with four species. The last eight plant species (see Table 1) do not belong to the above groups, so they are classified in group six (miscellaneous). Meanwhile, based on origin and growth environment, 74 animal species are divided into two main groups: wild animals with 59 species and domesticated animals with 14 species. However, based on the evolutionary sequence, morphological characteristics, and anatomical structure of animals, researchers can classify 73 animals in Vietnam recorded by Westerners in their historical materials during the 17th and 18th centuries into mollusks (eight species), crustaceans (five species), insects (six species), fishes (two species), amphibians (two species), reptiles (five species), birds (21 species), and mammals (24 species).

Indeed, the flora and fauna of Vietnam in the 17th and 18th centuries could not stop at the 82 plant species and 73 animal species mentioned above, if not many times larger, precisely as we understand them today [13, p. 1]. So why did the historical materials of Western missionaries, traders, travelers, and researchers at that time only mention such a modest number of animals and plants in Vietnam? It must be emphasized that 82 plant species and 73 animal species in Table 1 were mentioned in personal letters, works, reports of missionaries and traders from Europe, or in diaries of travelers and historical materials that provide an overview of a particular area in Vietnam by Western researchers at that time. That shows that from the beginning, animals and plants were not the main subjects reflected

Table 1. Vietnam's plants and animals in the historical materials of Westerners during the 17th and 18th centuries

	Plants (the amount of described species)	Historical materials of Westerners		Animals	
Fruit trees (26)	Jack-tree	[5, p. 292; 14, p. 66; 15, p. 49; 3, p. 661]	[3, p. 659; 12, p. 48; 8, p. 219; 9, p. 581]	Antelope	Wild animals (59)
	Miengou tree	[8, p. 203; 11, p. 575]	[3, p. 661; 5, p. 290; 17, p. 180]	Mice	
	Durian	[5, p. 293]	[5, p. 295; 12, p. 48; 17, p. 179; 6, p. 577; 8, p. 219; 18, p. 93; 11, p. 574]	Deer	
	Pineapple	[5, pp. 293-294; 15, p. 49; 14, pp. 66-67; 16, p. 299; 17, p. 178; 6, p. 575, 594; 8, p. 217; 4, p. 315; 3, p. 662; 9, p. 581]	[12, p. 48; 8, p. 218, 220; 18, p. 93; 17, p. 179; 16, p. 296; 9, p. 581; 2, p. 278, 280; 11, p. 574]	Tiger	
	Areca	[5, p. 294; 3, p. 660; 16, p. 299; 17, p. 175; 4, p. 315]	[5, p. 295; 12, p. 48]	Wild Boar	
	Vine	[8, p. 218; 5, p. 292, 295]	[12, p. 48; 8, p. 218; 18, p. 93; 11, p. 574]	Bear	
	Fig tree	[5, p. 295; 15, pp. 49-51; 3, p. 660; 18, p. 93; 8, p. 217; 17, p. 176; 11, p. 573]	[5, pp. 301-306; 15, pp. 51-52; 12, p. 48; 1, p. 75; 17, p. 180; 6, p. 577; 8, p. 218, p. 220; 16, p. 296; 9, p. 581; 2, p. 278; 11, p. 574]	Elephant	
	Pear	[15, p. 49]	[5, pp. 306-307; 15, p. 53; 12, p. 48; 8, p. 220; 9, p. 581]	Rhino	
	Carambola	[15, p. 49]	[15, pp. 53-54; [12, pp. 48-49]	Wild cat	
	Mango	[15, p. 49; 16, p. 299; 6, p. 575]	[12, pp. 48-49]	Wolve	
	Lychee	[15, pp. 49-50; 3, p. 661; 6, p. 576; 4, p. 315]	[9, p. 581]	Wild goat	
	Orange	[3, p. 660; 17, p. 175, p. 178; 14, p. 67; 5, pp. 290-291; 16, p. 299; 6, p. 575, p. 594; 4, p. 315; 8, p. 217; 18, p. 92; 9, p. 581; 11, p. 573]	[12, pp. 48-49; 6, p. 577; 8, p. 219]	Rabbit	
	Tangerine	[6, p. 576]	[12, p. 49; 17, p. 179; 8, p. 218; 11, p. 574]	Monkey	
	Coconut	[3, p. 660; 18, p. 175; [6, p. 576]	[17, pp. 176-177]	Bat	
	Guava	[3, p. 660; 15, p. 50; 17, p. 175; 6, p. 575; 4, p. 315]	[6, p. 561]	Porpoise	
	Papaya	[3, p. 660; 17, p. 175]	[15, p. 48; 3, p. 661; 5, p. 297; 17, pp. 177-178; 8, p. 225]	Swiftlet	
Jamboger	[17, p. 175]	[5, p. 295]	Wild chicken		

Continuation of Table 1

	Plants (the amount of described species)	Historical materials of Westerners		Animals
	Banana	[3, p. 660; 5, p. 291; 6, p. 575; 4, p. 315]	[5, p. 295]	Crane
	Longan	[3, p. 661; 15, p. 50]	[5, p. 295; 6, p. 578; 17, p. 179]	Turtle- dove
	Sugar apple tree	[3, p. 661]	[8, p. 219; 11, p. 574]	Goldfinch
	Pomпельmo tree	[3, p. 661]	[8, p. 219; 11, p. 574]	Ho-kien bird
	Plum tree	[3, p. 661]	[8, p. 219; 9, p. 581]	Peacock
	Citron	[3, p. 662; 11, p. 573]	[8, p. 219; 9, p. 581]	Pheasant
	Lime	[16, p. 299; 17, p. 178; 6, p. 575, p. 594; 18, p. 92]	[6, p. 578]	Parrot
	Melon	[6, p. 575, p. 594; 5, p. 292; 14, p. 67; 4, p. 316]	[6, p. 578]	Partridge
	Pomegranate	[4, p. 315]	[6, p. 578]	Parakite
Grain and vegetable crops (23)	Rice	[15, pp. 47-48; 3, p. 660; 17, p. 174; 16, p. 299; 5, p. 290; 11, p. 573]	[6, p. 578]	Wild duck
	Millet	[9, p. 580]	[6, p. 578]	Widgeon
	Bean	[9, p. 580]	[6, p. 578]	Teal
	Maize	[9, p. 580]	[6, p. 578]	Pellican
	Sweet potato	[6, p. 574; 4, p. 315]	[6, p. 578]	Heron
	Yam	[4, p. 315; 9, p. 580]	[18, p. 94]	Quail
	Potato	[6, p. 574; 9, p. 580]	[3, p. 662; 17, p. 34, 178; 6, p. 561]	Turtle
	Chicory	[5, p. 295]	[6, p. 579]	Sea turtle
	Lettuce	[5, p. 295]	[6, p. 577]	Lizard
	Purslain	[6, p. 575]	[5, p. 297]	Chame- leon
	Water morning glory	[6, p. 575]	[6, p. 577]	Snake
	Onion	[6, p. 575]	[6, p. 577]	Toad
	Plantain	[6, p. 575]	[6, p. 577; 4, p. 312]	Frog
	Cabbage	[5, p. 295]	[4, p. 312]	Balistes (fish)
	Pumpkin	[6, p. 575, p. 594; 5, p. 295]	[4, p. 312]	Chétodons (fish)
	Fuci (algae or seaweed)	[4, pp. 313-314]	[6, p. 578]	Crawfish
	Ulvae (algae or seaweed)	[4, pp. 313-314]	[6, p. 578]	Shrimp
	Salicornia (aquatic vegetable)	[4, p. 314]	[6, p. 578]	Prawn
	Aremaria (aquatic vegetable)	[4, p. 314]	[6, p. 578]	Sea crab
	Crithmum (aquatic vegetable)	[4, p. 314]	[6, p. 578]	Land crab

Continuation of Table 1

	Plants (the amount of described species)	Historical materials of Westerners		Animals	
	Maritium (aquatic vegetable)	[4, p. 314]	[4, p. 312]	Sea cucumber (Biches de Mer)	
	Samphire (aquatic vegetable)	[4, p. 314]	[4, p. 312]	Médues (mollusk)	
	Cane	[5, p. 295; 8, p. 216; 3, p. 662; 9, p. 580]	[4, p. 312]	Holoturies (mollusk)	
Woody plants (9)	Banyan tree	[3, p. 660; 4, pp. 328-329; 17, p. 176; 8, p. 217-218; 18, p. 93]	[4, p. 312]	Actines (mollusk)	
	Ebony	[16, p. 296; 12, p. 45; 8, p. 226]	[4, p. 312]	Ascidies (mollusk)	
	Rosewood	[16, p. 296]	[4, p. 312]	Doris (mollusk)	
	Ironwood	[5, p. 299; 12, p. 45]	[7, p. 22; 5, p. 296]	Oyster	
	Sapan tree	[16, p. 296]	[5, p. 296]	Shellfish	
	Sandal tree	[16, p. 296]	[5, p. 318; 6, p. 577]	Scorpion	
	Chinaberry tree	[17, p. 175]	[6, p. 577]	Centipede	
	Pone tree	[6, pp. 576-577, p. 611; 8, p. 218]	[6, p. 578]	Locust	
	Fir	[6, p. 511]	[17, p. 180]	Mosquito	
Aromatic and medicinal plants (12)	Agarwood (calambac)	[14, p. 65; 17, p. 182; 5, pp. 299-300; 12, p. 45; 8, p. 226]	[17, p. 180]	White ant ¹	Domesticated animals (14)
	Pepper (plant)	[14, p. 65; 16, p. 299; 8, p. 218, p. 226; 9, p. 581]	[15, p. 51; 6, p. 577; 4, p. 315; 8, p. 220; 5, p. 295; 17, p. 179; 16, p. 300; 9, p. 581]	Cow	
	Cinnamon	[16, p. 296; 12, p. 45]	[15, p. 51; 17, p. 179; 1, p. 75, p. 77; 4, p. 312; 8, p. 220; 6, p. 577; 9, p. 581; 11, p. 574]	Horse	
	Rhubarb	[5, p. 319; 6, pp. 610-611]	[18, p. 94]	Donkey	
	Tea	[5, p. 315; 8, p. 218; 14, pp. 51-53; 9, p. 581]	[5, p. 295; 15, p. 51; 6, p. 577; 4, p. 315; 8, p. 220; 16, p. 300; 9, p. 581]	Buffalo	
	Mercuriale (herb)	[5, p. 318]	[5, p. 295; 15, p. 54; 6, p. 577; 9, p. 581]	Domestic goat	
	Betel	[5, pp. 294-295; 3, p. 660; 16, p. 299; 4, p. 315; 6, p. 577, p. 594]	[6, p. 577]	Sheep	
	Ginger	[6, pp. 610-611]	[5, p. 295; 15, p. 51; 6, p. 577; 4, p. 312; 8, p. 220; 17, p. 179; 9, p. 581]	Hog	
	Anise	[6, p. 611]	[17, p. 180; 6, p. 577; 4, p. 312]	Dog	
	Galingale	[6, p. 611]	[6, p. 577]	Domestic Cat	
Saffron	[8, p. 218; 9, p. 581]	[5, p. 295; 15, p. 54; 17, p. 179, p. 181; 6, p. 577; 4, p. 312; 8, p. 220; 16, p. 301; 9, p. 581]	Domestic chicken		

End of Table 1

	Plants (the amount of described species)	Historical materials of Westerners		Animals
	Clove tree	[16, p. 297]	[5, p. 295; 16, p. 301; 17, p. 179, p. 181; 6, p. 577; 4, p. 312; 8, p. 220; 9, p. 581]	Domestic duck
Flowers (4)	Rose	[3, p. 662]	[5, p. 295; 15, p. 54; 18, p. 94; 16, p. 301]	Pigeon
	Jasmine	[3, p. 662]	[5, p. 295; 6, p. 578; 8, p. 220; 9, p. 581]	Geese
	Lily	[3, p. 662]	[6, p. 574; 12, p. 58]	Silkworm
	Baguc (flower)	[17, p. 179]		
Miscella- neous (8)	Mulberry	[5, p. 298; 8, p. 218; 6, p. 575; 12, p. 58; 9, p. 581]		
	Cotton (plant)	[8, p. 218; 12, p. 58; 4, p. 315; 9, p. 581]		
	Hemp	[12, p. 58]		
	Tobacco	[5, p. 295; 4, p. 316]		
	Tsai tree ²	[8, p. 218]		
	Indigo	[8, p. 218; 9, p. 581]		
	Varnish tree	[9, p. 581]		
	Rattan	[16, p. 297]		

in Westerners' historical materials and were only one of the related contents. Therefore, there will certainly not be any specific intention or plan regarding content, types, or numbers of animals and plants determined and arranged according to a scientific system before starting the records. This work happened randomly according to a simple logic: wherever they went, they directly observed or heard about and felt impressed with Vietnam's animals or plants and would record it. With such a method, when arriving at the Vietnamese settlement areas in Cochinchina or Tonkin, Western missionaries, traders, and travelers first focused their attention on plant and animal species that are familiar or commonly used for many different purposes (food, construction, medical treatment, combat training, entertainment, etc.) in the lives of Vietnamese. Therefore, some plant species belonging to the group of fruit trees, food crops, woody plants, aromatic and medicinal plants, some flowers, or domesticated animals, and even wild animals appearing in historical materials of Westerners who were present in Vietnam during the 17th and 18th centuries are also completely understandable.

Statistical data from Table 1 also shows that there are 28 plants (jack tree, pineapple, areca, vine, fig tree, mango, lychee, orange, guava, banana, lime, melon, rice, sweet potato, yam, pumpkin, cane, banyan tree, ebony, ironwood, agarwood (calambac), pepper (plant), cinnamon, rhubarb, tea, betel, cotton (plant), mulberry) and 21 animals (mice, deer, tiger, wild boar, elephant, rhino, swiftlet, turtle-dove, frog, oyster, scorpion, cow, horse, buffalo, domestic goat, hog, dog, domestic chicken, domestic duck, pigeon, geese) are recorded in the historical materials of Westerners, whether they write about Cochinchina or Tonkin of Vietnam. From there, it can be deduced by guessing that these plants and animals grow and develop in both areas. However, it will not be difficult for researchers to find species of plants and animals that only appear in historical materials about Cochinchina or Tonkin³. Therefore, are these plants and animals unique to each land? It must be affirmed that the lands of Tonkin (from the north of the Gianh River (Quang Binh province) to the north) and Cochinchina (from the south of the Gianh River to the south) of Vietnam in the 17th and 18th centuries are located in the tropical monsoon climate zone [10, pp. 2-1]. Therefore, although the difference in flora

and fauna between these two areas exists, it is not too large. That eliminates the possibility that many plants and animals listed in Table 1 are unique to a specific geographical area; due to biological adaptation characteristics, they only appear and grow in this area but cannot be found in that land.

Meanwhile, for animal and plant species recorded by Westerners exclusively in either Cochinchina or Tonkin during the 17th – 18th centuries (see Note 2); modern research – aided by advanced visualization techniques and botanical/zoological expertise – has demonstrated that these organisms could thrive across Vietnam, including both historical regions. This raises a critical question: Why were these species recorded only in one of the two areas in Westerners' historical materials? To explain this issue, researchers should return to the primary purpose and object of Westerners' historical materials recording about Vietnam in the 17th and 18th centuries. In fact, Vietnam's natural conditions, including animals and plants, are only secondary content in the reports, letters, travel diaries, works, etc., of Western missionaries, traders, travelers, and researchers. Therefore, their recordings about biodiversity were often driven by momentary inspiration or arbitrary curiosity rather than systematic study. Consequently, these accounts frequently lacked comprehensive surveys. This explains the fragmented and uneven coverage of ecosystems, as well as the lack of comparative analysis in the documentation of plants and animals in Cochinchina and Tonkin by Western missionaries, traders, travelers, and researchers during the 17th and 18th centuries.

Besides, scholars also easily recognize the difference in recording capacity between Vietnam's plants and animals from Westerners' historical materials during the 17th and 18th centuries. Of the total of 82 plants and 73 animals mentioned by 15 historical materials of Westerners who were present in Vietnam or were interested in researching this country during the 17th and 18th centuries, the author found that there are up to 72 plants and 69 animals mentioned only by name or if their characteristics are recorded, it is very brief. However, fortunately, in these historical materials, researchers can still find detailed and in-depth descriptions based on the direct feelings and understanding of Western missionaries,

traders, travelers, and researchers about the plants and animals that grew and developed in Vietnam during this period. This isn't easy to find in historical sources recorded by Vietnamese in the 17th and 18th centuries.

From the above statistical table, researchers can recognize that 10/82 (12.19%) plant species and 4/73 (5.47%) animal species are described quite meticulously in eight historical materials from four Western missionaries (Christoforo Borri, Alexandre de Rhodes, Giovanni Filippo de Marini, and an unknown missionary who operated in Tonkin in the second half of the 18th century), a merchant (Samuel Baron), and two researchers (Jean-Baptiste Gabriel Alexandre Grosier and Alexis Marie de Rochon). They worked in Vietnam or were interested in researching this country in the 17th and 18th centuries.

Notably, *Relation de la nouvelle mission des pères de la compagnie de Jésus au royaume de la Cochinchine* by Christoforo Borri and *Histoire du Royaume de Tunquin* by Alexandre de Rhodes are two of the eight most valuable historical materials because they provide relatively complete and systematic information related to nearly all animal and plant species in Table 2. This recording comes from many different reasons. It may have originated from the popularity and closeness of certain plant species in the lives of Vietnamese at that time (jackfruit, pineapple, rice, lychee, banana, and longan) that no matter where they go (Cochinchina or Tonkin), Westerners can see its existence.

The specific records of Westerners are also sometimes inspired by their unique impression of the appearance, song (goldfinch), or strength of an animal (elephant), even the irresistibly delicious (jackfruit) or the specific characteristic taste of a particular fruit (durian). In addition, the rarity and unique utility of items related to a specific animal species (rhino horns, bird's nests) are also a driving force that stimulates Westerners' interest. The content from the above historical materials of Westerners also shows that they often begin their recording work with descriptions of the biological characteristics of animal or plant species, from the distribution area and natural factors that affect growth and development to shape, size (stems, branches, leaves, fruits in plants and animal body parts), and other unique attributes (materials and nesting methods of swiftlets, strength and intelligence of elephants, etc.).

Table 2. Vietnam's animals and plants recorded in detail in Westerners' historical materials of the 17th and 18th centuries

Classify		Historical materials of Westerners	Description contents
Plants	Jack tree	[5, p. 292; 14, p. 66; 15, p. 49; 3, p. 661]	The height of the jack tree, size, weight, and internal ingredients of the jackfruit; the distinguishing between types of jackfruit and showing a particular liking for the taste of this fruit
	Durian	[5, p. 293]	The distribution area of this tree in Southeast Asia, including Cochinchina, the external appearance of the tree and durian fruit, and its unique taste
	Pineapple	[5, pp. 293-294; 15, p. 49; 14, pp. 66-67; 16, p. 299]	The popularity of pineapple plants in India, Brazil, and Cochinchina, the appearance and reproductive characteristics of this plant, and the shape, size, weight, color, internal composition, and taste of pineapple
	Areca	[5, p. 294; 3, p. 660]	The stem and leaves of the areca tree and the shape, size, color, and internal composition of the areca nut, especially its significance in the traditional Vietnamese culture of betel chewing
	Lychee	[15, pp. 49-50; 3, p. 661]	The geographical distribution of the lychee tree, the shape and size of the branches, leaves, color, internal composition, and taste of the lychee fruit when ripe, and the harvest time of this fruit during the year
	Banana	[3, p. 660; 5, p. 291]	The stem height, shape, and size of leaves; the distinguishing banana types; reproductive characteristics; size of a bunch of bananas; the color of bananas when raw and ripe; internal ingredients; and their taste
	Longan	[3, p. 661; 15, p. 50]	The color of the peel, shape, size, internal composition, taste of the longan fruit, and the time of year when this fruit is harvested
	Rice	[15, pp. 47-48; 3, p. 660; 5, p. 290]	The hydrological conditions, soil suitable for the growth and development of wet rice plants, rice crops during the year in Tonkin and Cochinchina, flood control work for wet rice cultivation, and the role of rice in the cuisine life of Vietnamese
	Agarwood (calambac)	[14, p. 65; 5, pp. 299-300]	Geographical area of growth and development of this plant, distinguishing types of agarwood and the quality and utility of each type, the process of forming a particular kind of agarwood (calambac), and the expensiveness of this aromatic and medicinal plant
	Betel	[5, p. 294; 3, p. 660]	The betel stems and leaves, the method of preparing betel quid and chewing betel, and the positive effects of this on human health and oral hygiene; confirming that this is one of the indispensable ingredients in the Vietnamese culture of betel chewing
Animals	Rhino	[5, pp. 306-307; 15, p. 53; 12, p. 48]	The shape and size of the rhino, the process of hunting this wild animal, the value of the rhino's body parts, including meat, skin, bones, teeth, and especially the horn, in combating different types of venom, and the method to check the quality of rhino horn
	Elephant	[5, pp. 301-306; 15, pp. 51-52]	The body, legs, trunk, skin color, strength, longevity, intelligence of elephants, the living area, domestication and training of this animal, its utility, and the value of elephants in Vietnamese lives.
	Swiftlet	[15, p. 48; 3, p. 661; 5, p. 297]	The shape and size of the swiftlet, the location, the unique method and materials used to make the bird's nest, the color of the bird's nest, the process of exploiting the bird's nest of Vietnamese, and the preciousness of this luxury product
	Goldfinch	[8, p. 219; 11, p. 574]	This bird's body, including the head, eyes, beak, legs, feather colors, etc., song, nesting method, yearly reproductive cycle, and reaction when a Ho-kien bird attacks

However, there would be nothing worth mentioning if records of Westerners only stopped at these contents. It is essential that readers also find in these documents in-depth descriptions not only from a biological perspective but also other aspects (cultural, social) associated with plant and animal species mentioned above, such as the confiscation of lychees [3, p. 661] and bird's nests [5, p. 297] by the Vietnamese monarchy in Tonkin and Cochinchina, flood control work (building dikes, digging canals) for wet rice cultivation [15, pp. 47-48; 3, p. 660; 5, p. 290], the custom of chewing betel (areca nut), and the good meaning of this cultural phenomenon in the lives of Vietnamese [5, p. 294; 3, p. 660] or the wonderful utility of rhino horn in preventing various types of venom according to Vietnamese conception [5, pp. 306-307; 12, p. 48]. Among them, there are several phenomena that, despite experiencing many fluctuations and ups and downs in history, still exist today in Vietnamese society as an endorsement of the accuracy of the records of Westerners in the 17th and 18th centuries.

Results. When researching Vietnam in the 17th and 18th centuries, scholars feel happy because, in addition to the Han script documents compiled by historical writing agencies under the Vietnamese monarchy at the time, researchers can also explore different aspects related to the country and people of Vietnam through records of Westerners who were present in Vietnam or were interested in studying this country during this period. Among them, Vietnam's flora and fauna are no exception. Non-comprehensive is one of the characteristics that can be easily seen in these historical materials. That is entirely understandable because, in the conflict between political forces throughout the 17th and 18th centuries, most Westerners had one of two destination point choices, Cochinchina or Tonkin, to carry out their work (missionary, trade, or travel). Therefore, records of animals and plants certainly cannot go beyond that geographical range. Furthermore, this topic has never become the main content of Westerners' historical materials. Randomly and arbitrarily recording without a clear plan or purpose has led to another consequence that is difficult to avoid, which is the dispersion, fragmentation, and lack of systematicity and logic in the content of these documents. However, the above shortcomings have been partly compensated for by Westerners' meticulous descriptions of some animal

and plant species in Vietnam based on many different approaches. That has helped researchers visualize the appearance and value of some plant and animal species in Vietnamese society. However, are all the Westerners' records of Vietnam's animals and plants in the 17th and 18th centuries accurate? Is there no need to raise further considerations or doubts about their scientific nature? The comparison of historical materials has shown a reality that is not entirely true.

Western missionaries, traders, and travelers as foreigners recorded Vietnam's flora and fauna through vivid visual methods and their own experiences. Therefore, the relative objectivity of these documents can be affirmed. However, the difficulties encountered in integrating into Vietnamese society, especially the language barrier, have made it impossible for Westerners to comprehensively and deeply absorb all relevant local knowledge of animals and plants in Vietnam. Besides, they also are not professional animal and plant researchers or do not have in-depth knowledge about this field. Consequently, the appearance of some content lacking unities⁴, incompleteness, mistakes⁵, or excessive exaggeration⁶ in the records of Westerners in the 17th and 18th centuries is entirely understandable. Despite this, from the perspective of history and bibliography research, it can be seen that the records mentioned above of Western missionaries, merchants, travelers, etc., did not stop at personal understanding of the flora and fauna of Vietnam but also followed their footsteps back to Europe, contributing to introducing to a segment of readers in the "Old Continent" the first images of the distant country of Vietnam in the Far East. At the same time, it has become a significant source of historical materials, helping today's scholars to compare, collate, and initially study the flora and fauna of Vietnam in the 17th and 18th centuries.

NOTES

¹ In the *Relation nouvelle et singulière du Royaume de Tunquin* (in French), Jean-Baptiste Tavernier wrote "fourmis blanches", which translates into English as "white ants". However, through Jean-Baptiste Tavernier's description of the biological characteristics of this animal, it can be known that this is a termite species.

² According to Jean-Baptiste Gabriel Alexandre Grosier, the Vietnamese used this plant in Tonkin to dye jade green, which is very durable [8, p. 218].

³ A study of 15 Westerners' historical materials concerning Cochinchina, which directly or indirectly document Vietnam's animal and plant life in the 17th and 18th centuries, revealed 19 plant species. These include the durian, pomegranate, chicory, lettuce, cabbage, fuci (a type of algae or seaweed), ulvae (a type of algae or seaweed), salicornia (an aquatic vegetable), aremaria (an aquatic vegetable), crithmum (an aquatic vegetable), maritium (an aquatic vegetable), samphire (an aquatic vegetable), rosewood, sapan tree, sandal tree, mercuriale (herb), clove tree, tobacco, and rattan. It also revealed the following 13 animals: wild chicken, crane, chameleon, balistes (fish), fleadon (fish), sea cucumber (biches de mer), médues (mollusk), holoturiers (mollusk), actines (mollusk), ascidies (mollusk), doris (mollusk), shellfish, and centipedes. However, they are not mentioned in historical materials related to Tonkin. Meanwhile, there are up to 35 plants (miengou tree, pear, carambola, tangerine, coconut, papaya, jamboger, longan, sugar apple tree, pompelmo tree, plum tree, citron, millet, bean, maize, potato, purslain, water morning glory, onion, plantain, chinaberry tree, pone tree, fir, ginger, anise, galingale, saffron, rose, jasmine, lily, baguc (flower), hemp, tsai tree, indigo, varnish tree) and 39 animals (antelope, bear, wild cat, wolve, wild goat, rabbit, monkey, bat, porpoise, goldfinch, ho-kien bird, peacock, pheasant, parrot, partridge, parakite, wild duck, widgeon, teal, pellican, heron, quail, turtle, sea turtle, lizard, snake, toad, crawfish, shrimp, prawn, sea crab, land crab, locust, mosquito, white ant, donkey, sheep, domestic cat, silkworm) are only found in historical materials about Tonkin but not mentioned in historical materials about Cochinchina (see Table 1).

⁴ When comparing the records of Westerners in the 17th and 18th centuries about the same species of animals and plants in Vietnam, researchers can notice some lack of similarity in content. For example, in *A Voyage to Cochinchina*, in the years 1792 and 1793, John Barrow asserted that there were no sheep in the land of Cochinchina [4, p. 312]. Meanwhile, in *Dampier's Voyages Consisting of a New Voyage Round the World*, William Dampier recorded this animal's existence at Tonkin [6, p. 577]. Or in *Relation nouvelle et singulière du Royaume de Tunquin*, Jean-Baptiste Tavernier said that Vietnamese people in Tonkin did not raise cats [17, p. 180], but William Dampier asserted the opposite [6, p. 577]. In *Histoire du Royaume de Tunquin and Divers Voyages et Missions*, Alexandre de Rhodes said that because Vietnam had no grapes, the people of this country did not have wine [14, p. 65; 15, p. 47]. On the contrary, Jean-Baptiste Gabriel Alexandre Grosier and Christoforo Borri affirmed the existence of this fruit in the lives of Vietnamese in Tonkin and Cochinchina during the 17th and 18th centuries [8, p. 218; 5, p. 292, 295].

⁵ In *Relation nouvelle et singulière du Royaume de Tunquin*, Jean-Baptiste Tavernier records some animal and plant species in Tonkin [17, pp. 174-182]. In *A Description of the Kingdom of Tonqueen*, Samuel Barron refuted and clarified some inaccurate or erroneous records by Jean-Baptiste Tavernier about some animal and plant species in this area [3, pp. 660-664].

⁶ Recording the banyan tree, Jean-Baptiste Gabriel Alexandre Grosier excessively exaggerates the giantness of this tree, saying that the foliage is so large that it can shade 30,000 people to rest [8, pp. 217-218].

REFERENCES

- Baldinotti G. *La Relation sur le Tonkin du P. Baldinotti. Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*, 1903, vol. 3, pp. 71-78.
- Barbier V. *Description historique de la Cochinchine par Jean Koffler. Revue indo-chinoise*, 1911, Juillet-Décembre, pp. 275-285.
- Baron S. *A Description of the Kingdom of Tonqueen. Pinkerton J. A General Collection of the Best and Most Interesting Voyages and Travels in All Parts of the World. Vol. 9.* London, Longman, 1811, pp. 656-707.
- Barrow J. *A Voyage to Cochinchina, in the Years 1792 and 1793.* London, T. Cadell and W. Davies in the Strand, 1806. 447 p.
- Borri C. *Relation de la nouvelle mission des pères de la compagnie de Jésus au royaume de la Cochinchine. Bulletin des Amis du Vieux Hué*, 1931, vol. 3-4 (Juillet-Déc), pp. 279-405.
- Dampier W. *Dampier's Voyages consisting of a New Voyage Round the World.* London, E. Grant Richards, 1906, vol. 1. 612 p.
- Dampier W. *Dampier's Voyages consisting of a New Voyage Round the World.* London, E. Grant Richards, 1906, vol. 2. 624 p.
- Grosier J.B.G.A. *Histoire générale de la Chine. Mailla J.A.M.M. Histoire générale de la Chine: ou Annales de cet empire, traduites du Tong-Kien-Kang-Mou. Tome 13.* Paris, Chez Moutard Imprimeur Libraire de la Reine de Madame, 1785, pp. 187-229.
- Horta N. *Lettre du R. Père Horta, a Madame la Comtesse de. Martin L.A. Lettres édifiantes et curieuses concernant l'Asie, l'Afrique et l'Amérique avec quelques relations nouvelles des missions, et des notes géographiques et historiques.* Paris, Société du Pathéon Littéraire, 1843, tome IV, pp. 576-583.
- Japan International Cooperation Agency, etc. *The Study on the National Transport Development Strategy in the Socialist Republic of Vietnam (VITRANSS). Technical Report No. 11: Environment.*

Tokyo, Almec Corporation Pacific Consultants International, 2000. 40 p.

11. Lettre d'un missionnaire au Royaume de Tonking au reverend Père Cibot missionnaire de la Compagnie de Jésus a Pékin. Martin L.A. *Lettres édifiantes et curieuses concernant l'Asie, l'Afrique et l'Amérique avec quelques relations nouvelles des missions, et des notes géographiques et historiques. Tome IV.* Paris, Société du Pathéon Littéraire, 1843, pp. 571-576.

12. Marini G.F. *Histoire nouvelle et curieuse des Royaumes de Tunquin et de Lao.* Paris, Chez Gervais Clouzier, 1666. 436 p.

13. Nguyen Manh Ha, Vu Van Dung, Nguyen Van Song, Hoang Van Thang, Nguyen Huu Dung, Pham Ngoc Tuan, Than Thi Hoa, Doan Canh. *Report on the Review of Vietnam's Wildlife Trade Policy.* Hanoi, CRES/FPD/UNEP/CITES/IUED, 2007. 79 p.

14. Rhodes A. *Divers Voyages et Missions.* Paris, Sebastien Cramoisy, Imprimeur ordinaire du Roy & de la Reyne, 1653. 381 p.

15. Rhodes A. *Histoire du Royaume de Tunquin.* Lyon, Chez Iean Baptiste Devenet, 1651. 326 p.

16. Rochon A.M. *Voyage a Madagascar, a Maroc et aux Indes Orientales.* Paris, Prault, 1801, tome 1. 322 p.

17. Tavernier J.B. Relation nouvelle et singulière du Royaume de Tunquin. Tavernier J.B. *Les Six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, en Turquie, en Perse, et aux Indes. Tome 3.* La Haye, Henri Scheurleer, 1718, pp. 168-240.

18. Tissannier J. Relation Nouvelle & Singuliere du royaume de Tunquin avec plufieurs figures & la Carte du País. Montézon F., Estève E., Rhodes A., Tissanier J., Saccano M. *Mission de la Cochinchine et du Tonkin avec gravure et carte géographique.* Paris, Charles Douniol Éditeur, 1858, pp. 65-202.

Information About the Authors

Anh Thuan Truong, PhD in History, Associate Professor, University of Danang, University of Science and Education, Ton Duc Thang St, 459, 550000 Danang, Vietnam, tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

Van Minh Vo, PhD in Environmental Science, Associate Professor, University of Danang, University of Science and Education, Ton Duc Thang St, 459, 550000 Danang, Vietnam, vvminh@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0009-0000-2730-4790>

Информация об авторах

Анх Тхуан Труонг, PhD по истории, доцент, Университет Дананга, Университет науки и образования, ул. Тон Дык Тханг, 459, 550000 г. Дананг, Вьетнам, tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

Ван Минь Во, PhD по науке об окружающей среде, доцент, Университет Дананга, Университет науки и образования, ул. Тон Дык Тханг, 459, 550000 г. Дананг, Вьетнам, vvminh@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0009-0000-2730-4790>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.5>

UDC 94(510)(093.3)
LBC 63.3(2)53

Submitted: 02.04.2024
Accepted: 17.07.2024

SCENES FROM CITY LIFE: NOTES OF THE RUSSIAN DOCTOR V.V. KORSAKOV ABOUT BEIJING AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Liu Liqiu

Nanjing University of Science and Technology, Nanjing, People's Republic of China

Yuliya G. Blagoder

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The aim of this study is to identify, systematize, and analyze individual stories about Beijing presented at the beginning of the 20th century in literary and journalistic works of Russian authors (using the example of the books of V.V. Korsakov). Currently, in domestic science is actively studying documents of personal origin, which make it possible not only to immerse in the atmosphere of life in the eastern city of the last century, but also to see it from the perspective of a representative of a different culture. *Methods and materials.* In this article, of paramount importance is the analysis of documents of personal origin, which directly reflected the culture and way of life of the inhabitants of the capital of the Qing Empire. In this article, as a historical source, the memoirs of the Russian doctor V.V. Korsakov, who became an eyewitness to the events that took place in China during the period under study, are used. Despite the wide informative possibilities, his literary heritage has not been the subject of separate, deep scientific research until now. During the study, comparative, analytical and systemic methods were used, which allowed for the most effective study of the documentary evidence of V.V. Korsakov and the description of the life of the Chinese and foreigners in the capital of China at the beginning of the 20th century. *Analysis.* Analysis of books by V.V. Korsakov showed that he was guided by the cognitive interest of contemporaries and selected facts that could emphasize the specifics of Chinese culture. His books are distinguished by a selection of diverse facts and everyday stories, including previously undescribed ones, and an accessible style of presenting the material. *Results.* The author's commitment to a simplified Western approach to the study of Chinese culture, the lack of a system in the selection of stories about the traditions and everyday life of the Chinese people, and the presence of subjective assessments do not reduce the importance of this historical source for modern science. The results of the study may be in demand by specialists studying the problems of interethnic (intercultural) interaction, the traditions of Asian peoples (using the example of Chinese residents), and the history of Russian-Chinese relations. *Authors' contribution.* The work was carried out in collaboration. Yu.G. Blagoder analyzed the texts of V.V. Korsakov's memoirs and diaries and grouped the facts according to the thematic principle. Liu Liqiu revealed the degree of reliability of the characteristics of Beijing at the beginning of the 20th century, Chinese traditions, and events described by a Russian doctor who served in the Russian Spiritual Mission.

Key words: image of China, Beijing, Eurocentrism, documents of personal origin, Chinese traditions, Chinese theatre, Chinese holidays.

Citation. Liqiu Liu, Blagoder Yu.G. Scenes from City Life: Notes of the Russian Doctor V.V. Korsakov About Beijing at the Beginning of the 20th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 43-52. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.5>

**СЦЕНЫ ИЗ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ: ЗАМЕТКИ РУССКОГО ВРАЧА
В.В. КОРСАКОВА О ПЕКИНЕ НАЧАЛА XX ВЕКА****Лю Лицю**

Нанкинский университет науки и технологии, Нанкин, Китайская Народная Республика

Юлия Гариевна Благодер

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Цель данного исследования – выявление, систематизация и анализ отдельных сюжетов о Пекине, представленных в начале XX в. в литературных и публицистических произведениях российских авторов (на примере книг В.В. Корсакова). В настоящее время в отечественной науке идет активный процесс изучения документов личного происхождения, дающих возможность не только погрузиться в атмосферу жизни восточного города прошлого столетия, но и увидеть его с позиции представителя иной культуры. *Методы и материалы.* В данной статье первостепенное значение имеет анализ документов личного происхождения, в которых непосредственно нашла отражение культура и бытовой уклад жителей столицы империи Цин. В данной статье в качестве исторического источника привлекаются опубликованные в Российской империи воспоминания русского врача В.В. Корсакова, ставшего очевидцем событий, происходивших в Китае в исследуемый период. Несмотря на широкие информативные возможности, его литературное наследие до настоящего времени не являлось предметом отдельного глубокого научного изыскания. При проведении исследования были использованы сравнительный, аналитический, системный методы. Они позволили максимально эффективно изучить документальные свидетельства В.В. Корсакова и описать жизнь китайцев и иностранцев в столице Китая в начале XX столетия. *Анализ.* Анализ книг В.В. Корсакова показал, что он ориентировался на познавательный интерес современников и подбирал факты, которые могли подчеркнуть специфику китайской культуры. Его книги отличает подбор разнообразных, в том числе неописанных ранее, фактов и бытовых сюжетов, доступный стиль изложения материала. *Результаты.* Приверженность автора к упрощенному западническому подходу к изучению китайской культуры, отсутствие системы в подборе сюжетов о традициях и бытовом укладе жителей Китая, наличие субъективных оценок не снижают значение данного исторического источника для современной науки. Результаты исследования могут быть востребованы специалистами, изучающими проблемы межкультурного (межэтнического) взаимодействия, традиции азиатских народов (на примере жителей Китая), историю российско-китайских отношений. *Вклад авторов.* Ю.Г. Благодер анализировала тексты воспоминаний и дневников В.В. Корсакова, группировала факты по тематическому принципу. Лю Лицю выявляла степень достоверности характеристики Пекина начала XX в., китайских традиций и событий, описанных русским врачом, служившим в Русской Духовной миссии.

Ключевые слова: образ Китая, Пекин, европоцентризм, документы личного происхождения, китайские традиции, китайский театр, китайские праздники.

Цитирование. Лицю Лю, Благодер Ю. Г. Сцены из городской жизни: заметки русского врача В.В. Корсакова о Пекине начала XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 43–52. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.5>

Введение. Образ Китая в сознании российской общественности формировался довольно длительное время под влиянием различных факторов. В Дальневосточном регионе большое значение имели личные контакты с китайским и маньчжурским населением. В российские губернии, удаленные от российско-китайской границы, информация поступала не-

регулярно и зачастую в искаженном виде. Проводниками сведений о восточной цивилизации становились ученые, дипломаты, коммерсанты, посещавшие Китай, и православные священники, служившие в Русской Духовной миссии в Пекине [6; 7; 9]. Постепенно уникальными предметами восточной культуры наполнялись музейные коллекции, книжные

магазины выставляли на продажу редкие книги, на страницах которых ученые представляли переводы китайских трактатов с собственными комментариями, а путешественники рассказывали о своих приключениях. Удаленность Китая от столицы и крупных городов центральной части Российской империи, невысокая степень российско-китайского взаимодействия, а также низкий уровень грамотности населения препятствовали росту внимания к истории и традициям империи Цин. Любителей сложной для восприятия книжной продукции было немного даже среди интеллигенции.

В конце XIX в. ситуация стремительно меняется. Технический прогресс открывает новые возможности изучать культуру и образ жизни народов Срединной империи. Ранее путешествовать по Китаю можно было только «в носилках на мулах, в телегах, верхом на лошадях или верблюдах» [4, с. 195]. Теперь переезжать с удобствами позволяла железная дорога. Благодаря ей Пекин довольно быстро наводнили иностранцы: коммерсанты, дипломаты, служащие таможи и банков. Экономические и политические задачи взяли верх над исключительно научным интересом. В этот период большое влияние на общественное мнение начнет оказывать периодическая печать. Она превратилась в главный источник понятной и интересной широкой читательской аудитории информации о мире, вообще, и Китае, в частности [2]. Впрочем, несмотря на расширение в начале XX в. возможностей информационных агентств оперативно получать и передавать достоверные сведения, проблема публикации точной текущей информации не была решена еще длительное время.

Материалы и методы. Деятельность российского правительства в начале XX в. направлена на реализацию геополитических интересов собственного государства на севере империи Цин, в частности в Маньчжурии. В следствие этого число россиян на территории Китая, прежде всего Маньчжурии, неуклонно росло. Одним из тех, кто по долгу службы оказался на Востоке, был Владимир Викторович Корсаков (1854–1932 гг.). В качестве врача он более десяти лет служил в дипломатической миссии Российской империи в Пекине, много путешествовал по стране, делал заметки о культуре и быте местных жителей.

Его мнение представляет особенный интерес для современной науки, так как он – один из немногих свидетелей таких трагических событий истории Китая и России, как восстание ихэтуаней и русско-японская война. В.В. Корсаков принимал участие в обороне русского посольства и оказывал медицинскую помощь всем пострадавшим в 1900 г., поддерживал соотечественников, оказавшихся в плену в 1904–1905 годах.

В.В. Корсаков сожалел, как и многие путешественники и ученые, о том, что среди россиян по-прежнему бытуют «превратные представления о жизни в Китае» [4, с. 240]. Отсутствие у обывателей знаний истинного положения дел в восточных государствах, господство в их сознании мифов и стереотипов пробудило желание поделиться своими наблюдениями. Людей, писавших о Китае доходчиво и интересно, в России в тот период было мало. В.В. Корсаков публиковал в Москве и Санкт-Петербурге свои воспоминания как отдельными книгами, так и на страницах таких популярных журналов, как «Вестник Европы», «Мир Божий», «Русская мысль», «Русские ведомости», «Русское богатство», выходящих солидными по тем временам тиражами. Имея опыт публицистической деятельности, автор успешно использовал богатство возможностей литературного творчества. Указанные выше периодические издания продавались в розницу и распространялись по подписке в провинции, что позволяло сделать информацию, содержащуюся в них, доступной разночинному читателю. Можно высказать предположение о том, что мнение В.В. Корсакова, как и иных авторов, писавших для популярных изданий, могло оказывать существенное влияние на формирование представлений соотечественников о Китае [10].

Труды В.В. Корсакова упоминались в публикациях советского и российского историка Н.М. Колюжной, российских исследователей Л.В. Кальмина, Л.В. Курас, посвященным событиям, связанным с восстанием ихэтуаней. Выявляя причины боксерского восстания, характеризуя ситуацию в Пекине накануне и в период осады, Т.В. Петухова, а также А.В. Рябов и А.О. Огарков (в соавторстве) проводят глубокий анализ мемуаров В.В. Корсакова. При этом в качестве основного исто-

рического источника для изучения повседневного бытового уклада и культуры жителей столицы Китая начала XX в. воспоминания В.В. Корсакова ранее не привлекались.

Анализ книг и статей, опубликованных В.В. Корсаковым, позволяет нам составить достаточно объемную картину жизни Срединной империи начала XX столетия. Однако данное исследование нацелено на систематизацию и изучение отдельных сюжетов о Пекине, представленных в различном объеме практически во всех трудах В.В. Корсакова. Как и многие путешественники-мемуаристы, он ориентировался на познавательный интерес современников, имеющих весьма неопределенные представления о дальних странах. Сцены из городской жизни, прежде всего столицы империи Цин, способны не только удовлетворить любопытство читающей публики Российской империи, но и выступить в качестве объекта исследований ученых современной России.

В современной науке продолжают дискуссии о возможности использования в научных исследованиях исторических источников личного происхождения, содержащих субъективную оценку событий и как известных, так и малоизвестных персонажей определенной эпохи. Историки, изучая произведения эпистолярного жанра, дневниковые записи, мемуары и т. п., используют уже доказавшие свою эффективность методы исследования исторических источников. Среди них прежде всего следует выделить следующие:

1. Сравнительный метод, посредством которого возможно выявить уникальные сведения, содержащиеся исключительно в источнике личного происхождения, и отсутствующие в иных документах.

2. Аналитический метод, позволяющий из текста источников личного происхождения получить максимальный объем детализированной информации об эпохе и участниках событий, а также указать факторы (в большинстве случаев, исключительные), повлиявшие на появление тех или иных авторских (субъективных) оценок.

3. Системный метод, допустивший объединение серии публикаций В.В. Корсакова, благодаря чему были изучены не только чередой событий, свидетелем и непосредствен-

ным участником которых он был, но и личность самого автора – носителя исторической информации: его мировоззрение и общественные интересы, определен круг общения, уровень общих и профессиональных знаний и пр.

Анализ. Был ли Пекин начала XX в. привлекательным городом? В.В. Корсаков не дает однозначный ответ. Автор сравнивает увиденное в столице империи с «кипучим муравейником народной жизни» [4, с. 73], стихийная мощь которого восхищала его «спокойной и, одновременно, всеокрушающей энергией» [4, с. 83]. Именно поэтому он считает пекинские улицы важнейшим объектом исследования жизни чужого народа.

Первое, на что обращает внимание русский путешественник, – это широкие, прямые, но не мощные, центральные улицы Пекина. Движение верховых на мулах или ослах, провоз двухколесных тележек с грузами осуществлялись по насыпи, сделанной посередине дорог. С обеих сторон их обрамляли ряды лавок разного размера, балаганы, а также лужи с отходами. В отличие от иных мемуаристов В.В. Корсаков не идеализирует Восток, поэтому дает много практических советов, которые «благородная публика» может счесть бестактными. К примеру, он рекомендует во время прогулок по улицам не засматриваться на причудливую архитектуру, а смотреть под ноги и не забывать прикрывать тканью нос, чтобы не чувствовать неприятного запаха придорожных канав, в которые жители выплескивали помой [4, с. 74–75].

Описания Китая, выполненные иностранцами в XVIII – начале XIX вв., изобилуют сюжетами о стране, где трудолюбивым народом, обладающим диковинной культурой, управляют просвещенные чиновники [8]. Идеализированный образ этой восточной империи претерпевает изменения во второй половине XIX в., когда в ней начинают реализовывать свои амбициозные колониальные интересы ведущие мировые державы. Они оправдывали свою беспринципную политику желанием нести свет и передовые достижения отсталым народам, к которым были причислены и жители Поднебесной. Теперь публикации с негативными характеристиками государственного устройства и бытового уклада численно превосходят очерки ученых и путешествен-

ников, по-прежнему с восхищением отмечающих достоинства местной уникальной традиционной культуры.

«Исключительно мужское» движение в центральной части города показалось россиянину однообразными. Он не увидел различий ни в лицах местных жителей, ни в их одеянии, поэтому называл поток людей «народным морем» [4, с. 77]. Слуги (в основном, мужчины-китайцы) спешили к мастерским или на базар, в магазины. Пугая прохожих, мимо них «с воплями и гиканьем» проносились рикши. К слову, пекинских рикш В.В. Корсаков считал весьма «назойливыми и распущенными» [3, с. 52].

На улицах Пекина довольно редко можно было увидеть китайнок, которые, в отличие от маньчжурок и монголок, вели замкнутую жизнь и нечасто показывались в людных местах. Именно поэтому они благосклонно пользовались услугами снующих от дома к дому торговцев. Местные женщины приобретали у них различные бытовые вещи, одежду и шелковые вышивки, отрезки весьма ценной старинной материи для ее украшения.

В.В. Корсаков был поражен тем, что изысканная и утонченная культура бесконфликтно сосуществовала с равнодушием приверженцев ее ценностей к любым проявлениям комфорта. Он считал это несоответствие уникальной особенностью древней цивилизации и приводил примеры, подтверждающие его правоту. Так, владельцы столовых угощали своих многочисленных посетителей, а продавцы с громкими выкриками, боем в барабаны, стуком по дощечкам или медным тазам предлагали съестные припасы прямо на улицах «среди носящейся пыли и воню» [4, с. 78].

Прогуливаясь по улицам Пекина, В.В. Корсаков неоднократно слышал «громкий дребезжащий звук какого-то железного инструмента» [4, с. 87]. Позже россиянин узнал, что таким образом привлекали к себе внимание цирюльники. На длинной палке они носили окрашенную в красный цвет скамейку и круглые коробки с бритвами, ножницами, тряпками и водой. Найдя желающего вымыть и причесать волосы, цирюльник незамедлительно готовил все необходимое прямо на улице. Китаец садился на скамейку и ждал, когда ему расплетут косу, помоют волосы, тщательно расчешут их большим деревянным гребнем

и снова аккуратно заплетут. Судя по лицам, выражающим «сладостное томление и негу» [4, с. 87], всем очень нравилась эта процедура. Безусловно, подобные картины было невозможно увидеть на улицах российских городов начала XX столетия.

По мнению В.В. Корсакова, пекинские улицы были местом, где передавались новости и «получались все удовольствия» [4, с. 150]. Как и все трудолюбивые народы, чья жизнь была однообразна и тяжела, китайцы ценили время отдыха и стремились наполнить его яркими впечатлениями. Европейские и российские путешественники достаточно много писали о китайской культуре, поэтому к началу XX столетия иностранцы, прибывающие в Среднюю империю, понимали, что им не стоит искать в этой стране привычных им развлечений. Воспитанные на канонах европейской культуры, они считали слишком простыми и наивными обряды и церемонии, игры и зрелищные представления, ставшие с течением времени частью китайского традиционного мира.

Бродячие артисты показывали свое умение прямо на оживленных улицах. Как только появлялись рассказчики былин, мифических и бытовых историй, певцы, в совершенстве передававшие крики осла, писк цыплят, пение птиц, лай собак и мяуканье кошек, воспроизводящих скрип колес и тележки [4, с. 150], их мгновенно окружала толпа. Простодушный восторг вызывало и мастерство фокусников, возящих с собой животных (обезьянок, собачек, белых мышей).

Выдающийся советский филолог-китаист, академик В.М. Алексеев называл Китай «страной театра», а китайцев – «самым театральным народом» [1, с. 55]. Широкие улицы были излюбленным местом странствующих артистов. В крытых балаганах разворачивалось впечатляющее, но непонятное россиянам представление. Среди иностранцев только истинные знатоки Китая понимали, что театр – это синтез всей китайской культуры, древнейшей традиции, сохранявшейся веками. Знание языка символов театральной игры, требующей фантазии, может доставить зрителю огромное наслаждение.

В.В. Корсаков удивлялся, как на улицах Пекина, несмотря на страшную тесноту, никто

не толкался, все проявляли взаимную вежливость и перемещались, не задевая друг друга. Улица густонаселенного города с легкостью могла превратиться в арену выяснения отношений. Между тем, как свидетельствуют многочисленные исторические источники тех времен, в Пекине европейцы крайне редко встречали представителей полицейского надзора. В.В. Корсаков удовлетворяет любопытство соотечественников, рассказывая о том, кто и как следил за порядком. Прожив несколько лет в столице, русский врач многократно становился свидетелем уличных ссор, которые, в большинстве своем, сводились к словесной перепалке [4, с. 341]. Толпа оставалась к ним равнодушной, но в тот момент, когда поток ругательств оскудевал, и противники намеревались броситься в драку, проходившие мимо люди моментально расталкивали их в разные стороны.

Как и подавляющее число соотечественников, В.В. Корсаков пожелал поделиться с общественностью своими наблюдениями за тем, как в Китае соблюдались правила этикета. Он отмечал уличные сцены, неописанные ранее. К примеру, его заинтересовали ритуальные действия, которые совершали чиновники и аристократы. Представители высшего общества империи Цин не появлялись в ремесленных кварталах. За их передвижением русский врач наблюдал в центральной части города. Ритуал встречи носилок местных чиновников представлял собой маленький спектакль, поэтому повествователь отнес в разряд весьма примечательных. Как требует местный обычай, при встрече непременно нужно выйти из носилок, совершить взаимные поклоны и только после обмена добрыми пожеланиями продолжить свой путь. Совершение всех необходимых действий занимало достаточно много времени. По мнению россиянина, участники ритуала нашли весьма элегантный способ отказа от него. С течением времени веер превратился в один из наиболее узнаваемых символов Китая, являющийся нам не только «изобретательность китайской моды» [4, с. 93], но и помощника в различных, даже весьма щекотливых, ситуациях. Учитывая, что встреч по пути следования могло быть несколько, движение растягивалось на длительное время. Однако, прикрыв лицо этой

изящной вещицей, появлялась возможность продолжить путь без остановки, не унижая окружающих людей. В.В. Корсаков не забывает отметить, что в Европе и России веер считался исключительно женской принадлежностью, а в Средней империи им пользовались все и для самых разнообразных целей.

Формируясь на протяжении многих десятилетий, китайская цивилизация превратилась в самодостаточную систему. Между тем среди ревнителей традиционной культуры, к которым определенно можно отнести китайцев, находилось немало людей, живо интересующихся жизнью иностранцев, волею судьбы проживавших рядом с ними. Так, русский врач описывал толпу зевак, которая ежедневно собиралась у ворот иностранных посольств, чтобы просто посмотреть на повседневные заботы чужеземцев. В поле зрения попадали местные жители, проявлявшие интерес к занятиям российских солдат на Монгольской площади, особенно к казакам, мастерство джигитовки которых всегда вызывало бурный восторг любопытных зрителей [4, с. 336–337].

Россияне, изучавшие заметки о Китае, сделанные еще в XVIII–XIX вв., знали, что китайцы испокон веков считали представителей других народов «варварами». В.В. Корсаков отмечает это в своих книгах, однако в сюжетах, описанных им, мы не находим примеров проявления высокомерия китайцев и маньчжуров по отношению к европейцам или россиянам. Однако в подборе русским автором сюжетов и персонажей чувствуется ирония по отношению к подданным Сына Неба. Подсмеиваясь над китайцами, проявляющими неподдельный интерес ко всему незнакомому и вызывающему удивление, автор, по сути, поступает аналогично: с любопытством наблюдает за, как ему видится, причудливым укладом жизни восточного народа и, не скрывая эмоций, описывает чуждые своей культуре, но забавные сцены из жизни китайского города.

Тема досугового времяпрепровождения китайцев, специфики их традиционных праздников на протяжении всего периода бытописания россиянами, побывавшими в Китае, пользовалась общественным признанием. Большинство авторов посчитали необходимым поделиться своими впечатлениями о празднике «во всех отношениях исключительном» [5, с. 58],

связанном со встречей Нового года. В.В. Корсаков также рекомендует обратить на него особое внимание, так как он «заключает в себе много симпатичного» [5, с. 49].

На пекинских улицах всегда царило движение, но, по мнению россиянина, в волнующие дни встречи весны город становился особенно оживленным. Даже в тяжелые годы, когда свирепствовали эпидемии, жители столицы строго соблюдали заветы предков. Заблаговременно старались завершить все текущие дела, чтобы ничто не омрачало праздничного настроения. В дни встречи Нового года по лунному календарю улицы Пекина превращались, как представилось В.В. Корсакову, в «сказку из волшебного мира» [4, с. 216]. Весьма живописным было плавное движение людей в оригинальных костюмах, миниатюрных процессий из носилок, носильщиков и окружающих их всадников [4, с. 214]. О торжественно-приподнятом настроении красноречиво свидетельствовали украшения домов [5, с. 50]. Так, над дверью магазинов, на воротах домов и постоялых дворов появлялись полосы красной бумаги с мудрыми изречениями или добрыми пожеланиями: «Да снизойдет пять благословений на этот дом: долголетие, богатство, мир, отдых, любовь к добродетели, венчающей благоприятным концом всякое дело» [5, с. 51]. Поскольку, как пишет В.В. Корсаков, «каждому купцу нужны деньги до зареза» [5, с. 50], то не удивительно, что над дверью магазинчика хозяин размещал полосу бумаги с пожеланием самому себе: «Пусть богатые покупатели не переводятся» [5, с. 50]. Вечером в домах и над воротами зажигались выполненные из шелковой прозрачной материи фонари в форме шара. На них заранее делалась надпись «фонарь неба», указывалось имя хозяина и пожелания мира, благополучия. К слову, многие китайцы прибегали к помощи бедняков-литераторов, которые, разместившись в углах магазинчиков или маленьких лавок, «устраивали торг своим пером и дарованиями» [5, с. 50].

Желая угодить покупателям, торговцы выставляли на продажу все, что только у них было. Как отмечали многие российские путешественники, им удавалось приобрести ценные вещи по низкой цене. Торговля оживлялась и потому, что в этой стране существует

обычай одаривания родных и близких людей. Испокон веков дни встречи весны считались семейным праздником. В связи с этим «младшие члены семей рассыпались по всем кварталам города с новогодними визитами» [5, с. 55]. К началу XX столетия в российской науке накопилось немало сведений о культе предков, который в Срединной империи «пустил самые глубокие корни в народные массы» [5, с. 55]. В.В. Корсаков разделял мнение соотечественников, изучавших Китай еще в XIX в., что взаимная любовь родителей и детей, почитание представителей старшего поколения, являются «всенародной искренней чертой китайского характера» [5, с. 55].

Все жители Срединной империи ожидали наступления весны и пробуждения «производительных сил природы и изобилия плодов» [5, с. 58]. В этот период в каждом доме хозяйка старались успеть до восхода солнца украсить парадную комнату цветами, наполнить ее ароматом курительных палочек и ладана, сервировать стол чашками с чаем, маленькими ящичками со сладостями, апельсинами, чтобы достойно совершить ритуалы принесения жертвы духу Неба. К слову, апельсины на праздничном столе должны были привлечь в дом «благополучие»: здесь имели место и игра слов, и символическое значение цвета и формы этого вкусного и сочного плода.

Новогодние дни были насыщены развлечениями. Тысячи людей устремлялись в театры и передвижные балаганы, а также храмы в честь бога Неба, в которых специально устраивалась сцена для представлений [5, с. 65]. Воздух ликующего города был наполнен грохотом петард, которые должны были, по мнению одних, «отогнать и утратить блуждающих по улицам злых духов», а по мнению других – «привлечь внимание добрых духов к приношениям» [5, с. 52]. По свидетельству В.В. Корсакова, «невыносимо-утомляющая слух уличная трескотня, являвшая собой проявление народной радости» [5, с. 52] без перерыва продолжалась трое суток. Спустя несколько дней вся империя возвращалась к привычному ритму жизни. С наступлением ночи суэта исчезала. Китайские города восстанавливали силы, чтобы с первыми лучами солнца, как это было на протяжении многих столетий, в них вновь началось энергичное движение.

Результаты. Приведенные выше фрагменты книг «В проснувшемся Китае. Дневник-хроника русской жизни перед русско-японской войной», «В старом Пекине: очерки из жизни в Китае», «Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине» позволяют понять, каким видел Пекин и его жителей В.В. Корсаков. От того, насколько точен был рассказ, можно сделать вывод о том, следует ли считать его книги и статьи историческим источником.

Сопоставление фактов, представленных в различных письменных исторических источниках (делопроизводственной документации, научных трудах, мемуарах и дневниках дипломатов и путешественников, публицистике, литературных произведениях и т. п.), дает основание считать описания В.В. Корсаковым китайской столицы правдивыми. Несмотря на наличие субъективных оценок в документах личного происхождения, к которым следует отнести воспоминания русского врача, их можно использовать в научной работе в качестве исторического источника, позволяющего представить образ Китая, бытовавший в сознании российской интеллигенции – поборников европейской культуры. В его книгах нет идеализации некогда могущественной империи. Можно предположить, что обилие историй, высвечивающих негативные черты жизни и характера китайцев, вызвано последствием пережитого в то время восстания ихэтуаней. Российская армия была среди тех, кто участвовал в его подавлении. Взаимная жестокость противников пробудила как у европейцев и россиян, так и у жителей империи Цин недоверие и ненависть друг к другу. Сначала на страницах периодических изданий, позже в книгах появились описания очевидцами ужасных событий, которые им пришлось пережить. Они послужили мощным толчком к трансформации образа Китая в сознании российского общества. В.В. Корсаков был не просто свидетелем, но и активным участником военного столкновения с восставшими, пытавшимися захватить в Пекине посольства иностранных держав, в том числе и российского. Его книги, написанные и изданные им уже после завершения кровавых событий, не наполнены мрачными предостережениями об угрозе безопасности иных держав, особенно тех, которые граничат с

Китаем, как мы это видим в публикациях его современников-европейцев. Однако недооценка достижений азиатской культуры, подбор сюжетов, не дающих характеристику уникальных культур различных народов, проживающих на территории империи Цин и ее столицы, демонстрирует приверженность автора к упрощенному западническому подходу к изучению китайской традиции, приложению к восточной культуре европейской системы ценностей. Фиксируя ситуации, демонстрирующие наивность и простодушие китайцев, автор выражает личное отношение к ним. В его оценках нет высокомерия, но снисходительность явно просматривается. Европоцентристский подход к характеристике образа жизни восточных народов и в частности оценке достижений китайской культуры в явной и неявной форме присутствовал в трудах и мемуарах подавляющего большинства европейских и российских путешественников, военных, коммерсантов, в разное время посещавших Китай. В.В. Корсаков, как и Дж. Макгован, Дж. Джайлс, Э. Гессе-Вартег, Н.М. Пржевальский, П.Н. Краснов, В.А. Обручев, А.В. Тужилин, Л.Г. Корнилов, А.Н. Куропаткин и ряд иных авторов, чьи воспоминания были также опубликованы в России, не скрывает своего мнения о превосходстве европейской цивилизации над азиатской.

Выбор бытовых сюжетов отличался разнообразием. Уникальность книг В.В. Корсакова заключается в том, что он, не имея возможности постоянно вращаться в кругу цинской аристократии и чиновничества высших рангов, главными героями своего повествования делает местных обывателей: торговцев, трактирщиков, странствующих артистов и т. п. В отличие от многих путешественников, благодаря опыту публицистической деятельности, автор доступно и интересно повествует о местных традициях, которые: во-первых, можно наблюдать только в пределах этой далекой страны; во-вторых, противоречат нормам поведения, господствующим на родине.

Анализ содержания указанных выше книг показал отсутствие у В.В. Корсакова понимания глубинного смысла тех событий, о которых он ведет повествование. Недолгое пребывание в империи Цин и европейское образование оказали влияние на фор-

мирование предвзятого отношения к традициям восточных народов и желание удивить соотечественников подбором историй о жизни, во всех отношениях непохожей на привычную, российскую.

Образ Пекина как мира своеобразной культуры, созданный В.В. Корсаковым, сформирован на основе некоторого числа небольших, но занимательных фактов, подчас не имеющих между собой тематической связи. Надо отдать должное, столица огромной азиатской империи не предстает перед читателем царством невежества и застоя, как мы видим это во многих европейских и российских либеральных политических и литературных изданиях того времени. Однако он не высказывает мнение и о поступательной модернизации этой древней цивилизации, в которой в начале нового XX столетия удивительным образом сосуществовали западные технические нововведения с собственными исторически сложившимися мировоззренческими принципами.

Анализируя фрагменты дневниковых записей В.В. Корсакова о Пекине, мы видим, что он описывает то, что попадалось ему на глаза, не руководствуясь каким-либо строгим планом изложения. Автор не стремится к систематизации всей имеющейся информации о столице восточного приграничного государства. Описания, представленные им, интересны и занимательны, имеют эмоциональную окраску. Он выделяет те эпизоды, которые могут показать специфику бытового уклада, обрядовых форм, правил этикета, элементов одежды, архитектурных решений и т. п. Такой подход не отличался новаторством и был рассчитан на обывателя. Ученые и вдумчивые читатели в начале XX столетия черпали информацию из трудов исследователей, посещавших Китай с целью его научного изучения.

Многим авторам, в том числе и В.В. Корсакову, искренне стремившимся максимально точно описать жизнь столицы империи Цин, не хватало глубоких знаний об этой стране. Это привело к созданию недостаточно полного и адекватного ее образа. Тем не менее изучение воспоминаний и дневников русского врача, ставшего очевидцем событий, происходивших за пределами России в начале XX в., предоставляет нам возможность погрузиться в атмосферу жизни восточного города, уви-

деть его глазами иностранца и оценить, насколько удачной была его попытка познакомиться своих соотечественников с Китаем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 312 с.
2. Благодер Ю. Г., Минц С. С. Образ Китая в сознании русского образованного общества XVII – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 3. С. 110–26.
3. Корсаков В. В. В проснувшемся Китае. Дневник-хроника русской жизни перед русско-японской войной. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1911. 404 с.
4. Корсаков В. В. В старом Пекине: очерки из жизни в Китае. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1904. 360 с.
5. Корсаков В. В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май – август 1900 года. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901. 394 с.
6. Лысенко Ю. А., Цуйхун Я. Обзор миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. № 18 (8). С. 59–73. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-8-59-73
7. Самойлов Н. А. Иван Яковлевич Коростовец – российский дипломат и знаток Китая // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 596–609. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.304
8. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 368 с.
9. Старовойтова Е. О. 1881–1905 годы в истории российско-китайских отношений // Вестник СПбГУ. Серия 13. 2012. Вып. 2. С. 10–17.
10. Blagoder Yu.G. The Problems of Forming the Image of a Foreign State in the Periodicals of the Russian Empire (1905–1917) // *Bylye Gody*. 2017. № 45 (3). P. 1093–1101. DOI: 10.13187/bg.2017.3.1093

REFERENCES

1. Alekseev V.M. *V starom Kitae. Dnevnik puteshestviya 1907 g.* [In Old China. Travel Diaries 1907]. Moscow, Izd-vo vost. lit., 1958. 312 p.
2. Blagoder Yu.G., Minc S.S. *Obraz Kitaya v soznanii rossijskogo obrazovannogo obshchestva XVII – nachala XX v.* [Image of China in the Consciousness of

Russian Educated Society in the 17th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2011, no. 3, pp. 110-126.

3. Korsakov V.V. *V prosnuvshemysya Kitae. Dnevnik-hronika russoj zhizni pered russo-japonskoj vojnoj* [In Awakened China. Diary Chronicle of Russian Life Before the Russo-Japanese War]. Moscow, Pechatnya S.P. Yakovleva, 1911. 404 p.

4. Korsakov V.V. *V starom Pekine: ocherki iz zhizni v Kitae* [In Old Beijing: Essays from Life in China]. Saint Petersburg, Tip. SPb. t-va pech. i izd. dela «Trud», 1904. 360 p.

5. Korsakov V.V. *Pekinskie sobytiya. Lichnye vospominaniya uchastnika ob osade v Pekine. Maj – avgust 1900 goda* [Beijing Events. Participant's Personal Memories of the Siege in Beijing. May – August 1900]. Saint Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1901. 394 p.

6. Lysenko Yu.A., Cuihong Ya. *Obzor missionerskoj deyatel'nosti Pekinskoj duhovnoj missii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Review of the Pastoral Activity of the Russian Orthodox Mission in Beijing (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. *Vestnik Novosibirskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2019, no. 18 (8), pp. 59-73. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-8-59-73

7. Samoilov N.A. *Ivan Yakovlevich Korostovets – rossijskij diplomat i znatok Kitaya* [Ivan Yakovlevich Korostovets – Russian Diplomat and Expert on China]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Contemporary History of Russia], 2022, vol. 12, no. 3, pp. 596-609. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.304

8. Samoilov N.A. *Rossiya i Kitaj v XVII – nachale XX veka: tendencii, formy i stadii sociokulturnogo vzaimodejstviya* [Russia and China in the 17th – Early 20th Centuries: Trends, Forms and Stages of Sociocultural Interaction]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2014. 368 p.

9. Starovoitova E.O. *1881–1905 gody v istorii rossijsko-kitajskih otnoshenij* [1881–1905 in the History of Russian-Chinese Relations]. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], 2012, iss. 2, pp. 10-17.

10. Blagoder Yu.G. *The Problems of Forming the Image of a Foreign State in the Periodicals of the Russian Empire (1905–1917)*. *Bylye Gody*, 2017, no. 45 (3), pp. 1093-1101. DOI: 10.13187/bg.2017.3.1093

Information About the Authors

Liu Liqiu, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, School of Foreign Studies, Nanjing University of Science and Technology, Xiaolingwei St, 200, 210094 Nanjing, People's Republic of China, liqiu_2018@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-4901-2827>

Yuliya G. Blagoder, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History, Kuban State Technological University, Moskovskaya St, 2, 350072 Krasnodar, Russian Federation, blagoder_1@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

Информация об авторах

Лю Лицю, кандидат исторических наук, доцент, Школа иностранных языков, Нанкинский университет науки и технологии, Сяо Лин Вэй, 200, 210094 г. Нанкин, Китайская Народная Республика, liqiu_2018@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-4901-2827>

Юлия Гариевна Благодер, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Кубанский государственный технологический университет, ул. Московская, 2, 350072 г. Краснодар, Российская Федерация, blagoder_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.6>

UDC 94(470+571):316.35

LBC 63.3(2)-283.31

Submitted: 01.04.2025

Accepted: 05.05.2025

THE IMAGE OF A DEER IN THE SYMBOLISM OF THE EARLY COMMUNITIES OF THE DON COSSACKS

Marina A. Ryblova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Turning to the images of the deer on the ancient regalia of the Don and Zaporozhye Cossacks, the author aims to identify the possible origins of this image in the group symbolism of early Cossack communities, as well as to determine the associated subcultures and ritual practices. *Methods and materials.* The tasks set are solved on the basis of ethnographic interpretation and identification of possible ritual origins of folklore texts presented both in the Russian and Don Cossack traditions and beyond. *Analysis.* The author examines the already available versions of the origin of the Cossack seal with a deer from the Greek myth of Actaeon and the Hunnic legend of the wonderful deer. While completely denying the ethnogenetic background of these legends and their direct connection with Cossack symbols, it is possible, however, to note the motives of the hero's reincarnation shown in them, as well as the connection of the deer with water and immersion in a body of water. The same motifs are found in the texts of the Russian peasant environment, in which the deer appears in connection with the flooding of the river, floating on the sea, dipping a hoof into the water, etc. The appeal to the Cossack epics made it possible to reveal the image of the fantastic beast Indrik, which combines the signs of a deer and a horse and is associated with the motives of hunting and the river. *Results.* The analysis of texts related to the image of a deer revealed the motives of hunting and diving into the river, as well as the deer's connection with male communities. In this regard, the participation of deer in ancient male ritual practices in the Russian folk tradition is significant. As for Indrik from the Cossack epics, being fantastic and connected with the otherworld, it can be interpreted as a transitional figure between a deer and a horse. This treatment refers to the history of Cossack communities, which gradually transformed from foot warriors and hunters into horsemen. At the same time, folklore texts provide a basis for correlating the deer with the figure of the Cossack leader, the ataman. This circumstance may indicate the peculiarities of the formation of Cossack communities (on the South Russian frontier, outside the metropolis), in which the leader not only possessed increased powers but was also sacralized, up to the elevation of his image to the rank of military regalia. The image of a deer on the Cossack seal and in folklore texts also opens up new prospects for the reconstruction of military ritual practices characteristic of early Cossack. *Funding.* The publication was prepared as part of the implementation of the GDZ of the YUNTS RAS No. gr. project 124012200178-4.

Key words: Don Cossacks, male Cossack communities, zoomorphic code, deer on Cossack regalia, symbolism and origins of the deer image.

Citation. Ryblova M.A. The Image of a Deer in the Symbolism of the Early Communities of the Don Cossacks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 53-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.6>

ОБРАЗ ОЛЕНЯ В СИМВОЛИКЕ РАННИХ СООБЩЕСТВ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Марина Александровна Рыблова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Обращаясь к изображениям оленя на древних регалиях донских и запорожских казаков, автор формулирует задачи выявить возможные истоки этого образа в групповой символике ранних казачьих сообществ, а также определить связанные с ними субкультуры и обрядовые практики. *Методы и материалы.* Поставленные задачи решаются на основе этнографической интерпретации и определения возможных обрядовых истоков фольклорных текстов, представленных как в общерусской и донской казачьей традициях, так и за их пределами. *Анализ.* Автор рассматривает уже имеющиеся версии происхождения казачьей печати с оленем от греческого мифа об Актеоне и гуннской легенды о чудесном олене. При полном отрицании этногенетической подоплеки этих легенд и их прямой связи с казачьей символикой можно, однако, отметить проявленные в них мотивы перевоплощения героя, а также связь оленя с водой и погружением в водное пространство. Эти же мотивы обнаруживаются и в текстах русской крестьянской среды, в которых олень предстает в связи с разливом реки, плавающим по морю, окунающим в воду копытце и пр. Обращение же к казачьим былинным песням позволило выявить образ фантастического зверя Индрика, сочетающего в себе признаки оленя и коня и связанного с мотивами охоты, всадничества и рекой. *Результаты.* Проведенный анализ текстов, связанных с образом оленя, позволил выявить его связь с мужскими сообществами. Показательно в связи с этим и участие оленя в древних мужских обрядовых практиках в русской народной традиции. Что касается Индрика из казачьих былинных песен, то, будучи фантастическим и связанным с иномирьем, он может трактоваться как фигура переходная – между оленем и конем – и отсылать к реалиям истории казаков с переходом их сообществ от пешего строя и охоты – к всадничеству. Вместе с тем фольклорные тексты дают основание для соотнесения оленя с фигурой казачьего предводителя – атамана. Это обстоятельство может указывать на особенности формирования казачьих сообществ (на южнорусском фронтире, вне пределов метрополии), в которых предводитель не только обладал повышенными полномочиями, но и сакрализовывался вплоть до возведения его образа в ранг общевоинской регалии. Вместе с тем образ оленя на казачьей печати может служить еще одним свидетельством того, что при формировании своих сообществ донские казаки обращались в том числе и к опыту различных форм мужских сообществ, традиции которых были уже утрачены в метрополии, но позволяли выживать в новых, весьма экстремальных условиях южнорусского фронта. Образ оленя на казачьей печати и в фольклорных текстах открывает также новые перспективы для реконструкции воинских обрядовых практик, характерных для ранних казачьих сообществ. *Финансирование.* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН 2024–2026 гг. «Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронта», № гр. проекта 124012200178-4.

Ключевые слова: донские казаки, мужские казачьи сообщества, зооморфный код, олень на казачьих регалиях, символика и истоки образа оленя.

Цитирование. Рыблова М. А. Образ оленя в символике ранних сообществ донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 53–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.6>

Введение. В ранней истории донских казаков до настоящего времени остается еще немало слабо исследованных тем и сюжетов. Это связано в первую очередь со скудостью источников, а также с их спецификой. Преимущественно они относятся к числу официальных документов и с их помощью трудно судить об устройстве внутренней жизни ранних

казачьих сообществ. Что касается внешних наблюдателей, то они, отражая какие-то моменты социального и политического устройства жизни казаков, не имели возможности в полной мере описать и оценить внутреннюю структуру их сообществ и уж тем более выявить мировоззренческие принципы, на которых она выстраивалась. В такой ситуации для

исследователей особый интерес представляют источники, предназначенные для внутреннего пользования сообщества. К ним в первую очередь относятся фольклорные тексты, а также предметные символы, созданные внутри казачьих братств: печати, гербы, личные воинские знаки и пр.

Фольклорные тексты и предметные знаки в виде воинских регалий, будучи сложными, многоплановыми семиотическими системами, содержат в себе в том числе и зоо- и орнитоморфные образы. Зоо- и орнитоморфные коды вообще широко использовались традиционными сообществами и маркировали в первую очередь определенные половозрастные группы. Это связано с универсальностью категорий пол и возраст и их ключевой ролью в выстраивании традиционных сообществ. При этом столь же универсальными были и принципы использования зоо- и орнитоморфных образов для определения разных половозрастных групп. Так, образы диких птиц и животных обычно маркируют добрачные половозрастные статусы и группы, а домашние копытные – мужские и женские группы семейных. Имеют свою специфику в архаичных традициях и зоо-, и орнитоморфные образы воинских групп. В их арсенале были образы не просто диких, но хищных птиц и зверей. Если же у них были представлены копытные, то речь шла о диких копытных животных.

Приступая к исследованию символики ранних донских казачьих сообществ, я исходила из утвердившегося уже в отечественном казаковедении мнения о том, что они воспроизвели в Диком поле ситуацию отката к архаике и выстраивали свои социальные структуры, опираясь в том числе и на опыт мужских сообществ, к коим могут быть отнесены – русская дружина, крестьянские братства, среднеазиатские и северокавказские мужские союзы и пр. [21]. По этой причине я попыталась обнаружить в донских текстах образ волка, характерный для воинских союзов многих народов Евразии. Эти поиски не увенчались успехом: образ волка в связи с казачком-воином на Дону практически отсутствует и лишь единично представлен в традиции кубанских казаков. Зато очень часто в донском фольклоре встречаются образы хищных птиц – сокола и орла. Соколиная символика

казачьих сообществ уже рассматривалась мною в книге «Донское братство» [20, с. 290–313], а также в отдельной статье [19]. Соколы предстают в качестве общегруппового символа в значительном количестве фольклорных казачьих текстов, уступая лишь коню. Можно объяснить численное преимущество сокола над конем тем, что сокол был символом всего донского сообщества (как группы молодых мужчин), а конь был связан с фигурой его предводителя – атамана. На более высокий статус фольклорного коня указывает и казачья былинная песня «Спор сокола с конем», в которой последний предстает в качестве старшего богатыря. И эта песня, и в целом образ коня в казачьей традиции в той или иной степени уже анализировались [17], была высказана мысль о возможном соотношении казачьего коня с образом атамана [20, с. 319].

Однако никто из современных исследователей до настоящего времени не обращался к образу оленя, изображенного на самой древней (из известных) регалии Донского войска – его печати, а также на печатях запорожских казаков. Между тем олень относится к группе копытных животных, не только обитающих в дикой природе, но и имеющих стадный, то есть коллективный характер. К тому же олени (в отличие от соколов и волков) не образуют устойчивых семейных пар, их семьи представляют собой небольшую группу из разновозрастных особей. В таком случае олень (как глава такой группы в реальной жизни) вполне мог быть символом предводителя казачьего братства, что, впрочем, еще необходимо обосновать.

В целом в связи с изображением оленя на казачьих печатях возникает несколько вопросов. Был ли он групповым знаком всего казачьего братства или же символом его предводителя – атамана? Почему вообще олень оказался в числе казачьих символов? Соотнесение воина с хищной птицей или хищным зверем объясняется особым (маргинальным) статусом воина в традиционной культуре, где он предстает в качестве нарушителя главного запрета – на пролитие крови. Что касается оленя, то это мирное животное в традициях многих народов часто выступает в качестве жертвенного и, как может показаться,

не отражающего характер мужчины-воина. Как же тогда объяснить изображение пораженного стрелой оленя на казачьих регалиях? С какими структурами и обрядами он мог быть связан?

Методы и материалы. Для поиска ответов на эти вопросы мы обратимся далее к образу оленя, представленного в фольклорных текстах, исходя из уже обозначенных недавно возможных направлений этого поиска [22]. Обращаясь к фольклору, я предпринимаю попытку рассмотреть уже имеющиеся версии происхождения казачьей печати с оленем от греческого мифа об Актеоне и гуннской легенды о чудесном олене (высказанные в разное время Е.П. Савельевым и Г.В. Губаревым), но основное внимание сосредоточить на текстах русской крестьянской среды и воинской казачьей. К анализу будут привлечены легенды, сказки, песни, колядки, былины с участием оленя или приближенных к нему персонажей. В ходе исследования поставленные выше задачи будут решаться на основе этнографической интерпретации этих фольклорных источников и определения их возможных обрядовых истоков.

Анализ. *Поиски истоков образа оленя на казачьих регалиях.* Исследователи казачьей истории считают, что пронзенный стрелой олень, изображавшийся на войсковых печатях, был самым древним символом сообществ донских и запорожских казаков [16, с. 142–143]. Впоследствии печать донских казаков была изменена (при Петре I на ней стали изображать сидящего на бочке казака), а образ оленя, по всей видимости, со временем был подзабыт, во всяком случае, Е.П. Савельев считал, что только «старое казачество» понимало смысл этого символа, а новое забыло «ея значение и только на старых актах оно видит непонятную для него эмблему» [23, с. 3]. По свидетельству Е.П. Савельева, в начале XX в. изображения донской печати с оленем, пораженным стрелой, можно было видеть лишь на старинных донских грамотах, хранящихся в Донском музее [23, с. 3].

В XIX в. на принятых в разное время казачьих гербах (и других регалиях) появится изображение главного символа Российской империи – двуглавого орла, однако впоследствии об олене вспомнят дважды и поместят

его на казачьем гербе. Первый раз это произошло в 1918 г., когда было создано казачье государство Всевеликое войско Донское и утвердилась его новая символика. Изображение на голубом поле белого оленя, пронзенного черной стрелой, сопровождалось надписью «Елень пронзен стрелою». Следующее возрождение старого символа произошло в 1991 г. с принятием на первом Большом казачьем круге символики возрождающегося российского казачества. Таким образом, этот символ был дорог казакам и появлялся на их регалиях всякий раз, когда происходило утверждение / возрождение их самобытности и самостийности [15, с. 202].

Первым исследователем, попытавшимся определить истоки происхождения этого символа, был Е.П. Савельев. Он связывал его с древними народами, жившими когда-то в Приазовье и поклонявшимися богине Диане [23, с. 3]. Исследователь обратил внимание на значимость в традиции донских и запорожских казаков таких качеств (сильно их преувеличив), как целомудрие и храбрость, отсылающих якобы к богине Диане. При этом он исходил из собственной теории о древнем происхождении донских казаков, связывая их с некими «гетами-руссами» (или народом «асаки»), которые, обитали в Приазовье и по берегам Черного моря и поклонялись богине целомудрия Диане, бывшей также покровительницей лесов и диких зверей.

Е.П. Савельев дал свой пересказ легенды, повествующей о том, как «девственная богиня, купаясь в реке, была потревожена одним чужестранным охотником, неким Актеоном, сыном Аристея, увидевшим ее наготу» [23, с. 3]. Далее приведу цитату из статьи: «Разгневанная Диана вмиг своим пламенным взором обратила дерзкого нахала в оленя и пустила в него свою губительную стрелу. Этот миф о Диане и наказанном нарушителе ее целомудрия Актеоне древнее казачество знало и изобразило в эмблеме на своей печати, гласящей: “Блюди целомудрие, казак, иначе будешь наказан, как дерзкий Актеон”». Таково значение древних донской и запорожской печатей [23, с. 3].

Представленная Е.П. Савельевым версия отличается оригинальностью, однако исследователь весьма вольно и неточно пере-

сказал миф об Актеоне. Если обратиться к тексту «Метаморфоз» Овидия, то увидим, что Диана не поражала оленя-Актеона стрелой. Разгневавшись на то, что он увидел ее обнаженной, она хотела было «схватить свои быстрые стрелы», но передумала и плеснула в юношу водой из ручья, превратив его в оленя [14, с. 90–91]. Далее у Овидия следует описание того, как юноша превращался в оленя, после чего детально описывается его жуткая смерть от собственных охотничьих собак, которые разорвали его на части. В этом эпизоде, по сути, воспроизводится сцена терзаний, хорошо известная по мотивам прикладного «звериного стиля», который связывается некоторыми исследователями именно с воинской средой [10; 12]. Как видим, в мифе нет и намек на наказание Актеона за нарушение целомудрия Дианы, как нет и его смерти от ее стрелы.

В.Ю. Михайлин и Е.С. Решетникова представили свою трактовку этого мифа и связанных с ним образов греческого прикладного искусства. Они пришли к выводу, что главной темой мифа является ситуация нарушения границы и брачных стратегий (хюбриса), совершенного Актеоном, и последовавшего за этим наказания. При этом исследователи обратили внимание на то, что в образах живописи Актеон предстает как юноша, и лишь после превращения в оленя получает статус взрослого воина [11]. Зафиксируем также то обстоятельство, что в мифе его трансформация происходит у источника воды и после воздействия воды.

Если же вернуться к казачьему гербу, то с преданиями «глубокой старины» связывал оленя на печати казаков и Г.В. Губарев. При этом он обращался к другой легенде – о чудесном олене – относящейся к эпохе великого переселения народов (III–V вв. н. э.) и повествующей о том, как олень перевел гуннов через воды Меотийского озера. В «Казачьем историческом словаре-справочнике» Г.В. Губарев писал: «Легенда о таинственном олене, уходящем от охотников, была известна в Подонье (Танаиде) уже в первые века нашей эры и относилась историками к Киммерийцам, Гуннам и Готам. Она записана Прокопием из Кесарии (Война с Готами), Иорданом (Гетика), Созоменом (История церкви) и некоторы-

ми другими древними авторами» [4]. Далее Г.В. Губарев предпринимал попытку использовать эту легенду в качестве этногенетического мифа казаков: «Может быть, не случайно иранское понятие “сака” – “олень” вошло в состав нашего первоначального имени Кос-сака. Кос-сака на скифском языке означало «белый олень» [4].

В упоминаемой Г.В. Губаревым легенде речь шла о входящем в водное пространство чудесном олене, по следам которого шли гуннские воины. Эта легенда представляет особый интерес для нашего исследования также и в связи с тем, что описанные в ней действия, во-первых, связаны с военным походом, а во-вторых, происходили в местах формирования донского казачества.

Исследователи считают, что к середине V в. легенда о чудесном олене была широко распространена, причем в нескольких вариантах. В признанной наиболее ранней и полной (среди сохранившихся) редакции Созомена упоминаются две версии – с участием быка и лани: «Однажды случилось, что преследуемый оводом бык перешел через озеро и за ним последовал пастух; увидав противлежащую землю, он сообщил о ней соплеменникам. Другие говорят, что перебежавшая лань показала охотившимся Уннам эту дорогу, слегка прикрытую сверху водою. В тот раз они возвратились назад, с удивлением осмотрев страну, более умеренную по климату и удобную для земледелия, и доложили правителю, что они видели» [7, с. 324–325].

К настоящему времени имеются разные трактовки этой легенды учеными, занимавшимися историей переселения народов. Так легенда трактовалась в качестве этногенетической для гуннов и мадьяр, и олень в таком случае воспринимался исследователями в качестве их прародителя [3]. Очень интересной представляется трактовка, данная З.С. Кузнецовой. Она полагает, что в сообщении Созомена представлено два варианта легенды – более поздний, в котором на смену оленю пришел преследуемый оводом бык (по всей видимости, уходящий корнями, к греческому мифу об Ио, обращенной коровой и преследуемой оводом), и более древний – повествующий о лани, помогающей гуннам. Пытаясь обнаружить истоки этой легенды, исследовательница обра-

тила внимание на то, что ее главным ядром является мотив переправы через водное пространство, и со ссылкой на В.Я. Проппа отметила связь этого мотива с представлениями о пути в иномирье. З.С. Кузнецова высказала предположение, что основой легенды о чудесном олене мог быть какой-то из обрядов посвящения: инициация, обряд перехода в другой возрастной или социальный статус. Отметила исследовательница и то, сколь легко произошла в легенде замена оленя – на быка. Что касается этногенетических построений вокруг этой легенды, то, по мнению исследовательницы, они появились гораздо позже [7, с. 334].

Между тем для Г.В. Губарева именно возможный этногенетический подтекст легенды о чудесном олене стал основой для объяснения его наличия на печати казаков. Дело в том, что и Г.В. Губарев, и Е.П. Савельев были сторонниками версии древнего происхождения донских казаков (причем связывали их с разными народами), а потому искали корни этого символа также в глубокой древности и в традициях разных народов.

По поводу древнего казачьего герба с изображением оленя высказался и А.П. Молявко-Высоцкий. Оценивая гипотезу Е.П. Савельева о происхождении казачьего герба от мифа об Актеоне, исследователь усомнился в возможности знакомства казаков с древнегреческой мифологией и писал: «Подобные объяснения при всей их поэтичности грешат против первого правила символики, говорящего, что символы должны употребляться только понятные окружающим» [13]. Далее А.П. Молявко-Высоцкий высказал мысль о связи оленя на казачьем гербе с условиями военно-промышленной жизни казаков, где олень был одним из объектов охоты. Оставляя в стороне семантические аспекты казачьего герба, исследователь обратил внимание на то, что в нем имеются явные нарушения правил геральдики. Согласно этим правилам, нельзя «класть краску на краску или металл на металл». Применительно к казачьему гербу черный олень должен изображаться не на голубом фоне, а на золотом или серебряном, или же серябряный / золотой олень – на голубом фоне [13]. Старинная казачья печать известна нам в черно-белом изображении, но исследователь,

видимо, исходил из того, что в 1918 г. на Дону был возрожден старый символ, а не изобретен новый. Об этом же, кстати, писал и Е.П. Савельев [23, с. 3].

Это обстоятельство (вкуче с принципами устройства ранних казачьих братств, где не признавались ничьи прошлые заслуги, а значит, и не мог заимствоваться сообществом герб какого-то ранее титулованного его члена) может лишней раз указывать на «народный характер» казачьего герба, а не на прямое его заимствование из геральдической системы.

Возвращаясь к этногенетическим построениям Г.В. Губарева и Е.П. Савельева и ни в коей мере их не разделяя, отмечу, что образ оленя был широко представлен в разных традициях, у разных народов мира и уже поэтому не стоит ограничивать поиск истоков этого символа у казаков только греко-гуннской средой. Так, олень, представленный в скифском зверином стиле, был впоследствии унаследован аланами, широко и многогранно проявился в воинском эпосе – Нартиаде, где он предстает и как охотничий трофей, и как жертвенное животное, и в качестве вместилища души эпического героя [5, с. 140]. Предания и легенды об олене известны и в славянской, и в тюркской средах [3; 24]. В тюркских преданиях олень также легко заменяется быком, при этом, например, у киргизов их родоначальник в образе быка предстает вышедшим из водной стихии [3, с. 59].

В настоящее время имеется обширная литература, посвященная образу оленя в разных этнических традициях. Символические аспекты, связанные с образом оленя, давно и заинтересованно прорабатываются не только в отечественной, но и в мировой традиции [25–27]. Однако, имея ввиду широкое (практически повсеместное) распространение этого образа в мифологии и обрядовых практиках самых разных народов Евразии, я все же попытаюсь далее сосредоточиться (в поисках возможных истоков образа оленя на донской печати) на русской народной традиции, исходя из утвердившегося в отечественном казачеведении мнения о том, что именно славянский этнический компонент был основой казачьих сообществ, возникших на рубеже XV–XVI вв. на южнорусском фронтире, где происходили, в том числе, и такие культурные явления, как

так называемая вторичная архаика (то есть возрождение собственных забытых традиций под влиянием этнокультурных контактов), являющаяся одним из признаков фронта с его подвижными и «прозрачными» границами.

Образ оленя в русском фольклоре и обрядовых практиках. Исследователи уже отмечали, что образ оленя довольно широко и разнообразно представлен в русском фольклоре. Подборку этих образов можно обнаружить, например, в статье Г.Г. Шаповаловой [24, с. 220–222]. В русских народных сказках олень предстает в качестве чудесного помощника героя, последний также добывает оленя – золотые рога. В некоторых сказках («Два брата», «Солдат и царь в лесу», «Солдат-богатырь» и др.) герой в своих приключениях следует за оленем. В славянских песнях часто встречается мотив преследования оленя охотником и обещание со стороны оленя принести ему некий дар. В русской песне олень просит охотника не стрелять в него, обещая пригодиться в будущем:

«Не разливайся, мой тихий Дунай,
Не заливай зеленые луга!
Во тех-то лугах ходил белый олень,
Ходил белый олень – золотые рога.
Мимо тут ехал Иван господин
И ударил оленюшку плетушкой.
Как взговорит ему белый олень,
Белый олень золотые рога
– Не бей меня, Иван господин,
Свет государь Иванович,
В некое время пригожусь я тебе» [1, с. 248].

Помятуя о столь распространенном в традициях разных народов мотиве «олень / бык и вода», обратим внимание на то, что здесь олень связан с возможным разливом Дуная, которого по каким-то причинам хочет избежать герой. Эта песня соотносится с колядками (известными у русских, болгар и сербов), в которых олень предстает плавающим по морю и приносящим на своих рогах девушку [1, с. 249].

Г.Г. Шаповалова свою подборку русских фольклорных текстов, связанных с оленем, заканчивала хороводной песней, приведенной П.И. Мельниковым-Печерским в романе «В лесах» в связи с описанием празднования на Русском Севере Петрова дня. В песне

представлен олень, стремящийся к реке, чтобы погрузить в ее воды свое копынце:

«Не стучит, не гремит,
Ни копытом говорит,
Каленой стрелой летит
Молодой олень!
Ты, Дунай ли, мой Дунай!
Дон Иванович Дунай!
Молодой олень!
У оленя-то копыта
Серебряные.
У оленя-то рога
Красна золота!..
Молодой олень!
Ты, олень ли, мой олень,
Ты, Алешенька!
Ты куда-куда бежишь,
Куда путь держишь?
Ты, Дунай ли, мой Дунай!
Дон Иванович Дунай!
Молодой олень!
Я бегу ли, побегу
Ко студеной ко воде,
Мне копытцом ступить,
Ключеву воду студить...» [9, с. 375].

Отмечу, что эта песня, в свою очередь, соотносится с широко распространенными в России представлениями о том, что после Ильина дня нельзя купаться в реках, так как в воду опустил копыто или рог (в варианте – помочился) олень.

Обращение к образу оленя в русской фольклорной традиции потребовалось Г.Г. Шаповаловой для того, чтобы лучше понять анализируемый ею севернорусский обряд под названием *момльбы*. Кратко суть обряда можно свести к традиции крестьян устраивать на Петров (или Ильин) день коллективные собрания (*брамтчины*) с совместным поеданием мяса жертвенного оленя. В этот день, по преданию, в селения приходили два оленя, одного из них убивали, а второго отпускали на волю. Со временем олень был заменен на быка. Исследовательница видела в этой замене изменения в хозяйственной сфере жизни крестьян – переход от охоты к скотоводству [24, с. 220].

Возвращаясь к казакам, отмечу, что каких-либо прямых аналогий с севернорусскими мольбами обнаружить в их обрядовых практиках не удалось. На Дону были широко

распространены и пиры-братчины на Петров день, и коллективное поедание любой убитой на охоте дичи, и представления о том, что после Ильина дня нельзя купаться в реке, однако здесь не обнаружено никаких упоминаний о приходящем к людям олене. Представляется, что не жертвенный олень изображался на казачьих печати и гербе. Но в связи с севернорусским обрядом, в котором олень со временем был заменен быком, вполне правомерно предположить, что в казачьей традиции также могла произойти его замена другим копытным животным. Б.А. Рыбаков на материалах русского прикладного искусства показал, как происходила замена фигуры оленя – быком и конем / всадником, отметив также, что в традициях разных народов известны образы оленя-тура, оленя-лося и оленя-коня [18, с. 82–84]. И в таком случае, возвращаясь к традиции казаков, есть резон обратиться к образу третьего копытного, известного по казачьим былинным песням с именами Индрик и Устиман-зверь. Отмечу при этом, что эти образы встречаются только в казачьей традиции.

Индрик казачьего фольклора как конь-олень. В песне донских казаков представлен образ чудесного Индрика:

«Вот бы из ушей в него во этого Индричка
Дым столбом валит,
Из ноздрей ну-ка изо рта у того зверинушки
Пышет жаркое поламья,
Бежит этот Индричек извивается,
Будто в него грива с хвостом
По чистому по полошкуразвивается» [8, с. 205].

В песне уральских казаков дается описание фантастического Устимана-зверя, схожего с Индриком:

«На нем шерсточка, на Устимане, бумажная,
А щетинушки на Устимане все булатные,
Как на каженной на щетунушке по жемчужине» [6, с. 67].

В описаниях Индрика встречаются также серебряные рожечки, копытца булатные, косточки, как у рыбки, и глаза, как у ясочки.

Комментируя этот образ, Т.С. Рудиченко отмечала, что «картинный» Индрик вызывает самые разные ассоциации – от «шерстинки-серебрянки» русской сказки, «лошади, ук-

рашенной жемчугами из “Ригведы” до удивительного коня из «Александрии Сербской», у которого «воложья голова с рогами и рог меж ушами с локоть» [17, с. 195]. Исследовательница не исключала возможности того, что образ Индрика мог возникнуть под влиянием переводных христианских произведений типа «Физиолог» или «Христианская топография» Козьмы Индикоплова. Этот вывод она обосновывала тем обстоятельством, что поиски параллелей этому образу в фольклорных источниках «не принесли пока результатов». Вместе с тем исследовательница отметила, что казачьи былинные песни с участием фантастического зверя представляются вполне самостоятельными текстами, «глубоко фольклорными по сути, органичными по поэтическому языку и совершенными по форме» [17, с. 195].

Итак, фантастический зверь Индрик, по мнению Т.С. Рудиченко, не имеет аналогов в русском фольклоре. Однако я предлагаю обратить внимание на собирательный характер этого зверя: у него хвост и грива, как у коня, серебряные рожечки и косточки, как у рыбки и т. д. И очень интересно, что в одной из редакций былины упоминаются отросточки на его рогах:

«Ой да, как и рожечки да на Индричку,
Они позлачёные,
Ой да, ну, отросточки да на рожечках
Они посребрёные» [8, с. 201–202].

Замечу, что отростки на рогах бывают именно у оленей и отошлю к упоминанию золотых рожек у оленя из русской хороводной песни, приведенной П.И. Мельниковым-Печерским. Для нас же важным представляется соединение в образе Индрика нескольких животных, в том числе – оленя и коня.

Можно усмотреть и связь Индрика с иномирьем. Т.С. Рудиченко полагала, что его имя вписывается по звучанию в древнерусскую литературную традицию, где -рик – окончание варяжско-славянских имен Рюрик, Дедрик, а начальное Инд- может быть связано как с Индей-землей эпического зачина, так и с определением «ин», «инд» – как «иной / другой» или же с указанием на наличие одного рога – инрог – единорог [17, с. 193].

Лично мне представляется более убедительной связь Индрика с Индей-землей,

являющейся аналогом иномирья (иной земли). Вообще же в казачьих былинных песнях о фантастическом звере (Идрике / Устимане) представлено 4 основных мотива:

1. Устиман-зверь прибегает к Яику, где в него стреляет охотник; земля расступается и поглощает зверя [6, с. 67].

2. Индрик-зверь во главе звериного стада прибегает к Тарье-реке, заходит в реку по щиколотку и пьет из нее воду; вода в реке разливается [8, с. 198–199].

Здесь важным представляется то, что Индрик возглавляет звериное стадо, как очевидное указание на его особый статус предводителя.

3. Индрик и казак-охотник. Индрик во главе звериного стада бежит к Сыр-Дарье, за ним гонится охотник – донской казак. Индрик входит в реку, она под ним «взволновалась» [8, с. 205–206].

4. Индрик-зверь и богатырь. Богатырь – донской казак скачет на Индрике (с черкесским седлом) навстречу звериному стаду, Индрик заходит в воды Дарьи-реки, река разливается на 12 верст [8, с. 201–202].

Обратим внимание на то, что текстах представлены два образа Индрика – убегающего от преследующего его охотника и оседланного донским казаком. Такое развитие образа вполне соответствует историческим реалиям: постепенному переходу казачьих сообществ от охоты (наряду с военным промыслом) к всадничеству, что вовсе не исключает семантической наполненности этих образов.

Кроме того, сюжеты донских былин об Индрике отсылают к приведенному выше тексту русской хороводной песни, в которой представлена связь оленя с водой и мотив погружения им своего копытца в воды реки. Вспомним и тексты из традиции других народов (та же легенда гуннов), в которых олень погружается в воду, а также мнение З.С. Кузнецовой о том, что мотив переправы через реку может рассматриваться в контексте переходно-посвятительных обрядов как путешествие между мирами.

Результаты. Как видим, фольклорный Индрик, с одной стороны, закрывает лагуну с образом оленя в донском фольклоре и разъясняет его присутствие на казачьих регалиях, а с другой – открывает новые перспективы

исследования этого образа в контексте мужских обрядовых практик. Для нас значимо также и то, что Индрик, будучи фантастическим и связанным с иномирьем, в то же время вполне может трактоваться как фигура, переходная между оленем и конем, тем более что такие трансформации хорошо известны по мотивам русского прикладного искусства. Подразумеваемая связь этих трансформаций с реалиями истории казаков (переход их сообществ от пешего строя и охоты – к всадничеству), не стоит видеть в вышеприведенных мотивах с образом чудесного копытного отражений реальных охотничьих практик, а понимать и учитывать сакральность охоты в мужских традиционных субкультурах и ее семантическую связь с фигурой предводителя.

Замечу также, что образ оленя-коня, представленный в былинных песнях об Индрике и Устимане, имеет свою – казачье-воинскую – специфику. Здесь нет прямых указаний на жертвенный статус этого животного, зато представлены мотивы состязания, погони, охоты и всадничества, столь характерные именно для казачьих сообществ.

Не исключена и переходно-посвятительная символика этих мотивов. В связи с этим весьма перспективным представляется обращение в дальнейшем к обрядности русского «мужского» праздника – Петрова дня, в котором присутствовали, в том числе и купания молодежи в реке. Не менее актуальным, на мой взгляд, оказывается привлечение к анализу в контексте обрядов перехода былинных мотивов, связанных с погружением богатырей (например, Добрыни) в воды реки, происходившие именно на Петров день. Впервые на инициационный характер этого мотива (погружение молодца в женское начало реки или переправа через нее) обратила внимание Т.Б. Бернштам [2], но эта ее мысль до сих пор не получила дальнейшего развития. Вместе с тем нуждается в доработке и версия о возможном изображении на казачьем гербе «жертвенного оленя».

Олень на казачьих регалиях указывает также на отличие донского казачьего братства от мужских сообществ Кавказа и Средней Азии, у которых в качестве символов мужских воинских сообществ использовался общегрупповой образ / знак – волк или сокол /

орел. Это обстоятельство может указывать на особенности формирования казачьих сообществ на южнорусском фронтире. В отличие от кавказских и среднеазиатских мужских союзов, вышедших из родовых структур и продолжавших существовать в рамках сельских сообществ, казаки изначально формировались за пределами метрополии, вне ее родовых / семейных, общественных и политических структур, к тому же в экстремальных условиях постоянно идущей войны. Отказавшиеся от мирной жизни и выбравшие статус профессиональных воинов, они создавали именно воинские сообщества, в которых предводитель не только обладал повышенными полномочиями, но и сакрализировался. Это обстоятельство также может служить косвенным указанием на связь оленя на казачьем гербе с образом предводителя – атамана.

Вместе с тем образ оленя на казачьей печати может служить еще одним свидетельством того, что при формировании своих сообществ донские казаки обращались в том числе и к опыту различных мужских сообществ, традиции которых были уже утрачены в метрополии, но позволяли выживать в новых, весьма экстремальных условиях южнорусского фронтира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. II. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1905. 404 с.
2. Бернштам Т. А. Добрый молодец и река Смородина // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1993. Вып. 1. С. 17–34.
3. Боргояков М. И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология. 1976. № 3. С. 55–59.
4. Губарев Г. В. Казачий словарь-справочник. Кливленд, 1966. Т. 1, вып. 2. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/e.htm>
5. Дарчиева М. В. Образ оленя в осетинском фольклоре // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 38 (77). С. 139–153.
6. Железнов И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888. Т. 1. 376 с.
7. Кузнецова З. С. Легенда об олене: фольклорный характер источника // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 2. СПб.: Изд-во СБГУ, 2003. С. 321–334.
8. Листопадов А. М. Песни донских казаков. М.: Музгиз, 1949. Т. 1. Ч. 1. 247 с.
9. Мельников-Печерский П. И. В лесах. М.: Гослитиздат, 1955. 1160 с.
10. Михайлин В. Ю. Золотое лекало судьбы // Судьба. Власть. Интерпретация культурных кодов. Саратов: Науч. кн., 2003. С. 6–169.
11. Михайлин В., Решетникова Е. На оленя с рогаткой: генезис и эволюция мифа об Актеоне // Новое литературное обозрение. 2011. № 1. С. 104–117. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/na-olenya-s-roгатkoj-genezis-i-evolyucziya-mifa-ob-akteone.html>
12. Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: НЛЮ, 2005. 539 с.
13. Молявко-Высоцкий А. П. О древней печати Всевеликого Войска донского // Гербовед. № 8 (46). С. 110–111.
14. Овидий Назон Публий. Метаморфозы. М.: Худ. лит., 1977. 432 с.
15. Рвачева О. В., Лабрюни П. Г. Ф. Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века. Возрождение, трансформация и культурное конструирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 197–212. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.16>
16. Ригельман А. И. История или Повествование о донских козаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч. М.: Унив. тип., 1846. 191 с.
17. Рудиченко Т. С. Об архаических мотивах в былинном эпосе донских казаков // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Ростов н/Д: Изд-во РГК им. С.В. Рахманинова, 1999. С. 184–203.
18. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с.
19. Рыблова М. А. «Взвейтесь, соколы, орлами»: орнитоморфная символика в восточнославянской воинской традиции // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 86–106.
20. Рыблова М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 544 с.
21. Рыблова М. А. К вопросу о социальных истоках ранних казачьих сообществ: итоги, методология и перспективы исследований // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29,

№ 4. С. 249–260. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.18>.

22. Рыблова М. А. Олень на казачьей печати: поиск возможных путей интерпретации символа // *Казаковедение*. 2025. Вып. 1. Т. 1. С. 9–15.

23. Савельев Е. П. Печать Всевеликого Войска Донского // *Донские областные ведомости*. 1918. № 59. С. 3.

24. Шаповалова Г. Г. Севернорусская легенда об олене // *Фольклор и этнография Русского Севера*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. С. 209–222.

25. Chaplin D. The Symbolic Deer. *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*. Vol. 24, № 34, pp. 215–223.

26. Jacobson-Tepfer E. The Hunter, the Stag, and the Mother of Animals. Oxford, Oxford University Press, 2015. 413 p.

27. Larson J. “Venison for Artemis? The Problem of Deer Sacrifice” in *Animal Sacrifice*. *Animal Sacrifice in the Ancient Greek World*. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2017, pp. 48-62.

REFERENCES

1. Anichkov E.V. *Vesennyaya obryadovaya pesnya na Zapade i u slavyan. Ch. II* [Spring Ritual Song in the West and Among the Slavs. Pt. 2]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. nauk, 1905. 404 p.

2. Bernshtam. T.A. Dobryj molodec i reka Smorodina [Good Fellow and the River Smorodina]. *Kunstkamera: Ehtnograficheskie tetradi* [Kunstkamera: Ethnographic Notebooks]. Saint Petersburg, MAERAN, 1993, iss. 1, pp. 17-34.

3. Borgoyakov M.I. Gunnsko-tyurkskij syuzhet o praroditele-olene (byke) [Hunnic-Turkic Story About the Ancestor-Deer (Bull)] *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology], 1976, no. 3, pp. 55-59.

4. Gubarev G.V. *Kazachij slovar-spravochnik* [Cossack Dictionary-Reference]. Klivlend, 1966, vol. 1. iss. 2. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/e.htm>

5. Darchieva M.V. Obraz olenya v osetinskom folklore [Image of a Deer in Ossetian Folklore]. *Izvestiya SOIGSI* [SOIGSI News], 2020, vol. 38 (77), pp. 139-153.

6. Zheleznov I. *Uralcy. Oчерki byta uralskikh kazakov* [Uralians. Sketches of the Life of the Ural Cossacks]. Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1888, vol. 1. 376 p.

7. Kuznecova Z.S. Legenda ob olene: folklornyj karakter istochnika [Legend of the Deer: Folklore Character of the Source]. Frolova E.D., ed. *Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Research and Publications on the History of the Ancient World], iss. 2. Saint Petersburg, Izd-vo SBGU, 2003, pp. 321-334.

8. Listopadov A.M. *Pesni donskih kazakov* [Songs of the Don Cossacks]. Moscow, Muzgiz Publ., 1949, vol. 1, pt. 1. 247 p.

9. Melnikov-Pecherskij P.I. *V lesah* [In the Woods]. Moscow, Goslitizdat, 1955. 1160 p.

10. Mihajlin V.Yu. Zolotoe lekalo sudby [Golden Pattern of Fate]. *Sudba. Vlast. Interpretaciya kulturnyh kodov* [Fate. Power. Interpretation of Cultural Codes]. Saratov, Nauch. kn. Publ., 2003, pp. 6-169.

11. Mihajlin V., Reshetnikova E. Na olenya s rogatkoj: genezis i evolyuciya mifa ob Akteone [Hunting a Deer with a Slingshot: Genesis and Evolution of the Myth of Actaeon]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2011, no. 1, pp. 104-117. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/na-olenya-s-rogatkoj-genezis-i-evolyuciya-mifa-ob-akteone.html/>

12. Mihajlin V.Yu. *Tropa zverinyh slov. Prostranstvenno orientirovannye kulturnye kody v indoevropskoj tradicii* [Trail of Animal Words. Spatially Oriented Cultural Codes in the Indo-European Tradition]. Moscow, NLO Publ., 2005. 539 p.

13. Molyavko-Vysockij A.P. O drevnej pechati Vsevelikogo Vojska donskogo [About the Ancient Seal of the Great Army of the Don]. *Gerboved* [Scholar of Arms], no. 8 (46), pp. 110-111.

14. Ovidij Nazon Publij. *Metamorfozy* [Metamorphoses]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1977. 432 p.

15. Rvacheva O.V., Labryuni P.G.F. Tradicionnye i sovremennye formy kazachyej kultury v konce XX – nachale XXI veka. Vozrozhdenie, transformaciya i kulturnoe konstruirovaniye [Traditional and Modern Forms of Cossack Culture in the Late 20th – Early 21st Century. Renaissance, Transformation, and Cultural Construction]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 197-212. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.16>

16. Rigelman A.I. *Istorija ili Povestvovanie o donskih kozakah, otkol i kogda oni nachalo svoe imeyut, i v kakoe vremya i iz kakih lyudej na Donu poselilis, kakie ih byli dela i chem proslavilis i proch.* [Story or Narrative About the Don Cossacks, a Breakaway and When They Began, and at What Time and from What People They Settled on the Don, What Their Deeds Were and What They Became Famous for, etc.]. Moscow, Univ. tip., 1846. 191 p.

17. Rudichenko T.S. Ob arhaicheskikh motivah v bylinnom epose donskih kazakov [About Archaic Motifs in the Epic of the Don Cossacks]. *Istorija i kultura narodov stepnogo Predkavkazya i Severnogo Kavkaza: problemy mezhetnicheskikh otnoshenij* [History and Culture of the Peoples of the Ciscaucasia

Steppe and the North Caucasus: Problems of Interethnic Relations]. Rostov-on-Don, RGK im. S.V. Rahmaninova, 1999, pp. 184-203.

18. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnih slavyan* [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 608 p.

19. Ryblova M.A. «Vzvejtes, sokoly, orlami»: ornitomorfnyaya simbolika v vostochnoslavjanskoj vojskoj tradicii [“Rise Up, Falcons, Like Eagles”: Ornithomorphic Symbolism in the East Slavic Military Tradition]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2007, no. 2, pp. 86-106.

20. Ryblova M.A. *Donskoe bratstvo: kazachyi soobshchestva na Donu v XVI – pervoj treti XIX v.* [Don Brotherhood: Cossack Communities on the Don in the 16th – First Third of the 19th Century]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. 544 p.

21. Ryblova M.A. K voprosu o socialnyh istokah rannih kazachyih soobshchestv: itogi, metodologiya i perspektivy issledovanij [On the Question of the Social Origins of Early Cossack Communities: Results, Methodology and Prospects of Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International

Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 249-260. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.18>

22. Ryblova M.A. Olen na kazachyej pečati: poisk vozmozhnyh putej interpretacii simvola [Deer on the Cossack Seal: Search for Possible Ways to Interpret the Symbol]. *Kazakovedenie* [Cossack Studies], 2025, iss. 1, vol. 1, pp. 9-15.

23. Savelyev E.P. Pечат Vsevelikogo Vojska Donskogo [Seal of the Great Army of the Don]. *Donskie oblastnye vedomosti* [Don Regional Gazette], 1918, no. 59, p. 3.

24. Shapovalova G.G. Severnorusskaya legenda ob olene [North Russian Legend of the Deer]. *Folklor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and Ethnography of the Russian North]. Leningrad, Nauka Publ. Leningradskoe otd., 1973, pp. 209-222.

25. Chaplin D. *The Symbolic Deerk. Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*, 1943, vol. 24, no. 34, pp. 215-223.

26. Jacobson-Tepfer E. *The Hunter, the Stag, and the Mother of Animals*. Oxford University Press, 2015. 413 p.

27. Larson J. *Venison for Artemis? The Problem of Deer Sacrifice*. Animal Sacrifice in the Ancient Greek World. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2017, pp. 48-62.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Chief Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.7>

UDC 94(47)06-07
LBC 63.3(2)51

Submitted: 01.10.2024
Accepted: 25.12.2024

SELF-IMMOLATION OF PEASANTS IN TOPSA OF 1746 IN LIGHT OF NEW DATA

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to one of the tragic episodes in the history of the Old Believers in the Russian North in the 18th century – the Topetskaya fire of 1746, during which about a hundred peasants of the Topetskaya, Kurgomenskaya, Konetsgorskaya, and Zaretskaya volosts of the Vazhsky district self-immolated. **Method and materials.** The author introduces new archival data into academic circulation and analyzes them and also uses for comparison information about the burnt peasants contained in the materials of the third revision of 1762. The article provides a comparative analysis of investigative documents and materials from state descriptions of the Podvinskaya chetvert' of the Vazhsky district for different years. The analysis conducted with materials previously unused for this purpose revealed new, important details concerning this tragic event. **Analysis.** Previously, it was only possible to write about the total number of peasants involved in the tragedy. Only two peasants of the Kurgominskaya volost and one peasant of the Konetsgorskaya volost were known by name (and the family connections between them were not established); now the data of the third revision made it possible to identify the participation of peasants of the Zaretskaya boyarshchina in the events and, in relation to the peasants of the Kurgominskaya volost, who were the main subject of the study, to analyze the personal composition of the burnt peasant families and to trace the family connections of the participants in the fire. **Results.** Peasants perished in families, several generations at once. Entire branches of once large peasant families were at one moment destroyed; meanwhile, their related families, who did not take part in the burning, continued to develop. Women played an active role in leaving to burn. Children usually went with their parents or older brothers. But the self-immolation of a brother did not automatically entail the death of another brother if they were adults (not children). Taking these circumstances into account allows us to reach a deeper level of understanding of peasant life in the Russian North in the mid-18th century.

Key words: Old Believers, self-immolations, Topsa, Kurgomen, Churakovys, Philippians, Zotik Venediktov.

Citation. Vovina-Lebedeva V.G. Self-Immolation of Peasants in Topsa of 1746 in Light of New Data. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 65-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.7>

УДК 94(47)06-07
ББК 63.3(2)51

Дата поступления статьи: 01.10.2024
Дата принятия статьи: 25.12.2024

ТОПЕЦКАЯ ГАРЬ 1746 г. В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена одному из трагических эпизодов в истории старообрядчества на Русском Севере в XVIII в. – Топецкой гари 1746 г., в ходе которой произошло самосожжение около сотни крестьян Топецкой, Кургоминской, Конецгорской и Зарецкой волостей Важского уезда. **Метод и материалы.** Автор вводит в научный оборот новые архивные данные и анализирует их, а также использует для сравнения сведения о сгоревших крестьянах, содержащиеся в документах третьей ревизии 1762 года. В статье предпринят сравнительный анализ следственных материалов и государственных описаний Подвинской четверти Важского уезда за разные годы. Проведенный анализ с ранее не использованными для этой цели источниками выявил новые важные подробности, касающиеся этого трагического события. **Анализ.** Если

раньше можно было написать только об общем числе крестьян, участвовавших в трагедии, поименно были известны только два крестьянина Кургоминской волости и один крестьянин Конецгорской волости (и родственные связи между ними не были установлены), то теперь данные третьей ревизии позволили выявить участие крестьян Зарецкой боярщины в тех событиях, а в отношении крестьян Кургоминской волости, которые были основным предметом исследования, проанализировать персональный состав сгоревших крестьянских семей, проследить родственные связи участников пожара. *Результаты.* Крестьяне гибли семьями, сразу по несколько поколений. Целые ветви некогда больших крестьянских семей были в один момент уничтожены, между тем родственные им семьи, которые не приняли участие в гари, продолжили развиваться. Активную роль в уходе на сожжение играли женщины. Дети обычно уходили с родителями или старшими братьями. Но самосожжение брата не влекло автоматически за собой смерть другого брата, если они были взрослыми (не детьми). Учет этих обстоятельств позволяет нам выйти на более глубокий уровень понимания крестьянской жизни на Русском Севере середины XVIII века.

Ключевые слова: старообрядцы, самосожжения, Топса, Кургомень, Чураковы, филипповцы, Зотик Венедиктов.

Цитирование. Вовина-Лебедева В. Г. Топецкая гарь 1746 г. в свете новых данных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 65–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.7>

Введение. Вопрос о самосожжениях староверов XVIII в., в том числе в 1740-х гг., исследовался начиная с XIX в. [24]. В последние десятилетия отметим важнейший вклад, внесенный Е.М. Юхименко [27], краткий обзор событий 1746 г. на р. Топсе, сделанный В.И. Щипиным [26], посвященные самосожжениям староверов книги М.В. Пулькина [20; 21] и Е.В. Романовой [22; 23].

В литературе уже отмечалось, что среди крестьян в XVIII–XIX вв. имело место пассивное сопротивление официальной церковной культуре [19]. Духовные росписи Подвинской четверти Важского уезда показывают такую же картину еще в николаевское царствование [4]. Можно указать на изложение своей жизни крестьянином-старовером Степаном Чураковым [13]. Единственным фактом открытого сопротивления официальной церкви и государству в Подвинской четверти остается Топецкая гарь.

События в Топсе и соседних волостях в 1746 г. являлись частью большой волны самосожжений, прокатившейся по Русскому Северу с начала 1740-х гг. [20; 23]. Сохранившиеся отчеты властей и их переписка дают возможность получить дополнительные данные по истории крестьянских семей указанных волостей, если приобщить сведения из государственных описаний к материалам разыскного дела. Трагедия 1746 г. позволяет лучше понять, каковы были внутрисемейные отношения крестьян и взаимные отношения между крестьянскими кланами данной местности.

Методы и материалы. Население северных волостей было устойчивым по составу, что может способствовать составлению крестьянских родословных [3; 5; 6]. Для истории Топецкой гари представляют интерес вторая ревизская перепись 1745 г. [7] и третья ревизия 1762 г. [25]; в последней сохранились сведения о крестьянах, учтенных в 1745 г., но умерших к 1762 году. В начале XX в. было опубликовано краткое изложение отчета о происшествии 1746 г. на р. Топсе из фонда Синода [15]. В литературе по истории старообрядчества имеются ссылки на это издание [26]. Само архивное дело, датируемое промежутком 28 ноября – 14 июля 1747 г. [18], содержит гораздо больше важных подробностей. Еще один вариант сходных по составу материалов находится в РГАДА [14].

Е.В. Романова смотрела материалы в РГАДА, М.В. Пулькину были знакомы оба варианта. Но они специально не занимались именно Топецкой трагедией [20, с. 29]. Е.В. Романова включила Топецкую гарь в свой «Перечень массовых самоубийств» [23, с. 259] и привлекла извлечения из архивных материалов, когда исследовала «погребальную обрядность» в ходе подготовки самосожжений [23, с. 235–236] и роль наставников как организаторов массовых самоубийств [23, с. 196].

Для нас особую ценность имеют показания, данные во время следствия крестьянином Афанасием Чураковым, а также его дальним родственником Василием Чураковым, единственным спасшимся на пожаре.

Сравнение показывает, что в материалах РГИА присутствует более подробное изложение допроса Афанасия Чуракова, чем в деле из РГАДА, поэтому будем в основном опираться на них.

Анализ. В первые годы царствования императрицы Елизаветы Петровны в Подвинье появились староверы, покинувшие Выговскую общину из-за конфликта с ее руководителями. Они становились организаторами гарей. На левом берегу р. Двины в Черевковской волости в 1742 г. сгорел 21 крестьянин (наставником оказался выходец из Выговской общины); через год недалеко от Черевково по прибытии военной команды из скита показался старец, сказавшийся выходцем из Выговской Даниловской обители, отказался сдать и поджег избу, в которой сгорело 19 человек. В декабре того же года в Уфтюжской волости в одной из деревень сошло 64 крестьянина, которые подожгли избу; в октябре 1753 г. крестьяне собрались в избах на р. Ентале, уговоры сдать привели лишь к тому, что началась гарь, в которой сгорело 170 человек [24, с. 91–93; 26, с. IV; 20; 23].

Все случаи объединяют наличие учителя (в двух случаях с Ваги), укреплявшего присутствующих, и другие общие черты. Начало следствию о событиях на р. Топсе положили сведения, поступившие в Сенат и Тайную канцелярию от десятских священников: Кургоминской волости Марка Никитина и Топецкой волости Матвея Тимофеева, которые донесли в Важескую канцелярию Подвинской четверти о том, что начиная с 1742 г. дворцовые крестьяне вышеуказанных волостей, а также их жены и дети стали уходить неведомо куда без паспортов; их родственники пытались отговориться тем, что это недолгие отлучки «за своими нуждами» или же «Богу помолиться». Мы не знаем из сохранившихся материалов, как быстро собрались крестьяне в лесном скиту на р. Топсе. Поскольку в 1745 г. шла ревизская перепись, сказки о крестьянах могли быть затребованы именно в связи с ней, отсюда и стандартные ответы.

Понятно, почему все началось в Топсе и Кургомени именно в 1742 г., ведь как раз 14 октября (уже после ссоры с Семеном Денисовым, раскола в Выговской обители и ухода оттуда) старец Филипп (Фотий Васильев),

основатель филипповского беспоповского согласия, сжег себя вместе с 70 последователями в скиту на р. Умбе. После самосожжения Филиппа его последователи старались укрыться в том числе в Черевковской волости.

Посланным в Кургоминскую и Топецкую волости нарочным было велено действовать вместе с соцким Нижней трети Подвинской четверти и расспросить родственников («каждого порознь при отцах их духовных, не разглашая о том никому»), известно ли им, ушедшие крестьяне «не на воровствах ли где обретаются» и «не имеется ли где в лесах жителства и воровским людям пристанища». Итак, подозрение о расколе возникло не сразу. По ходу расспросов выяснилось, что у некоторых матери и жены, у других братья и дети отлучились не только якобы молиться Богу, но и «со своей пахотой для продажи к городу Архангелскому и в протчие места, а иные за скудость скитаются в мире» [18, л. 8 об.]. Однако согласно показанию, сделанному уже после гари Василием Чураковым, «до собрания в тое избу, как он, Чураков, слышал, те расколщики жили в лесах, а в тое избу когда собрались не знает, однако ж слышал, что в нынешнем 746-м году» [18, л. 11 об.].

Во время сыска «расколщиков» на стан в Борецкой волости пришли из Топецкой волости «выборные два человека» и объявили: «Во оной-де Топецкой волости собрались в одну избу пришедшие из лесу, а протчие отлучившиеся ныне от домов Топецкой, Кургоминской и Конецгорской волостей мужеска и женска полу, людей семьями множественное число», наставником их был Зотик Венедиктов. Всего в избе оказалось 89 человек. Крестьяне объявили, что если избу начнут ломать, то они сожгутся. Присланные нарочные оказались в затруднении. Им шли приказы действовать уговорами и захватить запершихся живыми, не допустить самосожжения¹. Чтобы те не разбежались и для недопущения прихода в избу новых крестьян, к ней приставили караул в 40 человек, правда, также из староверов, и стали ждать дальнейших указаний. Власти не вдавались в психологическое состояние людей, решившихся на самосожжение, и слали указания, что нужно уговорить их выйти добровольно, не проявлять «озлобления», избы не ломать, не препятствовать доставке в

избу пропитания. Еду, как следует из дела, староверам носили окрестные крестьяне, передавая ее через окна [18].

Караул вокруг избы требовалось держать скрытно «и не во близости, дабы оные не видели и знания об оном не имели». Однако устроить это оказалось невозможно, «понеже де она келия имеется на горе высокой на едине и к лесу в кулиге², и на все стороны из оной видно, и с одной стороны жильье на версту, а з другой лес на пол версты, и ежели учредить в далном расстоянии караул, то и наиболше во внуую келию доволное число сойдется с великою охотою, и удержать им будет никак невозможно, понеже-де и ныне великое отгонение имеется» [18]. Уже вечером 16 октября крестьяне из избы присланным за ними «чинили как от ружья польбу, так и копием колоть», утверждая, что «за прекращением веры их по преданию святых древних отец, страдание принять готовы» [18]. Такое положение сохранялось весь октябрь и ноябрь.

К декабрю в Важский уезд по указу из Сената была отправлена военная команда из Архангельска, чтобы «пущих заводчиков... заклепав в кандалы отправить на ямских подводах за безопасным канвоем в Санкт-Петербург в Тайную канцелярию», а прочих «держать в Архангельске под караулом в Двинской крепости до указа, никого к ним не допускать, не давать им писать, и если кто-нибудь из них будет кричать или говорить непристойные речи, класть им в рот кляп». Команда прибыла в лес 6 декабря; согласно донесению капитана, он начал «увещевать» собравшихся, те попросили времени подумать и тут же зажгли избу. Пожар не смогли потушить, погибли все, кроме одного человека. Василий Чураков высунулся из окна, и его вытащили солдаты, находившиеся снаружи. Затем команда прошла по р. Топсе к другой избе, где также при их приближении сожглись четыре человека.

Официальные материалы проливают свет на несколько семейств Кургоминской волости, которые принадлежали к одному из старейших крестьянских родов – роду Чураковых. Что касается наставника Зотика Венедиктова, его фигура и воззрения могут стать темой отдельного исследования, и здесь мы специально на ней останавливаться не будем³.

Все, что мы знаем о нем, сводится к известию, что он был выходцем из Даниловского Выговского скита [18, л. 1–4 об.; и др.]. Однако Зотика Венедиктова нет в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова, умершего за два года до рассматриваемых событий [8], в которой перечислены известные выговские старцы. Из показаний Василия Чуракова следует, что его мать познакомилась с Зотиком незадолго до событий осени 1746 года. После самосожжения в Топсе наставника было велено искать и прислать «за крепким караулом» в Архангельск и митрополиту [18, л. 32], однако его не смогли обнаружить и нет оснований считать, что он уцелел после гари.

Василий Чураков показал, что грамотными из сгоревших, кроме Зотика Венедиктова, были только два человека: крестьяне Федор Пигахин и Корнило Чураков. Именно они (а также Арефа Чураков) разговаривали из окна с посланными уговаривать их сдать «пищиком» Подосеновым и солдатом Теремецким. Последние со слуха имя Корнилы услышали как «Кирило», и именно так оно фигурирует во всех документах дела. То, что это был именно Корнило Чураков, подтверждается ревизскими материалами. Как показал Василий Чураков, уже находясь запертыми в избе, «оные Пигахин и Чюраков от правоверия их отвращали, а учили расколнической прелести», и «отправляли они утренние и вечерние пение и часы, а другого церковного действия никакого не было» [18; 14, л. 12]. Если все остальные крестьяне были неграмотными, они должны были проникнуться идеями староверия с чужих слов. Трое же грамотных, видимо, были знакомы с книгами, которые почитали староверы, например, с Кирилловой книгой и другими текстами [24, с. 89], отчего называли никониан «арменами» [1, с. 85, 102–105; 9, с. 250; 10, с. 266–270; 11]⁴.

Привлеченный к уговорам священник Федот из шенкурского Троицкого девичья монастыря, присланный архиепископом Архангелогородским Варсонофием, также не преуспел. Запершимся крестьянам предлагалось, чтобы они «от душегубного намерения» отказались и вместо этого записывались на основании императорского указа 1744 г. «при нынешней ревизии в двойной с расколниками

оклад», чтобы потом «жили безбоязненно» [18, л. 3]. В ответ они дали неожиданно рациональное объяснение, что «за оставлением домов своих и пожитков понести им одного окладу не можно». И хотя им было обещано, что их пожитки будут сохранены и двойной оклад будет на них возложен не сразу, это не изменило дела. Крестьян убеждали записаться в подушный оклад «при нынешней ревизии». В целом 2-я ревизия происходила в 1743–1747 гг., дополнительные сказки подавались до 1756 года. И примерно в эти же временные рамки помещаются все указанные выше массовые самосожжения. Вероятно, та торопливость, с которой действовали власти и ответом на которую стали гари, была связана с необходимостью поскорее собрать ревизские сведения, а для этого следовало вернуть разбежавшихся крестьян.

Одной из основных и поистине трагических фигур среди участников Топецкой гари оказался крестьянин Кургоминской волости Афанасий Чураков. 7 октября 1746 г. он явился в Важскую канцелярию и донес о собравшихся в избе, в лесу на р. Топсе, крестьянах. О себе он сообщил, что «лет десять назад» женился и перешел жить в Борецкую волость с матерью, женою и детьми. До этого кургоминский крестьянин Арефа Чураков показал, что «мать ево Авдотью Иванову дочь в прошлом 744-м году взял из дому от него брат ево Арефы родной тое ж Кургоминской волости крестьянин Афанасей Чураков для житья в дом к себе в Борецкую волость, у которого-де в том 744 и 745 году и жила безотходно» [18, л. 8]. Таким образом, Арефа (один из тех, кто разговаривал из окна с нарочными) оказался братом Афанасия, и мы узнаем также имя их матери.

Распросы крестьян дают и другие сведения. Крестьянин Борецкой волости Василий Юровский в допросе показал, что Афанасей Чураков в апреле 1746 г. продал ему тяглою жеребей и хоромное строение, после чего вместе с домашними (женою и детьми), взяв скарб и скотину, объявил, что они пошли «на прежнее жилище в Кургоминскую волость». Однако в Кургомень он не явился, а его рогатый скот через неделю оказался у крестьян Борецкой волости Федоса Парфенова и Максима Гагарина, причем Парфенов говорил,

«что оной Чураков з домашними живет в лесу, оной Подвинской четверти по Топце реке» [18, л. 7–14].

Очевидно, какое-то время Афанасий жил с семьей в скиту на р. Топсе, но потом покинул его и отправился с доносом к властям, что было нетипичным поступком и нуждается в осмыслении. Им было показано, что от роду ему 43 года и «в нынешнем 746 году мая в последних числах из оной Борецкой волости с матерью своею Авдотьею з женою Татьяной, детми сыновьями Корнилом дватцатилетним, Федосеем осмнатцатилетним, Матфеем шестнатцатилетним, дочерями Домникой двенатцатилетной, Анной двулетной и с пришедшим к нему неведомо откуда мужиком Зотием Венедиктовым» продал дом и землю Василию Юровскому, а скот Федору Зверинкину⁵ и Максиму Гагарину. После этого они «поплыли в карбасу, сказавшись яко б на прежнее жилище в Кургоминскую волость» (что подтверждает показания Василия Юровского) «и отплыв от оной Борецкой волости Двиною рекою немалое число, оставя карбас, пошли в лес». Они пришли «по впадающей во оную Борецкую волость речке Телде и в нее по впадающей же маленькой речке Водопойке в лес, близ оной речки имеющейся со стоящей от оной Борецкой волости, например, как в пятнатцати верстах и в построенной оным Зотием прежде одного походу келии жителство имеют» [18, л. 7–14].

Действия Афанасия Чуракова на первый взгляд кажутся странными. Так, он не скрывал своего староверия и признавался, что «имеет он желание молитца Богу и справлять по старопечатным книгам и креститца двоуперстным сложением, что и исправляли, понеже он исправление по новопечатным книгам и креститься троуперстным сложением и в крещении и в протчем священнослужении ходить противу солнца на восток, и в постановлении и во имении на церквах и в церквах ныне четвероконченого креста признавает противность и имеет сумнение» [14, л. 1 об.; 18, л. 10]. «Сумнение» это зародил в нем, видимо, не только неизвестный ему до того «мужик». Оказывается, что старший сын Афанасия Корнилий и был одним из трех грамотных крестьян, которые стали инициаторами гари. Следовательно, можно предположить именно

его влияние и на свою семью, и на родного дядю Арефу Чуракова.

Для власти показания Афанасия Чуракова имели большое значение. Сразу вслед за тем в Борецкую волость, а затем на Топсу были направлены нарочные, которые собрали понятых, прибыли на место, увидели избу, в которой нашлись все в разное время ушедшие из своих деревень жители Топсы, Кургомени, Конецгорья и пр. Нарочные были посланы для изъятия «расколнических книг и из них выписок», имевшихся у Зотика Венедиктова, о которых сообщил Афанасий, и для «привозу оно-го, також матери, жены и детей объявленного Чюракова, в расколе имеющихся, в Важенскую воеводскую канцелярию». Итак, прежде всего, пока не было получено указа сверху, речь шла о задержании не всех староверов, только Зотика Венедиктова и семьи Афанасия Чуракова. И хотя прямо об этом не сказано, можно предположить, что именно спасение (даже вопреки их воле) матери, жены и детей от добровольной смерти и было той целью, которую преследовал Афанасий своим доносом. Не исключено, что об этом существовала какая-то договоренность, хотя в деле она не отражена. Возможно, до прихода в лесную избу Афанасий не предполагал, что способом очищения, о котором ему говорили грамотные люди, окажется самосожжение. На месте же все указывало на это, поскольку изба была обложена соломой и вениками и закрыта «заплотами» [14, л. 17–17 об.], да и сами староверы, в том числе его старший сын, не скрывали своих намерений.

Можно только представить те душевные терзания, которые в итоге заставили отца семейства бросить близких и самовольно отправиться доносить на них. В тот же день 7 октября нарочные и Афанасий Чураков (последний под стражей) «для показания означенных имеющихся в лесу жителства и кельи» были посланы на место, что и дало толчок всем изложенным выше событиям, имевшим трагический финал [18, л. 7–14]. В дальнейшем, «по объявлении им в лесу келии», Афанасия предполагалось отослать под караулом назад, в воеводскую канцелярию. Но все случилось иначе. Мы не знаем, как долго Афанасий находился под стражей и как он вел себя, прибыв на место. Очевидно одно: его было

велено стеречь, но предотвратить побег не удалось. В другом месте рапорта сказано, что Афанасий «ис-под караулу крестьянского бежал, которого же потом видели в запертой келье обще з запершимися расколщики... Почему уповаемо, что и оной Чюраков згорел же». Власти, впрочем, долгое время не были уверены в гибели Афанасия вместе с семьей и еще в феврале 1747 г. считали, что смерть его не доказана и нужно продолжать поиски. В конце концов в Архангелогородской губернской канцелярии было объявлено, что «тот Афонасей Чюраков... с помянутыми расколщики в избе згорел...» [18, л. 39 об.]. Оказавшийся его дальним родственником Василий Чураков после гари также не знал, жив тот или же нет и где находится, но утверждал, что «в вышеозначенной-де избе оно-го Афонасия не было» [14, л. 19, 22 об.]. В материалах третьей ревизии Афанасия Чуракова мы не находим.

Материалы государственных описаний дают возможность понять, с какой стороны Афанасий и Арефа Чураковы (в материалах следствия указано имя их отца – Федос) принадлежали к роду Чураковых [3; 6]. Василий Чураков показал, что «Кургоминской волости крестьянина Афонасья Федосеева сына Чюракова» он знал, потому что тот лет десять назад «живал в одной с ним волости неподалеку от него Чюракова и ему де Чюракову был в свойстве, токмо в далном». Поскольку расспрос шел уже после совершившейся гари, Василий подчеркивал, что «он Афонасей Чюраков к нему Чуракову так и он Чюраков к тому Афонасью не для чего не хаживали и знакомства никакова между собою они не имели» [14, л. 19; 18, л. 27].

В 1745 г. в д. Артемовской был записан Арефа Федосеев сын Чюраков 28 лет (с сыновьями Василием 3 лет и Павлом 30 недель⁶), а также его брат Иван 21 года [7].

Ранее в 1717 г. в д. Артемовской был записан их отец Федос Герасимов 46 лет с сыном Арефой 4 лет. Поскольку ландратская перепись составлялась, чтобы проверить предыдущие описания, в ней указывались прошлые жители двора и отмечено, что Федос был ранее крестьянином д. Гавриловской, где остался его пустой двор. Его брат Степан и дочь Евдокия, а также первая жена Марья Ивано-

ва к этому времени умерли. В 1717 г. у него была уже вторая жена Евдокия, и сын Арефа (а позднее Иван), скорее всего, были от этого брака [2, с. 231]. В 1710 г. в том же дворе были записаны Федосей Герасимов с женою Марьей Ивановой и дочерью Евдокией, а также его старший брат Степан «сорока пяти годов, болезнен». А за год до этого, в 1709 г., была указана и причина болезни Степана: во дворе записан «Федосей Ерасимов» 30 лет, и про брата сказано, что у него был свой двор, который запустел именно в 1709 г., «оттого, что он вне ума, а живет во дворе у брата своего Федосея» [2, с. 199].

Однако ни в одном из этих описаний не указан сын Федосея по имени Афанасий. Он должен был родиться примерно в 1710 г. или даже ранее. Можно предположить причину его отсутствия в переписи 1717 г.: либо он жил где-то в другой волости, например, у родственников матери (такие случаи встречаются), либо был скрыт от переписи (несмотря на все строгости, в условиях которых она проходила). Свой возраст крестьяне указывали приблизительно; так, по данным второй ревизии, Афанасию в 1745 г. было 36 лет, а в своих показаниях через год он сам указал свой возраст как 43 года. Мы знаем только, что его старший сын Корнило был в 1746 г. взрослым: отец указывал его возраст в 20 лет, и это подтверждается тем, что Корнило пользовался уважением как грамотный и вместе с дядей разговаривал от имени других крестьян с нарочными. Остается смириться с тем, что причина отсутствия Афанасия Чуракова во второй ревизской переписи пока не ясна.

Так или иначе, он должен был какое-то время жить с отцом и братьями в Кургомони, в д. Артемовской. В материалах следствия он назывался кургоминским крестьянином, хотя в 1745 г. был записан уже в Борецкой волости, где поселился после женитьбы⁷. Афанасий Чураков показал, что со старой верой его познакомил некий Алексей Яковлев Королев из Архангельска (принадлежавший, как показало следствие, к известной семье Чирцовых [12]), в доме у которого Афанасий бывал для продажи скота. Чирцов, в свою очередь, признался, что Афанасия он знал, так как еще десять лет назад ездил «для покупки сала говяжьего в Важеском уезде» и там у отца его

Федосья Чуракова «имел на краткое время квартиру» [18, л. 23]. За два года до Топецкой гари Афанасий забрал к себе мать (видимо, после смерти отца), но поддерживал связь с братьями, во всяком случае, с Арефой, поскольку на р. Топсу отправились с семьями и тот и другой.

Арефа Федотов (Федосов) Чураков упомянут при третьей ревизии как «згоревший в расколе»: сам Арефа, которому было 28 лет в 1745 г., и его сын Василий трех лет (младший сын Павел умер в 1745 г.) [25, л. 209]. Такими же сгоревшими раскольниками обозначена в переписи Борецкой волости семья Афанасия Чуракова, жившая в д. Лашевской: Афанасий Федосиев сын Чураков 36 лет в 1745 г., его сыновья Корнило 18-ти, Федосий 16-ти и Матвей 14 лет [25, л. 403]. Это совпадает с показаниями самого Афанасия о возрасте детей, хотя он упоминал также мать, жену и двоих дочерей. Таким образом, реальная численность семьи (учитывая лиц и мужского, и женского пола) оказалась в два раза больше, чем явствовало из переписи.

Младший же брат Арефы и Афанасия Иван, 21 года в 1745 г. и 38 лет в 1762 г. (в третьей ревизии записаны также его сыновья Михаил и Афанасий), по каким-то причинам не пошел гореть вместе с другими членами семьи. Ему была суждена долгая жизнь: во время пятой ревизии 1795 г. при описании д. Артемовской там обозначен Иван Федосьев сын Чураков 54 лет, отпущенный по паспорту и ушедший неведомо куда в 1791 г., а также его дети, продолжавшие жить в его дворе: взрослые сыновья Михайло и Афанасий, три внука, внучка и правнук [28, л. 441–482].

Если смотреть генеалогию этой семьи вглубь, их отец Федосий Герасимов из д. Гавриловской во время переписи 1677 г. еще не мог быть упомянут, следовательно, можно искать лишь его отца Герасима. Только в одном случае в д. Токаревской были записаны Федка и Гараска Ефремовы [17, л. 151]. А еще ранее, в 1665 г., в д. Токаревской обозначен Герасимко 10 лет, сын Ефремки Алексеева, имевшего там двор [16, л. 405 об.]. Таким образом, семья, большая часть которой сгорела в 1746 г., имела глубокие корни в Кургоминской волости, и прадед Арефы, Афанасия и Ивана Чураковых (их родовое прозвище мы узнаем только

из материалов следственного дела, поскольку в переписях они названы Чураковыми лишь в 1795 г.) значится в самой ранней из сохранившихся переписей этой волости [16].

Мы узнаем также, что в середине XVII в. кургоминский клан Чураковых существовал не только в д. Калининской [3], но и в д. Токаревской, где жил, по-видимому, с какой-то стороны принадлежавший к этому роду Ефремка Алексеев. Прямой связи Ефремки (судя по отчеству) с остальными Чураковыми установить не удастся, поэтому, вероятно, был прав Василий Чураков, сообщая на следствии, что с Афанасием Чураковым они были в дальнем свойстве.

Обратившись к участию в гари Василия Чуракова, отметим, что в материалах дела он обозначен крестьянином д. Песковской [18, л. 19], хотя ни в одной из ревизий в Кургомени такой деревни не значится. В материалах второй ревизии Василий легко находится в д. Калининской (поскольку известно имя его деда Михаила, от которого он с семьей тайно ушел гореть в 1746 г.). Это Василий Петров Чураков, отец которого Петр Михайлов Чураков к тому времени уже умер [7], – деталь, представляющая важной, поскольку живой отец должен был или воспрепятствовать самосожжению семьи, или же присоединиться к нему. Петр Михайлов Чураков умер, видимо, еще молодым человеком. В переписи 1745 г. указаны «умершего Петра Михайлова сына дети» Василий и Артемий [7]. Этот Петр Михайлов мог быть или сыном Михаила Никитича Чуракова, которому по переписи 1717 г. было 46 лет, или же сыном Михаила Тимофеева, которому в 1717 г. было 50 лет [2, с. 220, 221; 3]. Оба Михаила между собой были родней, но сыновей по имени Петр ни у кого в 1717 г. не было. Следовательно, Петр Михайлов родился после 1717 г., то есть на момент второй ревизской переписи ему было бы не более 27–28 лет, а поскольку старший сын был тогда записан 16-летним, значит, Петр Михайлов стал отцом в 21 год и вскоре умер. Рано овдовевшая и оставшаяся жить с двумя сыновьями во дворе свекра его жена решила в 1746 г. «спасти» семью тем способом, который был доступен ее разумению.

При допросах Василий постоянно показывал, что «в расколе быть не желает, а же-

лает быть в православной вере греческого исповедания» [18, л. 20 об.], что родился уже после первой ревизской переписи, жил одним двором «з дедом своим тое ж волости крестьянином Михаилою Чюраковым и с матерью своею да з братом Артемьем своим двором и жил он в том дворе сего 746 году до праздника Покрова Пресвятыя Богородицы». Инициатором ухода гореть он называл свою мать Маремьяну Петрову дочь, которая «неведомо чрез кого уведомила, что того уезда в Топецкой волости имеютца в собрании расколники, х которым расколником она и ходила, ибо та волость толко от оной волости в пяти верстах», что соответствует действительности. Вскоре после Покрова мать стала звать его с женой Матроной (Василий в переписи 1745 г. был показан холостым, следовательно, он женился вскоре после нее), братом Артемием и полугодовой дочерью Марьей с собою, говоря, «что де тех расколников наставник говорит, чтоб крестное сложение слагать двоеперстное, и хотя-де за оное и огонь претерпеть, то-де царствие небесное будет, и притом же ежели не пойдем, налагали на нас свое проклятие» [18, л. 23, 24].

Когда именно Василий и его семья тайно оставили дом и пришли на р. Топсу, точно не ясно, но, вероятно, они оказались в числе тех крестьян, которые присоединились к остальным в последний момент, поскольку Зотик тогда же крестил всех в р. Топсе, и это произошло за день до того, как изба была взята под караул. Из показаний Василия Чуракова стало известно, как была устроена изба изнутри и как вели себя участники гари и наставники [18, л. 26]. Очевидно, Зотик доверял не всем крестьянам, боясь, что они разбегутся, поэтому (а не только из-за действий властей) все двери и ворота были заперты и даже по нужде крестьян выпускали не одних, а в сопровождении. Когда изба загорелась, помимо Василия многие хотели из нее выбраться, но не могли. Василий упоминал, что солдаты сломали ворота и пытались тушить пламя, но безрезультатно, так как не только сама изба, но и двор был заперт несколькими «плотами», и даже, когда вышибли двери, за дверями стоял также «плот» [14, л. 10–10 об.]. Он не видел, кто именно зажег избу, но утверждал, что «во время горения той избы у окон, которые

были поперечинами не укреплены, стояли оной расколник Зотик и другие, а кто имянно, того за дымом познать было невозможно». Сам он, «убоясь... того сожжения», бросился «руками в окно, которое укреплено ж было накось запорами, и ис того окна бывшия при том солдаты ево едва вытащили» [14, л. 12–12 об.; 18, л. 25–25 об.]. Слова Василия подтверждают и другие случаи, когда при горях двери и окна бывали заколочены и никто не мог спастись, «хотя были желавшие» [24, с. 106, 110, 126–127; и др.].

После гари Василий Чураков неоднократно был допрошен, а в январе 1747 г. их вместе с Алексеем Чирцовым возили в Петербург в Тайную канцелярию, но затем вернули обратно в Архангельск, о чем имеется расписка от 29 мая 1747 г. из домово́й консистории Варсонофия, архиепископа Архангелогородского и Холмогорского [18, л. 54]. В итоге Василий был отпущен. Судя по материалам третьей ревизской переписи [25], крестьянин Василий Петров Чураков, в 1745 г. бывший в возрасте 16 лет, в 1749 г. был отпущен из волости по паспорту, но затем в срок не явился, а где находился в 1762 г., неизвестно. Видимо, это и есть Василий Чураков, спасшийся из Топецкой гари, но потерявший всю семью и в итоге ушедший неведомо куда.

Мы можем выяснить, кто еще из кургоминских крестьян погиб в Топецкой гари. Материалы третьей ревизии Подвинской четверти дошли в двух экземплярах. Один из них находится в Государственном архиве Вологодской области, сохранился фрагментарно (ф. 388, оп. 1, д. 8445), второй в РГАДА [25, л. 196–220]. Кроме семьи Афанасия, Арефы и Василия Чураковых, в Кургомени погибла семья в д. Прокопьевской, состоящая из трех поколений. Глава рода Иван Максимов сын Кузнецов имел на момент гибели возраст 64 года (в 1709 г. ему было 30 лет, и сыновей не было, в 1717 г. 40 лет, жена Прасковья Дмитриева, сын Иван двух лет и две дочери, Анна семи и Прасковья четырех [2, с. 206], записаны везде без родового прозвища Кузнецовы). В 1745 г. у Ивана Максимова записаны сыновья Степан 35 лет и Иван 26 лет [7]. Оба сына были женаты и погибли с отцом и своими собственными семьями, включая малолетних детей. У Степана был сын Никита 10 не-

дель, у Ивана годовалый сын Тимофей. Очевидно, женщины семьи погибли вместе с детьми и мужьями. Дочери Ивана Максимова Анна и Прасковья, если не вышли к этому моменту замуж (им должно было быть уже за 30 лет), вероятно, также погибли. В любом случае сгорело не менее 10 человек – все население двора [25, л. 203 об. – 204].

Следующий случай самосожгшихся в 1746 г. крестьян Кургомени – семья из д. Селивановской. Во время второй ревизии там были записаны два брата, имевших одинаковое имя: Иван Васильев Кузнецов 57 лет (умер в 1745 г.) и его младший брат Иван 52 лет, который «згорел в расколе» в 1746 г. вместе с сыном Макаром 17 лет [25, л. 205]. Возможно, братьев путали, поскольку при ландратской переписи 1717 г. был записан лишь один Иван Васильев 35 лет, его жена и две дочери. Но кто это – Иван Большой или Иван Меньшой, непонятно. Ни один из братьев не указан в описи 1709 и 1710 гг., только их отец Василий Максимов, которому в 1710 г. было 40 лет, а в 1712 г. он умер [2, с. 198, 206, 224–225]. Во время переписи 1677 г. в этой деревне был записан с отцом их дед: «Максимко Фокин, у него сын Васка осми годов» [17, л. 150 об.]. А в 1665 г. в д. Селивановской значился Устинко Фокин, и в нем «брат родной Максимко пятнадцати лет» [16, л. 405 об.].

Таким образом, старая, укорененная в волости семья (мы можем проследить ее историю с 1665 г.) дожила до рокового 1746 г., когда одна ее половина погибла. Другая же половина, идущая от старшего Ивана Васильева, уцелела и размножилась. Сын этого Ивана Андрей (14 лет в 1745 г.) обозначен при третьей ревизии 31-летним. Его потомство продолжало обитать в д. Селивановской, и во время пятой ревизии 1795 г. там был записан Андрей Иванов сын Кузнецов 63 лет. Сыновей его, правда, не находим, но в д. Ефремовской была записана жена одного из крестьян по имени Наталья Андреева 30 лет, о которой сказано, что она взята из д. Селивановской и у нее был сын 18 лет; в другом починке записана Марфа Андреева 44 лет, также из д. Селивановской; а в д. Прокопьевской был показан Лука Андреев сын Бурмагин 38 лет, о котором сказано: «Переведен тое ж вол[ости] из д[еревни] Селивановской». Скорее все-

го, это тоже сын Андрея Иванова. Таким образом, то обстоятельство, что юный Андрей Иванов в 1746 г. не пошел гореть вместе с семьей дяди, сохранило род, которому суждена была долгая жизнь. Поскольку отец Андрея к моменту гари умер, дядя был старшим мужчиной в семье, и это означает, что на подростка было оказано какое-то иное, более сильное влияние. Можно, например, высказать догадку, что сына не пустила на Топсу его мать [28, л. 441–482].

В Конецгорской волости единственным случаем было самосжигание упомянутого выше наставника Федора Пигахина. На следствии показывалось, что он был из д. Плеской, но в материалах третьей ревизии в д. Еремеевской записан «Федор Пигахин, высланной Сибирской губернии из Ыркуцкой провинции, лета 746 году, будучи в расколе, згорел» [25, л. 190]. Итак, Федор Пигахин был не местным, но оказался в числе организаторов Топецкой гари не случайно, поскольку уже ранее был выслан с прежнего места жительства, возможно, как старовер, хотя это и не отмечено. Как и у Василия Чуракова, у него на следствии было названо такое название деревни, которое нигде более не встречалось.

Анализ материалов третьей ревизии показал, что в Топецкой гари погибли также крестьяне Зарецкой боярщины, хотя она и не была названа в материалах следственного дела среди волостей, крестьяне которых принимали участие в тех трагических событиях. В д. Антоновской там сгорели: крестьянин Сазон Васильев сын Салькин 36 лет (в 1745 г.), его братья Филат 25 лет и Иван 15 лет, а также сын Филата Корнило 10 недель, разумеется, при этом погибли и женщины, которые просто не были учтены во второй ревизии. Сгорел также Герасим Петров Салькин 23 лет, видимо, родственник Сазона Васильева. В той же деревне сгорел Степан Фотиев сын Бекетов 55 лет с сыном Никифором 16 лет. Однако Василий Степанов сын Бекетов 24 лет, также, очевидно, сын Степана Фотиева, но живший отдельно, гореть не пошел и был позднее записан в третьей ревизии 1762 г., будучи в возрасте 41 года [25, л. 221–221 об.].

В починке Рыгалинском погибли Григорий Прокопьев сын Бурмагин 39 лет⁸, его брат Тимофей 14 лет и сын Александр (также 14 лет) [25, л. 222].

В д. Кучинской сгорели Кирило Ильин Силачев 25 лет и его сын Алексей 20 недель [25, л. 224 об.].

В д. Тонгаринской записан крестьянин Иван Сергеев сын Вакорин 41 года, который, как и его сын Михайло 21 года, был «отпущен по паспорту» в 1759 г., в срок не явился и «где ныне находится неизвестно», однако его младший трехлетний сын в 1746 г. «будучи в расколе згорел». Очевидно, что трехлетний ребенок не мог сам отправиться гореть, поэтому здесь незримо присутствует женщина, которая его увела с собой, скорее всего, мать, что и стало, возможно, причиной ухода затем отца вместе со старшим сыном из деревни. В той же деревне сгорел Афанасий Иванов Боровой 15 лет, у которого (что необычно) в 1762 г. записана мать, следовательно, она не сгорела и не была, видимо, инициатором самосожжения старшего сына (у нее еще оставался младший 12 лет, умерший лишь в 1759 г.) [25, л. 227–227 об.].

В д. Леонтьевской сгорел крестьянин Тимофей Семенов сын Силачев 59 лет, но его брат 36 лет и дети этого брата за ним не последовали [25, л. 230 об.].

Как видим, некоторые крестьяне Зарецкой боярщины, сгоревшие в 1746 г., принадлежали к одним и тем же семейным кланам: Салькиных и Силачевых.

Крестьяне других волостей Подвинской четверти в Топецкой гари не участвовали, и никаких примет того, что в это время они подозрительным образом пропали, не имеется. Можно обратить внимание лишь на запись об одном крестьянине Осерецкой боярщины из д. Берковской: про Гаврилу Иванова Точилова 20 лет сказано, что он «в 748 году по некоторым делом сослан в ссылку», но причина ее не объяснена [25, л. 250 об.].

Число погибших членов семей Афанасия и Василия Чураковых, включая женщин, составило 12 человек. Кроме них мы знаем лиц мужского пола, сгоревших в Кургоминской (10 чел.), Зарецкой (15 чел.) и Конецгорской (1 чел.) волостях, всего 26 человек, которые теперь известны нам по именам. Если учесть, что женщин было более половины из сгоревших крестьян (состав семей Афанасия и Василия Чураковых это подтверждает), то это число нужно как минимум удвоить, что дает

нам, включая семьи Афанасия и Василия, 64 человека.

К сожалению, в материалах третьей ревизии 1762 г., хранящихся в РГАДА, не оказалось данных по Топецкой волости. Поскольку в гари погибло около ста человек обоюбого пола, остается пока предположить, что остальные – приблизительно 36 человек – были крестьянами именно Топсы, где и произошла сама трагедия. Топецкая волость была наиболее населенной из волостей Подвинской четверти, поэтому такое соотношение представляется достоверным.

Результаты. Проведенный анализ дополнительных обстоятельств Топецкой гари 1746 г., предпринятый с привлечением ранее не использованных для этой цели источников, позволяет уточнить выводы, касающиеся истории этого трагического события. Если ранее можно было писать лишь об общем числе погибших, а по именам были известны только два крестьянина Кургоминской волости и один крестьянин Конецгорской волости (и родственная связь между ними не была установлена), то теперь данные третьей ревизии позволили выявить участие в тех событиях также крестьян Зарецкой боярщины и проанализировать персональный состав сгоревших крестьянских семей Кургоминской волости. К сожалению, пока не обнаружены и потому не использованы данные 1762 г. по Топсе, волости, из которой погибло наибольшее число крестьян.

Крестьяне гибли семьями, сразу несколькими поколениями. Уничтожались целые ветви часто больших крестьянских родов. Активную роль в уходе гореть играли женщины. Дети обычно шли вместе с родителями или старшими братьями. Но самосожжение брата не всегда влекло гибель другого брата, если они были взрослыми (не детьми), и их потомству могла быть суждена долгая жизнь. Также старшие члены семьи не всегда гибли вместе с младшими, о чем говорит, например, история семьи Василия Чуракова. Трагедия его дальнего родственника Афанасия Чуракова позволяет понять некоторые механизмы, приводившие крестьян в скит, подготовленный к сожжению.

Несмотря на неточности в сведениях о возрасте крестьян и расхождении в названиях

их деревень, данные государственных описаний подтверждают показания, полученные в ходе следствия по поводу Топецкой гари. Соединение этих источников и их последующая критическая интерпретация дают возможность проследить семейные связи участников гари, протянуть линии крестьянских родов от одного описания к другому, оживить сведения переписных книг и материалов ревизий и выйти на более глубокий уровень понимания крестьянской жизни на Русском Севере в середине XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одним из объяснений, почему нужно следить за тем, чтобы крестьяне не сожгли себя, было то, чтобы «такого немалого числа из дворцовых людей напрасно не погибло». Все волости, о которых идет речь, были дворцовыми, и для властей это, как видно, имело значение.

² Расчищенное от деревьев место в лесу.

³ На эту тему нами подготовлена статья для публикации в 2025 г. в Петербургском историческом журнале.

⁴ Подробнее этот вопрос исследован нами отдельно (см. примеч. 3).

⁵ В показаниях Василия Юровского этот купатель назван без прозвища Федосом Парфеновым.

⁶ Девочки и женщины в 1745 г. не учитывались.

⁷ Из его показаний следует, что переселение в соседнюю волость было связано с женитьбой. Это возможно, если он перешел во двор жены. В таком случае это должна быть его вторая жена, и трое старших сыновей по возрасту не могли быть детьми от этого брака, только младшие дочери.

⁸ Здесь и далее указываем возраст крестьян в 1745 г., за год до смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян К. В. История отношений русской и армянской церковей в Средние века. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1989. 155 с.

2. Вовина-Лебедева В. Г. Дворцовая волость Русского Севера в 1710-х годах (по материалам Кургомени) // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 166–248.

3. Вовина-Лебедева В. Г. Деревня Калининская Кургоминской волости в XVII–XVIII вв.: опыт исследования по материалам государственных опи-

саний // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28). С. 75–94.

4. Вовина-Лебедева В. Г. К вопросу о духовных росписях в Российской империи 1 пол. XIX в. как историческом источнике // Актуальные вопросы источниковедения. Т. 2. Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2023. С. 29–31.

5. Вовина-Лебедева В. Г. Петр I и судьбы Русского Севера (по материалам переписных книг Важского уезда первой четв. XVIII в.) // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. М.: Центр гуманит. инициатив, 2022. С. 175–183.

6. Вовина-Лебедева В. Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 5. С. 96–107.

7. Именная ведомость жителей волостей Подвинской четверти // Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 3529. Л. 241–271.

8. История Выговской старообрядческой пустыни, изданная по рукописи Ивана Филиппова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза»: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1862. 480 с.

9. Киприана, смиренного митрополита Киевского и всея Руси, ответ ко Афанасию, вопросившему о неких потребных вещах // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. С. 244–270.

10. Кириллова книга. М.: Моск. печат. двор, 1644. 588 с.

11. Корогодина М. В. «Сказание об армянской ереси»: опыт изучения мифов // Человек. 2012. № 1. С. 132–137.

12. Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. М.: ОГИ, 2009. 174 с.

13. Крестьянина Степана Васильевича Чуракова повествование о том, где был и что видел, скитаясь по дебрям раскола, и как Божиим милосердием изведен был на путь истины. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1884. 20 с.

14. О крестьянине Василии Чуракове, принадлежавшем к числу раскольников-самосжигателей // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1059.

15. Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода. Т. XXVI (1746). СПб.: Синод. тип., 1907. Стб. 522–527.

16. Переписная тягольно-солдатская книга Важского уезда // Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 309.

17. Переписная книга 1677–1680 гг. Важского уезда Подвинской чети // Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 306.

18. По Сенатскому ведению и по доношениям преосвященного Варсонофия, архиепископа

Архангелогородского, и Канцелярии тайных розыскных дел о жегшихся в Архангелогородской епархии Важского уезда Подвинской четверти в Топецкой волости раскольниках // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 27. Д. 333.

19. Пулькин М. В. Господствующая церковь и старообрядчество в XVIII – начале XX в. Проблемы разграничения. По материалам Олонецкой епархии // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 3. С. 46–58.

20. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (вторая половина XVII – XIX в.). М.: Акад. проект, 2023. 332 с.

21. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2013. 334 с.

22. Романова Е. В. Массовые самосожжения в старообрядчестве (XVII–XIX века): практика и догматика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 26 с.

23. Романова Е. В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2012. 287 с.

24. Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVI века до конца XVIII). Исторический очерк по архивным документам. М.: Унив. тип, 1891. 170 с.

25. Сказки о дворцовых крестьянах Подвинской четверти Нижней, Верхней третей Важского уезда. Ч. 1, 2 // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 479.

26. Щипин В. И. Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М.: Лабиринт, 2003. XLV с.

27. Юхименко Е. М. Каргопольские «гари» 1683–1684 годов (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М.: Яз. слав. культур: А. Кошелев, 1994. С. 64–119.

28. 5-я ревизия 1795 г. Шенкурской округи. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2700.

REFERENCES

1. Ajvazyan K. V. *Istoriya otnoshenij russkoj i armjanskoj cerkvej v Srednie veka* [History of Relations Between the Russian and Armenian Churches in the Middle Ages]. Erevan, Izd-vo AN Armyanskoy SSR, 1989. 155 p.

2. Vovina-Lebedeva V. G. *Dvorcovaya volost Russkogo Severa v 1710-h godah (po materialam Kurgomeni)* [Palace Volost of the Russian North in the 1700s]. *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shveciya v XVII–XVIII vv.* [Novgorod Land, Saint Petersburg and Sweden in the 17th – 18th Centuries]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 166–248.

3. Vovina-Lebedeva V.G. Derevnya Kalininskaya Kurgominskoj volosti v XVII–XVIII vv.: opyt issledovaniya po materialam gosudarstvennyh opisaniy [Kalininskaya Village of Kurgomenskaya Volost' in the 17th–18th Centuries. Experience of Research Based on Materials of State Descriptions]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 4 (28), pp. 75-94.
4. Vovina-Lebedeva V.G. K voprosu o duhovnyh rospisyah v Rossijskoj imperii 1 pol. XIX v. kak istoricheskom istochnike [On the Issue of Confessional Books in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century as a Historical Source]. *Aktualnye voprosy istochnikovedeniya. T. 2* [Actual Questions of Source Studies. Vol. 2]. Vitebsk, Vitebsk. gos. un-t, 2023, pp. 29-31.
5. Vovina-Lebedeva V.G. Petr I i sudby Russkogo Severa (po materialam perepisnyh knig Vazhskogo uezda pervoj chetv. XVIII v.) [Peter the Great and the Fates of the Russian North (Based on the Census Books of the Vazhsky District of the First Quarter of the 18th Century)]. *Petr Velikij: issledovaniya i otkrytiya. K 350-letiyu so dnya rozhdeniya* [Peter the Great: Research and Discoveries. On the 350th Anniversary of the Birth]. Moscow, Centr gumanit. iniciativ Publ., 2022, pp. 175-183.
6. Vovina-Lebedeva V.G. Skladyvanie krupnyh krestyanskih rodov na Russkom Severe po materialam gosudarstvennyh opisaniy Vazhskogo uezda XVII – pervoj poloviny XVIII v. [Formation of Big Peasant Clans in the Russian North Based on the State Descriptions of the Vazhsky District from 17th to Early 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 96-107.
7. Imennaya vedomost zhitelej volostej Podvinskoj chetverti [Nominal List of Residents of the Volosts of the Podvinskaja Quarter]. *Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (daleye – GAAO)* [State Archive of the Arkhangelsk Region], f. 1, inv. 1, vol. 3, d. 3529, l. 241-271.
8. *Istorija Vygovskoj staroobryadcheskoj pustyni, izdana po rukopisi Ivana Filippova* [History of the Vygovskaya Old Believer Hermitage, Published According to the Manuscript of Ivan Filippov]. Saint Petersburg, Tip. tov-va «Obshchestvennaya polza», Izdanie D.E. Kozhanchikova, 1862. 480 p.
9. Kipriana, smirennogo mitropolita Kievskogo i vseya Rusi, otvet ko Afanasiyu, voprosivshemu o nekoih potrebnih veshchah [Cyprian's, the Humble Metropolitan of Kyiv and All Rus', Answers to Athanasius, Who Asked About Some Necessary Things]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6* [Russian Historical Library. Vol. 6]. Saint Petersburg, 1880, pp. 244-270.
10. *Kirillova kniga* [Kirillova Book]. Moscow, Moskovskiy pechatnyy dvor, 1644. 588 p.
11. Korogodina M.V. «Skazanie ob armenskoj eresi»: opyt izucheniya mifov [“Tale of the Armenian Heresy”: Experience in Studying Myths]. *Chelovek* [Human], 2012, no. 1, pp. 132-137.
12. Krestinin V.V. *Kratkaya istoriya o gorode Arhangel'skom* [Brief History of the City of Arkhangelsk]. Moscow, OGI, 2009. 174 p.
13. *Krestyanina Stepana Vasilevicha Churakova povestvovanie o tom, gde byl i chto videl, skitayas po debryam raskola, i kak Bozhiim miloserdie izveden byl na put istiny* [Peasant Stepan Churakov's Story about Where he was and What he Saw while Wandering through the Wilds of Schism, and How, by God's Mercy, he was led onto the Path of Truth]. Moscow, Tip. E. Lissner i Yu. Roman, 1884. 20 p.
14. O krestyanine Vasilii Churakove, prinadlezhavshem k chislu raskolnikov-samoszhigatelej [About the Peasant Vasily Churakov, Who Belonged to the Number of Schismatic Self-Immolators]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (daleye – RGADA)* [Russian State Archive of Old Acts], f. 7, inv. 1, 1746, d. 1059.
15. *Opisanie dokumentov i del, hranyashchihsya v Arhive svyatejshego pravitelstvuyushchego Sinoda. T. XXVI (1746)* [Description of Documents and Files Stored in the Archives of the Holy Governing Synod. Vol. 26 (1746)]. Saint Petersburg, Synodal. tip., 1907, col. 522-527.
16. Perepisnaya tyagolno-soldatskaya kniga Vazhskogo uezda [Book on Taxes and Soldiers of 1665 in Vazhsky Uyezd]. *Arhiv SPbII RAN* [Archives of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 115, inv. 1, d. 309.
17. Perepisnaya kniga 1677–1680 gg. Vazhskogo uezda Podvinskoj cheti [Census Book of the Podvinskaja Quarter of the Vazhsky Uezd of 1677–1680]. *Arhiv SPbII RAN* [Archives of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 115, inv. 1, d. 306.
18. Po Senatskomu vedeniyu i po donosheniyam preosvyashchennogo Varsonofiya, arhiepiskopa Arhangelogorodskogo, i Kancel'yarii tajnyh rozysknyh del o szhegshihsya v Arhangelogorodskoj eparhii Vazheskogo uezda Podvinskoj chetverti v Topeckoj volosti raskolnikah [According to the Senate's Jurisdiction and the Reports of His Grace Varsonofy, Archbishop of Arkhangelsk, and the Office of Secret Investigative Affairs on the Schismatics Who Were Burned in the Arkhangelsk Diocese of the Vazhesky District of the Podvinsky Quarter in the Topetskaya Volost]. *Rossijskij gosudarstvennyj*

istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive], f. 796, inv. 27, d. 333.

19. Pulkin M.V. *Gospodstvuyushchaya cerkov i staroobryadchestvo v XVIII – nachale XX v. Problemy razgranicheniya. Po materialam Oloneckoj eparhii* [Dominant Church and the Old Believers in the 18th – Early 20th Century. Problems of Delimitation. Based on Materials from the Olonetsk Diocese]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»* [Science Journal of Tver State University. History], 2016, no. 3, pp. 46-58.

20. Pulkin M.V. *Samosozhzheniya staroobryadcev (vtoraya polovina XVII – XIX v.)*. [Self-Immolations of Old Believers (Second Half of the 17th – 19th Centuries)]. Moscow, Acad. proekt Publ., 2023. 332 p.

21. Pulkin M.V. *Samosozhzheniya staroobryadcev (seredina XVII – XIX v.)* [Self-Immolations of Old Believers (Mid-17th – 19th Centuries)]. Moscow, Un-t Dm. Pozharskogo, 2013. 334 p.

22. Romanova E.V. *Massovye samosozhzheniya v staroobryadchestve (XVII–XIX veka): praktika i dogmatika: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Mass Self-Immolations in the Old Believers (17th – 19th Centuries): Practice and Dogma. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2005. 26 p.

23. Romanova E.V. *Massovye samosozhzheniya staroobryadcev v Rossii v XVII–XIX vekah* [Mass Self-Immolations in the Old Believers in 17th – 19th Centuries]. Saint Petersburg, Izd-vo Europ. un-ta, 2012. 287 p.

24. Sapozhnikov D.I. *Samosozhzhenie v russkom raskole (so vtoroj poloviny XVI veka do konca XVIII). Istoricheskij ocherk po arhivnym dokumentam* [Self-Immolation in the Russian Schism (From the Second Half of the 16th Century to the End of the 18th Century). Historical Essay Based on Archival Documents]. Moscow, Univ. tip., 1891. 170 p.

25. Skazki o dvorcovyh krestyanah Podvinskoj chetverti Nizhnej, Verhnej tretej Vazhskogo uезда. Ch. 1, 2 [Lists of the Palace Peasants of the Podvinskaya Quarter of the Lower, Upper Third of the Vazhsky District. Pt. 1, 2]. *RGADA* [Russian State Archive of Old Acts], f. 350, inv. 2, d. 479.

26. Shchipin V.I. *Staroobryadchestvo v verhnem techenii Severnoj Dviny* [Old Believers in the Upper Reaches of the Northern Dvina]. Moscow, Labirint Publ., 2003. XLV p.

27. Yuhimenko E.M. *Kargopolskie «gari» 1683–1684 godov (k probleme samosozhzhenij v russkom staroobryadchestve)* [Kargopol “Burnt-Outs” of 1683–1684 (On the Problem of Self-Immolation in Russian Old Believers)]. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.)* [Old Believers in Russia (17th – 18th Centuries)]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., A. Koshelev, 1994, pp. 64-119.

28. 5-ya reviziya 1795 g. Shenkurskoj okrugi [5th Revision of 1795 Shenkursk District]. *GAAO* [State Archive of the Arkhangelsk Region], f. 51, inv. 11, vol. 2, d. 2700.

Information About the Author

Varvara G. Vovina-Lebedeva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Deputy Director on Academic Cooperation, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaja St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

Информация об авторе

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научному сотрудничеству, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.8>

UDC 94:528.9(574)«17»

LBC 63.3(5Kaz)5-1

Submitted: 20.06.2024

Accepted: 05.05.2025

TWO 18th CENTURY MAPS OF THE OLD ISHIM AND THE NEW ISHIM BORDER LINES IN SIBERIA: DESCRIPTION AND HISTORIOGRAPHICAL CONTEXT

Sergei V. Rasskasov

Independent Scholar, Tobolsk, Russian Federation

Taissiya V. Marmontova

Astana International University, Astana, Kazakhstan

Kairat A. Abdrakhmanov

Astana International University, Astana, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* This paper focuses on the publication and analysis of two little-known maps from the mid-18th century, preserved in the 192nd collection of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). These maps are directly related to the history of the Old Ishim and New Ishim (also known as Presnogorkovskaya) borderlines. These lines marked the frontier between territories administered by the military and civil authorities of the Siberian and Orenburg provinces of the Russian Empire and the lands of the Kazakh steppe. The study aims to demonstrate the significance of these cartographic documents for understanding imperial frontier planning and decision-making during the 18th century. *Methods and materials.* The primary materials are two manuscript maps held in RGADA's 192nd collection. These documents include not only geographic representations but also narrative cartouches containing administrative and descriptive information. The study applies descriptive and historical-comparative methods, as well as spatial analysis and the method of "neighboring context." The combination of cartographic and textual analysis allows for a comprehensive interpretation of these historical artifacts. *Analysis.* The paper provides a detailed description of the maps and a transcription of the texts within the cartouches. These texts offer insights into how border lines were projected and justified, shedding light on Russian imperial decision-making processes in frontier governance. The analysis of historiographical literature reveals that such cartographic sources have received insufficient scholarly attention. This neglect limits the potential to understand the full scope of spatial and administrative strategies employed in 18th-century Russian expansion. The study highlights the need to treat maps not merely as illustrations but as integral historical sources. *Results.* The expected outcomes include the integration of these newly published sources into ongoing research on the history of Siberia and Kazakhstan, the stimulation of academic interest in historical cartography, and the recognition of maps as valuable tools for reconstructing imperial spatial practices. By bringing these maps into scholarly discourse, the paper contributes to both the regional historiography of Central Eurasia and methodological advancements in the use of visual documents in historical research. *Authors' contribution.* Sergei Rasskasov discovered the maps in the 192nd collection of RGADA, conducted their description, and prepared the transcriptions of the cartouches. Taissiya Marmontova and Kairat Abdrakhmanov contributed to the analysis of the historiographical context and the interpretation of the archival background. All authors participated in framing the theoretical approach and finalizing the analytical structure of the paper. *Funding.* This article was prepared within the framework of the Program-Targeted Funding of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN BR21882225, "The History of Northern Kazakhstan from Ancient Times to the Contemporary Period." Thanks to the kind assistance of the staff of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), we were able to locate the original of the "Captain Novosyolov's map," which was initially encountered as a photocopy of a fragment.

Key words: cartography, border lines, Siberia, Kazakh Steppe, Russian Empire, Middle Zhuz.

Citation. Rasskasov S.V., Marmontova T.V., Abdrakhmanov K.A. Two 18th Century Maps of the Old Ishim and the New Ishim Border Lines in Siberia: Description and Historiographical Context. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 79-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.8>

**КАРТЫ ИШИМСКОЙ И НОВОИШИМСКОЙ (ПРЕСНОГОРЬКОВСКОЙ) ЛИНИИ
СЕРЕДИНЫ XVIII в.: ПУБЛИКАЦИЯ, ОПИСАНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ****Сергей Валерьевич Рассказов**

Независимый исследователь, г. Тобольск, Российская Федерация

Тансия Викторовна Мармонтова

Международный университет «Астана», г. Астана, Республика Казахстан

Кайрат Амангельдинович Абдрахманов

Международный университет «Астана», г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* Материал направлен на публикацию и осмысление двух ранее не введенных в научный оборот карт середины XVIII в., хранящихся в фонде № 192 Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Эти карты отражают пространственную организацию Ишимской и Новоишимской (Пресногорьковской) пограничных линий, находившихся на стыке сфер влияния военной и гражданской администрации Сибирской и Оренбургской губерний Российской империи и казахских степных территорий. Особое внимание уделяется пониманию этих карт как исторических источников. *Методы и материалы.* В основе работы лежат карты из архива РГАДА (фонд 192), включающие картографические изображения и сопроводительные текстовые элементы (картуши). Применены описательный метод, историко-сравнительный анализ, метод пространственного анализа и подход «соседского контекста», позволяющий трактовать документы как элемент трансграничной и колониальной динамики. *Анализ.* Выполнены подробное описание картографических объектов и транскрипция текстов картушей. Установлена прямая связь между текстами и ключевыми административными решениями по обустройству пограничных линий. В контексте историографии подчеркнута недостаточная разработанность темы исторической картографии в исследованиях по истории Сибири и Казахстана XVIII века. Анализируется, как выявленные материалы могут скорректировать существующие интерпретации исторического пространства региона. *Результаты.* Публикация карт и текстов создает основу для дальнейших исследований в области имперской политики, трансграничного взаимодействия и административной географии XVIII века. Предполагается, что карты будут активно использоваться как аргументированный визуальный источник в гуманитарных и регионоведческих исследованиях. *Вклад авторов.* С.В. Рассказов осуществил выявление карт в фонде № 192 РГАДА, их описание и транскрипцию текстов. Т.В. Мармонтова и К.А. Абдрахманов участвовали в разработке историографического и архивного контекста. В интерпретации и теоретических подходах участвовали все три автора. *Финансирование.* Статья подготовлена в рамках Программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования РК ИРН BR21882225 «История Северного Казахстана с древнейших времен до новейшего времени». Благодаря любезной помощи сотрудников Российского государственного архива древних актов нам удалось найти оригинал «карты капитана Новоселова», первоначально попавшейся в виде фотокопии фрагмента.

Ключевые слова: картография, пограничные линии, Сибирь, Казахская степь, Российская империя, Средний жуз.

Цитирование. Рассказов С. В., Мармонтова Т. В., Абдрахманов К. А. Карты Ишимской и Новоишимской (Пресногорьковской) линии середины XVIII в.: публикация, описание и историографический контекст // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 79–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.8>

Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена ограниченным числом картографических источников, отражающих устройство и проектирование Ишимской и Новоишимской (Пресногорьковской) линий – важных элементов имперской пограничной по-

литики России в Южной Сибири и на севере Казахской степи в середине XVIII века.

Цель исследования – ввести данные карты в научный оборот и представить их как источники, отражающие пространственные управленческие решения Российской империи.

Задачи исследования:

- опубликовать описания карт и транскрипции текстов картушей;
- уточнить архивный и историографический контекст обнаруженных документов;
- показать значимость картографических источников для реконструкции административно-географических процессов.

В 2014 г. при поиске картографических материалов по юго-западной Сибири в фонде № 192 Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА)¹ была обнаружена единица хранения, обозначенная как «Карта части Сибири к югу от г. Тобольска...» (рис. 1) [12]. Это два листа фотобумаги формата А1 с копией рукописной карты 1730–1740-х гг., изображающей Ишимскую линию. Источник фотоконии установить не удалось – на ней отсутствуют картуш и опознавательные знаки, но содержательно карта уникальна. В 2018 г. в том же фонде была найдена оригинальная карта – «Ландкарта. Описание мест Исетской провинции» (рис. 2) [19], неочевидная по названию². Обозначение карты в описи не соответствовало содержанию, и было лишь началом длинного названия, простиравшегося в географическом отношении «...даже до реки Иртыша». Кроме «крепостей и фарпостов Исецкой провинции» на ней также обозначались «Тобольские, Ишимские и Тарского уезду фарпосты», и, как бы для рассеивания всех сомнений, в средней части карты была подписана «слобода Коркина» – «в ней Ишимское главное правление». В картуше стоял год изготовления – 1743 и, среди прочих, упоминался тогдашний командир Оренбургской комиссии Иван Неплюев, в нижней части карты, которая также не попала в фотоконии, в автографе копииста упоминался еще один год – 1745. Второе дело того же раздела первой описи оказалось не менее удачной находкой – карта 1745 г. [13]³, на которой еще не было построек Новоишимской линии, зато был изображен процесс поиска мест для них – рассматривались несколько вариантов прохождения линии и самый южный, в итоге реализованный (вдоль Камышловских озер), признавался «неспособным». В 1740-х гг. при подготовке проекта в Сенат шли геодезические изыскания и были споры о маршруте заложения линии, но найти доку-

мент, отображающий эти изыскания – фактически, часть «стенограммы процесса принятия решений» середины XVIII в., на наш взгляд – редкая удача.

Методы и материалы. Первая единица хранения (рис. 3) представляет собой рукописную, отрисованную черной тушью и раскрашенную карту форматом примерно 140*80 см, сложенную в 6 частей [19]. На западе, с севера на юг, она показывает нижнее течение Тобола, затем Исеть от устья до впадения в нее реки Миасс, затем Миасс до истока, а также верховья реки Яик (Урал) и все течение реки Уй, на востоке изображено среднее течение Иртыша от Ачаирского форпоста до города Тара и дальнейшего поворота Иртыша на запад. Таким образом, самым западным пунктом оказывается Верхнеяицкая крепость, самыми восточными – деревни по среднему Иртышу (округа села Каргашево и Большерецкого форпоста). На севере, у рамки карты, обозначен город Тобольск, на юге – течение Тобола чуть выше устья реки Уй, течение Ишима выше Бабашевского бора и течение Иртыша до Ачаирского форпоста. В координатах карты – от 0 до 15-го градуса долготы (нулевой меридиан по левой рамке карты), и от 53,5° с. ш. до 58° с. ш. Для середины XVIII в. съемка выполнена точно: отклонение по широте – около 0,5°, по долготе – около 1,5°. Отражены крупные и средние реки, озера, леса, города, крепости, форпосты, слободы; крепости Исетской провинции соединены желтой линией, Ишимской линии – зеленой. Линейный масштаб карты (10 верст в одном дюйме) обозначен в нижнем правом углу, рядом чернильная роспись «С подлинным засвидетельствован[о?] Геодезии [нрзб.] порутчик [Моисей / Моисеев?] [нрзб. – фамилия заверяющего?] 7 марта 1745 году». Картуш слева вверх, в нем следующая надпись:

ЛАНДКАРТА.

Описание мест Исецкой провинции от села Воскресенскаго

Тобольских Ишимских и Тарского уезду фарпостов даже
до реки Иртыша до большарецкого форпосту а от больша
рецакого фарпосту вверх по реке Иртышу до Омской
крепости которые фарпосты имеются между Сибири

Киргис кайсацкой степи и оные означенные фарпосты

во оной ландкарте значит по литерам.

A: тобольны

B: Ишимские

D: Тарского уезду.

Да во оной же ландкарте назначено ведомства Исецкой правинции

Построенные крепости и между фарпостов и крепостей

также и от оных фарпостов с неприятельскую сторону

где роз[ъ]езд бывает между построенных маяков по трактом

назначено краскою желтою.

Во оной же ландкарте приобщено вновь назначенной линии

между сибирскими жилами Киргис кайсацкими в степи

от реки Тобола от утяцкого фарпосту и до ишиму до устья

реки Ларихи а от ишиму до реки Иртышу и чернолуцкой Слободе

онай опись описывана и положена на ландкарту при помощи

капитана Ивана Новоселова да геодезистов Тобольския

дворянин Алексей Макшеев сын боярской Михайло Выходцов

да прислано от таинаго советника и ковалера Ивана Ива

новича Неплюева геодези[и] Ученик Семен Спорев, сего 1743

году под литерою E назна[ч]ено краскою празеленою.

За последние 30 лет карту видело девять человек, среди них В.Д. Пузанов, в настоящее время профессор кафедры истории и права Шадринского педагогического университета и исследователь русской картографической традиции, профессор кафедры картографии географического факультета МГУ В.С. Кусов (1935–2009).

Вторая единица хранения – это рукописная карта, отрисованная цветной тушью и затем раскрашенная, форматом ориентировочно 200*100 см, сложенная в восемь частей (рис. 4) [13]. На западе карта показывает среднее течение Тобола от устья реки Абуга (совр. Убаган) и ее притока Березовка до слободы Усть-Суерской (далее течение Тобола перекрывается картушем) и местности вокруг слободы Емуртлинской на притоке Тобола Емуртле. На востоке карта отображает сред-

нее течение Иртыша от Омской крепости до погоста Знаменского. Таким образом, самый западный, обозначенный на карте пункт – это Клепиковский форпост на реке Юргамыш, крайний восточный район – округа Такмыцкой слободы и села Каргашева на Иртыше. Самый северный пункт карты – это упомянутый погост Знаменский на Иртыше, кроме того, течение реки Ишим на север показано до слободы Орлово городище и течение Вагая – до деревни Кармацкой. На юге течение Тобола показано до устья Абуги, течение Ишима – до Бабашевского бора, течение Иртыша до устья Оми. В координатах карты – от $-0^{\circ}40'$ (то есть нулевой меридиан проведен через сорок угловых минут после обозначения рамки карты) до 10 градусов долготы, и от $54^{\circ}20'$ с. ш. до $56^{\circ}55'$ с. ш. Погрешность в определении широт – около десяти угловых минут, долгот – чуть более 15 минут⁴.

В пределах карты показаны реки, озера (в том числе Камышловские), леса, болота, урочища, населенные пункты и дороги. Основное содержание – рекогносцировочные «тракты» для новой границы: маршрут Кутузова, капитана Новоселова и безымянный – вероятно, старая Ишимская линия. Линейный масштаб размещен в нижней части карты, слева надпись «При Сенате копировал геодезии порутчик Василей [Сомов?] марта 3 дня 1748 года». Два картуша. Первый – узкий прямоугольник в верхней части с названием карты:

ЛАНДКАРТА

Сибирской Губернии от старого Утяцкого фарпоста к реке Иртыш у[и] Чернолуцкой Слободе где осматриваны места под линию от степи Киргискай-сацкой, 1745 года.

Второй картуш – в левом верхнем углу, с обширным пояснением:

НАДПИСЬ

От старого утяцкого фарпоста до чернолуцкой слободы которя места мною осматриваны значат те тракты синею краскою под литерою A, От реки Ишиму от урочища красного яру до чернолуцкой слободы оной тракт неспособен потому что камышловския озера соленья и горкия а хороших вод мало.

От чернолуцкой слободы через коркину слободу до утяцкого фарпосту оной тракт обозначен красною краскою из оных трактов от чернолуцкой

слободы до слободы коркиной и до старого утяцкого фарпоста и строению крепостей и редутов и линии способнее по осмотру моему нигде не явилось,

А как оной линии быть от старого утяцкого фарпоста и чернолуцкой слободы значится красная линия с редантами а при которых озера обозначены и крепости значат В редуты литерою С при которых крепостях и редутах назначены маяки а литерою D (?) между крепостей и редутов по линии обстоятельно маяков за лесами назначить невозможно по вышеписанному тракту от чернолуцкой слободы до утяцкого фарпоста по тракту оному имеетца лесу доволное число и строению годного от «4» до «8» вершков между которых лесов малые поляны земли черные для пашни способный в глубину от одного и до двух а местами и до трех четвертей аршина а где глина оных земель для пашни недовольно а для удовольствия пашенной лес надлежит рощищать

кошения сенной травы имеютца по лесам и в излучье болот и озер

для содержания скота больших поль не имеетца а имеютца небольшие поляны,

[новый столбец] для делания линии посему тракту земля черная и способная для лицования крепостей редутов и линий

тракт капитана новоселова обозначен зеленою краскою литерою E

а где имеютца фарпосты от реки тобола от старого утяцкого фарпоста до коркиной слободы а от коркиной С до абацкой слободы а от абацкой до реки иртышу и вверх по оной реке иртышу даже до чернолуцкой слободы которыя значат под литерою F

а от чернолуцкой слободы до старого утяцкого фарпоста места все лесные и от неприятеля за оными лесами опасные что может неприятель подбыхать поблизости крепостям которого усмотреть будет невозможно за оными лесами

расстояния по премым линиям от старого утяцкого фарпоста до коркиной слободы – 278S верст

от коркиной слободы до урочища чуцкой могилы по премым линиям 62S версты

от оного урочища чуцкой могилы намерено по премым же линиям до чернолуцкой слободы 184S версты

всего от старого утяцкого фарпоста до чернолуцкой по премым линиям 525S верст.,

у подлинного подписано тако

Падпалковник Василей Кутузов

сочинял геодезии прапорщик Иван Куроедов.

Лист использования документа, как минимум, за последние тридцать лет включает одиннадцать человек.

Анализ. Цель раздела – включение найденных карт в историографический контекст, подчеркивание значимости картографических источников и обозначение подходов к описанию и сравнению рукописных карт XVIII в. пограничным территориям России и Казахстана.

Первым об идее обновления Старой Ишимской линии и спорах по маршруту новой пишет П.А. Словцов⁵, но системную работу с архивами начал Г.Н. Потанин. С 1856 г. он делает выписки из Омского архива (порученные Ч. Валиханову⁶), затем работает с архивом штаба войск Западной Сибири, томскими архивами, продолжая исследования даже после ареста в 1865 году. В 1867 г. в Москве выходит его подборка архивных документов [21], переизданная в 2013 г. в Томске [29]. Глубина этой подборки до конца не изучена. Преимущество «Материалов...» Потанина особенно заметно в сравнении со «Сборником узаконений о киргизах Степных областей» И.И. Крафта [18]: если в «Сборнике...» лишь краткие аннотации, Потанин публикует полные тексты. Крафт однобоко освещает события 1740–1750-х гг., акцентируя казахские набеги и упуская ответные действия России. У Потанина – сбалансированная подборка, включая сведения о карательных акциях, плене, формах патриархального рабства и Джунгарии. Крафт сосредоточен на Оренбургском крае и Младшем жузе, Потанин – на Сибирской линии и Среднем жузе.

До середины XX в. сведения о двух линиях встречались в работах С.В. Бахрушина [4, с. 173–174], частных и обзорных источниках, включая «Статистическое обозрение...» Ф. Усова [35, с. 11–12]. В 1930-х гг. в Омск прибыл ссыльный украинский историк Н.В. Горбань, изучивший архивы Алматы, Тобольска и Омска, и написал ряд значимых трудов по истории Сибири. В 1953 г. он опубликовал в журнале «Вопросы географии» статью о Новоишимской линии [7], в которой дал обзор литературы по теме до 1950-х гг. [7, с. 206–210] и сослался на одну из первых работ по картографическим источникам – статью А.И. Андреева [1].

Горбань, используя материалы Потанина и собственные архивные находки, создал один из самых содержательных текстов по теме. Он показал, что идея обновления линии

исходно объяснялась джунгарской угрозой, хотя строительство началось после ее спада, а основное давление испытали казахи. Руководство сталкивалось с сопротивлением «выписных казаков» и непониманием нового порядка границы с обеих сторон [7, с. 217–218, 213, 219, 223–224].

Он также подробно рассматривает вопросы картографирования и споры о маршруте будущей Новоишимской линии. Упомянуто, что в 1742 г. И. Неплюев послал Куроедова описывать участок от Тобола до Чернолуцкой слободы, а в 1743–1745 гг. местность между Тоболом и Иртышом обследовали капитан Новоселов, Макшеев, подполковник Кутузов (вторая карта), премьер-майор Сташкеев и поручик Шишков [7, с. 211]. Со ссылками на Словцова, Потанина и других отмечается, что окончательный маршрут был утвержден после вмешательства Х. фон Киндермана.

С середины 1950-х гг. тема линейного строительства становится более популярной. Во втором томе «Истории Сибири» со ссылками на четыре работы (А.Д. Колесникова, Н.Г. Аполловой [3], И.Я. Златкина и М.М. Громыко) повторяются выводы Горбаня о военно-политической обстановке в момент обновления Ишимской линии и поселенческих следствиях переноса пограничной линии к югу, правда, без упоминания самого Горбаня. Там же указывается, что по поводу маршрута Старой Ишимской линии есть различающиеся мнения исследователей, вероятно, картографические источники редакторам и авторам тома были недоступны.

Далее перейдем к характеристике казахстанской историографии советского периода. Еще в 1950-х гг. появляется монография Н.Г. Аполловой [3], посвященная «экономическим и политическим связям Казахстана с Россией», где подробно описываются процессы линейного строительства XVIII в., в том числе, создание Новоишимской линии, картографирование пограничных территорий и различные проекты проведения Новой линии [3, с. 129–132, 135–136]. Автор, акцентируя внимание на роли Оренбургской экспедиции и И. Неплюева, рассматривает других участников строительства линий как исполнителей его замысла. Сами линии она связывает с отношениями России и Джунгарии – как защиту и для си-

бирского, и для казахского населения в случае войны. Не ссылаясь на Горбаня, Аполлова многое излагает из его выводов, добавляя к использованным архивным материалам документы из АВПР, в том числе некую «ландкарту капитана Новоселова»⁷. Наиля Ермухановна Бекмаханова рассматривает сибирское линейное строительство исключительно в контексте джунгарских событий, упоминая лишь фон Киндермана и обходя стороной фигуру Неплюева, а также затрагивает вопрос заселения северных территорий у Новоишимской линии, используя двойственный термин «крепостные казаки» [5, с. 72]. Казахстанская историография акцентирует иные аспекты: управление Ишимскими линиями как часть имперской политики в отношении казахов и других кочевых народов (джунгар, калмыков, башкир)⁸, а также как элемент «вынужденной обороны», где та же политика оценивается положительно.

С 1970-х гг. растет интерес археологов к укреплениям двух линий как к объектам изучения, и он сохраняется по сей день [20; 28]. В рамках казахстанской историографии выделяется статья петропавловского краеведа Беньюха 1974 г., посвященная описанию Новоишимской (Горькой) линии [6]. В 1970–1980-х гг. усиливается регионализация исследований, связанных с историческими, археологическими и картографическими аспектами двух Ишимских линий.

В 1990-е гг. в Сибири были защищены четыре диссертации по пограничной фортификации XVIII в.: А.Ю. Огурцова [25], В.Д. Пузанова [30; 31], С.Р. Муратовой [22], и одна в Северном Казахстане – А.Б. Шалгимбекова [36]. Огурцов и Пузанов подчеркивают «вынужденную оборону». Муратова, напротив, говорит об экспансионизме, но частично воспроизводит тезис обороны⁹. В.В. Пестерев показывает более сложную картину для XVII в., учитывая и иррациональные факторы – страх, ксенофобию и др. [27, с. 67–95]. На примере двух Ишимских линий тема линейного строительства раскрывается глубже, чем через общую внешнюю политику. Так, в диссертации А.Б. Шалгимбекова, основанной на материалах Потанина, Горбаня и архивов Омска, представлена многослойная картина событий середины XVIII в. [36, с. 51–67]. Коротко с

тезисами Шалгимбекова можно ознакомить в его работе 2015 г. [37], выводы Андрея Юрьевича Огурцова (Бобровского) развернуты в статье 1993 г. [38], для Владимира Дмитриевича Пузанова его диссертационные работы стали способом обобщить большой набор частных исследований. Можно выделить и целый ряд работ Светланы Раиловны Муратовой по теме линейного строительства в Сибири [22–24].

Пересекаются с нашим материалом статьи по смежным сюжетам – строительству соседних Иртышской и Кольвано-Воскресенской линий, которые также постигла своеобразная регионализация – их авторы, как правило, связаны с юго-востоком Западной Сибири [11; 14]. Особо хочется отметить комплекс материалов, изданных в Тобольске в 2015 г. – это календарь с научно-популярной публикацией 24 архивных карт и планов Омска и того, что в издании называется «Омским Прииртышьем» и приложение к этому календарю, содержащее две научные монографии [26]. Набор карт представляет попытку собрать все, что касается избранного региона, а вот сопровождающая их монография алтайских историков В.Б. Бородаева и А.В. Контева – это уже глубокое архивное исследование. Особенно ценной является их работа с фрагментом карты Сибири Петра Моисеева 1765 г. [33]: несмотря на ее типичность в части Новоишимской линии, она интересна с точки зрения исторической географии. На основе материалов Сенатского архива авторы подробно описывают геодезические изыскания, отразившиеся на анализируемых в статье картах¹⁰.

В заключение стоит упомянуть две ключевые работы, использующие картографические источники по Сибири, Оренбуржью и Казахстану XVIII в.: 6-й том «Истории Южного Урала» [32] и Сводный каталог карт Казахстана Г.Н. Ксенжик и Е.Т. Карина [17]. Первая богато иллюстрирована планами и «ландкартами» Куроедова и Новоселова, среди которых – ранняя версия «карты капитана Новоселова» [32, с. 270] и поздняя версия «карты Василия Кутузова» [32, с. 282–283].

Вторая монография – итог многолетних исследований Г.Н. Ксенжик по исторической географии Казахстана [15; 16] и повороту к

картографии [39]. Это масштабный каталог карт с 1600-х по 1910-е годы. Нас она интересует в связи с картой Куроедова 1742 г. [17, с. 135] и «Ландкартой Исецкой провинции» И. Алябьева [17, с. 136], составленной по ней. Также ценны сведения о рукописных сибирских и оренбургских картах XVIII в., начиная с 1710-х годов. Дальнейшие перспективы разработки как собственно темы Ишимских линий, так и более широко – пограничных отношений и дел в Сибири и Казахстане XVIII в., естественно, связаны с вовлечением новых архивных материалов – как картографических, так и текстовых.

Заключение. Предлагаемые вниманию читателей карты капитана Ивана Новоселова 1743 г. и подполковника Василия Кутузова 1745 г. – небезыңтересные документы по истории Сибири и Казахстана. Они не только восполняют информационные лакуны в теме Ишимских пограничных линий, но и дают новый взгляд на визуальные, пространственные и картографические практики XVIII столетия, а также на соответствующие аспекты культуры исследуемых обществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Картографический отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (имеется в виду МИД Российской империи, основной архив которого находился в Петербурге).

² Исетская провинция (1737–1781), входившая в Сибирскую, затем Оренбургскую губернии, располагалась юго-западнее средней части Тоболо-Иртышского междуречья, в районе Ишимской линии.

³ «Карта Сибирской губернии от старого Утяжского форпоста до реки Иртыша и до Чернолуцкой слободы...». В названии карты по описи имеется ошибка, связанная с неверным чтением – форпост носил название Утяцкий.

⁴ Для своего времени, когда «проблема долготы» еще решалась, точность карты была весьма высокой.

⁵ В «Историческом обозрении Сибири» указано, что по проекту Кутузова планировалось сократить линию до 426 верст, но Киндерман, следуя проекту Шишкова, настаивал на выводе линии к урочищу Звериная Голова – Кутузов возражал, ссылаясь на нехватку пресной воды [34, с. 467–468]. Словцов лишь раз упоминает указ 1743 г., остальные сведения не подтверждены. Возможно, он ис-

пользовал оригиналы документов в Тобольске в 1830-х гг., но его обзор не стремился к документальной точности. В 1838 г. генерал-губернатор с архивом переехал из Тобольска в Омск.

⁶ «Это выписки из областного архива, первые акты которого относятся к половине XVIII столетия. В архиве много интересных сведений о сношениях русских пограничных начальников с киргизскими родоначальниками и с князьями соседнего Джунгарского ханства, а также о торговле между Сибирью и городами Восточного Туркестана. В этом архиве заключается документальная история последних дней существования Джунгарского ханства. При живом сангвиническом характере Чокана эта работа, сама по себе интересная, но требовавшая усидчивости, оказалась не в его вкусе, он передал ее мне, и я успел пересмотреть архив от 1645 по 1755 год. Я делал выписки и передавал их Чокану, а Чокан отвозил их Гутковскому» [29, с. 7].

⁷ В конце раздела упоминаются карты капитана Новоселова и поручика Куроедова из РГИА и РГА ВМФ, вероятно, не идентичные, а части серии, где поздние копируют и дополняют ранние. Такое «копирование и одновременное редактирование» типично для эпохи рукописных карт.

⁸ Разработка тематики линейного строительства XVIII в. (с упоминанием интересующих нас Ишимских линий) продолжается. В качестве примеров можно привести работы М.Ж. Абдирова [2], З.Е. Кабульдинова и М.М. Козыбаевой [8] и Г.Т. Каженовой [9; 10].

⁹ «Нами были сделаны выводы, что строительство линий укреплений по южной границе Сибири было предпринято: во-первых, с целью организации посреднической торговли с казахами и народами Средней Азии; во-вторых, с целью создания плацдарма для дальнейшего продвижения в юго-восточном направлении; в третьих, с целью разобщения и усмирения башкир, казахов, калмыков и других мусульманских народов, объединения и общего противодействия России которых больше всего правительство опасалось» [22, с. 17].

¹⁰ Геодезист Иван Куроедов, составивший вторую карту 1745 г. [19], еще в 1742 г. создал «ландкарту от Тобола до Чернолуцкой слободы». Затем Новоселов, Макшеев и Выходцев чертят первую публикуемую карту [13] и предлагают спрямление старой Ишимской линии. Вслед за ними в Сибирь прибывает инженер-подполковник Кутузов – автор второй карты, который также должен был оценить возможность спрямления линии южнее Коркиной слободы [16, с. 209–211]; его мнение изложено в «Надписи» ко второй карте. Далее описывается его собственный проект и действия генерала фон Киндермана, направившего группы Сташкеева и Шишкова к урочищу Звериноголовскому, а затем совершившего туда поездку с Куроедовым и Сташкеевым. В итоге он подает в Сенат проект линии, реализованный впоследствии – от Омской крепости к урочищу Звериноголовскому [26, с. 211–212]. Таким образом, документы из Сенатского и других архивов дополняют карты, а карты – текстовые источники.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Ландкарта. Описание мест Исетской провинции... («Карта капитана Новоселова 1743 г.»), общий вид
Fig. 1. Map. Description of places in the Isetskaya province... («Captain Novoselov's map of 1743»),
general view

Примечание. Источник: [19].

Рис. 2. Карта Сибирской губернии от старого Утятского форпоста до реки Иртыша и до Чернолуцкой слободы... («Карта Василия Кутузова 1745 г.»), фрагмент с картушем

Fig. 2. Map of the Siberian province from the old Utyatsky outpost to the Irtysh River and to the Chernolutskaia settlement... («Vasily Kutuzov's map of 1745»), fragment with cartouche

Примечание. Источник: [13].

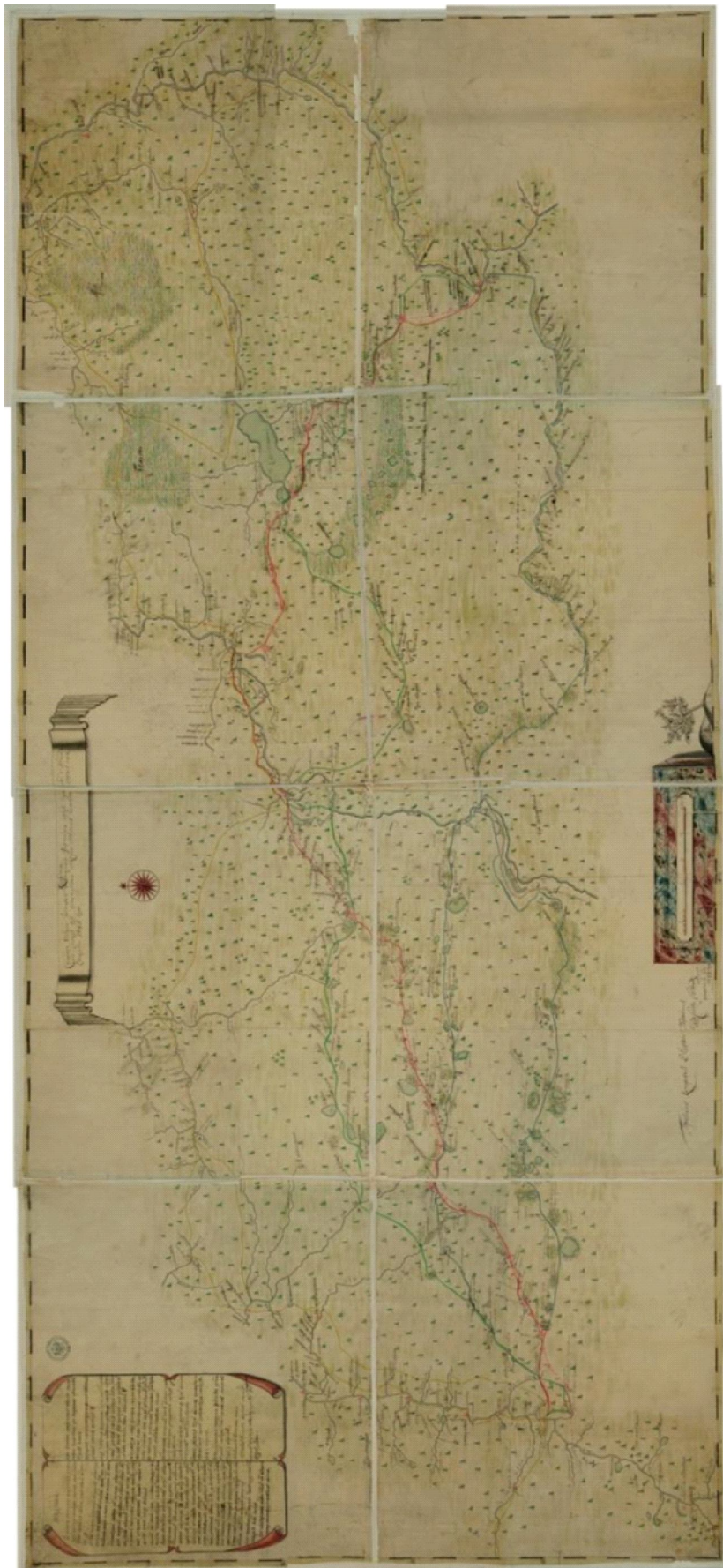

Рис. 3. Карта Сибирской губернии от старого Утяцкого форпоста до реки Иртыша и до Чернолуцкой слободы...
(«Карта Василия Кузузова 1745 г.»), общий вид

Fig. 3. Map of the Siberian province from the old Utyatsky outpost to the Irtysh River and to the Chernolutskaaya settlement...
("Vasily Kutuzov's map of 1745") general view

Примечание. Источник: [13].

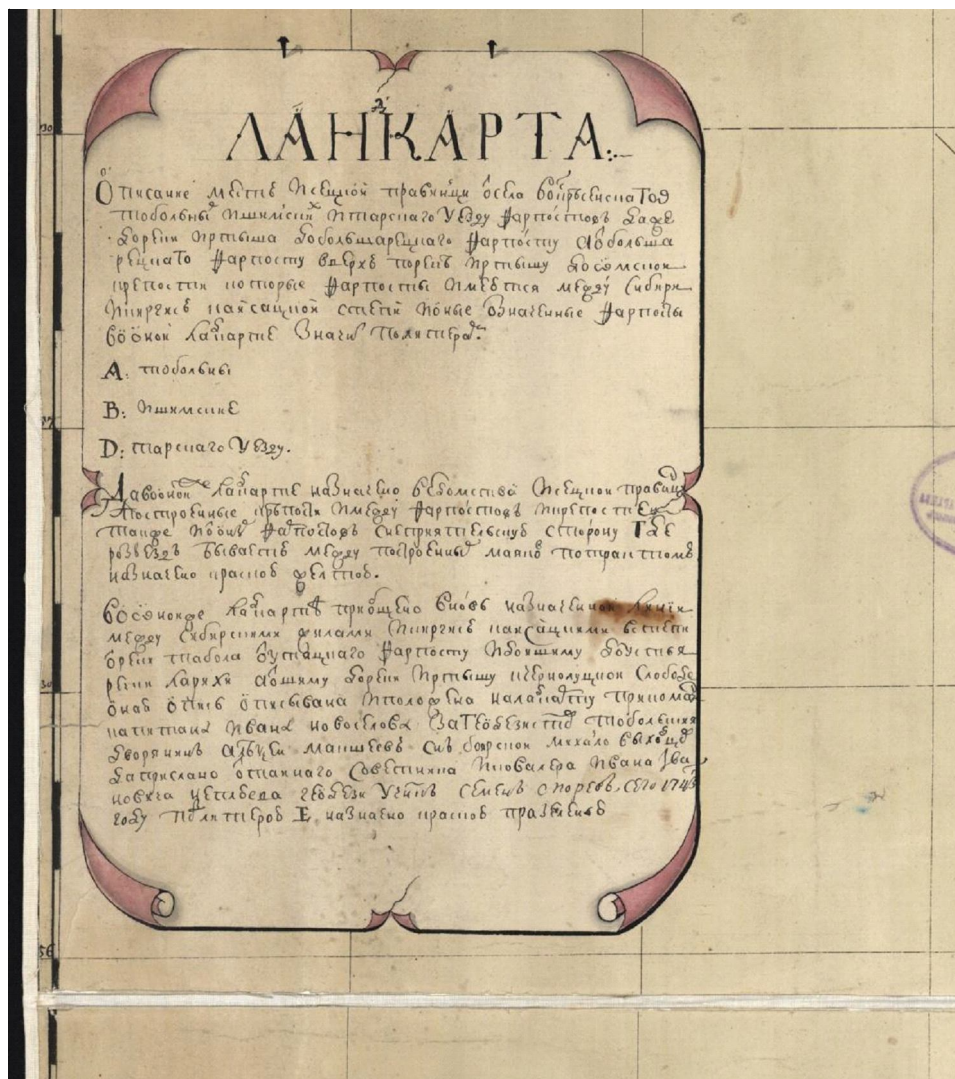

Рис. 4. Ландкарта. Описание мест Исетской провинции... («Карта капитана Новоселова 1743 г.»), фрагмент с картушем

Fig. 4. Map. Description of places in the Isetskaya province... ("Captain Novoselov's map of 1743"), fragment with cartouche

Примечание. Источник: [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. И. Топографические описания и карты Сибирских наместничеств 1783–1794 гг. и работы, связанные с ними // Вопросы географии. Сб. 17. М.: Изд-во Географгиз, 1950. С. 203–212.
2. Абдиров М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (Из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI – начале XX в.). Астана: Елорда, 2000. 304 с.
3. Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 456 с.
4. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1928. 199 с.
5. Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и северной Киргизии. М.: Наука, 1980. 297 с.
6. Бенюх М. И. Горькая линия. (Памятник военно-инженерного искусства XVIII в.) // Из истории Западной Сибири. Вып. 79. Омск: ОМГПИ им. М.А. Горького, 1974. С. 79–108.
7. Горбань Н.В. «Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей» // Вопросы географии. Сб. 31. М.: Изд-во Географгиз, 1953. С. 206–227.
8. Кабульдинов З. Е., Козыбаева М. М. Военные столкновения казахов с пограничными властями Российской империи в районе среднего Прииртышья (середина 1750-х гг.) // Shygys. 2020. № 1. С. 33–43.
9. Каженова Г. Т. Степной край Казахстана в геополитической стратегии Российской Империи // Проблемы Востоковедения. 2012. № 2 (56). С. 26–31.
10. Каженова Г. Т. Строительство Сибирских укрепленных линий в Казахской степи и движение к «естественным границам» Российской Империи // Южный Урал: история, историография, источники. Вып. 9 / отв. ред. С. Р. Муратова. М.: Каллиграф, 2021. С. 30–42.
11. Каменецкий И. П. Командующие войсками Сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 81–87.
12. Карта местности к югу от города Тобольска... // Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА). Ф. 192. Оп. 6. Д. 111. (Полноразмерная электронная копия доступна по ссылке. URL: <http://regionalanalytics.ru/science/sw-siberia/192-6-111.html>).
13. Карта Сибирской губернии от старого Утяцкого форпоста до реки Иртыша и до Чернолуцкой слободы... // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты, раздел I, Тобольская губерния. Д. 2. (Полноразмерная электронная копия доступна по ссылке. URL: <http://regionalanalytics.ru/science/sw-siberia/kutuzovmap.html>).
14. Контев А. В. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 51–56.
15. Ксенжик Г. Н. Историко-географическая характеристика городов степных областей Казахстана в XIX – начале XX века // Вестник Казахского национального университета им. Абая. Серия Исторические и социально-политические науки. 2008. № 3 (18). С. 7–12.
16. Ксенжик Г. Н. Историческая география степных областей Казахстана в XIX – начале XX вв. Алматы: Айсаным, 2015. 406 с.
17. Ксенжик Г. Н., Карин Е. Т. Сводный каталог картографических материалов по истории Казахстана XVII – начало XX вв. Алматы: Н-Press, 2023. 495 с.
18. Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург: скл. изд. у авт., 1898. 884 с.
19. Ландкарта. Описание мест Исетской провинции... // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты, раздел I, Тобольская губерния. Д. 1. (Полноразмерная электронная копия доступна по ссылке. URL: <http://regionalanalytics.ru/science/sw-siberia/novoselovmap.html>).
20. Матвеев А. В., Трофимов Ю. В. Результаты археологической деятельности ОГИК музея в 1998–2003 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск: ОГИК музей, 2003. С. 119–127.
21. Материалы для истории Сибири. Собрал Г.Н. Потанин. М.: Университ. тип. Катков и К°, 1867. 338 с.
22. Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 241 с.
23. Муратова С. Р. Отечественные исследования по истории фортификации Урала и Западной Сибири XVIII века // Южный Урал: история, историография, источники. Вып. 9. М.: Каллиграф, 2021. С. 92–112.
24. Муратова С. Р. Атлас Сибирских линий: фортификационная подготовка границ Российской империи в XVIII веке / сост. С. Р. Муратова. Киров: Изд-во МЦИТО, 2023. 139 с.
25. Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 22 с.
26. Омское Прииртышье картах и чертежах XVI – начала XIX века / гл. ред. Ю. П. Перминов; науч. ред. В. Э. Булатов; оформление И. Е. Лукьянов. Тобольск: Общ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2015. 384 с.
27. Пестерев В. В. Организация населения в колонизуемом пространстве (Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв.). Курган: Изд-во Кург. гос. ун-та, 2005. 238 с.
28. Поиск форпостов Ишимской линии XVIII века // Археологические Открытия 2001 г. М.: Наука, 2002. С. 444–446.

29. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г.Н. Потанина). Томск: Том. ун-т, 2013. 312 с.

30. Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье, конец XVI – начало XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. 25 с.

31. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: кон. XVI – нач. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 49 с.

32. Самигулов Г. Х., Маслоуженко Д. Н., Моисеев М. В. Южное Зауралье (первая треть XV – кон. XIX в.) // История Южного Урала. В 8 т. Т. 6. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2019. С. 238–327.

33. Сибирская генеральная карта, собранная из Атласа Российского и из прочих карт 1765 года // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты, раздел Н, Российского государства генеральные. Д. 13. (Полноразмерная электронная копия доступна по ссылке. URL: <http://regionalanalytics.ru/science/sw-siberia/moiseevmap.html>).

34. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II М.: Вече, 2006. 509 с.

35. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб.: Глав. упр. иррегулярных войск, 1879. 284 с.

36. Шалгимбеков А. Б. История военного продвижения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана (2-я пол. XVIII – 1-я треть XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Костанай, 2010. 178 с.

37. Шалгимбеков А. Б. Из истории строительства Новой (Новошшимской) линии // Третьи Ядринцевские чтения. Омск: Ом. гос. ист.-краевед. музей, 2015. С. 421–423.

38. Gherman U., Ogurcov A. Rußlands Frontier in Westsibirien. Zur Geschichte der Linien-Kosaken im 18 Jahrhundert // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 41. Jahrgang. 1993. Num. 5. S. 323–382.

39. Ksenzhih G., Kulshigashova M. Classification of Cartographic Materials of XVIII–XIX Centuries on the History of Kazakhstan // Journal of History. 2020. № 1 (96). P. 102–109.

REFERENCES

1. Andreev A.I. Topograficheskie opisanija i karty Sibirskikh namestnichestv 1783–1794 gg. i raboty, svjazannye s nimi [Topographical Descriptions and Maps of Siberian Vicegerencies in 1783–1794 and Related Works]. *Voprosy geografii. Sb. 17* [Problems of Geography. Coll. 17], Moscow, Geografiz, 1950, pp. 203–212.

2. Abdirrov M. Zh. *Zavoevanie Kazakhstana tsarskoj Rossiej i borba kazakhskogo naroda za nezavisimost (Iz istorii voenno-kazachyej kolonizatsii kraja v kontse XVI – nachale XX v.)* [Conquest of

Kazakhstan by Tsarist Russia and the Kazakh People's Struggle for Independence (From the History of Military-Cossack Colonization of the Region in the Late 16th – Early 20th Centuries)]. Astana, Elorda Publ., 2000. 304 p.

3. Apollova N.G. *Ekonomicheskie i politicheskie svjazi Kazakhstana s Rossiej v XVIII – nachale XIX v.* [Economic and Political Ties between Kazakhstan and Russia in the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. 456 p.

4. Bakhrushin S.V. *Oчерki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv.* [Essays on the History of Siberian Colonization in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo M. i S. Sabashnikov, 1928. 199 p.

5. Bekmakhanova N.E. *Formirovanie mnogonatsionalnogo naselenija Kazakhstana i severnoj Kirgizii* [Formation of the Multiethnic Population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 297 p.

6. Beniukh M.I. Gorkaja linija. (Pamjatnik voenno-inzhenernogo iskusstva XVIII v.) [Goryachaya Line (Monument of 18th-Century Military Engineering Art)]. *Iz istorii Zapadnoj Sibiri. Vyp. 79* [From the History of Western Siberia. Iss. 79]. Omsk, OMGPI im. M.A. Gorkogo, 1974, pp. 79–108.

7. Gorban N.V. *Iz istorii stroitelstva krepostej na jube Zapadnoj Sibiri: Novo-Ishimskaja linija krepostej* [From the History of Fortress Construction in Southern Western Siberia: The Novo-Ishimskaya Line of Fortresses]. *Voprosy geografii. Sb. 31* [Problems of Geography. Coll. 31]. Moscow, Geografiz, 1953, pp. 206–227.

8. Kabuldinov Z.E., Kozybaeva M.M. *Voennie stolknovenija kazakhov s pograničnymi vlastjami Rossijskoj imperii v rajone srednego Priirtysh'ja (seredina 1750-kh gg.)* [Military Clashes between Kazakhs and the Border Authorities of the Russian Empire in the Middle Irtysh Region (Mid-1750s)]. *Shygyz*, 2020, no. 1, pp. 33–43.

9. Kazhenova G.T. *Stepnoj kraj Kazakhstana v geopoliticheskoj strategii Rossijskoj Imperii* [Steppe Region of Kazakhstan in the Geopolitical Strategy of the Russian Empire]. *Problemy Vostokovedenija* [Problems of Oriental Studies], 2012, no. 2 (56), pp. 26–31.

10. Kazhenova G.T. *Stroitelstvo Sibirskikh ukreplennykh linij v Kazakhskoj stepi i dvizhenie k «estestvennym granitsam» Rossijskoj Imperii* [Construction of Siberian Fortified Lines in the Kazakh Steppe and the Movement Toward the “Natural Borders” of the Russian Empire]. Muratova S.R., ed. *Juzhnyj Ural: istorija, istoriografija, istochniki. Vyp. 9* [Southern Urals: History, Historiography, Sources: Interuniversity Collection of Scientific Articles]. Moscow, Kalligraf Publ., 2021, pp. 30–42.

11. Kamenetskij I.P. *Komandujushhie voyskami Sibirskikh ukrepljonnykh linij i ikh rol v oborone i osvoenii Juzhnoj Sibiri* [Commanders of the Siberian

Fortified Lines and Their Role in the Defense and Development of Southern Siberia]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military-Historical Journal], 2017, no. 10, pp. 81-87.

12. Karta mestnosti k jugu ot goroda Tobolska... [Map of the Area South of Tobolsk...]. *Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva drevnih aktov (daleye – RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f.192, inv. 6, d. 111. (A full-size electronic copy is available at the link. URL: <http://regionalanalytics.ru/science/sw-siberia/192-6-111.html>).

13. Karta Sibirskoj gubernii ot starogo Utjatskogo forposta do reki Irtysha i do Chernolutskoj slobody... [Map of the Siberian Governorate from the Old Utyatsky Outpost to the Irtysh River and Chernolutskaya Sloboda...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 192, inv. 1, Karty, razdel I, Tobolskaja gubernija, d. 2. (A full-size electronic copy is available at the link. URL: <http://regionalanalytics.ru/science/sw-siberia/kutuzovmap.html>).

14. Kontev A.V. Formirovanie vooruzhjonnykh sil na Irtyshskoj pograničnoj linii v seredine 1740-kh gg. [Formation of Armed Forces on the Irtysh Border Line in the Mid-1740s]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2016, no. 4, pp. 51-56.

15. Ksenzhič G.N. Istoriko-geograficheskaja kharakteristika gorodov stepnykh oblastej Kazakhstana v XIX – nachale XX veka [Historical-Geographical Characteristics of the Cities of the Steppe Regions of Kazakhstan in the 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Kazakhskogo natsionalnogo universiteta im. Abaja* [Bulletin of Abai Kazakh National University], 2008, no. 3 (18), pp. 7-12.

16. Ksenzhič G.N. *Istoricheskaja geografija stepnykh oblastej Kazakhstana v XIX – nachale XX vv.* [Historical Geography of the Steppe Regions of Kazakhstan in the 19th – Early 20th Centuries]. Almaty, Ajeanym Publ., 2015. 406 p.

17. Ksenzhič G.N., Karin E.T. *Svodnyj katalog kartograficheskikh materialov po istorii Kazakhstana XVII – nachalo XX vv.* [Consolidated Catalog of Cartographic Materials on the History of Kazakhstan from the 17th to the Early 20th Centuries]. Almaty, N-Press Publ., 2023. 495 p.

18. Kraft I.I. *Sbornik uzakonenij o kirgizakh Stepnykh oblastej* [Collection of Laws Concerning the Kirghiz of the Steppe Regions]. Orenburg, skl. izd. u avt., 1898. 884 p.

19. Landkarta. Opisanie mest Isetskoj provintsii... [Land Map: Description of the Places of the Iset Province...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 192, inv. 1, Karty, razdel I, Tobolskaja gubernija, d. 1. (A full-size electronic copy is available at the link. URL: <http://regionalanalytics.ru/science/sw-siberia/novoselovmap.html>).

20. Matveev A.V., Trofimov Ju.V. Rezultaty arkheologičeskoj dejatel'nosti OGİK muzeja v 1998–2003 gg. [Results of the Archaeological Activities of the Omsk State Historical and Local History Museum in 1998–2003]. *Izvestija Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedčeskogo muzeja* [Proceedings of the Omsk State Historical and Local History Museum], Omsk, OGİK muzej, 2003, pp. 119-127.

21. *Materialy dlja istorii Sibiri. Sobral G.N. Potanin* [Materials for the History of Siberia. Collected by G.N. Potanin]. Moscow, Universit. tip. Katkov i K^o, 1867. 338 p.

22. Muratova S.R. *Sibirskie ukrepljonnye linii XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Siberian Fortified Lines of the 18th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Ufa, 2007. 241 p.

23. Muratova S.R. Otechestvennye issledovaniya po istorii fortifikatsii Urala i Zapadnoj Sibiri XVIII veka [Domestic Studies on the History of 18th Century Fortification in the Urals and Western Siberia]. *Juzhnyj Ural: istoriya, istoriografiya, istochniki. Vyp. 9* [Southern Urals: History, Historiography, Sources: Interuniversity Collection of Scientific Articles. Iss. 9]. Moscow, Kalligraf Publ., 2021, pp. 92-112.

24. Muratova S.R., ed. *Atlas Sibirskikh linij: fortifikatsionnaja podgotovka granits Rossijskoj imperii v XVIII veke* [Atlas of the Siberian Lines: Fortification Preparation of the Borders of the Russian Empire in the 18th Century]. Kirov, izd. MCITO, 2023. 139 p.

25. Ogurtsov A.Ju. *Voенно-inženernaja politika Rossii na juge Zapadnoj Sibiri v XVIII v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Russia's Military-Engineering Policy in Southern Western Siberia in the 18th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Sverdlovsk, 1990. 22 p.

26. Perminov Ju.P., Bulatov V.E., Lukjanov I.E. *Omskoe Priirtyshye i gorod Omsk na kartakh, planakh i chertezhakh XVII – nachala XX veka* [Omsk Irtysh Region and the City of Omsk on Maps, Plans, and Drawings from the 17th to the Early 20th Century]. Tobolsk, Obshch. blagotv. fond «Vozrozhdeniye Tobolska», 2015. 384 p.

27. Pesterev V.V. *Organizatsija naselenija v kolonizuemom prostranstve (Očerki istorii kolonizatsii Zauralya kontsa XVI – serediny XVIII vv.)* [Organization of the Population in Colonized Space (Essays on the History of Colonization of the Trans-Urals from the End of the 16th to the Middle of the 18th Centuries)]. Kurgan, Izd-vo Kurgan gos. un-ta, 2005. 238 p.

28. Poisk forpostov Ishimskoj linii XVIII veka [Search for the Outposts of the 18th-Century Ishim Line]. *Arkheologičeskie Otkrytija 2001 g.* [Archaeological Discoveries of 2001], Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 444-446.

29. *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoričeskoj retrospektive XVIII veka*

(по документальным публикациям G.N. Potanina) [Space of Northern Kazakhstan and Siberia in the 18th Century (Based on Documentary Publications by G.N. Potanin)]. Tomsk, Tomsk. un-t, 2013. 312 p.

30. Puzanov V.D. *Voyenno-administrativnaya sistema Rossii v Yuzhnom Zauralye, konets XVI – nachalo XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Military-Administrative System of Russia in the Southern Trans-Urals, Late 16th – Early 19th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kurgan, 1999. 25 p.

31. Puzanov V.D. *Voyennyye faktory russkoy kolonizatsii Zapadnoy Sibiri: kon. XVI – nach. XVIII v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Military Factors of Russian Colonization of Western Siberia: Late 16th – Early 18th Centuries. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2010. 49 p.

32. Samigulov G.Kh., Masljuzhenko D.N., Moiseev M.V. Juzhnoe Zauralye [Southern Trans-Ural Region]. *Istoriya Juzhnogo Urala. V 8 t. T. 6* [History of the Southern Urals. In 8 Vols. Vol. 6]. Chelyabinsk, Izd-vo JuUrGU, 2019, pp. 238-327.

33. Sibirskaja generalnaja karta, sobrannaja iz Atlasa Rossijskogo i iz prochikh kart 1765 goda [Siberian General Map, Compiled from the Russian Atlas and Other Maps of 1765]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 192, inv. 1, Karty, razdel H, d. 13. (A full-size electronic copy is available at the link. URL: <http://regionalanalytics.ru/science/sw-siberia/moiseevmap.html>).

34. Slotvsov P.A. *Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II* [History of Siberia: From Yermak to Catherine II]. Moscow, Veche Publ., 2006. 509 p.

35. Usov F. *Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazachyego vojska* [Statistical Description of the Siberian Cossack Host]. Saint Petersburg, Main Directorate of Irregular Troops, 1879. 284 p.

36. Shalgimbekov A.B. *Istoriya voyennogo prodvizheniya i zakrepleniya Rossiyskoy imperii v severnom regione Kazakhstana (2-ya pol. XVIII – 1-ya tret XIX v.): dis. ... kand. ist. nauk* [History of the Military Advance and Consolidation of the Russian Empire in the Northern Region of Kazakhstan (2nd Half of the 18th – 1st Third of the 19th Century). Cand. hist. sci. diss.]. Kostanay, 2010. 178 p.

37. Shalgimbekov A.B. Iz istorii stroitelstva Novoj (Novoishimskoj) linii [From the History of the Construction of the New (Novo-Ishimskaya) Line]. *Tretyi Yadrinsevskiye chteniya* [Third Yadrinsev Readings]. Omsk, Om. gos. ist.-krayeved. muzey, 2015, pp. 421-423.

38. Gherman U., Ogurcov A. Rußlands Frontier in Westsibirien. *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, vol. 41, 1993, Num. 5, S. 323-382.

39. Ksenzshik G., Kulshigashova M. Classification of Cartographic Materials of XVIII–XIX Centuries on the History of Kazakhstan. *Journal of History*, 2020, no. 1 (96), pp. 102-109.

Information About the Authors

Sergei V. Rasskasov, Candidate of Sciences (Geography), Independent Scholar, Tobolsk, Russian Federation, sergei.rasskasov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3296-4026>

Taissiya V. Marmontova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Higher School of Arts and Humanities, Astana International University, Prosp. Kabanbay batyra, 8, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan, marmontova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297X>

Kairat A. Abdrakhmanov, Master of Sciences (International Studies), Vice President for International Cooperation and Student Affairs, Astana International University, Prosp. Kabanbay batyra, 8, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan, kairat.amangeldyuly@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7387-7191>

Информация об авторах

Сергей Валерьевич Рассказов, кандидат географических наук, независимый исследователь, г. Тобольск, Российская Федерация, sergei.rasskasov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3296-4026>

Таисия Викторовна Мармونتова, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Высшая школа искусств и гуманитарных наук, Международный университет «Астана», просп. Кabanбай батыра 8, 010000 г. Астана, Республика Казахстан, marmontova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297X>

Кайрат Амангельдинович Абдрахманов, магистр международных отношений, вице-президент по международному сотрудничеству и делам студентов, Международный университет «Астана», просп. Кabanбай батыра 8, 010000 г. Астана, Республика Казахстан, kairat.amangeldyuly@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7387-7191>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.9>

UDC 94(470+571)«19»:329.12
LBC 63.3(2)522-412

Submitted: 24.01.2025
Accepted: 02.04.2025

THE CONSERVATIVE LIBERALISM OF E.N. TRUBETSKOY: SOCIO-POLITICAL VIEWS OF THE EDITOR OF THE JOURNAL “MOSKOVSKII EZHENEDELNIK”

Nikita V. Neklyudov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The publishing and journalistic activities by E.N. Trubetskoy left a noticeable mark on the history of Russian socio-political thought of the early twentieth century. Two original political and philosophical currents of thought, “mirnoobnovlenchestvo” and “vekhovstvo”, took shape on the pages of the journal “Moskovskii ezhenedelnik,” edited by him. The purpose of this publication is to clarify the socio-political views of E.N. Trubetskoy and to establish their classification. *Methods and materials.* To disclose the topic, general scientific and special historical methods were used, including comparative historical and historical typological methods. The research was based on a structural and semantic analysis of Trubetskoy’s journalistic materials published in the “Moskovskii ezhenedelnik” in 1906–1910. *Analysis.* In his journal articles, E.N. Trubetskoy expressed a critical attitude towards the autocratic-bureaucratic order in imperial Russia. The publicist recognized the inevitability of the fall of the autocratic system, which for many years trampled on two fundamental principles of social development – individual freedom and public independence. The editor of the “Moskovskii ezhenedelnik” presented on the pages of the periodical his own views on the events of the First Russian Revolution, the nature and reasons of the defeat of the popular uprising. In addition, Trubetskoy paid attention to the problem of the Russian intelligentsia and the role of the educated minority in the revolutionary upheavals of 1905–1907. Trubetskoy’s journalism reflects the main ideas and provisions of his original concept of “Mirnoe obnovenie”, which contains a program of moderate progressive modernization of the state. *Results.* E.N. Trubetskoy’s affiliation to the ideological trend of conservative liberalism was established. The definition of this variation of liberal ideology is given. A general characteristic of Trubetskoy’s system of socio-political views is given.

Key words: E.N. Trubetskoy, journal “Moskovskii ezhenedelnik”, socio-political views, mirnoobnovlenchestvo, conservative liberalism.

Citation. Neklyudov N.V. The Conservative Liberalism of E.N. Trubetskoy: Socio-Political Views of the Editor of the Journal “Moskovskii Ezhenedelnik”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 95-106. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.9>

УДК 94(470+571)«19»:329.12
ББК 63.3(2)522-412

Дата поступления статьи: 24.01.2025
Дата принятия статьи: 02.04.2025

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК»

Никита Владимирович Неклюдов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Издательско-публицистическая деятельность Евгения Николаевича Трубецкого оставила заметный след в истории русской общественно-политической мысли начала XX столетия. На стра-

ницах редактируемого им журнала «Московский еженедельник» оформились два самобытных политико-философских течения – «мирнообновленчество» и «веховство». Цель настоящей публикации заключается в выяснении общественно-политических взглядов Е.Н. Трубецкого и установлении их классификации. *Методы и материалы.* Для раскрытия темы использованы общенаучные, а также специально-исторические методы: сравнительно-исторический и историко-типологический. Основу исследования составил структурно-смысловой анализ публицистических материалов Трубецкого, изданных в «Московском еженедельнике» в 1906–1910 годах. *Анализ.* В своих журнальных статьях Е.Н. Трубецкой выразил критическое отношение к самодержавно-бюрократическим порядкам в имперской России. Публицист признал неизбежность падения самодержавного строя, попиравшего долгие годы два фундаментальных принципа социального развития – свободы личности и самостоятельности общественности. Редактор «Московского еженедельника» представил на страницах периодического издания собственные взгляды на события Первой русской революции, характер и причины поражения народного восстания. Кроме того, Трубецкой уделил внимание проблеме русской интеллигенции и роли образованного меньшинства в революционных потрясениях 1905–1907 годов. В публицистике Трубецкого отражены основные идеи и положения его оригинальной концепции «мирного обновления», содержащей программу умеренно-прогрессивной модернизации государства. *Результаты.* Была установлена принадлежность Е.Н. Трубецкого к идейному направлению консервативного либерализма. Приведено определение данной вариации либеральной идеологии. Дана общая характеристика системы общественно-политических взглядов Трубецкого.

Ключевые слова: Е.Н. Трубецкой, журнал «Московский еженедельник», общественно-политические взгляды, мирнообновленчество, консервативный либерализм.

Цитирование. Неклюдов Н. В. Консервативный либерализм Е.Н. Трубецкого: общественно-политические взгляды редактора журнала «Московский еженедельник» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 95–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.9>

Введение. Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) – русский религиозный философ, профессор Императорского Московского университета, член Государственного совета (1907–1908, 1915–1917), активный участник земского движения, идеолог либеральных партий «Народная свобода» и «Мирное обновление». Широкую известность у современников Е.Н. Трубецкой снискал издательско-публицистической деятельностью, пик которой пришелся на нестабильные годы первой русской революции. В условиях острого политического кризиса был выпущен в свет журнал «Московский еженедельник» (1906–1910), в котором редактор Трубецкой изложил собственную программу достижения социального согласия путем умеренно-прогрессивного реформирования государства. По историческим меркам журнал просуществовал недолго, но, вопреки скоротечному закрытию, на страницах его успели оформиться самобытные направления философской и общественно-политической мысли – «мирнообновленчество» и «веховство».

Идейная платформа журнала «Московский еженедельник» лишь однажды становилась предметом специального исследования.

Советский историк Н.А. Балашова, опираясь на марксистскую методологию классового анализа, пришла к заключению, что издание Е.Н. Трубецкого служило «рупором контрреволюционной идеологии» либерально-монархических кругов буржуазии и помещиков. Балашова раскрыла в монографии программное родство журнала со сборником «Вехи». Однако принцип партийности, лежащий в основе исследования, не позволил автору объективно отразить широкий спектр мнений и позиций, представленных на страницах издания. В настоящее время необходимо критически переосмыслить выводы историка о недемократичности журнальной платформы и несоответствии ее «объективному ходу экономического и политического развития страны» [2, с. 176].

Традиционные для советской науки клише о Трубецком-политике были отвергнуты в исследовании Н.В. Нехамкиной, пришедшей к заключению, что общественно-политический идеал редактора «Московского еженедельника» составлял «либеральный христианский демократизм» [7, с. 4]. Изучение проблемы продолжил самарский историк Е.С. Досекин, признавший существенное влияние «интел-

лектуального христианского демократизма» Е.Н. Трубецкого на развитие либеральной мысли в России. Исследователь, мы полагаем, весьма поспешно определил Трубецкого «последовательным сторонником европейского либерализма» [5, с. 100]. Представляет интерес вступительная статья О.В. Волобуева и А.Ю. Морозова к сборнику избранных политико-философских сочинений братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких [3]. В этой работе авторы реконструировали процесс становления философских и политических воззрений видных мыслителей, прослеживая эволюцию их взглядов на разных жизненных этапах. Историки отметили тесное переплетение философских и политико-правовых идей Е.Н. Трубецкого и пришли к заключению, что братья Трубецкие, являясь по взглядам консервативными либералами, разделяли западнический идеал конституционной монархии, но занимали консервативную позицию в тактических вопросах организации государственного переустройства. Отдельные элементы политической программы Е.Н. Трубецкого раскрыты в статье С.М. Половинкина [9]. В исследовании подчеркивается кооперативная направленность практики и теоретических построений Трубецкого, выражавшаяся в стойком стремлении привнести в российскую политику христианские идеалы правды и справедливости. Внимания заслуживает совместная статья О.В. Волобуева и Н.Б. Хайловой, раскрывающая некоторые черты политического портрета Е.Н. Трубецкого сквозь призму его концепции «мирного обновления» [4]. Однако, как представляется, ограниченный круг первоисточников не позволил авторам в полной мере реализовать свой замысел. Таким образом, состояние историографической ситуации дает основание говорить о перспективности дальнейшего комплексного исследования политических воззрений Трубецкого и определения их места в системе политических координат.

Целью настоящей публикации является выяснение общественно-политических взглядов Е.Н. Трубецкого и, в частности, выявление доминантных идей и положений его «мирнообновленческой» концепции модернизации государственного строя России, а также установление их классификации.

Методы и материалы. Методологический инструментарий работы составили общенаучные (синтез, анализ, обобщение) и специально-исторические методы исследования: сравнительно-исторический и историко-типологический. Структурно-смысловой анализ первоисточников позволил определить идейно-политическую принадлежность Е.Н. Трубецкого, а также выявить специфические особенности его политико-философской концепции. Источниковая база исследования – публицистические материалы Трубецкого, напечатанные в «Московском еженедельнике» за четыре года издания журнала (март 1906 – август 1910).

Анализ. В программной статье «Московского еженедельника», вышедшего на арену идейно-политической борьбы в годы первой русской революции, Евгений Николаевич Трубецкой обратился к российскому обществу с призывом осмысления собственного исторического опыта. Он писал, что для успешного определения нового вектора общественно-политического развития народу надлежало понять подлинные причины «крушения» самодержавного строя [6, с. 2].

Е.Н. Трубецкой возложил историческую вину на российское самодержавие за последовательное отрицание универсальных, общечеловеческих начал. К их числу он относил принципы правового порядка, христианские нравственные начала и ценности «сверхнародной» культуры. Самодержавная власть, по мнению публициста, разместила на своем знамени «преходящие местные ценности – архаическую форму правления, византийское искажение христианства, бытовые особенности господствующего племени» [6, с. 5]. Реакционная политика «старого порядка», не связывающего своего существования с нравственными ценностями, неотступно вела к нарастанию социальной дезорганизации.

Всеобщее разобщение – наиболее характерная черта самодержавного строя для Е.Н. Трубецкого. В обществе, построенном на принципе сословной исключительности, практически отсутствовала органическая связь между людьми. Представители высших эшелонов власти, лишённые «общественного чутья» [33, с. 229], выражали полнейшее равнодушие к нуждам народа. Их заботы, как заметил публицист,

не шли далее поддержания положения имущих и господствующих классов. Страшный «грех» самодержавия заключался в решительном подавлении любых зачатков общественной инициативы и самостоятельности. Для власти, писал Трубецкой, само понятие общества служило синонимом «недозволительного» и «преступного» [6, с. 2]. Логическим следствием политики, запрещающей подданным Российской империи заботиться об общем благе, явилось укоренение классового эгоизма в сознании всех слоев населения.

Внутренний разлад российского социума усугубила недальновидная политика самодержавного правительства в отношении инородцев и жителей национальных окраин империи. Насильственная русификация, направленная на лишение нерусских народностей «индивидуальной физиономии», лишь сильнее расшатала общественный фундамент – поспособствовала росту националистических чувств и сепаратистских настроений.

На основании вышеизложенного можно заключить, что источником гибели самодержавия Е.Н. Трубецкой определил процесс его внутреннего разложения. В частности, внешнее единство власти скрывало в глубине своей анархию противоположных стремлений и интересов: разрыв сословий, классов, народностей; конфликт правительства с обществом; разлад между отдельными правительственными ведомствами. Трубецкой признал закономерным выступление народа против самодержавно-бюрократического строя, являвшегося по сути своей «антиправовым, антихристианским и бесчеловечным» [6, с. 5]. Однако христианское мировоззрение и стойкие политические убеждения, выражавшиеся в категорическом неприятии насильственных методов радикальной ломки социальных порядков, исключили возможность его личного участия в революционных акциях 1905–1907 годов.

Редактор «Московского еженедельника» представил в журнале критический анализ событий Первой русской революции, завершившейся, по его мнению, фактическим поражением освободительного движения и установлением «мнимоконституционного» режима думской монархии. Революция, как считал Трубецкой, так и не приобрела «общенародный» характер, оставаясь по форме разновидностью

«классового междоусобия» [29, с. 6], при котором различные социальные группы преследовали свои сословные и узкопартийные интересы. Революционный «вихрь», пронесшийся по стране, представлял собой стихийное движение, лишённое единой цели и определяющей идеологии. Следовательно, провал народного восстания был обусловлен, по Трубецкому, отсутствием в рядах оппозиции независимой силы, способной предложить обществу положительный идеал будущего и направить его энергию в конструктивное русло.

Кровавые эксцессы революционных лет, по мысли Е.Н. Трубецкого, явились прямым следствием «духовной болезни» общества и, в частности, радикальной интеллигенции, определявшей характер и направление освободительной борьбы. Симптомами духовного недуга интеллигенции публицист определил *атеизм и материализм, отщепенство, доктринерство и фанатизм*, а также *максимализм*, выражавшийся в формуле «все или ничего» [26, с. 4]. Перманентное впадение в крайности сводилось к тому, что русские радикалы на практике отвергали любые умеренные преобразования и уступки правительства. В этом категоричном отрицании «относительного» Трубецкой видел главную опасность всему освободительному делу в России. В своих статьях он стремился донести до читателей мысль, что «путь к идеалу есть лестница», а потому в деле государственного обновления следует приветствовать «всякое относительное усовершенствование» [16, стб. 15]. Таким образом, позиция Трубецкого в отношении мирозерцания, идеологии и политической практики радикальной интеллигенции носила сугубо критический характер. Мыслитель, по нашему глубокому убеждению, внес своей публицистической деятельностью весомый вклад в оформление веховской идеологии и концепции русской интеллигенции.

Проведенный нами фронтальный анализ публицистических материалов Е.Н. Трубецкого, напечатанных в журнале «Московский еженедельник», позволил выявить доминантные идеи и положения его политико-философской *концепции «мира и обновления»* или *«мирного обновления»* (по наименованию партийной организации, возникшей в 1906 г.). Название, как представляется, удачно отражает

ее стержневой замысел – достижение социального, или классового, национального согласия в стране путем мирного преобразования всех сфер общественной жизни.

Начнем рассмотрение содержания данной концепции с детального анализа ее ключевого компонента – программы реформирования государственного аппарата в России. Итак, политический идеал Е.Н. Трубецкого составляла *парламентарная конституционная монархия*. Редактор «Московского еженедельника» взывал со страниц своего периодического издания об осуществлении широкой модернизации основ государственного строя исключительно легальными средствами законотворческой работы народного представительства. В канун созыва Первой Государственной думы публицист заявлял об острой потребности преобразования Российской империи в подлинное *правовое государство*, для чего поручал депутатам «переустроить сверху донизу на конституционных началах все... государственное здание» [27, с. 103].

Е.Н. Трубецкой отдавал предпочтение именно парламентской системе организации верховной власти, при которой высший представительный орган наделен исключительным правом принятия важнейших управленческих решений в форме законов. Вывести страну из острого политического кризиса, как он считал, могли только народные избранники, выражающие подлинные интересы всех слоев общества. В переходный период российской истории Государственной Думе надлежало стать «сердцем государственного организма» [12, с. 6], центром общественной и политической жизни. Трубецкой объяснял, что устойчивое положение народного представительства в государственном механизме обуславливается наличием прочных общественных и национальных связей, тогда как связи эти формируются в процессе многолетней законодательной работы. Следовательно, парламентская деятельность должна приобрести «силу обычая» [31, с. 7] и стать частью политической культуры народа.

Непременным условием исполнения Государственной Думой своей исторической миссии являлось оформление в стенах народного представительства устойчивого «конституционного центра» из фракций либерального направления.

Трубецкой открыто заявлял, что большинство в Думе должно принадлежать сторонникам «легальной» и «конституционной» [30, с. 6] ответственной оппозиции, способной «сделать прочным свое положение и провести в жизнь... начала права и свободы» [1, с. 3]. Думскому «центру» в условиях открытого противоборства апологетов «революции» и поборников «старого порядка» более других полагалось позаботиться о сохранении порядка и законности.

Е.Н. Трубецкой настаивал на введении в Российской империи политической *ответственности правительства* перед Государственной Думой. Вотум доверия думского большинства, в соответствии с теорией парламентаризма, публицист рассматривал в качестве основного источника легитимности министерской власти. В свою очередь, это предопределяло обязательство правительства выходить в отставку в случае утраты доверия со стороны народного представительства.

В переломный период исторического развития в России должно было оформиться «конституционное» министерство, всецело поддерживающее реформаторский курс Думы. Страна нуждалась в правительстве, способном «стать во главе освободительного движения и проводить в жизнь демократические преобразования» [33, с. 230]. Следовательно, принципиальное значение имел персональный состав органа исполнительной власти. Так, в правительство, по замыслу Е.Н. Трубецкого, могли войти представители думского большинства [28, с. 295] или почтенные общественные деятели [21, с. 262]. Лишь в этом случае министерский кабинет мог исполнить посредническую роль объединяющего начала: связать монарха с думой, наладить совместную деятельность партийных организаций.

Публицистика редактора «Московского еженедельника» не содержит конкретной информации о месте и политической роли монарха при парламентарном устройстве государства. Проливает свет на данный вопрос программа Партии мирного обновления, в ЦК которой Трубецкой входил с 1906 года. Так, во второй статье документа говорится об участии государя в отправлении законодательной власти: «все вновь издаваемые законы, как основной, так и другие, требуют

согласия народного представительства и утверждения императора» [8, с. 3]. В том же порядке может происходить изменение, дополнение или отмена действующего закона.

В напряженных условиях политического кризиса Е.Н. Трубецкой писал в журнале о неотложной необходимости преобразования государственного строя в России на началах *всеобщей равноправности*. Требование уравнивания в правах всех подданных российской короны Трубецкой выводил из религиозных оснований, предполагающих признание «образа Божия во всяком человеке», а также «всеобщего царственного достоинства» людей. Ведь личность как одухотворенная и свободная сущность – «сама по себе цель», а следовательно, представляет «безусловную» ценность и не может быть низведена на степень средства [14, с. 41].

Миропонимание Е.Н. Трубецкого в большей степени соотносится с философским направлением *персонализма*, представители которого не противопоставляют свободные личности друг другу (как в индивидуализме), а признают полезность их взаимодействия и взаимовлияния.

Именно конституционный государственный строй должен был в полной мере обеспечить всестороннее развитие человеческой личности. Трубецкой пояснял, что внутренняя свобода позволяет человеку усвоить «вечное содержание», но для воплощения «Безусловной» правды в окружающей среде необходима свобода внешняя. Таким образом, истинное назначение правового строя заключается в предоставлении духовному началу реальной возможности «свободно осуществляться во внешней действительности» [37, с. 369]. Из вышеизложенного следует, что основанием правового порядка для Е.Н. Трубецкого, продолжившего интеллектуальную традицию Б.Н. Чичерина, служили метафизические начала.

Трубецкой разделял конституционно-демократический идеал, справедливо полагая, что устойчивость конституционализма обеспечивается наличием прочной социальной опоры, выражающейся в искренней поддержке со стороны всех слоев населения. Для приобретения народных симпатий требовалось, как считал публицист, практическое воплощение

комплексной программы демократических преобразований, затрагивающих все стороны общественной жизни. Следовательно, в российских условиях на длительное время мог утвердиться только конституционализм, проникнутый «духом» демократизма. Однако необходимо было «уложить демократическое содержание в конституционные формы», поскольку «демократизм антиправовой, – писал Е.Н. Трубецкой, – неизбежно вырождается в анархию» [24, с. 5], приводящую к установлению массового деспотизма – народовластия, основанного на праве силы большинства. На этот счет публицист замечал, что свободу отдельной личности может обеспечить только «очень сильная государственность» [13, с. 11]. Стало быть, конституционный демократизм должен в полной мере считаться с консервативным требованием сохранения правопорядка.

Редактор «Московского еженедельника» выступал против слепого копирования западных моделей развития без осуществления их должной адаптации к историческим и культурным особенностям национальной почвы. По мысли Трубецкого, российскому конституционному демократизму следовало «отлиться в формы, совместимые с патриотизмом, с традиционным русским монархизмом, с порядком и правом» [23, с. 6].

В публицистических статьях Е.Н. Трубецкой развил мысль о единстве конечной цели «конституционного демократизма» и «конституционного консерватизма» [23, с. 5], обосновав этим необходимость «вызревания» в стране самостоятельной политической силы, органически примиряющей в своей теории и практике либерализм с консерватизмом.

Перейдем далее к раскрытию экономической составляющей концепции «мирного обновления». В сфере экономики Е.Н. Трубецкой исходил из первостепенной необходимости повышения материального благосостояния основной трудящейся массы населения. Главным условием достижения в стране «мира классового» публицист определил справедливое решение аграрного вопроса.

Издатель «Московского еженедельника» признал неразумным торможение «искусственными преградами» стихийного и «исторически необходимого» процесса перехода земли

в крестьянскую собственность и создания «могущественного класса мелкой сельской буржуазии» [34, с. 419]. Трубецкой убеждал читателей журнала, что расширение крестьянского землевладения могло послужить одним из необходимых условий достижения социального мира и спокойствия. Помещиков публицист настойчиво предупреждал, что мера эта прямо неизбежна: «сохранение латифундий стало немыслимым; если земли не будут так или иначе отчуждены, раздроблены и переданы крестьянам, они рано или поздно будут захвачены» [34, с. 419]. Журнал транслировал обществу очевидную мысль о том, что обеспеченным классам в сложившейся в стране революционной обстановке лучше понести крупные материальные потери, нежели в одночасье лишиться всего достоинства [23, с. 5]. Как философ, мы полагаем, Трубецкой понимал, что нельзя остановить объективно развивающийся процесс, но можно попытаться направить его в приемлемое русло. Исходя из этого, он, с одной стороны, согласился с правильностью требования о расширении крестьянского землевладения за счет принудительного отчуждения частновладельческих земель, с другой – призвал установить четкие пределы отчуждения.

Е.Н. Трубецкой был последовательным противником аграрного социализма. Публицист доносил до подписчиков своего издания, что принцип верховенства народа на конкретной территории не обуславливает необходимости осуществления широкой национализации земельных ресурсов. Так как народное верховенство ограничено требованием достижения всеобщего блага, то и употребление земли, превыше всего, должно соответствовать принципу общественной пользы. Следовательно, в определенные исторические периоды, полагал Трубецкой, всеобщей пользе может служить не только общественная, но и частная собственность [18, с. 5].

Принципом *общественной полезности* Е.Н. Трубецкой предложил руководствоваться в вопросе отчуждения частновладельческих земель: обновленное законодательство должно было поспособствовать переходу земель в собственность тех, кто был в состоянии извлечь из нее большую экономическую пользу для общества. Так, принудительному отчуж-

дению, согласно данному принципу, должны были подлежать следующие категории помещичьих земель: нерентабельные земли, на которых *землевладельцы не вели собственного хозяйства*; земли, *сдаваемые крестьянам в аренду*, служащие тем самым «орудием эксплуатации»; земли, *обрабатываемые крестьянским инвентарем* за деньги. Сокращению в условиях крайней необходимости должны были подлежать и частновладельческие земли, обрабатываемые инвентарем помещика, при наличии возможности их более интенсивной обработки [18, с. 11]. В то же время Е.Н. Трубецкой писал о необходимости сохранения помещичьего землевладения в тех пределах, в которых оно могло служить увеличению государственных объемов сельскохозяйственного производства. Государству надлежало оградить от дробления показательные, высококультурные помещичьи хозяйства, развитие которых стало результатом умственного труда и капиталовложений собственника.

На протяжении всего периода издания «Московского еженедельника» Е.Н. Трубецкой рьяно отстаивал начала *крестьянской собственности*. Именно формирование в Российской империи самодостаточного класса земледельцев-собственников определялось публицистом в качестве обязательного условия подъема производительности отечественной экономики. Для достижения этой цели отчужденные государством частновладельческие земли Трубецкой предлагал передать в полную собственность общин или отдельных лиц. В этом аспекте аграрной программы мирнообновленец решительно разошелся с теоретиками кадетской партии, выдвинувшими проект расширения крестьянских земельных наделов на арендных началах долгосрочного пользования без права переуступки. В ходе печатной полемики Трубецкой сформулировал некоторые преимущества титульного владения землей над временным пользованием. В частности, право собственности должно было оказать благотворное влияние на народную психологию – воспитать в земледельческом населении сознание личной независимости и чувство ответственности за собственную жизнь. Кроме того, результатом расширения крестьянского землевладения мог стать существенный

приток капитала в деревню. Ведь полноправному владельцу, пояснял Трубецкой, стало бы легче получить под земельный залог ссуду на приобретение средств производства. При этом публицист честно признал, что развитие мелкой крестьянской собственности не остановит процесс пролетаризации сельской бедноты, но существенно облегчит исход из деревень.

Е.Н. Трубецкой многократно подчеркивал, что решение аграрного вопроса в стране не могло быть ограничено одними лишь мероприятиями по увеличению крестьянского землевладения. Для реального роста народного благосостояния и повышения производительности сельского хозяйства требовалось существенное улучшение качества крестьянского земледелия. С этой целью имперскому правительству, по замыслу Трубецкого, одновременно с политикой приватизации надлежало реализовать широкую программу интенсификации земледельческих хозяйств: направить денежные средства на закупку современных орудий производства и увеличение поголовья скота [34, с. 417].

Издатель «Московского еженедельника» Е.Н. Трубецкой не скрывал от читателей журнала глубокой антипатии к крестьянской общине, усматривая в ней главный тормоз экономического развития земледельческого сословия, но вместе с тем считал недопустимым «отдать ее на экспроприацию кулакам» [19, с. 5]. Эта позиция вполне объясняет двойственное отношение публициста к аграрным преобразованиям П.А. Столыпина. С одной стороны, он поддержал общую направленность правительственной реформы, согласившись с необходимостью создания правовых условий для естественного и постепенного разложения крестьянской общины. С другой – категорически не принял способы ликвидации общинного землевладения, изложенные в тексте Высочайшего указа от 9 ноября 1906 года. Трубецкой опасался деструктивных последствий вкрапления частных земельных участков во владения общины: расстройств коллективного хозяйства; усиления зависимости рядовых общинников от местного кулачества; возрастания социальной напряженности. Заметим, что Трубецкому так и не удалось сформулировать конкретные предложения по этому аспекту земельного вопроса.

Журнальные материалы содержат лишь абстрактное заключение редактора, что единственно легальным источником ликвидации общинного владения могла быть признана совокупная воля коллективного собственника – общины, но не частные волеизъявления отдельных ее членов.

Таким образом, «ядро» аграрной программы Е.Н. Трубецкого составили следующие принципиальные положения: упразднение общинного землевладения, образование мелкой крестьянской собственности и интенсификация хозяйства.

Сохранение единства и целостности Российской империи редактор «Московского еженедельника» ставил в прямую зависимость от качества решения национального вопроса, стремительно усиливавшего тенденции поляризации общества. В целях реального укрепления государственности и восстановления социальной стабильности Е.Н. Трубецкой призывал царское правительство отрешиться от националистического курса «племенного эгоизма», десятилетиями разлагавшего общество, и, прежде всего, позаботиться о «внутреннем объединении разноплеменного населения империи» [20, с. 5]. Непременным условием достижения консолидации публицист определил устранение главного источника межнациональной конфронтации – неравенства правового статуса народностей. «*Мир племенной*», согласно концепции Трубецкого, мог быть построен только на прочном фундаменте «сверхнародной, общечеловеческой правды» [32, с. 13], требовавшей от верховной власти признания во всей широте *ценности человеческой жизни*, и, следовательно, законодательного закрепления *всеобщего равноправия*. Правительству надлежало сделать инородцев и жителей национальных окраин полноправными подданными российской короны, а также заинтересовать их в общем деле сохранения и развития государства. Из анализа публицистических материалов Е.Н. Трубецкого становится очевидным, что мыслитель признавал созвучной духу и запросам времени только государственную национальную политику, направленную на формирование единой гражданской нации.

Неотъемлемым элементом разумной национальной политики Е.Н. Трубецкой считал

юридическое признание *права народностей на культурное самоопределение*. Главным образом речь шла о предоставлении коренному населению национальных окраин Российской империи языковой свободы в сферах образования и судопроизводства, а также свободы совести и вероисповедания. В этой связи вспоминается замечание редактора «Московского еженедельника», что государственное единство в России в принципе возможно исключительно как «единство в разнообразии» [6, с. 4].

Трубецкой являлся убежденным сторонником *унитаризма*, а потому не признал право народностей на политическое самоопределение и выход из состава Российского государства. В решении национального вопроса публицист не шел далее предоставления российским регионам *широких прав местного самоуправления* при сохранении *верховенства имперского законодательства*. Публицист допускал восстановление частичной автономии Царства Польского лишь при юридическом закреплении гарантий «сохранения русского государственного единства», а также «ограждения прав и интересов русского меньшинства в Польше» [17, с. 11].

Новый курс национальной политики, по мнению Е.Н. Трубецкого, мог быть использован имперским правительством в качестве инструмента внешнеполитического влияния. Формирование положительного образа государства за рубежом, «мягкая сила» культурного и идейного воздействия могли открыть Российской империи окно возможностей для приобретения прочных симпатий славянского мира и шире – занятия прочного положения в Европе [22, с. 4].

Установление в России конституционного порядка Е.Н. Трубецкой ставил в прямую зависимость от качества развития народного образования. Будущее страны, как он считал, находится в руках учителя в широком значении слова и определяется не столько даже политической деятельностью, сколько культурно-просветительской и воспитательной работой. В журнальных публикациях Трубецкой призывал государственную власть в первую очередь позаботиться о повышении уровня грамотности населения, поскольку этим она «эмансипирует личность, воспитает сознательность в массах, подготовит почву для демократических учреждений» [36, с. 7].

Красной нитью в «Московском еженедельнике» проходит мысль Е.Н. Трубецкого о невозможности достижения существенных изменений государственного строя без духовного обновления общества. Ведь пока население находится в состоянии «паралича» и «разложения», самые лучшие учреждения остаются «бессильны» [35, стб. 2]. Трубецкой, подобно веховцам, признавал *примат духовной жизни личности* над жизнью материальной. Однако это умозаключение не подразумевало, в его понимании, отрицания активной общественной деятельности. Напротив, вследствие внутреннего преобразования у человека формируются новые стимулы, побуждающие его к преобразованию окружающей действительности [10, стб. 5]. Трубецкой, будучи преданным сторонником идеи гражданского общества, как-то заметил, что даже «революционная романтика с ее химерами и утопиями» не так вредна, как общественная «апатия» [11, с. 5].

Концепция духовного возрождения общества Е.Н. Трубецкого была насквозь проникнута славянофильской идеей *соборности*. На плечи интеллигенции публицист возложил нравственную обязанность восстановления в стране христианской общественности. Культурной и воспитательной деятельностью творческому меньшинству следовало привить народу «вечные» [25, с. 15] ценности и этические принципы христианства. Трубецкой объяснял их значимость тем, что только универсальные начала христианской культуры могли объединить разрозненные «атомы» в единый общественный организм. В качестве новой основы общественного строения мыслитель предложил христианский идеал всеобщей человеческой солидарности [15, с. 9].

Результаты. Общественно-политические взгляды Е.Н. Трубецкого представляют вариацию *консервативного либерализма* – идеологии, занимающей промежуточное положение между классическим либерализмом и либеральным консерватизмом; синтезирующей начала индивидуальной свободы личности и сильной государственности, экономического либерализма и социальной ответственности; направленной на поступательное достижение социальных инноваций при учете национальных особенностей и разумном сохранении традиций.

Свобода личности – краеугольный камень идеологии Е.Н. Трубецкого. Категория эта представляла для публициста высшую ценность, что отнюдь не предполагало признание ее абсолютного, безграничного характера. Напротив, подлинное осуществление индивидуальной свободы в общественной жизни, по Трубецкому, возможно лишь при условии существования определенных ограничений, как внешних со стороны государства, так и внутренних, связанных с христианской нравственностью и духовным саморазвитием. Трубецкой, в отличие от сторонников светского либерализма, выводил свободу и права человека из религиозных оснований. Личность для него – не автономная единица, а неотъемлемая часть объединенного духовными началами социума. Трубецкой-политик разделял консервативные ценности стабильности и порядка, а потому поддерживал разумное сохранение политических традиций нации, обуславливающих устойчивость властных институтов. Внедрение в стране либеральной демократии и парламентарного строя в его концепции органически сочетается с искренней преданностью монархической идее. Публицист выступал за сильную, хотя и ограниченную правом государственную власть, способную поддерживать в стране правопорядок, а следовательно, обеспечивать права и свободы личности. В экономической сфере Трубецкой отстаивал начала частной собственности и предпринимательской свободы, однако признавал необходимость государственного регулирования для защиты наиболее уязвимых слоев населения. Экономика, в его представлении, должна служить интересам всего общества, а не отдельных собственников. Кроме того, достижение социальной стабильности публицист ставил в прямую зависимость от сохранения традиционных культурных и моральных ценностей. Ведь культура – не поле для экспериментов и радикальных изменений, а средство формирования национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 20 февраля // Московский еженедельник. 1907. № 8. С. 3–5.
2. Балашова Н. А. Российский либерализм начала XX века: банкротство идей «Московского еженедельника». М.: Изд-во МГУ, 1981. 182 с.
3. Волобуев О. В., Морозов А. Ю. Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие // Сергей Николаевич Трубецкой, Евгений Николаевич Трубецкой. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–44.
4. Волобуев О. В., Хайлова Н. Б. Концепция мирного обновления Е.Н. Трубецкого: «обновление России должно быть ее очеловечиванием» // Прошлое и будущее либерализма в России – итоги и перспективы изучения. Орел: Изд. А. Воробьев: ОРЛИК, 2021. С. 98–109.
5. Досекин Е. С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2014. 114 с.
6. Москва 5 марта // Московский еженедельник. 1906. № 1. С. 2–5.
7. Нехамкина Н. В. Общественно-политическая деятельность и взгляды Е.Н. Трубецкого: 1863–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 238 с.
8. От партии мирного обновления. СПб.: Тип. К.Ф. Далин, 1906. 11 с.
9. Половинкин С. М. Нравственная политика кн. Е.Н. Трубецкого // Евгений Николаевич Трубецкой. М.: РОССПЭН, 2014. С. 163–175.
10. Трубецкой Е. Н. «Вехи» и их критики // Московский еженедельник. 1909. № 23. Стб. 1–18.
11. Трубецкой Е. Н. Апатия и реакция // Московский еженедельник. 1907. № 37. С. 3–6.
12. Трубецкой Е. Н. Атмосфера роспуска // Московский еженедельник. 1907. № 15. С. 3–8.
13. Трубецкой Е. Н. Великая Россия // Московский еженедельник. 1908. № 11. С. 3–13.
14. Трубецкой Е. Н. Всеобщее, прямое, тайное и равное // Московский еженедельник. 1906. № 2. С. 39–41.
15. Трубецкой Е. Н. Где же, наконец, Россия? // Московский еженедельник. 1906. № 24. С. 3–9.
16. Трубецкой Е. Н. Гоголь и Россия // Московский еженедельник. 1909. № 16. Стб. 1–18.
17. Трубецкой Е. Н. Идеиные основы партии «мирного обновления» // Московский еженедельник. 1906. № 41. С. 5–19.
18. Трубецкой Е. Н. К аграрному вопросу // Московский еженедельник. 1906. № 16. С. 3–12.
19. Трубецкой Е. Н. К аграрному вопросу // Московский еженедельник. 1908. № 32. С. 3–7.
20. Трубецкой Е. Н. К вопросу о равноправии // Московский еженедельник. 1906. № 35. С. 5–8.
21. Трубецкой Е. Н. К началу думских заседаний // Московский еженедельник. 1906. № 9. С. 262–264.
22. Трубецкой Е. Н. К приезду славянских гостей // Московский еженедельник. 1908. № 20. С. 1–5.
23. Трубецкой Е. Н. Кадеты и Октябристы // Московский еженедельник. 1907. № 30. С. 3–11.
24. Трубецкой Е. Н. Кадеты и Октябристы // Московский еженедельник. 1907. № 28. С. 3–12.

25. Трубецкой Е. Н. Конец революции в современном романе // Московский еженедельник. 1908. № 17. С. 3–15.
26. Трубецкой Е. Н. Максимализм // Московский еженедельник. 1907. № 32. С. 3–12.
27. Трубецкой Е. Н. Москва 26 марта // Московский еженедельник. 1906. № 4. С. 102–104.
28. Трубецкой Е. Н. Москва, 11 мая // Московский еженедельник. 1906. № 10. С. 294–296.
29. Трубецкой Е. Н. Облик и зеркало // Московский еженедельник. 1906. № 23. С. 3–7.
30. Трубецкой Е. Н. Парадоксы современной общественной жизни // Московский еженедельник. 1906. № 27. С. 3–9.
31. Трубецкой Е. Н. Партийность и пошлость // Московский еженедельник. 1907. № 36. С. 3–8.
32. Трубецкой Е. Н. Патриотизм и союз 17 октября // Московский еженедельник. 1906. № 38. С. 7–13.
33. Трубецкой Е. Н. Перемена министерства // Московский еженедельник. 1906. № 8. С. 227–230.
34. Трубецкой Е. Н. По поводу аграрного законопроекта // Московский еженедельник. 1906. № 14. С. 416–420.
35. Трубецкой Е. Н. Режим и общество // Московский еженедельник. 1909. № 33. Стб. 1–6.
36. Трубецкой Е. Н. Третья Дума // Московский еженедельник. 1907. № 41. С. 3–8.
37. Трубецкой Е. Н. Учение Б.Н. Чичерина о сущности и смысле права // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 5 (80). С. 353–381.

REFERENCES

1. 20 fevralia [February 20]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1907, no. 8, pp. 3-5.
2. Balashova N.A. *Rossiiskii liberalizm nachala XX veka: bankrotstvo idei «Moskovskogo ezhenedelnika»* [Russian Liberalism of the Early Twentieth Century: Bankruptcy of the Ideas of the “Moscow Weekly”]. Moscow, Izd-vo MGU, 1981. 182 p.
3. Volobuev O.V., Morozov A.Iu. Sergei Nikolaevich i Evgenii Nikolaevich Trubetskie [Sergey and Evgeny Trubetskoy]. *Sergei Nikolaevich Trubetskoi, Evgenii Nikolaevich Trubetskoi. Izbrannoe* [Sergey Trubetskoy, Evgeny Trubetskoy. Favourites]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 5-44.
4. Volobuev O.V., Khailova N.B. Kontsepsiia mirnogo obnoveniia E.N. Trubetskogo: «obnovlenie Rossii dolzhno byt ee ochelovechivaniem» [E.N. Trubetskoy’s Concept of Peaceful Renewal: “Renewal of Russia Must Be Its Humanization”]. *Proshloe i budushchee liberalizma v Rossii – itogi i perspektivy izucheniiia* [Past and Future of Liberalism in Russia – Results and Prospects of Study]. Orel, A. Vorobyov, ORLIK Publ., 2021, pp. 98-109.
5. Dosekin E.S. *Evgenii Nikolaevich Trubetskoi – obshchestvennyi i politicheskii deiatel* [Evgeny Trubetskoy as a Public and Political Figure]. Samara, Samar. gos. in-t kultury, 2014. 114 p.
6. Moskva 5 marta [Moscow on March 5]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 1, pp. 2-5.
7. Nekhamkina N.V. *Obshchestvenno-politicheskaia deiatelnost i vzgliady E.N. Trubetskogo: 1863–1920 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-Political Activity and Views of E.N. Trubetskoy: 1863–1920. Cand. hist. sci. diss.]. Bryansk, 2006. 238 p.
8. *Ot Partii mirnogo obnoveniia* [From the Party of Peaceful Renewal]. Saint Petersburg, Tip. K.F. Dalin, 1906. 11 p.
9. Polovinkin S.M. *Nravstvennaia politika kn. E.N. Trubetskogo* [Moral Policy of Prince E.N. Trubetskoy]. *Evgenii Nikolaevich Trubetskoi* [Evgeny Trubetskoy]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, pp. 163-175.
10. Trubetskoi E.N. «Vekhi» i ikh kritiki [“Milestones” and Their Critics]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1909, no. 23, col. 1-18.
11. Trubetskoi E.N. Apatiiia i reaktsiia [Apathy and Reaction]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1907, no. 37, pp. 3-6.
12. Trubetskoi E.N. Atmosfera rospuska [Atmosphere of Dissolution]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1907, no. 15, pp. 3-8.
13. Trubetskoi E.N. Velikaia Rossiia [Great Russia]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1908, no. 11, pp. 3-13.
14. Trubetskoi E.N. Vseobshchee, priamoe, tainoe i ravnoe [Universal, Direct, Secret and Equal]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 2, pp. 39-41.
15. Trubetskoi E.N. Gde zhe, nakonets, Rossiia? [Where, Finally, Is Russia?]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 24, pp. 3-9.
16. Trubetskoi E.N. Gogol i Rossiia [Gogol and Russia]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1909, no. 16, col. 1-18.
17. Trubetskoi E.N. Ideinye osnovy partii «mirnogo obnoveniia» [Ideological Foundations of the Peaceful Renewal Party]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 41, pp. 5-19.
18. Trubetskoi E.N. K agrarnomu voprosu [On the Agrarian Question]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 16, pp. 3-12.
19. Trubetskoi E.N. K agrarnomu voprosu [On the Agrarian Question]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1908, no. 32, pp. 3-7.
20. Trubetskoi E.N. K voprosu o ravnopravii [On the Issue of Equality]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 35, pp. 5-8.

21. Trubetskoi E.N. K nachalu dumskikh zasedanii [By the Beginning of the Duma Sessions]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 9, pp. 262-264.
22. Trubetskoi E.N. K priezdu slavianskikh gostei [For the Arrival of Slavic Guests]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1908, no. 20, pp. 1-5.
23. Trubetskoi E.N. Kadety i Oktiabristy [Cadets and Octobrists]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1907, no. 30, pp. 3-11.
24. Trubetskoi E.N. Kadety i Oktiabristy [Cadets and Octobrists]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1907, no. 28, pp. 3-12.
25. Trubetskoi E.N. Konets revoliutsii v sovremennom romane [End of the Revolution in the Modern Novel]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1908, no. 17, pp. 3-15.
26. Trubetskoi E.N. Maksimalizm [Maximalism]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1907, no. 32, pp. 3-12.
27. Trubetskoi E.N. Moskva 26 marta [Moscow, March 26]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 4, pp. 102-104.
28. Trubetskoi E.N. Moskva, 11 maia [Moscow, May 11]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 10, pp. 294-296.
29. Trubetskoi E.N. Oblik i zerkalo [Appearance and Mirror]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 23, pp. 3-7.
30. Trubetskoi E.N. Paradoksy sovremennoi obshchestvennoi zhizni [Paradoxes of Modern Social Life]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 27, pp. 3-9.
31. Trubetskoi E.N. Partiinost i poshlost [Partisanship and Vulgarity]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1907, no. 36, pp. 3-8.
32. Trubetskoi E.N. Patriotizm i soiuz 17 oktiabria [Patriotism and the Union on October 17]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 38, pp. 7-13.
33. Trubetskoi E.N. Peremena ministerstva [Change of Ministry]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 8, pp. 227-230.
34. Trubetskoi E.N. Po povodu agrarnogo zakonoproekta [On the Agrarian Bill]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1906, no. 14, pp. 416-420.
35. Trubetskoi E.N. Rezhim i obshchestvo [Regime and Society]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1909, no. 33, col. 1-6.
36. Trubetskoi E.N. Tretia Duma [Third Duma]. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow Weekly], 1907, no. 41, pp. 3-8.
37. Trubetskoi E.N. Uchenie B.N. Chicherina o sushchnosti i smysle prava [Teaching by B.N. Chicherin on the Essence and Meaning of Law]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], 1905, book 5 (80), pp. 353-381.

Information About the Author

Nikita V. Neklyudov, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Assistant Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Academicheskaya St, 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, nv_neklyudov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6101-7394>

Информация об авторе

Никита Владимирович Неклюдов, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; ассистент кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, nv_neklyudov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6101-7394>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.10>

UDC 94
LBC 63.3(2)6

Submitted: 03.06.2023
Accepted: 20.09.2023

THE SOVIET EXPERIMENT ON LATINIZATION OF THE RUSSIAN ALPHABET, 1919–1931: POLITICAL ASPECTS

Fedor L. Sinitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The issue of writing reform has been actualized in recent decades, including in the post-Soviet countries. Among other things, there are calls to translate the Russian writing into Latin. *Methods and materials.* Scientific works do not fully clarify all the political characteristics of “Russian Latinization”. The sources used in the research presented in this article include published materials and documents from the collections of a number of archives. *Analysis.* In 1929, at the initiative of the People’s Commissariat of Education of the RSFSR, activities were launched to develop a Latinized alphabet for the Russian language. The “Latinizers” believed that the new Russian alphabet would become the basis of the writing of other peoples of the USSR and even foreign countries. In January 1930, three variants of the Russian Latin alphabet were presented. However, a negative reaction followed from the leadership of the USSR to this initiative. “Russian Latinization” was banned. *Results.* The reason for its failure, the “Russian Latinization” should be considered that it was not originally planned and was not authorized at the highest state level. However, at the time of its ban, the USSR authorities had not yet opposed Latinization in principle, and the creation of Romanized alphabets for other peoples of the country continued. The complete abandonment of the Latin alphabet occurred only after a radical change in national policy in the USSR in 1933–1934. Nevertheless, the ban on Romanization of the Russian alphabet became a “trigger” for the cancellation of the translation into Latin of the writing of other peoples of the USSR.

Key words: writing, alphabet, Russian language, Cyrillic, Latin, USSR, N.F. Yakovlev.

Citation. Sinitsyn F.L. The Soviet Experiment on Latinization of the Russian Alphabet, 1919–1931: Political Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 107-116. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.10>

УДК 94
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 03.06.2023
Дата принятия статьи: 20.09.2023

СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ЛАТИНИЗАЦИИ РУССКОГО АЛФАВИТА, 1919–1931 гг.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Федор Леонидович Синицын

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Вопрос о реформе письменности актуализировался в последние десятилетия XX – XXI в., прежде всего в странах постсоветского пространства. Прозвучали в том числе призывы перевести русскую письменность на латиницу. *Методы и материалы.* В научных трудах не до конца прояснены все политические характеристики «русской латинизации». Источники, использованные при проведении иссле-

дования, представленного в данной статье, включают опубликованные материалы и документы из фондов ряда архивов. *Анализ.* В 1929 г. по инициативе Наркомата просвещения РСФСР была развернута деятельность по разработке латинизированного алфавита для русского языка. «Латинизаторы» считали, что новый русский алфавит станет основой письменности других народов СССР и даже зарубежных стран. В январе 1930 г. были представлены три варианта русской латиницы. Однако от руководства СССР на эту инициативу последовала отрицательная реакция. «Русская латинизация» была запрещена. *Результаты.* Причиной неудачи «русской латинизации» следует считать то, что изначально она не планировалась и не была санкционирована на высшем государственном уровне. Однако в момент ее запрета власти СССР еще не выступали против латинизации в принципе, и создание латинизированных алфавитов для других народов страны продолжалось. Полный отказ от латиницы произошел лишь после кардинального изменения национальной политики в СССР в 1933–1934 годах. Тем не менее запрет латинизации русского алфавита стал «триггером» для отмены перевода на латиницу письменности других народов СССР – сначала этносов Крайнего Севера, затем угро-финских народов Поволжья и Урала и наконец – всех остальных.

Ключевые слова: письменность, алфавит, русский язык, кириллица, латиница, СССР, Н.Ф. Яковлев.

Цитирование. Синицын Ф. Л. Советский эксперимент по латинизации русского алфавита, 1919–1931 гг.: политические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 107–116. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.10>

Введение. Как минимум со второй половины XVII в. в России было отмечено появление русскоязычных записей и на латинице. В 1842 г. К.М. Кодинский в своей книге «Упрощение русской грамматики» подверг критике русский алфавит и призвал к переходу на латиницу. Тремя годами позднее В.Г. Белинский предложил свой вариант русской латиницы [11; 5]. Призывы перевести русскую письменность на латиницу время от времени раздаются до сих пор [4, с. 23]. В целом вопрос о реформе письменности актуализировался в последние десятилетия XX–XXI в. в ряде других стран постсоветского пространства – на латинский алфавит перешли азербайджанский, молдавский, узбекский и туркменский языки, готовится перевод на нее казахского языка.

Методы и материалы. В 1920–1930-х гг. научно-исследовательская работа в сфере лингвистики в СССР получила значительный импульс, обусловленный развернутым в стране «языковым строительством», включавшим в том числе разработку письменности и литературного языка для десятков народов Советского Союза. Среди ученых, внесших заметный вклад в эту деятельность, следует отметить В.М. Алексеева, Б.М. Гранде, Е.Д. Поливанова, Н.Н. Поппе, Н.Ф. Яковлева. В дальнейшем в СССР и современной России было издано множество трудов, посвященных истории «языкового строительства» (среди авторов – В.М. Алпатов, В.В. Базарова,

М.Н. Губогло, Ю.Д. Дешериев, М.И. Исаев и другие ученые). В частности, в монографии и статьях В.М. Алпатова [2–4] рассмотрены отдельные аспекты деятельности «латинизационной» подкомиссии Н.Ф. Яковлева, однако еще не до конца прояснены все политические особенности процесса «русской латинизации».

Цель исследования, представленного в данной статье, заключается в определении роли и места деятельности по латинизации русской письменности в советской государственной политике и практике, ее корреляции с направлениями национальной политики. Источники, использованные при проведении исследования, включают опубликованные материалы и документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива РАН (АРАН) и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН). В качестве методологической основы исследования взяты принципы научной объективности и историзма. Из числа общенаучных применены исторический и логический методы, а в тесной связи с общенаучными – другие специальные методы, характерные для исторического исследования.

Анализ. Как известно, после Октябрьской революции в Советском государстве были отвергнуты даже положительные моменты истории дореволюционной России, которая получила клеймо «тюрьмы народов», а русский народ – статус «колонизатора» и «поработителя». В СССР была развернута кампания

по «коренизации», которая заключалась в том числе в минимизации использования русского языка.

В рамках таких тенденций в 1919 г. во властных кругах РСФСР «возникла мысль о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики», и начать было предложено с русской письменности. Подходы, которыми в эти годы и позднее руководствовались сторонники латинизации, базировались на уверенности, что кириллица – это якобы негодная, «ветхая», «отсталая» графика (мало того – даже «наиболее отсталая» по сравнению с письменностями народов СССР, уже перешедших на латинскую основу), она «не годится» [14, л. 2; 25, л. 122; 30, л. 20–21; 32, л. 12–13] для решения задач «социалистического строительства».

Одновременно пропагандировались «преимущества» латинского алфавита. Во-первых, его «интернациональное» значение [8, л. 8 об.; 14, л. 2] (что было важным в условиях ожидания «Мировой революции»). Во-вторых, латиницу рассматривали как инструмент обеспечения разрыва с «проклятым прошлым» [15, с. 214–215]. В-третьих, указывали на то, что «латинский алфавит... удобен, прост и легко читаем» [23, л. 63] (даже было посчитано, что в этом он якобы «превосходит русский» ровно в четыре раза [35, с. 39, 41]). «Латинизаторы» были уверены, что введение латиницы «даст рационализацию системы письма» [15, с. 216], в частности, устранил «лишние буквы, что позволит сократить их число до 30» [35, с. 40]. В-четвертых, считалось, что «введение нового алфавита сократит срок и облегчит процесс обучения грамоте», а также взаимное изучение русского и «нерусских» языков [8, л. 8; 16, с. 216].

Разумеется, у латинизации уже в 1919 г. обнаружили противники в лице ученых – членов Московской диалектологической комиссии (председатель – Д.Н. Ушаков) и Московского лингвистического кружка (председатель – Р.О. Яковсон), которые в письме, направленном в Наркомат просвещения РСФСР, разбили все доводы «латинизаторов» [14, л. 1–1 об.].

Тем не менее в начале 1920-х гг. в стране была осуществлена некоторая практическая деятельность в сфере латинизации рус-

ской письменности. Научный отдел Наркомпроса провел ряд заседаний и разослал информацию об этой инициативе в ведущие высшие учебные заведения страны [8, л. 9–10 об., 16; 31, л. 10]. Однако в те годы эта деятельность не была активной и не привела к практическим результатам.

В то же время в 1920-х гг. в Советском Союзе начали осуществлять программу перевода письменности многих народов – в первую очередь ранее пользовавшихся арабской письменностью – на латинскую основу и создания на этой основе алфавитов для бесписьменных этносов (так называемый новый тюркский алфавит, НТА). Были созданы Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (далее – ВЦКНТА), позднее переименованный во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (далее – ВЦКНА), и аналогичные региональные структуры (костяк «латинизаторов» включал видных советских деятелей, представлявших в основном кавказские и среднеазиатские регионы страны, в их числе были С. Агамали-Оглы, Д. Коркмасов, Н. Тюрякулов и др.). Достижения латинизации к концу 1920-х гг. (на латиницу была переведена основная часть письменности народов Азербайджана, Средней Азии, Северного Кавказа) стали не только основанием для утверждений «латинизаторов» о «регрессии» русской письменности, но и катализатором возрождения деятельности по латинизации русского алфавита [13, с. 23; 23, л. 64; 30, л. 3, 12, 19, 22]. Разворачивание этой работы поддерживал известный советский деятель А.В. Луначарский.

В 1929 г. Наркомат просвещения РСФСР развернул разработку реформы русской орфографии. Одновременно с этим вновь всплыл вопрос о латинизации. В ноябре 1929 г. по инициативе Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса РСФСР (Главнауки) в составе комиссии по реформе орфографии была организована подкомиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита под руководством Н.Ф. Яковлева¹.

Для «идейного подкрепления» возрождения латинизации русской письменности были выдвинуты аргументы, которые в целом соответствовали подходам, разработанным «латинизаторами» ранее.

Во-первых, целью этой деятельности была объявлена «унификация» алфавитов всех народов страны. Звучали также доводы, что латинизация приведет к «международному признанию русского языка», «применению его как мирового» или как минимум включению Советского Союза в «международное научное общение» [8, л. 7 об.; 20; 30; 23, л. 63, 66].

Во-вторых, была подсчитана экономическая выгода от латинизации. Член подкомиссии профессор В.В. Николаев произвел «микрометрические измерения существующего русского алфавита» и выявил, что переход на латиницу даст экономию в типографском наборе на 11 %. Эту цифру «латинизаторы» не только стали постоянно использовать как важнейший аргумент, но и нередко увеличивали ее до 15 % [22, л. 57; 26, л. 60] и даже 20 % [13, с. 25]. Подкомиссия рассчитала, что переход на латиницу даст в 1932–1933 гг. экономию в размере 18,145 млн руб. и позволит «совершенно избавиться от импорта бумаги», после чего на сэкономленные средства «можно будет ежегодно ввозить не менее 1 500 наборных машин» либо «печатать 500 млн лишних оттисков книг» [22, л. 72]. «Латинизаторы» заявили, что только переход с «и» на «i» должен дать экономию до 4 млн руб. в год, в том числе до 1 млн руб. в иностранной валюте, на которую закупались цветные металлы для производства типографских литер [24, с. 99–100]. Еще одним обоснованием курса на латинизацию была объявлена ее «всеобщая поддержка». (Действительно, некоторые люди присылали в Москву проекты латинизации русской письменности и создания соответствующей орфографии [21, л. 64–70; 23, л. 65; 26, л. 41, 55 об. – 56; 30, л. 23–24].)

Несомненно, перевод русской письменности на латиницу был трудной задачей. Подкомиссия по латинизации полагала, что латинизация «может пройти полностью только к концу [первой] пятилетки» [22, л. 72] (то есть к концу 1932 г.) либо даже «в срок не менее четырех лет» (без затрат на капитальное переоборудование полиграфии) [15, с. 216], то есть к концу 1933 года. Трудности имелись и в идейно-политической сфере.

Во-первых, непросто было обосновать сам отказ от кириллицы и переход на латиницу, так как оба алфавита не имеют принципи-

альных отличий [2, с. 52]. Поэтому привести те же аргументы, которые использовались «латинизаторами» при переводе на латиницу письменностей, раньше имевших совершенно иную, например арабскую, основу, было невозможно. (Характерно, что в 1920-х гг. жителям СССР, пользовавшимся арабской письменностью, и латинский, и русский алфавиты казались «одинаковыми» [16, с. 173].)

Во-вторых, «мешало» наличие богатейшего культурного наследия на русском языке, написанного и изданного кириллицей. Действительно, в истории еще не было примера смены системы письма для языка с таким количеством литературы, как русский (а также, например, японский или китайский) [2, с. 53]. Закономерно, что известный советский синолог академик В.М. Алексеев считал, что для русского языка переход к латинизации «будет так же труден», как для китайцев – отказ от иероглифов. (Аналогичное признание этой трудности звучало, когда латинизация русской письменности выдвигалась как аргумент за латинизацию китайской и наоборот [8, л. 8 об.; 27, л. 1; 31, л. 11 об.])

«Латинизаторы» признавали наличие трудностей вплоть до констатации факта, что взрослому русскому населению переучить на латиницу будет невозможно. Они сетовали на то, что длительное время придется совмещать и старый, и новый варианты письменности [8, л. 8 об.; 14, л. 2].

Тем не менее «латинизаторы» были уверены, что эти трудности вполне преодолимы. На заседании подкомиссии по латинизации русского алфавита при Главнауке 14 января 1930 г. было объявлено, что, «конечно, все ценное из области художественной и научной литературы должно быть переиздано на новом алфавите». Н.Ф. Яковлев тогда же отметил, что «количество неграмотного русского населения до сих пор почти равно количеству грамотных» (то есть далеко не всех нужно будет переобучать), и «все расходы на латинизацию, несомненно, будут покрыты в ближайшее же время достигнутой экономией» [15, с. 211, 215].

Упор на экономию и «унификацию» всех советских алфавитов как основную цель был сделан «русскими латинизаторами» именно ввиду осознания трудности доказывания пре-

имущества латинской графики перед русским алфавитом [16, с. 142]. Так, Н.Ф. Яковлев обходился эту проблему с помощью утверждения, что проблема кириллицы состоит не в ее качествах, а в том, что она в отличие от латиницы не является «мировым алфавитом» (цит. по: [3, с. 145]).

В задачу подкомиссии, созданной под руководством Н.Ф. Яковлева, входила главным образом разработка «принципиальной стороны вопроса о латинизации», что и было сделано в виде формулирования принципов построения нового алфавита: «Использовать без графического изменения возможно большее число букв латинского алфавита»; «число букв... должно быть меньше, чем в теперешнем русском» и т. д. Кроме того, в январе 1930 г. подкомиссия представила разработанные ею три «пробных» варианта русской латиницы: a, b, v, g, d, e, z (ж), z, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, f, x, ç (ц), c (ч), ş (ш), y (ы), í (ь), ú (ю), á (я), ó (е); a, b, v, g, d, e, z, z, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, f, x, ç, c, ş, y, j (ь), ü (ю), ä (я), ö (ё); a, b, v, g, d, e, z, z, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, f, x, ç, c, ş, ь (ы), j (ь), y (ю), э (я), ө (ё) [15, с. 208, 212–213, 216–218].

6 января 1930 г. Н.Ф. Яковлев был приглашен сделать доклад в Коммунистической академии об идейно-теоретических основах и итогах работы подкомиссии по латинизации. Однако ученый секретарь подсекции материалистической лингвистики Комакадемии В.Б. Аптекарь еще до начала доклада обозначил свое неоднозначное отношение к «русской латинизации», высказал критику всего опыта латинизации в СССР и выразил сомнительное отношение к компетентности Главнауки в этой сфере [30, л. 1–2].

После доклада Н.Ф. Яковлева В.Б. Аптекарь вновь подверг сомнению идею, что латинизация будет служить «одним из рычагов социалистического строительства» и сможет дать экономии. Он напомнил, что для сотен миллионов человек вполне эффективно применяется китайская и индийская письменность и что дореволюционное «тяжелое наследие» русского алфавита к началу 1930-х гг. (то есть через много лет, прошедших после Октябрьской революции) уже не более значимо, чем «колониаторское» наследие латиницы. Аптекарь отметил, что «целый ряд начертаний ла-

тинского алфавита гораздо хуже для восприятия, чем знаки русского алфавита», обвинил «латинизаторов» в «западничестве» и «обезьянничестве» и заявил, что латиница – это инструмент «мирового капитализма» [30, л. 39–42].

Сведения о дискуссии уже на следующий день были опубликованы в газете «Вечерняя Москва» с закономерным выводом, что «направление работ подкомиссии Главнауки не встречает особого сочувствия у работников подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии» [12].

Тем не менее «латинизаторы» во всеулышание объявили о результатах их деятельности, опубликовав 13 января 1930 г. статью в «Литературной газете» [33]. Очевидно, они ожидали похвалу и поощрение своей дальнейшей работы.

Через три дня заведующий Главнаукой И.К. Луппол через наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова сообщил И.В. Сталину, что подкомиссия под руководством Н.Ф. Яковлева успешно завершила «предварительную проработку» латинизации русской письменности. Однако эта информация была подана «с оглядкой»: «Всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита не основательны. Вопрос... лишь прорабатывается в органах Наркомпроса» [24, с. 99–100]. Очевидно, у чиновников Наркомпроса не было уверенности, что «наверху» гарантированно поддержат это начинание.

Действительно, от руководства СССР последовала отрицательная реакция. 26 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита» [24, с. 100]. «Предложение» высшего партийного органа в условиях того времени, разумеется, следовало рассматривать как приказ.

В ответ чиновники Наркомпроса доложили об исполнении. 5 февраля 1930 г. И.К. Луппол сообщил в секретариат Политбюро, что 30 января того же года «была распущена [под]комиссия по латинизации, и в аппарате Главнауки вся работа по латинизации была прекращена». Луппол также представил оправдания в отношении предыдущих «слухов о латинизации»: «Частные заметки, появляющиеся в печати... шли

не из Главнауки, а от отдельных членов [под]комиссии, с которыми учреждения вели переговоры до постановления ЦК. Во избежание такого явления в будущем... Главнаука обратилась в печать с предложением прекратить помещение в печати заметок и статей по вопросу о латинизации» [24, с. 100–101].

Между тем деятельность «латинизаторов» на самом деле не прекратилась – они фактически проигнорировали указание Политбюро ЦК ВКП(б), причем не скрывали этого, объявив в вышедшей не ранее конца апреля 1930 г. 6-й книге сборника «Культура и письменность Востока», что «в настоящее время работы [под]комиссии [по латинизации] продолжают» [15, с. 208]. Весомая часть этой книги (с. 20–43 и 208–219) была посвящена именно латинизации русской письменности. 26 апреля 1930 г. Н.Ф. Яковлев сделал в Коммунистической академии доклад на тему «Очередные задачи прикладной лингвистики». Он вновь выдвинул аргумент о необходимости введения «международного латинского алфавита» и заявил, что «русский язык в отношении своего языкового строительства... является довольно отсталым». Очевидно, продолжение деятельности «латинизаторов» оставалось возможным потому, что вопрос о «русской латинизации» продолжал «циркулировать» в некоторых партийных органах; так, в сентябре 1930 г. Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) сообщил в Совет национальностей ЦИК СССР о наличии плана «будущей латинизации русского, украинского и белорусского языков» [17, л. 40 об.; 30, л. 10 об. – 11]. Тем не менее во время заседания в Комакадемии 26 апреля 1930 г. планы «русской латинизации» открыто уже не звучали, в чем, по всей видимости, проявилось влияние решения Политбюро, принятого в январе 1930 года.

Попутно продолжалась разработка реформы орфографии, которой занимался образованный при Наркомпросе Научно-исследовательский институт языкознания. На всесоюзном совещании по реформе орфографии, состоявшемся в июне 1931 г., было оглашено предложение ввести «і» вместо «и», «ј» вместо «й», упразднить буквы «э», «й», «ъ», писать «е» вместо «э» [9, л. 58]. Эта реформа предполагалась как временная мера, нацеленная на переход в дальнейшем на латиницу [4, с. 19–21].

Правда, теперь на данную деятельность со стороны властей последовала уже более жесткая реакция. 2 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Ввиду продолжающихся попыток “реформы” русского алфавита... создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства... воспретить всякую “реформу” и “дискуссию” о “реформе” русского алфавита» [24, с. 101].

Следует отметить, что, несмотря на утверждения «латинизаторов» о «всеобщей поддержке» латинизации русской письменности, в начале 1930-х гг. общественность, как и в 1919 г., сопротивлялась этой инициативе. Так, в 1931 г. профессор Н.Н. Фатов прислал письмо в «Литературную газету», в котором заявил, что проект латинизации русской письменности является «объективно вредительским». Кроме того, выдвигались проекты «рационализации» русского алфавита без его латинизации [19, л. 5; 23, л. 6, 8; 30].

После нового постановления Политбюро «латинизаторам» все же пришлось прекратить свою деятельность. Как в марте 1932 г. отмечали сотрудники Всесоюзного общества по культурной связи с заграницей, реагируя на запросы из зарубежных стран по проблеме «русской латинизации», «Комиссия по латинизации русского алфавита при Наркомпросе временно прекратила свои занятия, и вопрос о латинизации русского алфавита временно снят с обсуждения». На самом деле прекращение этой деятельности было не «временным», так как оно более не возобновилось. В мае 1937 г. академик В.М. Алексеев на заседании в Академии наук СССР заявил, что русская латинизация, скорее всего, никогда не будет осуществлена [20, л. 3; 32, л. 9].

Почему же так быстро и безрезультатно закончилась эпопея с созданием «русской латиницы»? В.М. Алпатов указывает в качестве причины то, что «политически [этот] проект в обстановке 1930 года был не ко времени», так как изменилась общественно-политическая ситуация в стране [4, с. 18].

На наш взгляд, это не совсем так. В 1930–1931 гг. советское руководство прекратило латинизацию только русского алфавита, тогда как аналогичная деятельность в отношении письменности других народов продолжала-

лась, причем при основательной государственной поддержке; вплоть до 1937 г. финансировался и активно действовал ВЦКНА. После запрета латинизации русской письменности продолжалась и деятельность по латинизации «нерусских» алфавитов, построенных на кириллице (коми, марийский, мордовский, осетинский, удмуртский, чувашский, якутский и др.).

Негативный политический оттенок проблема латинизации приобрела значительно позднее того времени, когда произошел отказ от латинизации русской письменности, только в 1933–1934 гг., когда власти СССР по ряду внутри- и внешнеполитических причин решили пересмотреть основы своей национальной политики, вернув русскому народу государствообразующую роль. В рамках этих изменений новые подходы закономерным образом были приняты и в отношении русского языка, который отныне получил статус «первого среди равных» в Советском Союзе [7, с. 18] и должен был «стать достоянием каждого советского гражданина» [29]. Русская письменность была объявлена «алфавитом творений Ленина и Сталина», «первым в мире по количеству изданной на нем маркс[истск]о-ленинской литературы», алфавитом, «на котором изданы лучшие образцы мировой литературы» [18, с. 88–89].

Была развернута жесткая критика предыдущей деятельности, направленной против русского языка и алфавита. Партийные идеологи объявили, что замена русского алфавита «латинским... обесценила бы все... богатства, принадлежащие культуре пролетариата». Кроме того, они отмечали «недоказанность» того, что будущим всемирным алфавитом «будет именно латинский алфавит, вырабатывавшийся в свое время отнюдь не для обслуживания культуры коммунистического общества» [18, с. 89] (именно об этом и говорил В.Б. Аптекарь на заседании Комакадемии в январе 1930 г.). Очевидно, теперь роль «всемирного алфавита» могла перейти к русской письменности.

Начиная с 1933 г. нарастали изменения в подходе к латинизации. Весной того года Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) дал ВЦКНА «твердые указания»: «Ни в коем случае не латинизировать алфавит тех народностей, которые применяют русскую письмен-

ность» [24, с. 102]. В январе 1934 г. первый секретарь Восточно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) М.О. Разумов на XVII съезде ВКП(б) резко высказался против латинизации алфавитов народов Севера: «Кому и для чего это надо? В чем преимущества латинского алфавита перед русским, на котором созданы огромные культурные ценности страны Советов?» [1, с. 215]. В феврале того же года в статье Л.Я. Ровинского в «Правде» было объявлено, что замена русского алфавита латинским – это «вреднейший вздор», который имеет «объективно антиреволюционную основу» [28]. При обсуждении деятельности ВЦКНА в июне 1935 г. ЦИК СССР обратил внимание на «серьезную ошибку», заключающуюся в переводе на латинский алфавит письменности народов, пользовавшихся русской графикой письма [10, с. 254–255]. В этой «вредной деятельности» нашли след и «русских латинизаторов» [34, с. 192].

С 1935–1936 гг. постепенно, но неумолимо был развернут перевод письменности почти всех народов СССР на кириллицу, который завершился к началу Великой Отечественной войны. Эти процессы происходили на фоне изменений всей советской национальной политики. К 1938 г. русский народ официально получил руководящую роль в Советском государстве. Были исправлены некоторые перегибы, связанные с избыточной «коренизацией» и умалением русского национального фактора. В систему государственных ценностей были возвращены героические страницы истории России и русского народа. В марте 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

После войны в СССР продолжилось укрепление статуса русского языка и письменности, которая была объявлена «замечательным образцом тонкого понимания общеславянской и русской фонетической системы» [6, с. 101].

Результаты. Таким образом, идеи о латинизации русской письменности возникли в Советском государстве раньше, чем об аналогичной реформе какого-либо другого алфавита. Можно сказать, что в этом проявилось значение русского языка как «государствооб-

разующего». «Русские латинизаторы» считали, что именно новому, «латинизированному» русскому алфавиту уготована роль основы для письменности других народов СССР и даже зарубежных стран.

Тем не менее аргументация того, почему кириллицу следует поменять на латиницу, была слабой в связи с отсутствием принципиальных отличий между кириллицей и латиницей, а также наличием в кириллице большего числа букв, включая специально придуманные для русского языка. В дальнейшем, осознавая огромные трудности и масштабность сопротивления «русской латинизации» со стороны общественности, «латинизаторы» пытались выдвинуть новые аргументы за латинизацию (унификация, экономия ресурсов, рост международного статуса русского языка). Кроме того, они определяли для реализации этого проекта длительные сроки и указывали на необходимость долголетнего сосуществования кириллицы и латиницы в будущем.

Причиной неудачи «русской латинизации» следует считать то, что изначально она не планировалась и не была санкционирована на высшем государственном уровне, фактически являясь «самодеятельностью». Когда эта деятельность «была обнародована» (через прессу и сообщение Наркомпроса РСФСР в ЦК партии), властям стало ясно, что она зашла слишком далеко и на нее растрачиваются государственные ресурсы. После этого Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930–1931 гг. указало на ненужность латинизации. Однако если бы власти в этот момент были против нее как явления в принципе, то уже тогда свернули бы и остальную деятельность в данной сфере.

Произошло же это лишь после кардинального изменения национальной политики в СССР в 1933–1934 годы. В последующем отказ от латинизации русского алфавита стал «триггером» для отмены перевода на латиницу письменности других народов СССР – сначала этносов Крайнего Севера, затем угрофинских народов Поволжья и Урала и наконец – всех остальных (здесь вновь проявила себя роль русского языка как «государствообразующего»).

Закрепление такой политики осуществлено и в современной России, где введена правовая норма, что алфавиты русского языка

(государственного языка РФ) и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы (Федеральный закон от 11 декабря 2002 г. № 165-ФЗ «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации”»).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Н.Ф. Яковлев (1892–1974) – уроженец х. Булгурино Усть-Медведицкого округа области Войска Донского (ныне – в Волгоградском регионе).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля 1934 г. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
2. Алпатов В. М. Факторы, влияющие на выбор системы письма // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 2. С. 51–53.
3. Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Яз. слав. культура, 2012. 374 с.
4. Алпатов В. М. Русская латиница Н.Ф. Яковлева // Научный диалог. 2015. № 3. С. 8–28.
5. Белинский В. Г. Упрощение русской грамматики // Полное собрание сочинений. Т. IX. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 328–345.
6. Боровков А. К. К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР // Советское востоковедение. 1956. № 4. С. 101–110.
7. Волин Б. Великий русский народ. М.: Мол. гвардия, 1938. 47 с.
8. Доклады и докладные записки // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 19. Д. 125. 20 л.
9. Записка // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН). Ф. 77. Оп. 1. Д. 4. 121 л.
10. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М.: Наука, 1979. 351 с.
11. Кодинский К. М. Упрощение русской грамматики. СПб.: Тип. Штаба военно-учеб. заведений, 1842. 56 с.
12. Кут А. Еще о латинизации русского алфавита (в Коммунистической Академии) // Вечерняя Москва. 1930. 7 янв. С. 3.
13. Луначарский А. В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: ВЦК НТА, 1930. С. 20–26.
14. Материалы о латинизации // СПФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 13. 2 л.

15. Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: ВЦК НТА, 1930. С. 208–219.
16. Мударисова А. К. Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. 216 с.
17. О реорганизации КНТА в ВЦКНА // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 19. 45 л.
18. Орлицкий Д. Национал-демократизм в вопросах языка и письменности // Большевик. 1934. № 6. С. 81–96.
19. Отзывы профессора Каринского // ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 409. 6 л.
20. Переписка // ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 490. 3 л.
21. Переписка Подсекции материалистической лингвистики // Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 358. Оп. 1. Д. 94. 85 л.
22. Письма граждан // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 15. Д. 4. 95 л.
23. Письма граждан // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 15. Д. 5. 125 л.
24. Проблемы «латинизации русского алфавита» // Источник. 1994. № 5. С. 99–106.
25. Протоколы заседаний // АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 155. 164 л.
26. Протоколы заседаний // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 14. Д. 81. 75 л.
27. Резолюция совещания // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2550. 61 л.
28. Ровинский Л. Об одной национал-демократической концепции // Правда. 1934. 17 февр. С. 3.
29. Русский язык – достояние советских народов // Правда. 1938. 7 июля. С. 1.
30. Стенограмма доклада Н.Ф. Яковлева // АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 189. 42 л.
31. Стенограмма заседания группы языка и востоковедения // АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 28. 41 л.
32. Стенограмма заседания подсекции материалистической лингвистики // АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 47. 13 л.
33. Сухотин А. На международный алфавит // Литературная газета. 1930. 13 янв. С. 2.
34. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.
35. Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность востока. Кн. VI. Баку: ВЦК НТА, 1930. С. 27–43.
2. Alpatov V.M. Faktory, vlijajushchie na vybor sistemy pisma [Factors Influencing the Choice of Writing System]. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2002, vol. 61, no. 2, pp. 51–53.
3. Alpatov V.M. *Jazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, Historians]. Moscow, Jaz. slav. kultur Publ., 2012. 374 p.
4. Alpatov V.M. Russkaya latinica N.F. Jakovleva [Russian Latin Alphabet by N.F. Jakovlev]. *Nauchnyj dialog*, 2015, no. 3, pp. 8–28.
5. Belinskij V.G. Uproshchenie russkoj grammatiki [Simplification of Russian Grammar]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. IX* [Complete Works. Vol. 9]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1955, pp. 328–345.
6. Borovkov A.K. K voprosu ob unifikacii tyurkskih alfavitov v SSSR [On the Unification of the Turkic Alphabets in the USSR]. *Sovetskoe vostokovedenie*, 1956, no. 4, pp. 101–110.
7. Volin B. *Velikij russkij narod* [Great Russian Nation]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1938. 47 p.
8. Doklady i dokladnye zapiski [Reports and Memos]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii (daleye – GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 2306, inv. 19, d. 125. 20 l.
9. Zapiska [Note]. *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva RAN (daleye – SPF AРАН)* [Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 77, inv. 1 (1930), d. 4. 121 l.
10. Isaev M.I. *Jazykovoe stroitelstvo v SSSR (processy sozdaniya pismennostej narodov SSSR)* [Language Construction in the USSR (Processes of Creating Written Languages of the Peoples of the USSR)]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 351 p.
11. Kodinskij K.M. *Uproshchenie russkoj grammatiki* [Simplification of the Russian Grammar]. Saint Petersburg, Tip. Shtaba voyenno-ucheb. zavedeniy, 1842. 56 p.
12. Kut A. Eshche o latinizacii russkogo alfavita (v Kommunisticheskoj Akademii) [More on Latinization of the Russian Alphabet (in the Communist Academy)]. *Vechernjaja Moskva*, 7 January 1930, p. 3.
13. Lunacharskij A.V. Latinizaciya russkoj pismennosti [Latinization of the Russian Writing]. *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. VI* [Culture and Writing of the East. B. 6]. Baku, VCK NTA, 1930, pp. 20–26.
14. Materialy o latinizatsii [Materials on Latinization]. *SPBF AРАН* [Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 197, inv. 1, d. 13. 2 p.
15. Materialy po voprosu o latinizacii russkoj pismennosti [Materials on the Latinization of Russian Writing]. *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. VI* [Culture and Writing of the East. Book 6]. Baku, VCK NTA, 1930, pp. 208–219.

REFERENCES

1. *XVII syezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (b), 26 janvarja – 10 fevralja 1934 g.* [17th Congress of the All-Union Communist Party (b), January 26 – February 10, 1934]. Moscow, Partizdat, 1934. 716 p.

16. Mudarisova A.K. *Reformirovanie tatarskogo alfavita v 1920–1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Reforming of the Tatar Alphabet in 1920s – 1930s. Cand. hist. sci. diss.]. Kazan, 2001. 216 p.
17. O reorganizatsii KNTA v VTsKNA [On Reorganizing KNTA into VTsKNA]. *GARF*, f. 3316, inv. 23, d. 19. 45 p.
18. Orlickij D. Nacional-demokratizm v voprosah yazyka i pis'mennosti [National Democratism in the Issues of Language and Writing]. *Bolshevik*, 1934, no. 6, pp. 81-96.
19. Otzyvy professora Karinskogo [Reviews of Professor Karinsky]. *GARF*, f. 4655, inv. 1, d. 409. 6 l.
20. Perepiska [Correspondence]. *GARF*, f. 5283, inv. 5, d. 490. 3 l.
21. Perepiska Podsekcii materialisticheskoy lingvistiki [Correspondence of the Subsection of Materialistic Linguistics]. *Arkhiv RAN (daleye – ARAN)*, f. 358, inv. 1, d. 94. 85 l.
22. Pisma grazhdan [Letters of Citizens]. *GARF*, f. 2307, inv. 15, d. 4. 95 l.
23. Pisma grazhdan [Letters of Citizens]. *GARF*, f. 2307, inv. 15, d. 5. 125 l.
24. Problemy «latinizacii russkogo alfavita» [Problems of Latinization of the Russian Alphabet]. *Istochnik*, 1994, no. 5, pp. 99-106.
25. Protokoly zasedanij [Minutes of Meetings]. *ARAN*, f. 676, inv. 1, d. 155. 164 l.
26. Protokoly zasedanij [Minutes of Meetings]. *GARF*, f. 2307, inv. 14, d. 81. 75 l.
27. Rezoljutsija soveshchanija [Resolution of Meeting]. *GARF*, f. 2306, inv. 70, d. 2550. 61 l.
28. Rovinskij L. Ob odnoj nacional-demokraticheskoj koncepcii [About a National Democratic Concept]. *Pravda*, 1934, 17 February, p. 3.
29. Russkij yazyk – dostoyanie sovetskikh narodov [Russian Language is the Heritage of the Soviet Peoples]. *Pravda*, 1938, 7 July, p. 1.
30. Stenogramma doklada N.F. Jakovleva [Transcript of the Report by N.F. Jakovlev]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 358, inv. 2, d. 189. 42 l.
31. Stenogramma zasedanija gruppy jazyka i vostokovedenija [Transcript of the Meeting of the Language and Oriental Studies Group]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 394, inv. 7, d. 28. 41 l.
32. Stenogramma zasedaniya podsekcii materialisticheskoy lingvistiki [Transcript of the Meeting of the Subsection of Materialistic Linguistics]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 358, inv. 1, d. 47. 13 l.
33. Suhotin A. Na mezhdunarodnyj alfavit [To the International Alphabet]. *Literaturnaja gazeta*, 1930, 13 January, p. 2.
34. *CK VKP(b) i nacionalnyj vopros. Kniga 2. 1933–1945* [CC of VKP(b) and the Ethnic Question. B. 2. 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 1095 p.
35. Jakovlev N.F. Za latinizatsiju russkogo alfavita [For the Latinization of the Russian Alphabet]. *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. VI* [Culture and Writing of the East. B. 6]. Baku, VCK NTA, 1930, pp. 27-43.

Information About the Author

Fedor L. Sinitsyn, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Department of New and Contemporary History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

Информация об авторе

Федор Леонидович Синицын, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский просп., 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

**SOVIET AVIATORS IN SPAIN IN 1936–1937
(ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE INTELLIGENCE DIRECTORATE
OF THE RUSSIAN RED ARMY)**

Mikhail V. Novikov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. Introduction. The subject of the study is the participation of Soviet pilots, navigators, and other aviation specialists in the Spanish Civil War of 1936–1937. **Methods and materials.** The first study on the participation of Soviet aviation and aviators in the Spanish Civil War dates back to 1937. Military experts made attempts to generalize the experience of using aviation in the modern war at that time. In the 1950s and 1980s, veterans of the Spanish events published their memoirs, carefully filtered by Soviet censorship. The gradual declassification of archival documents since the 1990s has become the basis for the creation of serious studies on the participation of Soviet aircraft and volunteers from among the flight personnel in the Spanish Civil War. The purpose of the publication is to analyze and present new documentary materials on this issue related to the publication of the first three of the eight collections of documents of the Intelligence Directorate of the Russian Red Army under the general title “The Red Army and the Spanish Civil War, 1936–1939,” using historical-comparative and historical-descriptive methods. **Analysis.** The study established the tactical and technical superiority of Soviet combat aircraft – fighters “I-15,” “I-16,” and high-speed bomber “SB” – over similar aircraft of German and Italian production, which fought on the side of the opponents of the Spanish Republic. The dominance of Soviet pilots in the Spanish sky during the specified period has been established, which is confirmed by the ratio of enemy aircraft shot down and their own lost. It is emphasized that, along with the description of the course of hostilities and their results, Soviet pilots, navigators, and aviation engineers presented to the Red Army their ideas on improving the tactical and technical characteristics of Soviet combat aircraft. It is noted that since the second half of 1937, Soviet pilots have gradually lost their superiority in the skies of Spain due to the appearance of new German- and Italian-made combat aircraft from the enemy. This is confirmed by reports in the Intelligence Directorate of the Red Army and reports of military operations. The article considers the issue of excessive combat load of flight personnel and its negative impact on the health of pilots and navigators, as well as issues of the political and moral-psychological state of flight personnel who experienced certain problems associated with an unusual social environment for a Soviet person. Both the commissars and the flight crew state the necessary level of combat discipline, at the same time noting the presence of various excesses. The question of the relations of Soviet military specialists with Spanish colleagues is considered; their friendly nature is emphasized. **Results.** In general, from 1936 to the first half of 1937, the Soviet aviation surpassed the German and Italian in both the quality of equipment and the skill of the flight crew, as evidenced by the ratio of Republican and Francoist aircraft shot down during that period in air battles. However, as the Francoists received new types of aircraft, the Republicans lost their advantage. Another reason for the loss of air superiority since the second half of 1937 was the replacement of experienced Soviet pilots by untrained youth. Participation in the Spanish War was the first serious test for both the young Soviet aviation as a whole and for individual pilots. In the skies of Spain, Soviet pilots showed miracles of heroism, trying to neutralize the numerical superiority of enemy aircraft. The excessive combat load of the flight crew affected the physical condition of pilots and navigators who did not have conditions for proper rest in 1936–1937. With all the difference in the assessments of the moral and psychological state of the flight crew by the commissars and the pilots themselves, it is necessary to note a generally high level of discipline in the presence of certain deviations.

Key words: Spanish Republic, civil war, soviet military aid, pilots, navigators, combat aircraft.

Citation. Novikov M.V. Soviet Aviators in Spain in 1936–1937 (According to the Documents of the Intelligence Directorate of the Russian Red Army). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 117-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.11>

**СОВЕТСКИЕ АВИАТОРЫ В ИСПАНИИ В 1936–1937 гг.
(ПО ДОКУМЕНТАМ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА)****Михаил Васильевич Новиков**Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования является участие советских летчиков, штурманов и других авиационных специалистов в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. в период доминирования советской авиации на данном театре военных действий (октябрь 1936 г. – июль 1937 г.). *Методы и материалы.* Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего углубленного изучения аспектов внешнеполитической деятельности Советского государства накануне Второй мировой войны. Целью публикации является представление некоторых аспектов участия советских авиаторов в испанском конфликте на основе впервые вводимых в научный оборот документальных материалов по данной проблеме, что обеспечивает необходимый уровень научной новизны данного исследования. При изучении источников использовались историко-сравнительный и историко-описательный методы. *Анализ.* В ходе исследования установлено тактико-техническое превосходство советских боевых самолетов – истребителей «И-15», «И-16», скоростного бомбардировщика «СБ» над аналогичными самолетами германского и итальянского производства, воевавшими на стороне противников Испанской республики. Выявлена негативная оценка летчиками и штурманами советского штурмовика «ССС». Установлено доминирование советских пилотов в испанском небе в указанный период, что подтверждается соотношением сбитых самолетов противника и потерянных своих. *Результаты.* Отмечается, что со второй половины 1937 г. советские летчики постепенно утратили свое превосходство в небе Испании в связи с появлением у противника боевых самолетов новых модификаций германского и итальянского производства. Это подтверждается докладами в Разведывательное управление (РУ) РККА и сводками боевых действий. Подчеркивается, что наряду с описанием хода боевых действий и их результатов советские летчики, штурманы и авиационные инженеры представляли в РУ РККА свои соображения об улучшении тактико-технических характеристик советских боевых самолетов. Рассматриваются вопросы о высоком боевом напряжении летного состава и его негативном влиянии на здоровье летчиков и штурманов, о политическом и морально-психологическом состоянии летного состава, испытывавшего определенные проблемы, связанные с непривычной для советского человека окружающей социальной средой. И комиссары, и летный состав констатируют необходимый уровень боевой дисциплины, в то же время отмечая наличие различных эксцессов. Рассматривается вопрос об отношениях советских военных специалистов с испанскими коллегами, подчеркивается их дружественный характер.

Ключевые слова: Испанская республика, гражданская война, советская военная помощь, летчики, штурманы, боевые самолеты.

Цитирование. Новиков М. В. Советские авиаторы в Испании в 1936–1937 гг. (по документам Разведывательного управления РККА) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 117–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.11>

Введение. В сентябре 1936 г. руководство СССР в рамках активного противодействия агрессивной политике нацистской Германии в Европе приняло решение об оказании военной помощи демократическому правительству Испанской республики, сражавшемуся с военно-фашистскими мятежниками, поддержанными Гитлером и Муссолини. В Испанию было поставлено около 700 боевых самолетов, более 300 танков и 1 000 артиллерийских орудий, 4 торпедных

катера, стрелковое оружие, боеприпасы и снаряжение. По просьбе испанского правительства в Испанию были направлены советские военные специалисты для работы в качестве военных советников, инструкторов, а также непосредственного участия в боевых действиях, в их числе около 900 человек летного и инженерно-технического состава.

Методы и материалы. Тема использования советской авиационной техники и

участия летного и технического состава в боевых действиях в Испании разрабатывается в отечественной историографии с разной степенью интенсивности начиная с 1937 года. Тогда советские военные специалисты издали ряд исследований для служебного пользования о боевых действиях военно-воздушных сил Испанской республики, основу которых составляли советские летчики и советские авиационные специалисты [5; 6]. В 1950–1980-е гг. оставшиеся в живых ветераны, как правило, и войны в Испании, и Великой Отечественной, опубликовали свои воспоминания, тщательно отфильтрованные советской цензурой [9; 18; 32].

С открытием отечественных архивов на рубеже XX–XXI вв. появляются первые серьезные исследования об участии советской авиационной техники, летчиков и авиационных специалистов в гражданской войне в Испании.

Среди них выделяется фундаментальный труд С.В. Абросова «В небе Испании. 1936–1939 годы». Его структура необычна для исследовательской работы, поскольку небольшой по объему авторский текст дополняется ежедневной хроникой боевых действий республиканской авиации, в том числе советских летчиков-добровольцев, начиная с 28 октября 1936 г. (первые боевые вылеты советских самолетов) до 1 февраля 1939 г. (последний боевой день республиканской авиации, нашедший отражение в советских документах) [1].

В 2008 г. работа С.В. Абросова была переиздана под другим названием – «Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939 гг.» [2]. Новый вариант сохранил в целом структуру предыдущей книги: основную часть занимают ежедневная хроника боевых действий республиканской авиации, включая действия советских пилотов, и приложения.

Продолжая изучение выбранной темы, С.В. Абросов опубликовал в 2012 г. статью «Советская авиация в гражданской войне в Испании». Являясь концентрированным выражением его предыдущих исследований, данная статья вносит коррективы и уточнения в обстоятельства оказания Советским Союзом военной помощи Испанской республике поставками боевых самолетов и направлением в Испанию советских авиационных специалистов [3].

Своеобразным дополнением к трудам С.В. Абросова являются работы В.В. Гагина [7; 8]. В статье «Об участии советских ВВС в гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг.», изданной в 2016 г. преимущественно на основе документов из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), В.В. Гагин традиционно обращает внимание на технические характеристики советских самолетов в сравнении с германскими, особенности ведения воздушной войны, итоги и уроки боевых действий в Испании [8].

В последние годы участие советских военно-воздушных сил в гражданской войне в Испании стало темой ряда статей, опубликованных отечественными и зарубежными авторами в различных научных изданиях [4; 8; 25; 28; 33; 34].

Развивая наметившуюся тенденцию возрастания интереса к данной теме, в нашей статье будут рассмотрены некоторые аспекты участия советских летчиков истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации, других авиационных специалистов в боевых действиях, их отношения к истребителям «И-15», «И-16», штурмовикам «ССС», бомбардировщикам «СБ», их морально-политического, психологического и физического состояния в период доминирования советской авиации в небе Испании с октября 1936 г. по июль 1937 г. через рефлексию рядовых участников боевых действий. Решению этой исследовательской задачи способствовал выход в свет первых 3 томов из 8 издания «РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.» [23], в которых опубликованы копии хранящихся в фонде № 35082 РГВА подлинников секретных материалов, направленных советскими военными специалистами из Испании в Разведывательное управление РККА в форме докладов, служебных записок, писем и др. Наш полувековой опыт работы с отечественными и зарубежными источниками и литературой по теме гражданской войны в Испании позволяет сделать вывод о высокой степени достоверности содержания данных документальных материалов, чему в немалой степени способствовала серьезность адресата – РУ РККА, обладавшего возможностями проверки и перепроверки поступавшей информации. При изучении источников использовались историко-сравнительный и историко-описательный методы.

Анализ. Начало участия советских летчиков в боевых действиях, как и прибытие первых партий самолетов, происходило в критический момент войны: мятежники вышли на подступы к Мадриду и, готовясь к штурму, подвергали столицу ожесточенным бомбардировкам. Итало-германским асам республика могла противопоставить небольшое количество устаревших самолетов, часть которых к тому же находилась в ремонте. В отсутствие зенитной артиллерии небо над Мадридом оказалось практически беззащитным. Поступление на вооружение республиканских ВВС советских самолетов в октябре 1936 г. мало что могло бы изменить, так как испанские летчики их не знали и им потребовалось бы определенное время для летной подготовки. Серьезная ситуация под Мадридом требовала немедленного применения советских самолетов, и сделать это могли только советские летчики.

В конце октября 1936 г. были сформированы бомбардировочная группа из 30 бомбардировщиков «СБ» в составе 3 эскадрилий, истребительная группа, включавшая 3 эскадрильи «И-15» и 3 аналогичные эскадрильи «И-16», и штурмовая группа из 30 штурмовиков. 28 октября состоялся первый боевой вылет бомбардировочной группы под командованием Э.Г. Шахта и В.С. Хользунова. Истребительные группы возглавили полковник Б.А. Туржанский (Северный фронт), старший лейтенант П.В. Рычагов и капитан С.Ф. Тархов [34, с. 5].

4 ноября 1936 г. истребительная авиация вступила в бой. В тот день советская истребительная группа, состоявшая из 3 эскадрилий «И-15», совершила 4 боевых вылета, сбила 7 самолетов противника и без потерь вернулась на свой аэродром. 5 ноября было сбито 4 самолета и потеряны 1 свой, 6 ноября сбито 9 самолетов противника. 13 ноября в небе над Мадридом встретились 12 бомбардировщиков и 26 истребителей противника с 18 истребителями «И-16» под командованием капитана Тархова. Немецкая авиация потеряла 6 самолетов. Был сбит и самолет Тархова, спускаясь на парашюте, капитан был расстрелян в воздухе и умер в госпитале.

Как пишет командир истребительной группы капитан Е.Е. Ерлыкин, понеся серьезные потери в небе над Мадридом, противник «стал осторожнее и при встрече на фронте уже

не нападал первым... Около 2-х месяцев мы неизменно появлялись над Мадридом эскадрильей из 14 самолетов. Потерь не несли, а наносили большие потери немцам и итальянцам, несмотря на то, что у них против наших 14 самолетов было до 20... Наши самолеты имели господство над Мадридом и наводили страх на истребителей и бомбардировщиков противника» [10, с. 52–54].

Документы подтверждают, что в указанный период советские летчики имели преимущество не только в районе Мадрида, но и на других фронтах. В докладе летчика-истребителя В.Т. Сахранова представлена информация о воздушном бое в районе Бильбао 4 января 1937 года. В тот день 8 истребителей «И-15» вылетели на перехват 9 «юнкерсов» и 15 «хейнкелей». «Бой был очень упорным, – пишет Сахранов, – так как фашисты, имея большое численное превосходство, дрались очень настойчиво. В результате боя было сбито 4 “юнкерса” и 2 “хейнкеля”, сбит и 1 истребитель “И-15”» [11, с. 120–121].

Несомненные успехи советских летчиков-истребителей в 1936-м – первой половине 1937 г. сопровождались менее заметными достижениями штурмовой авиации, располагавшей устаревшими тихоходными самолетами «ССС».

В записках летчика-бомбардировщика Г.И. Тхора, после Испании достойно воевавшего в Китае, содержится противоречивая информация о штурмовике «ССС». С одной стороны, «ССС», по мнению Тхора, не соответствовал требованиям современного на тот момент воздушного боя из-за малой скорости, недостаточной скороподъемности, больших габаритов и частого отказа пулеметов. С другой стороны, Тхор считал, что, несмотря на вышеперечисленные отрицательные характеристики и другие недостатки, «ССС» является «хорошей машиной» при условии, что она находится в руках «хорошо подготовленного летного состава, хорошей подготовки вооружения» [21, с. 110–111].

Вместе со штурмовиками «ССС», хорошо известными советским летчикам, в Испанию были направлены и легкие бомбардировщики «СБ», только что освоенные советским военным авиационным составом. В 1936–1937 гг. летным составом было адресовано в РУ РККА много

докладов и служебных записок о технических характеристиках этого самолета и его боевом применении. Война в Испании, а через год и война в Китае стали для «СБ» своеобразным испытательным полигоном. Многие летчики и штурманы отмечали высокую скорость «СБ», опережавшего по этому показателю истребители противника «фиат» и «хейнкель», скороподъемность, достаточную маневренность, простоту управления, хорошее электрооборудование и высокую надежность [27, с. 141–148].

Что касается боевого применения «СБ», то, по свидетельству командира бомбардировочной группы А.Е. Златоцветова, перед ними ставились следующие боевые задачи: бомбардировка войск противника на фронте и в тылу, бомбардировка аэродромов противника, действия по железным дорогам и железнодорожным станциям, разведка. В докладе Златоцветова приводятся данные о боевой деятельности группы «СБ» на 15 января 1937 г.: всего совершено 515 самолетовылетов, 242 – для ударов по войскам, 159 – по аэродромам, 64 – по железнодорожным объектам, 50 – по морским портам.

Почти половина самолетовылетов была произведена для ударов по войскам противника, что, по мнению Златоцветова, иногда было продиктовано не боевой целесообразностью, а только стремлением поддержать настроение сухопутных войск, «хотя ценность этих полетов была ничтожной» [13, с. 122]. Как пишет Златоцветов, при действиях по войскам противника чаще всего бомбили не точно указанные пункты местонахождения войск, артиллерийских позиций и резервов, а пункты местности, где предположительно мог находиться противник. Попытки получить более точные данные от штабов сухопутных войск оказывались неэффективными. Златоцветов считал удачными действия по аэродромам в большинстве случаев, а действия по железнодорожным объектам – отличными. Разведывательные полеты он определял как недостаточно эффективные в силу малой плотности фронта, хорошей маскировки войск противника и отсутствия на «СБ» специального фотооборудования [13, с. 123].

В докладе в РУ РККА (не позднее 13 апреля 1937 г.) командир эскадрильи «СБ»

Э.Г. Шахт поделился опытом организации боевой деятельности подчиненных. По его словам, получив поздно вечером задание, на следующий день он совместно с начальником штаба или штурманом эскадрильи составлял плановую таблицу полетов, где указывались время подъема эскадрильи и все вылеты. Инженер эскадрильи и техники на основании этой таблицы получали задание готовить самолеты. Отводя 2 часа личному составу на все утренние процедуры с момента подъема до вылета, Шахт подчеркивал, что в первый полет он «лично вел подразделение или часть», во 2-м полете принимал участие только при наличии задания большой важности, но в 3-м и 4-м всегда вел эскадрилью сам. «Я находился на аэродроме с первого вылета до конца летного дня. Налет у меня был больше, чем у подчиненных, и вылетов на фронт больше всех. К этому обязывала необходимость личного примера как командира» [12, с. 362].

В докладах старшего авиационного советника Я.В. Смушкевича в РУ РККА представлены обобщенные данные по боевому применению советской авиации, включая замечания по советским самолетам, принимавшим участие в боевых действиях. В докладе от 3 февраля 1937 г. он сообщает о 33 потерянных самолетах, причем «25 погибли в боях, 3 самолета – при потере ориентировки, 2 самолета – по причине отсутствия навыка в слепых полетах и 3 самолета – по вине плохой техники пилотирования» [19, с. 275].

Характеризуя применение истребителей «И-15» и «И-16», Смушкевич отмечает их положительные качества, а также обращает внимание на недостатки, предлагая улучшить обзор для летчика, увеличить огневую мощь и усовершенствовать шасси у истребителей «И-16», повысить скорость и сконструировать убирающиеся шасси у истребителей «И-15» [19].

Из доклада Смушкевича следует, что «СБ» выполняли 1–3 полета в день для бомбардировки объектов в тылу противника и для разведки, истребители «И-15» и «И-16» – 1–4 полета в день. По его мнению, «истребители действовали очень интенсивно... в работе достигнута большая мобильность. По боевой тревоге истребители поднимаются за 2–4 минуты» [19, с. 280]. В заключение он отмечает хорошее политико-моральное состоя-

ние личного состава, высокий уровень дисциплины. В то же время «ввиду большой нагрузки среди летно-технического состава значительное количество больных...» [19, с. 282–283].

Оценивая физическое состояние личного состава авиационной группы в докладе в РУ РККА от 13 апреля 1937 г., Смушкевич обращает внимание, что за 5 месяцев летчики-истребители налетали в боевых условиях в среднем по 145 часов, что значительно больше годового налета в мирных условиях. В связи с этим «летный состав сильно устал и истрепался... около одной трети все время болеет. Имелись случаи, особенно у истребителей, головокружения и рвоты в воздухе» [14, с. 106–107].

К теме физического состояния летчиков и штурманов обращаются командир эскадрильи «СБ» В.С. Хользунов и штурман И.Я. Прянишников: выполняя по 2 полета в день, советские летчики и штурманы находились на пределе своих возможностей, рвота, головные и сердечные боли становились обычным делом. Для сохранения работоспособности личного состава они считали необходимым организацию хорошего отдыха, усиленное питание, нормальное медицинское и культурное обслуживание [20, с. 131–132].

Вопросы нагрузки летного состава бомбардировочной авиации поднимает в своем докладе в РУ РККА (апрель 1937 г.) и майор Э.Г. Шахт. Он сообщает, что в течение первого месяца (с 26 октября 1936 г.) его эскадрилья работала без отдыха с 4–5 утра до 17–18 вечера, иногда без перерыва на обед. Каждый экипаж выполнял 2–3, а иногда и 4 вылета в день. Рабочий день технического состава начинался на 1,5 часа раньше. В результате такой интенсивной боевой работы «летный состав был настолько измотан, что начались “психические” атаки, ухудшилось настроение, появились болезненные явления» [12, с. 360].

Анализируя вопросы, связанные с отдыхом летного состава и техников, военный комиссар штаба ВВС И.С. Гальцев отмечал, что «наибольшая усталость чувствуется у истребителей “И-16”, на плечи которых легла вся тяжесть боев по защите Мадрида» [15, с. 155]. В то же время воинская дисциплина в авиационных частях, по его мнению, находилась «на очень высоком уровне», что объяс-

нялось правильной постановкой работы в частях на территории СССР, высокой сознательностью советских людей и «чувством ответственности за поддержание авторитета своей Родины» [15, с. 153].

В докладе Гальцева от 13 июня 1937 г. указано, что большинство вновь прибывших советских летчиков и техников – «молодежь, впервые участвующая в войне вообще; воевать приходится при сложной политической обстановке, вдали от Родины, при незнании языка страны». По его мнению, личный состав авиационных частей в целом справляется с поставленными задачами, придерживается принципов интернационализма и коллективизма [15].

Тяжелейшим испытанием для советских военных специалистов в Испании стало попадание в плен. В условиях гражданской войны не действовали никакие международно-правовые акты по обращению с военнопленными и судьба последних зависела от самых разных обстоятельств. Жестокость обеих воюющих сторон по отношению к противникам была отличительной чертой гражданской войны в Испании [24], и советские летчики, у которых было больше шансов оказаться в плену, первыми испытали это на себе. В «Испанском дневнике» М. Кольцова приводится леденящий эпизод с советским летчиком, изрубленный на куски труп которого франкисты в целях устрашения доставили на парашюте на один из республиканских аэродромов в районе Мадрида [22, с. 274–275].

В сборник № 7 информационных материалов по Испании от 25 июля 1937 г. включены 2 доклада в РУ РККА – оружейного мастера А.А. Шукаева и командира авиаотряда штурмовиков капитана Г.Н. Тупикова, находившихся в плену у франкистов с 4 декабря 1936 г. по 30 мая 1937 г. и с 7 декабря 1936 г. по 30 мая 1937 г., соответственно. Их пленение было связано с аварийной посадкой подбитых самолетов на территории противника. Пройдя через издевательства и избиения, на допросах оба отрицали, что они русские. Скорее всего, признание пленного в том, что он русский, да еще и член ВКП(б), было бы равносильно смертному приговору. Шукаев, будучи родом из Латвии, представлялся латышом, а Тупиков – чехом Яковом Седлачком. Видимо, это об-

стоятельство в какой-то степени повлияло на то, что им сохранили жизнь, а затем обменяли на пленных итальянских летчиков [16; 17]. Как видно из документов, вопросами обмена пленными занимались советские дипломатические представители в Испании и соответствующие государственные структуры Испанской республики [26, с. 412–413].

Серьезным испытанием для всех советских добровольцев в Испании стала незнакомая для них местная культура употребления сухого вина за обедом и ужином вместо воды или с водой. «В наших столовых, – отмечал Гальцев, – постоянно имеется много вина. Первое время люди увлекались вином». Гальцев сообщает некоторые факты, связанные с излишним употреблением алкоголя: «...летчик Беляков в пьяном виде в кабаре пытался устроить дебош... Глуховцев, штурман “СБ”, на пути к друзьям несколько раз напился и даже в большом городе попал в полицию» [15, с. 156–157].

Другим соблазном, также непривычным для молодых советских добровольцев в Испании, стало наличие легальных публичных домов. Гальцев отмечает: «...появились признаки антиморального поведения, заболевания венерическими болезнями. К декабрю (1936 года. – *М. Н.*) у нас появилось до 22 больных» [15, с. 157].

Касаюсь взаимоотношений советских добровольцев с испанскими товарищами внутри авиационных подразделений, Гальцев характеризует их как «самые лучшие». В частях испанцы ценят советскую технику, восхищаются работой советских специалистов, стараются «подражать нашим людям во всем... Хорошо дерутся с фашистами, проявляют достаточную бдительность... среди них не было ни одного случая измены». Оценивая отношение местного населения к советским летчикам, Гальцев пишет, что «наши люди – самые почетные в Испании. Они пользуются большим авторитетом и популярностью, несмотря на всю скромность своего поведения» [15, с. 160–161].

Результаты. Общепризнано и в отечественной, и в зарубежной историографии, что советская военная помощь стала одним из главных факторов длительного сопротивления республиканской Испании объединенным силам европейского фашизма. В многоаспектном характере советской военной помощи выделяется авиационная составляющая – имеются

в виду количество и стоимость поставленных боевых самолетов, а также количество направленных в Испанию летчиков и других авиационных специалистов. В 1936-м – первой половине 1937 г. советская авиация превосходила германскую и итальянскую и качеством техники, и мастерством летного состава, о чем свидетельствует соотношение сбитых в тот период в воздушных боях республиканских и франкистских самолетов, нашедшее отражение в Сводках военных действий в Испании, составлявшихся РУ РККА [30, с. 454].

Вместе с тем по мере поступления к франкистам самолетов новых типов республиканцы утратили свое преимущество. Начиная с августа 1937 г. победный тон в Сводках по поводу успехов республиканской авиации постепенно исчезает, вместо количества уничтоженных самолетов противника Сводки начинают сообщать о количестве самолетов-вылетов [31, с. 467], что, скорее всего, свидетельствовало о неудачах республиканской авиации. Немногочисленные периоды успехов сразу же находили место в Сводках.

Другой причиной потери превосходства в воздухе со второй половины 1937 г. стала замена опытных советских летчиков необстрелянной молодежью. Многие из вновь прибывших не только не имели боевого опыта, но и были слабо подготовлены в советских летных школах. Перед тем как оказаться в Испании, они провели в воздухе всего по 30–40 часов в сравнении с 300–400 летными часами у германских и итальянских пилотов [29, с. 67–68].

Причины слабой летной подготовки советских пилотов майор Гречнев (речь идет о Григории Ивановиче Гречневе (1900–1942). – *М. Н.*) в своем докладе в РУ РККА объясняет недостатками самой программы подготовки, засоренной, по его мнению, лишними предметами. «У нас, – подчеркивал Гречнев, – очень сильно увлекаются физкультурой, и часто за счет основных элементов обучения в некоторых частях умудряются даже освободить от полетной работы летно-технический состав, лишь бы не ударить лицом в грязь при очередных состязаниях по физкультуре» (цит. по: [34, с. 24]).

Участие в испанской войне стало первым серьезным испытанием как для молодой советской авиации в целом, так и для отдель-

ных летчиков. В ходе участия в боевых действиях выделилась группа летчиков, оказавшихся наиболее профессионально подготовленными и удачливыми. Они стали первыми советскими воздушными асами как истребительной, так и бомбардировочной авиации.

В небе Испании советские летчики проявляли чудеса героизма, пытаясь нейтрализовать численное превосходство авиации противника. По итогам участия в боевых действиях высокое звание Героя Советского Союза было присвоено 30 летчикам, 2 штурманам, 1 стрелку и 2 советникам по авиации – П.И. Пумпуру и Я.В. Смушкевичу. Среди летчиков этого звания удостоились З. Захариев, П.В. Рычагов, А.К. Серов, Б.А. Туржанский, В.С. Хользунов, С.А. Черных, Э.Г. Шахт, Н.И. Шмельков и др., посмертно – В.М. Бочаров, П.А. Джибелли, К.И. Ковтун, С.Ф. Тархов [33, с. 24].

Летчики, штурманы, инженеры и техники на основе своего боевого опыта достаточно высоко оценивали тактико-технические характеристики советских боевых самолетов – бомбардировщиков «СБ», истребителей «И-15», «И-16» при одновременной негативной оценке штурмовиков «ССС». Их критические замечания ставили целью усовершенствование самолетов. Несомненные успехи истребительной авиации и бомбардировщиков «СБ», триумфы и неудачи штурмовой авиации дополняются сведениями о чрезмерной боевой нагрузке летного состава, что отражалось на физическом состоянии летчиков и штурманов, не имевших условий для полноценного отдыха. При всем различии оценок морально-психологического состояния летного состава комиссарами и самими летчиками необходимо отметить в целом высокий уровень дисциплины при наличии определенных отклонений, связанных в том числе со специфичной для советского человека социальной средой буржуазно-демократического государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросов С. В. В небе Испании. 1936–1939 годы. О советских летчиках-истребителях, воевавших в Испании. М.: [Б. и.], 2003. 430 с.
2. Абросов С. В. Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939 гг. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 605 с.
3. Абросов С. В. Советская авиация в гражданской войне в Испании // Военно-исторический журнал. 2012. № 8. С. 36–40.
4. Аникеева Н. Е. Новые подходы в изучении истории Испании: советские летчики-добровольцы и испанские пилоты-республиканцы в годы гражданской войны в Испании (1936–1939) // Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании. М.: Аспект-Пресс, 2021. С. 143–149.
5. Война в Испании. Боевые действия авиации (с начала мятежа по август 1937 г.). М.: Развед. упр. РККА, 1938. 173 с.
6. Война в Испании. Вып. 3. Боевые действия авиации. М.: Воениздат, 1937. 55 с.
7. Гагин В. В. Воздушная война в Испании (1936–1939). Воронеж: Воронеж. альм., 1998. 88 с.
8. Гагин В. В. Об участии советских ВВС в гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг. // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 148–169.
9. Гусев А. И. Гневное небо Испании. М.: Воениздат, 1973. 326 с.
10. Доклад командира истребительной авиагруппы Е.Е. Ерлыкина (капитан Педро) о действиях истребительной авиации на Центральном фронте // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. В 8 т. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 50–54.
11. Доклад летчика-истребителя В.Т. Сахранова о боевой деятельности самолетов «И-15» на Северном фронте // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 120–122.
12. Доклад Героя Советского Союза Э.Г. Шахта об опыте боевой работы военной авиации в Испании // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 341–376.
13. Доклад командира бомбардировочной авиагруппы А.Е. Златоцветова со сравнительным анализом боевой работы авиации республиканцев и франкистов и перечнем технических недочетов в конструкции самолета «СБ» // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 121–127.
14. Доклад старшего авиационного советника Я.В. Смушкевича (псевдоним Андре) в РУ РККА о состоянии республиканской авиации на 13 апреля 1937 г. // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 105–113.
15. Доклад военного комиссара штаба ВВС И.С. Гальцева о политико-моральном состоянии личного состава // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 149–162.

16. Доклад оружейного мастера А.А. Шукаева о пребывании в плену у франкистов с 4 декабря 1936 г. по 30 мая 1937 г. // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 337–375.

17. Доклад командира авиаотряда штурмовиков Г.Н. Тупикова о пребывании в плену у франкистов с 7 декабря 1936 г. по 30 мая 1937 г. // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 376–416.

18. Захаров Г. Н. Я – истребитель. М.: Воениздат, 1985. 289 с.

19. Из доклада старшего авиационного советника Я.В. Смушкевича (Андре) о работе советских самолетов в боевых условиях, выявленных недостатках и мерах по их устранению // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 1. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 274–283.

20. Из доклада командира 2-й эскадрильи скоростных бомбардировщиков В.С. Хользунова и штурмана И.Я. Прянишникова – об условиях работы на самолетах данного типа // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 129–132.

21. Из записок летчика-бомбардировщика Г.И. Тхора – отзыв о боевых качествах самолета «ССС» // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 109–112.

22. Кольцов М. Испанский дневник // Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1957. 565 с.

23. Новиков М. В. РККА и война в Испании: новый сборник документов // Российская история. 2021. № 3. С. 228–230.

24. Новиков М. В. СССР и «холокост» в Испании // Российская история. 2015. № 2. С. 200–207.

25. Паршин В. В. Советские летчики в Гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.) // Военный академический журнал. 2016. № 4 (12). С. 73–78.

26. Письмо из Главного секретариата правительства Страны Басков консулу И.Р. Туманову о розыске пленных советских летчиков // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 1. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 412–413.

27. Письмо летчика-бомбардировщика Г.И. Тхора со сравнительным анализом технических характеристик и боевых качеств самолетов «Потез» и «СБ» // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 138–150.

28. Руис Нуньес Х. Б. Советское влияние на организацию республиканской авиации во время гражданской войны в Испании (1936–1939) // Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании. М.: Аспект-Пресс, 2021. С. 128–137.

29. Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М.: АИРО-XX, 2000. 152 с.

30. Сводка военных действий в Испании к 13 июля 1937 г. // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 451–454.

31. Сводка военных действий в Испании к 27 августа 1937 г. // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 3. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 463–467.

32. Смирнов Б. А. Испанский ветер: Записки летчика. М.: Сов. писатель, 1963. 307 с.

33. Хазанов Д. Б. Советская авиация и гражданская война в Испании // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 2. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 3–31.

34. Шубин А. В. Взгляд историка на гражданскую войну в Испании // РККА и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Т. 1. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 3–40.

REFERENCES

1. Abrosov S.V. *V nebe Ispanii. 1936–1939 gody. O sovetskikh letchikakh-istrebiteliakh, voevavshikh v Ispanii* [In the Sky of Spain. 1936–1939. About Soviet Fighter Pilots Who Fought in Spain]. Moscow, s. n., 2003. 430 p.

2. Abrosov S.V. *Vozdushnaia voina v Ispanii. Khronika vozdushnykh srazhenii 1936–1939 gg.* [The Air War in Spain. Chronicle of the Air Battles of 1936–1939]. Moscow, Iauza, Eksmo Publ., 2008. 605 p.

3. Abrosov S.V. *Sovetskaia aviatsiia v grazhdanskoj voine v Ispanii* [Soviet Aviation in the Spanish Civil War]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2012, no. 8, pp. 36–40.

4. Anikeeva N.E. *Novye podhody v izuchenii istorii Ispanii: sovetskie letchiki-dobrovoltsy i ispanskie piloty-respublikantsy v gody grazhdanskoj voiny v Ispanii (1936–1939)* [New Approaches to the Study of Spanish History: Soviet Volunteer Pilots and Spanish Republican Pilots During the Spanish Civil War (1936–1939)]. *Sovetsko-ispanskije otnosheniia v period grazhdanskoj voiny v Ispanii* [Soviet-Spanish Relations During the Spanish Civil War]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2021, pp. 143–149.

5. *Voina v Ispanii. Boevye deistviia aviatsii (s nachala miatezha po avgust 1937 g.)* [The War in Spain. Air Combat Operations (From the Beginning of the Mutiny to August 1937)]. Moscow, Razved. upr. RKKA Publ., 1938. 173 p.

6. *Voina v Ispanii. Vyp. 3. Boevye deistviia aviatsii* [The War in Spain. Iss. 3. Aviation Combat Operations]. Moscow, Voenizdat Publ., 1937. 55 p.

7. Gagin V.V. *Vozdushnaia voina v Ispanii (1936–1939)* [The Spanish Air War (1936–1939)]. Voronezh, Voronezhskii almanakh Publ., 1998. 88 p.

8. Gagin V.V. *Ob uchastii sovetskikh VVS v grazhdanskoj voine v Ispanii v 1936–1939 gg.* [About

the Participation of the Soviet Air Force in the Spanish Civil War in 1936–1939]. *Russkii sbornik. T. XX: SSSR i Grazhdanskaia voina v Ispanii 1936–1939* [Russian Collection. Vol. 20: The USSR and the Spanish Civil War 1936–1939]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2016, pp. 148-169.

9. Gusev A.I. *Gnevnoe nebo Ispanii* [Angry Sky of Spain]. Moscow, Voenizdat, 1973. 326 p.

10. Doklad komandira istrebitelnoi aviagruppy E.E. Erlykina (kapitan Pedro) o deistviakh istrebitelnoi aviatsii na Tsentralnom fronte [Report of the Commander of the Fighter Air Group E.E. Erlykin (Captain Pedro) on the Actions of Fighter Aircraft on the Central Front]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg. V 8 t. T. 2* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939. In 8 vols, vol. 2]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 50-54.

11. Doklad letchika-istrebitelia V.T. Sakhranova o boevoi deiatelnosti samoletov «I-15» na Severnom fronte [Report of Fighter Pilot V.T. Sakhranov on the Combat Activity of the I-15 Aircraft on the Northern Front]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 3. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 120-122.

12. Doklad Geroia Sovetskogo Soiuza E.G. Shakhta ob opyte boevoi raboty voennoi aviatsii v Ispanii [Report of the Hero of the Soviet Union E.G. Shakht on the Experience of Combat Work of Military Aviation in Spain]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 2. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 341-376.

13. Doklad komandira bombardirovochnoi aviagruppy A.E. Zlatotsvetova so sravnitelnyim analizom boevoi raboty aviatsii respublikantsev i frankistov i perechnem tekhnicheskikh nedochetov v konstruktsii samoleta «SB» [The Report of the Commander of the Bomber Aviation Group A.E. Zlatotsvetov with a Comparative Analysis of the Combat Work of the Republicans and Francoists Aviation and a List of Technical Shortcomings in the Design of the SB Aircraft]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 2. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 121-127.

14. Doklad starshego aviatsionnogo sovetnika Ia.V. Smushkevicha (pseudonim Andre) v RU RKKA o sostoianii respublikanskoi aviatsii na 13 aprelya 1937 g. [Report of the Senior Aviation Adviser Ya.V. Smushkevich (Pseudonym Andre) in the RU of the Red Army on the State of Republican Aviation on April 13, 1937.]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 3. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 105-113.

15. Doklad voennogo komissara shtaba VVS I.S. Galtseva o politiko-moralnom sostoianii lichnogo sostava [Report of the Military Commissar of the Air Force Headquarters I.S. Galtsev on the Political and Moral State of the Personnel]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 3. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 149-162.

16. Doklad oruzheynogo mastera A.A. Shugaeva o prebyvanii v plenu u frankistov s 4 dekabria 1936 g. po 30 maia 1937 g. [Report of the Gunsmith A.A. Shugaev on Being Held Captive by the Francoists from December 4, 1936 to May 30, 1937]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 3. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 337-375.

17. Doklad komandira aviaotriada shturmovikov G.N. Tupikova o prebyvanii v plenu u frankistov s 7 dekabria 1936 g. po 30 maia 1937 g. [Report of the Commander of the Squadron of Attack Aircraft G.N. Tupikov on Being Held Captive by the Francoists from December 7, 1936 to May 30, 1937]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 3. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 376-416.

18. Zakharov G.N. *Ia – istrebitel* [I Am a Fighter]. Moscow, Voenizdat Publ., 1985. 289 p.

19. Iz doklada starshego aviatsionnogo sovetnika Ia.V. Smushkevicha (Andre) o rabote sovetskikh samoletov v boevykh usloviakh, vyavlenykh nedostatkakh i merakh po ikh ustraneniui [From the Report of the Senior Aviation Adviser Ya.V. Smushkevich (Andre) on the Work of Soviet Aircraft in Combat Conditions, Identified Shortcomings and Measures to Eliminate Them]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 1. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2019, pp. 274-283.

20. Iz doklada komandira 2-i eskadril'i skorostnykh bombardirovshchikov V.S. Kholzunova i shturmana I.Ia. Prianishnikova – ob usloviakh raboty na samoletakh dannogo tipa [From the Report of the Commander of the 2nd Squadron of High-Speed Bombers V.S. Kholzunov and Navigator I.Ya. Pryanishnikov – about Working Conditions on This Type of Aircraft]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 2. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 129-132.

21. Iz zapisok letchika-bombardirovshchika G.I. Tkhora – otzyv o boevykh kachestvakh samoleta «SSS» [From the Notes of the Bomber Pilot G.I. Thor – a Review of the Combat Qualities of the CCC Aircraft]. *RKKA i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 2. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 109-112.

22. Koltsov M. Ispanskii dnevnik [Spanish Diary]. *Izbrannye proizvedeniia. V 3 t. T. 3* [Selected Works. In 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Politizdat Publ., 1957. 565 p.

23. Novikov M.V. RKKK i voina v Ispanii: novyi sbornik dokumentov [The Red Army and the War in Spain: a New Collection of Documents]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian History], 2021, no. 3, pp. 228-230.

24. Novikov M.V. SSSR i «kholokost» v Ispanii [The USSR and the “Holocaust” in Spain]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian History], 2015, no. 2, pp. 200-207.

25. Parshin V. V. Sovetskie letchiki v Grazhdanskoj voine v Ispanii (1936–1939 gg.) [Soviet Pilots in the Spanish Civil War (1936–1939)]. *Voennyi akademicheskii zhurnal* [Military Academic Journal], 2016, no. 4 (12), pp. 73-78.

26. Pismo iz Glavnogo sekretariata pravitelstva Strany Baskov konsulu I.R. Tumanovu o rozyske plennykh sovetskikh letchikov [Letter from the Main Secretariat of the Government of the Basque Country to Consul I.R. Tumanov about the Search for Captured Soviet Pilots]. *RKKK i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 1. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2019, pp. 412-413.

27. Pismo letchika-bombardirovshchika G.I. Tkhora so sravnitelnyim analizom tekhnicheskikh kharakteristik i boevykh kachestv samoletov «Potez» i «SB» [Letter from Bomber Pilot G.I. Thor with a Comparative Analysis of the Technical Characteristics and Combat Qualities of the Potez and SB Aircraft]. *RKKK i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 2. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 138-150.

28. Ruis Nun’es H.B. *Sovetskoe vliianie na organizatsiiu respublikanskoi aviatsii vo vremia grazhdanskoj voiny v Ispanii (1936–1939)* [Soviet

Influence on the Organization of Republican Aviation During the Spanish Civil War (1936–1939)]. *Sovetsko-ispanskije otnosheniia v period grazhdanskoj voiny v Ispanii* [Soviet-Spanish Relations During the Spanish Civil War.]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2021, pp. 128-137.

29. Rybalkin Iu. *Operatsiia «Kh». Sovetskaia voennaia pomoshch respublikanskoi Ispanii (1936–1939)* [Operation “X”. Soviet Military Aid to Republican Spain (1936–1939)]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2000. 152 p.

30. Svodka voennykh deistvii v Ispanii k 13 iiulia 1937 g. [Summary of Military Operations in Spain by July 13, 1937]. *RKKK i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 3. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 451-454.

31. Svodka voennykh deistvii v Ispanii k 27 avgusta 1937 g. [Summary of Military Operations in Spain by August 27, 1937]. *RKKK i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 3. Moscow, Politicheskaja entsiklopediia Publ., 2020, pp. 463-467.

32. Smirnov B.A. *Ispanskii veter: Zapiski letchika* [Spanish Wind: Notes of a Pilot]. Moscow, Sov. pisatel Publ., 1963. 307 p.

33. Khazanov D.B. Sovetskaia aviatsiia i grazhdanskaia voina v Ispanii [Soviet Aviation and the Spanish Civil War]. *RKKK i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 2. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 3-31.

34. Shubin A.V. Vzgliad istorika na grazhdanskuiu voinu v Ispanii [A historian’s View of the Spanish Civil War]. *RKKK i grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939 gg.* [Red Army and the Spanish Civil War. 1936–1939], vol. 1. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2019, pp. 3-40.

Information About the Author

Mikhail V. Novikov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Respublikanskaya St, 108/1, 150000 Yaroslavl, Russian Federation, m.novikov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

Информация об авторе

Михаил Васильевич Новиков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация, m.novikov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.12>

UDC 93/94+344.322
LBC 63.3(2)622-33

Submitted: 05.12.2023
Accepted: 02.04.2024

THE SOVIET MILITARY JUSTICE IN LOCAL WARS 1938–1940

Denis N. Shkarevsky

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The importance of military justice in command and control is underestimated. The main attention of researchers is concentrated on the problems of strategy and tactics, domestic and foreign policy, and demography. Meanwhile, military justice plays a key role in ensuring discipline and maintaining order. *Methods and materials.* The article is based on the methodological approaches of P. Solomon and A. Kodintsev. The first starts from the idea of using criminal law as an instrument of power and is based on an analysis of the personal views of Soviet leaders. The second considers the pre-war stage of development of Soviet justice as a period of stabilization. The article is based on the use of a wide range of unpublished archival sources stored in the Russian State Military Archive (RGVA). *Analysis.* The author has identified shortcomings in the organizational structure and logistics of military justice. Differences in the activities of military justice operating in the rear and in a combat situation are determined. The main types of crimes that dominated in the active army were identified. The procedural features of conducting inquiries, investigations, and consideration of cases by tribunals in a combat situation are determined. *Results.* Along with a positive assessment of military justice during the armed conflicts of 1939–1940. Military justice was not ready to operate in combat conditions: there were no trained personnel, transport, or a reserve of material and technical resources. Participation in hostilities contributed to the emergence of new methods of investigation. Their activities were based on the application of the “campaign justice” model.

Key words: Soviet justice, special justice, military justice, military prosecutor’s office, military tribunals.

Citation. Shkarevsky D.N. The Soviet Military Justice in Local Wars 1938–1940. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 128-138. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.12>

УДК 93/94+344.322
ББК 63.3(2)622-33

Дата поступления статьи: 05.12.2023
Дата принятия статьи: 02.04.2024

ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ 1938–1940 ГОДОВ

Денис Николаевич Шкаревский

Военный университет МО РФ, г. Москва, Российская Федерация;
Московский финансово-юридический университет МФЮА, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Роль органов военной юстиции в управлении войсками недооценивается. Основное внимание исследователей концентрируется на проблемах стратегии и тактики, внутренней и внешней политики, демографии. Между тем органы военной юстиции выполняют ключевую роль в обеспечении дисциплины и поддержания порядка в войсках. Следует отметить, что деятельность органов военной юстиции в конфликтах 1939–1940 гг. практически не изучена. *Методы и материалы.* Работа основана на методологических подходах, предложенных П. Соломоном и А. Кодицевым. Первый отталкивается от идеи использования уголовного права как инструмента власти и основан на анализе личных взглядов советских руководителей. Второй рассматривает предвоенный этап развития органов советской юстиции как период их стабилизации. Статья основана на привлечении широкого круга неопубликованных архивных источников, хранящихся в Российском государственном военном архиве (РГВА). *Анализ.* Выявлены основные недостатки орга-

низационного построения и материально-технического обеспечения органов военной юстиции. Определены отличия в деятельности органов военной юстиции в тылу и в боевой обстановке. Выявлены основные виды преступлений, доминировавшие в действующей армии. Определены процессуальные особенности проведения дознания, следствия и рассмотрения дел трибуналами в боевой обстановке. *Результаты.* Наряду с положительной оценкой органов военной юстиции в ходе вооруженных конфликтов 1939–1940 гг. в их работе был выявлен ряд недостатков. Они оказались не готовы к деятельности в боевых условиях: отсутствовали подготовленные кадры, транспорт, резерв материально-технических средств (например, канцелярских товаров). Участие в боевых действиях способствовало появлению новых методов ведения следствия. Их деятельность была основана на применении модели «кампанейского правосудия». В результате предъявления повышенных требований к формальным индикаторам (сроки, доля прекращенных дел) в деятельности органов военной юстиции наблюдаются различные нарушения процессуальных норм.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, военная юстиция, военная прокуратура, военные трибуналы.

Цитирование. Шкаревский Д. Н. Органы советской военной юстиции в локальных войнах 1938–1940 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 128–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.12>

Введение. Вооруженные конфликты 1938–1940 гг. достаточно глубоко изучены отечественными и зарубежными историками. Однако их основное внимание было сосредоточено на вопросах внешней и внутренней политики, тактики и стратегии [2; 13; 23]. Между тем роль органов военной юстиции в этих событиях представляется значимой, так как они способствовали социальной мобилизации. Специальные исследования по этой теме практически отсутствуют. Данные вопросы отдельно не изучались и в носивших характер учебных изданий публикациях советских юристов и историков [7]. Ряд работ современных авторов продолжает советскую традицию [5; 8; 10].

В последнее время появились исследования, в которых предпринята попытка проанализировать проблемы общего надзора военной прокуратуры РККА в 1938–1940 гг. Активно используется биографический метод исследования [1; 19]. Достоинством работы Н. Петухова, Ю. Кунцевича является опубликование архивных документов о деятельности трибунала Северо-Западного фронта [14]. Существует группа юбилейных изданий, в которых эта тема обычно не рассматривается [4]. В целом деятельность этих органов в боях 1938–1940 гг. изучена фрагментарно.

В статье под термином «локальная война» понимается такой конфликт, в котором преследуются ограниченные военно-политические цели, военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы этих государств [3].

Методы и материалы. Статья основана на методологических подходах, предложенных П. Соломоном и А. Кодинцевым. Первый находится в русле таких научных направлений, как криминология и история юстиции. Он отталкивается от идеи использования уголовного права как инструмента власти [21]. Второй рассматривает предвоенный этап развития органов советской юстиции как период их стабилизации [11].

Статья основана на привлечении архивных источников, хранящихся в Российском государственном военном архиве (далее – РГВА). Среди них следует отметить делопроизводственные документы военных прокуратур и трибуналов, отчеты и докладные записки о деятельности этих органов. Источниковая база ограничена. Многие документы по теме, хранящиеся в РГВА, пострадали в 1990-е гг. и не выдаются. Доступ к документам, находящимся в архивах Военной коллегии, Главной военной прокуратуры (далее – ГВП), Центрального архива Минобороны ограничен.

В связи с этим деятельность органов военной юстиции представляется возможным проследить на основе трех локальных войн: конфликта у оз. Хасан, так называемого «Польского похода» (освободительного похода РККА) Советско-финляндской войны.

Анализ. Работоспособность органов военной юстиции в боевой обстановке подверглась проверке в ходе вооруженных конфликтов конца 1930-х – начала 1940-х годов. Перед ними были поставлены специфические задачи. Например, в Польском походе на органы военной

прокуратуры была возложена «обязанность по осуществлению прокурорского надзора как в РККА, так и в отношении местных органов власти и гражданских лиц» [12, л. 259]. Эта деятельность опиралась на временные акты. Например, действовала «Временная инструкция военным прокурорам, работающим по обслуживанию местного населения» [6, л. 207].

Военные действия выявили две группы изъянов. Во-первых, проблемы в организационном строительстве. В период финской кампании «Военный прокурор ЛВО не знал, подчинены ему ВП армии или нет» [9, л. 194]. Многие военные прокуроры (далее – ВП) указывали на необходимость создания дивизионных прокуратур. Дело в том, что в результате их ликвидации в 1929 г. многие крупные части оставались без прокурорского надзора [9, л. 194]. В ходе боевых действий проявилась краткосрочность пребывания дивизий в подчинении корпусов. Это не давало возможности согласовывать действия ВП с командованием [22, л. 47].

В результате ВП вынуждены были создавать внештатные подразделения. Так, ГВП не разрешила создать отдел ВП в г. Новгороде, который являлся сосредоточением большого количества воинских частей для Северо-Западного фронта (далее – СЗФ). Поэтому ВП СЗФ был вынужден 25.02.1940 сформировать внештатную прокуратуру.

Выявились недостатки мобилизационных планов [17, л. 73]. При подведении итогов деятельности в 1940 г. ГВП отметил: «Сентябрьская частичная мобилизация 1939 г. ... [выявила], что приписным составом мы занимались от случая к случаю, за учетом приписного состава не следили, не знали его и не готовили его для войны» [18, л. 272]. Множество проблем возникло с комплектованием технического аппарата. ВП Украинского фронта В. Носов отмечал: «Приписали сплошь и рядом не только неграмотных колхозников, не только калек, но... директоров школ, агрономов и ставили их старшими писарями. <...> У нас были такие случаи, когда на должность секретаря был приписан заместитель областного прокурора» [9, л. 289].

Обнаружилось, что ВП «недостаточно быстро ориентировались в новой обстановке», не знали порядок действий, не занимались

вопросами уклонения от воинских обязанностей и материально-технического обеспечения [9, л. 289].

Органам военной юстиции и командованию не всегда удавалось наладить взаимодействие. Отмечалось, что «информация со стороны командования о чрезвычайных происшествиях и отрицательных явлениях... была несвоевременная» [12, л. 83].

Разразились дискуссии о месте нахождения сотрудников военной юстиции. Выяснилось, что один следователь, обслуживая 1–2 дивизии, физически не мог охватить своей работой все части. Доминировало мнение о необходимости нахождения военного следователя «в полку». Высказывалось предложение о том, что «в бою военный следователь должен был быть при штабе части». ВП активно предлагали ввести должности военных следователей при каждой части. Однако руководство это предложение признало «вредным», «так как оно не способствует развитию требуемой мобильности». Обсуждался «вопрос авторитетности военного следователя». Например, военный следователь 11 с.к. «был направлен в полк и там... красноармейцы не давали ему обеда, писари прогоняли с машины и он шел пешком, не находя себе ни места, ни работы» [12, л. 190; 17, л. 35].

Дискутировался вопрос о местонахождении ВП. В. Носов его определил следующим образом: «Некоторые товарищи требуют, дайте нам не то приказ, не то специальный указ... в каком было бы указано место прокурора в первом или втором эшелоне. <...> Существует одно положение – военный прокурор находится там, где этого требует обстановка» [22, л. 58].

Обсуждалась эффективность использования дознавателей в боевых условиях. Одни прокуроры указывали на невозможность их использования во время боевых действий по причинам их занятости и регулярного переформирования частей. Ряд ВП с этим не соглашались [22, л. 58].

Во-вторых, проявились недостатки материально-технического обеспечения. Остро стояла проблема обеспечения автотранспортом. Нередко прокуратуры получали автомобили в нерабочем состоянии. Серьезным препятствием являлся недостаток горючего.

ВП настаивали на обеспечении мотоциклами. Острым был вопрос передвижения военного следователя. Часто он «двигался пешком или пользовался случайными машинами» [17, л. 105].

Органы военной юстиции не были обеспечены в достаточном количестве пишущими машинками, канцтоварами. Существовал недостаток служебных, жилых помещений, мебели, финансов. ВП отмечали отсутствие юридической литературы и законодательных материалов. Доступ к «Методике по работе Военного следователя» был только в канцелярии ВП, так как она была секретным документом. Фотоаппараты имели единицы следователей.

Боевые действия выявили непригодность следственной сумки: «громоздкая и ... является обузой». Были сделаны предложения по ее усовершенствованию [12, л. 96, 98].

Проблемы в деятельности военных трибуналов были аналогичны. Например, выездная сессия ВТ 1 армии, принимавшая участие в событиях у оз. Хасан, отмечала отсутствие помещений [20, л. 110].

Вооруженные конфликты способствовали появлению новых приемов работы в органах военной юстиции. Например, предлагалось применять следующий метод: «Военный следователь выбрасывается вперед на несколько километров по маршруту движения части с необходимыми ему свидетелями по делу и до подхода колонны успевают закончить допросы».

Деятельность органов военной юстиции, принимавших участие в военных конфликтах, имела свою специфику. В тылу органы военной юстиции делали акцент на борьбе с дисциплинарными проступками (самовольные отлучки), хищениями и контрреволюционными преступлениями.

В военных конфликтах перед ними стояли иные задачи. Основную массу составляли уголовные дела о воинских преступлениях. Характер уголовных дел, возникших в период Советско-финляндской войны, был следующим: членовредительство (26,3 %), дезертирство и побег с поля боя (25,8 %), контрреволюционные преступления (17,6 %; антисоветская агитация – 17,2 %), прочие воинские преступления, как неисполнение приказа, нарушение

уставных правил, должностные, мародерство (15 %) [9, л. 319].

Прокуроры отмечали, что «в период мобилизации [и сосредоточения] характерными были дела об уклонении и срывах снабжения, а в период пребывания на театре военных действий возникла новая категория дел: грабежи, мародерство, побег с поля боя, самоуправные расстрелы. <...> Большинство дел возникало за счет лиц призванных из запаса». Сложных дел, которые бы требовали знания криминалистики, было мало.

Первостепенное значение придавалось борьбе с дезертирством. Его причины заключались в следующем. Во-первых, «тяжелые условия театра военных действий, которые разукрашивались слухами об адском коварстве врага». Во-вторых, «плохой учет личного состава. Командование, даже рот, зачастую даже не имело точных списков своих людей. Уход... не был сопряжен с какими-либо трудностями или с быстро наступающей ответственностью». В-третьих, «наличие в частях сравнительно большого количества старых возрастов», то есть старше 40 лет. Они составляли до 40 % дезертиров.

Были установлены факты, когда дезертиры скрывались «под покровительством своих родных и знакомых». Розыск дезертиров был организован плохо. По Западному особому военному округу на 31.07.1940 в розыске находилось 30 % дезертиров [16, л. 231].

Несмотря на это практика борьбы с дезертирством была успешной. Так, ВП СЗФ В. Носов отмечал: «Из действующих частей дезертировало: декабрь [1939 г.] – 121, январь [1940 г.] – 80, февраль – 39, 15 дней марта – 16, всего – 256. <...> ...Они более или менее правильно отражают общую тенденцию». Добиться этого удалось суровыми мерами. В. Носов приказал в феврале 1940 г. провести «очищение тылов от «отстающих» и болтающийся элементов и их фильтрацию» в соответствии с приказом НКО и НКВД от 24.01.1940 № 003/0093. Также в частях были проведены по «1–2 показательных судебных процесса» [9, л. 325].

Несмотря на это, при подведении итогов в июне 1940 г. ГВП отмечал «либерализм» по данным делам: «Любые объяснения обвиняемых в большинстве случаев принимались на

веру без критической оценки». В качестве примера можно привести объяснение дезертира Д.: «Сел в трамвай, закружилась голова, что было дальше в течение 12 суток – не помню» [18, л. 279].

После завершения кампаний имело место массовое прекращение дел о дезертирах. Например, в марте 1940 г. после окончания Советско-финляндской кампании ВП стали прекращать дела на дезертиров с формулировкой: «В силу изменившейся обстановки военных действий и нецелесообразности привлечения к ответственности».

Динамика членовредительства зависела от состояния обстановки на фронте. Так, по СЗФ в декабре 1939 – феврале 1940 г. насчитывалось «значительно меньшее количество этих явлений, а в феврале и марте – наоборот. Это объясняется, с одной стороны, возростающими трудностями (сильные бои), с другой, что в части поступило не обстрелянное и не подготовленное пополнение». ГВП в июне 1940 г. также указывал на проявления «либерализма» по этим делам [18, л. 280].

Большое значение придавалось борьбе с мародерством и «барахольством». Командующий Украинским фронтом С. Тимошенко даже вынужден был издать приказ о противодействии этим явлениям. Другой приказ запрещал военнослужащим «заполнять» магазины и «закупать “предметы совершенно не нужные в условиях фронтовой обстановки: будильники, скатерти, дамские туфли и др.”». С точки зрения руководства, это «подрывало престиж РККА и Советской власти» [9, л. 285–286].

ВП группы войск Волочинского направления И. Нечипоренко так описывал ситуацию: «От подразделения до штабов корпусов войска группы подобрали все трофейное имущество и транспорт польских войск и загрузили последним весь свой обоз» [9, л. 285–286].

Подобная ситуация создавала «неурядицы» и «безобразия в тылах». И. Нечипоренко отмечал: «С 17.9 по 24.9.1939 г. корпусной артполк РККА совсем отстал на большое расстояние от войск корпуса, и если бы войскам группы пришлось бы встретиться с противником и вести настоящие боевые действия, то войска группы первые 7 дней были бы без тяжелой корпусной артиллерии» [9, л. 285–286].

Опасаясь повторения подобных эксцессов во время финской кампании, ВП ЛВО В. Шмулевич требовал: «Случаи “барахольства” нетерпимы в рядах Красной Армии, но применять судебные меры за это следует с особой осторожностью» [9, л. 285–286].

Имели место и самосуды («самочинные расстрелы»). В связи с этим Нарком обороны даже издал приказ № 0059 от 10.11.1939 о наложении дисциплинарных взысканий на командование 6-й армии за «вынесение поспешных, необдуманных постановлений». Затем С. Тимошенко потребовал «разъяснить всему составу недопустимость и вред не основательных задержаний граждан» [9, л. 285–286].

В развитие приказа № 0059 ГВП были направлены письма подчиненным прокурорам. Так, ВП ЛВО было приказано «в местностях, занятых войсками РККА не допускать самочинных расстрелов», «судебными мерами не разбрасываться» [22, л. 55]. Необходимо отметить, что действия такого рода совершались в отношении как военнослужащих, так и гражданских лиц. Органы военной прокуратуры даже составляли справки о самочинных расстрелах.

Со стороны рядового состава имели место случаи угроз в адрес комначсостава. Так, 30.01.1940 «К. свою угрозу привел в исполнение, смертельно ранив комсорга т. И. К. приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение» [22, л. 55]. В связи с этим случаем В. Носов потребовал «решительно усилить» борьбу с угрозами.

Одним из направлений деятельности органов военной юстиции в 1939–1940 гг. являлся контроль тылов. ВП ЛВО В. Шмулевич и ВП СЗФ В. Носов неоднократно приказывали «обратить особое внимание тылам», отмечая что «в работе тылов ряда частей имеет место хаос и безответственность» [22, л. 55].

Среди основных причин слабой работы по обслуживанию тылов обычно назывались: недостаточная конкретизация объектов тылов, слабое знание работы тылов работниками военной прокуратуры, отсутствие личной инициативы у ВП, частое изменение подчиненности дивизий.

Контрреволюционные преступления в основном были связаны с антисоветской агитацией. Например, командование 21-й танковой

бригады «вынуждено было возить с собой явного симулянта М., отказавшегося при переходе границы от службы в РККА от оружия и от выполнения присяги под предложением религиозных убеждений, симулянта, который продолжая свое преступное поведение уже на территории Западной Белоруссии, распространял контрреволюционную клевету среди детей... М. был арестован, предан суду ВТ и приговорен к расстрелу. После ареста М., комиссар бригады заявил следователю “вот спасибо, у вас как-то все просто и быстро, а мы его столько времени возили и не знали куда деть”» [22, л. 55].

Дела в отношении гражданского населения составляли небольшое количество. Так, органами военной юстиции БОВО лишь 6,3 % дел были возбуждены в отношении гражданского населения (убийства, кражи и т. п.).

В ходе конфликтов появились новые составы уголовных преступлений. Так, 12.12.1939 В. Шмулевич приказал лиц, виновных в нарушении правил противовоздушной обороны, привлекать к уголовной ответственности по ст. 59-6 УК, а в случае, если будет установлен контрреволюционный умысел, – по ст. 59-8 УК.

Отмечу, что увеличение преступлений, обычно связывалось с ростом числа военнослужащих.

В боевых условиях отмечается ликвидация общего надзора. ВП объясняли это организационными и материально-техническими сложностями: «Эти обстоятельства лишили возможности заниматься общим надзором, правовой пропагандой, профилактической работой в частях, контролировать и руководить своими подчиненными, так как я вынужден был сам вести следствие» [9, л. 331].

В ходе военных действий были ужесточены требования к процессуальным срокам. В. Шмулевич в начале финской кампании установил правило: расследования о чрезвычайных происшествиях «заканчивать в суточный срок», а переданные в Военные Трибуналы уголовные дела рассматривать не позже суток с момента вручения обвинительного заключения.

Позднее он требовал: сроки «должны исчисляться ЧАСАМИ, и как редкий случай – ОДНИМИ СУТКАМИ». Подобные указания

объяснялись «обстановкой»: «Затяжка следствия на лишние 2–3 дня ставила перед фактом невозможности полного расследования, так как быстро терялись следы преступления, свидетели выбывали» [16, л. 283].

Такие требования оценивались ВП как «не реальные». ВП СЗФ В. Носов отмечал, что даже «многие “мелкие” дела о членовредителях требуют не одних суток» [16, л. 283].

Тем не менее деятельность фронтовых ВП в официальных отчетах описывалась как приближенная к выполнению заявленных высоких требований. Например, в июне 1940 г. ГВП отмечал: «Работа военных следователей и прокуроров на различных театрах военных действий показала, что в самых сложных условиях оперативные работники добивались неплохого качества расследования, в сроки исчислявшиеся часами. Этого добивались люди, жившие при 40-градусных морозах, при отсутствии элементарных удобств» [16, л. 283].

Средние сроки следствия в ВП СЗФ составляли 2,6–5,6 дня. Средний срок от момента совершения преступления до вынесения приговора составлял 9,6–16 дней. В целом сроки следствия в боевой обстановке были более короткими, чем в тылу. В. Носов признавал: «Точно такие же дела, которые до боевой обстановки “проворачивались” в течение 18–20 суток, а иногда даже и 30 суток, в условиях боевой обстановки заканчивались в течение 1–2 дней и даже в несколько часов» [9, л. 335].

В то же время он указывал, что «огульная установка на 24 часа по всем делам дезориентирует работников и часто влечет за собой скоропалительность и поверхностность в расследовании» [9, л. 335]. Причем он заметил закономерность: чем короче сроки следствия, тем большее количество дел возвращалось трибуналами на доследование.

Высокие требования привели к серьезным последствиям. Во-первых, в сленге работников появился термин «спихнутое дело». ВП, не успевавший окончить дело в 24-часовой срок, просто направлял первичные материалы дела в ту прокуратуру, в которой должен был рано или поздно оказаться подозреваемый. В случае с ВП СЗФ это была ВП Ленгарнизона. Во-вторых, прокуроры активно использовали тактику умолчания о резуль-

татах следствия, то есть просто не сообщали о них.

В период боевых действий ВП были вынуждены «исходя из конкретной обстановки... в интересах дела представить право военным следователям решать вопрос принимать или не принимать дело к производству». Поэтому «следователи самостоятельно заводили дела даже в отношении комначсостава», что оценивалось вышестоящими органами как «результат плохого инструктажа и руководства» [9, л. 335].

Широкое распространение получает практика так называемых «расследований» по фактам, не имевшим состава преступления. В. Носов отмечал: «Таких “расследований” некоторые военные следователи в месяц проводили по 50–60–70. <...> ...погрязая в мелочах, не имели возможности видеть более серьезные явления». Например, «начальник ОО № с.д. сообщает для принятия надлежащих мер прокурору дивизии, что в № полку красноармеец Н. отказался идти баню, заявив, что мытого могут убить также, как и не мытого. Вместо того, чтобы это сообщение передать комиссару части, прокурор поручает следователю расследовать. Начинаются допросы и проч. Выясняется, что красноармеец был с повышенной температурой и не мог мыться» [9, л. 335].

Получает распространение так называемая «доследственная проверка». ГВП назвал такой метод работы «очковтирательством». Дело в том, что «Инструкция по методике работы военного следователя» допускала производство доследственной проверки лишь в одном случае, когда поступившие к прокурору материалы о должностных или хозяйственных преступлениях являлись, по мнению прокурора, «неполноценными». В этом случае ВП был вправе дополнить этот материал, используя методы прокурорского общего надзора, «то есть путем возвращения материалов командованию для дополнения». Между тем военные следователи «сплошь и рядом получив материалы по делу, не принимая к своему производству, месяцами проводят по ним следствие в полном смысле этого слова, называя это “доследственной проверкой”» [18, л. 284].

По СЗФ доля прекращенных дел составляла 30,3 %. В июне 1940 г. Главный военный

прокурор подтвердил эти показатели и заявил: «Это значит, что тысячи командиров и бойцов безосновательно отвлекались от своих прямых обязанностей» [18, л. 283].

Поэтому В. Носов 5.2. 1940 г. приказал «ликвидировать практику “стихийного” возникновения дел. Всякое следственное производство должно возбуждаться мотивированным постановлением прокурора» [18, л. 283].

Качество следствия в боевой обстановке оценивалось как низкое. Это объяснялось слабой подготовкой военных следователей. Они не умели проводить осмотр мест происшествия: «В протоколах осмотра подчас отсутствовали самые необходимые данные, а восполнить их было невозможно, в связи с тем, что происходила перегруппировка частей» [18, л. 283]. Также «серьезным пробелом» являлась недостаточная общевоинсковая подготовка военного следователя, отсутствие знаний боевого устава пехоты и полевого устава. Препятствием стало отсутствие переводчиков. Эти недостатки касались как «запасных», так и «кадровых» военных следователей.

Распространенным являлось нарушение процессуальных норм. ГВП в июне 1940 г. заявил: «Нарушения норм УПК... приняли угрожающие размеры. Доходит до того, что в качестве понятых привлекаются люди неподготовленные; суду предаются люди без предъявления им постановления о привлечении в качестве обвиняемых; допрашиваемые свидетели не предупреждаются об ответственности за дачу ложных показаний. Систематически нарушается ст. 206 УПК, так как после окончания следствия, следователи производят новые следственные действия, с которыми не знакомят обвиняемых. Широко развиты самодопросы. Какая цена предварительному следствию по делу, когда из 17 допрошенных свидетелей, 13 – писали свои показания сами на дому... Следственные документы пишутся безобразно» [18, л. 283].

В этот период на практике изменился порядок привлечения к суду лиц комначсостава: «Старый порядок в получении санкции (получение материалов ВП фронта, согласование вопроса с Военным Советом, а затем посылка данных в ГВП) себя не оправдал. Поэтому... мы ввели другую практику, а именно: вопрос о данном командире докладывается

Военному Совету, который выносил решение и от своего имени телеграммой запрашивал санкцию Наркома обороны. Копия телеграммы направлялась Главному военному прокурору. Этот порядок значительно улучшил положение» [9, л. 339].

Еще одна особенность заключалась в практически полном отсутствии прокурорского надзора за следствием в особых отделах. ВП СЗФ В. Носов отмечал: «Прокуроры от надзора самоустраивались, и надзор осуществляли после поступления дела для направления в Трибунал. Это самоустранение привело к явно нежелательным последствиям. Прежде всего, были многочисленные факты параллельного расследования». На практике Особые отделы вторгались в компетенцию органов военной прокуратуры и занимались следствием по общеуголовным делам. При этом в их производстве отсутствовали дела о государственных преступлениях. Сроки и качество следствия в Особых отделах руководством органов ВП оценивались негативно [9, л. 339; 19, л. 47].

Как правило, военные трибуналы рассматривали дела в предварительном заседании с участием прокурора, заместителя или помощников ВП. Допуск защиты к этим делам был ограничен. Например, на территории Западной Белоруссии военные трибуналы рассматривали дела в судебном заседании без участия обвинения «по мотивам отсутствия организованной на территории Западной Белоруссии защиты».

Судебные заседания, как правило, были открытыми и проводились в тылу. Средний срок прохождения дел в ВТ в условиях боевых действий у оз. Хасан составлял 12–23 ч., а в условиях перемирия – 4 суток.

Соотношение дел, рассматриваемых трибуналом, действовавшим в боях у оз. Хасан, было следующим: побег с поля боя (35 %), нарушение караульной службы (27 %), халатность и злоупотребления (14 %), контрреволюционная агитация (9 %), самовольное оставление части (7 %), неисполнение приказаний (5 %) [20, л. 110].

Выносимые трибуналами меры наказания были достаточно жесткими. Например, ВТ 1-й армии в 1938 г. приговорили к ВМН 58 % осужденных. 23 % были осуждены к лишению

свободы на срок от 5 до 10 лет. Трибуналы СЗФ в декабре 1939 – марте 1940 г. приговорили 31,6 % осужденных к расстрелу. Наиболее жесткие меры наказания выносились по контрреволюционным делам, за побеги и членовредительство.

Среди примеров суровых наказаний за малозначительные проступки можно привести следующие. Так, «кр-ц 205 с.п. П. за похищение у гражданки Г. теплой мужской рубахи ВТ 15 с.к. осужден к 3 годам ИТЛ» [15, л. 539]. «Кр-ц противотанкового дивизиона 97 с.д. К. за то, что при снятии с трактора пулемета по неосторожности произвел выстрел вблизи командного пункта, не причинивший никому вреда, осужден ВТ 17 с.к. на 3 года ИТЛ» [15, л. 539].

Порядок утверждения и пересмотра приговоров военных трибуналов оценивался как «крайне неподходящий»: «Какой-нибудь абсурдный приговор изымает бойца из строя, а исправление этого приговора из ВК ждать через 1–1,5 месяца. С другой стороны, исполнение приговора о расстрелах при существующем порядке затягивается на совершенно недопустимое время» [15, л. 539].

Доля пересмотренных приговоров была высока. В результате в сленге сотрудников военной юстиции стал использоваться термин «ломка приговоров». По оценке В. Носова срок пересмотра приговоров занимал от 2 до 10 дней. При этом применялось примечание 2 к ст. 28 УК. В результате «на СЗФ было распространено мнение, что к расстрелу приговаривают только так, для острастки, а все равно не расстреливают» [15, л. 539].

Активное применение примечания 2 к ст. 28 УК привело к появлению в частях «возвращающихся» осужденных, которые должны были «находиться под не ослабленным наблюдением командования». Однако, по утверждению прокуроров, «этому вопросу не уделяется должное внимание и за осужденными... фактически никто не наблюдает» [15, л. 539]. В ходе «Хасанских боев» ситуация с пересмотром дел в порядке надзора Военной коллегией была весьма схожей.

Опыт деятельности органов военной юстиции в военных конфликтах был обобщен в «Наставлении по работе органов военной прокуратуры Красной армии в военное время»,

принятом в июне 1940 году. Кроме общих указаний, документ содержал методику расследования ряда дел [15, л. 539].

Выводы. В целом деятельность органов военной юстиции в военных конфликтах конца 1930-х – начала 1940-х гг. руководством была оценена положительно [18, л. 272]. Более 80 оперативных и технических работников военной юстиции были удостоены правительственных наград.

Но конфликты 1938–1940 гг. выявили неготовность органов военной юстиции к деятельности в условиях боевых действий. Отсутствовали реальные мобилизационные планы, не существовало подготовленного резерва кадров. Остро не хватало квалифицированных кадров. Многие сотрудники даже не могли определиться с местом своего нахождения в боевой обстановке. Материально-техническая обеспеченность находилась на низком уровне. Было выявлено отсутствие системы взаимодействия между органами военной юстиции и командованием воинских частей, а также прокурорского надзора по делам, находившимся в следствии Особых отделов.

В то же время в условиях боевых действий произошло некоторое обновление, появились новые методы работы, понимание недостатков и планы по их исправлению.

Задачи, стоящие перед органами фронтовой и тыловой военной юстиции, существенно отличались. Тыловые органы преимущественно занимались борьбой с дисциплинарными преступлениями (самовольные отлучки, нарушения уставов и т. п.), хищениями, контрреволюционными преступлениями. Перед фронтовыми органами стояли задачи по борьбе с воинскими (дезертирство, побег с поля боя, членовредительство и т. п.) и контрреволюционными преступлениями.

Органы военной юстиции действовали знакомыми методами «кампанейского правосудия», для которого характерна концентрация в конкретный отрезок времени на борьбе с определенным видом преступлений.

В условиях боевых действий стали предъявляться повышенные требования к их деятельности. В частности это касалось резкого сокращения сроков расследования и рассмотрения дел. В результате в их деятельности

стало проявляться «упрощенчество» – нарушение процессуальных норм с целью быстрой разрешения дел. Появились «спихнутые дела», активно использовалось умолчание.

В боевой обстановке в условиях нехватки кадров наблюдается расширение автономии отдельных должностных лиц, ослабляется контроль за их деятельностью со стороны руководителей. Так, военным следователям доверяется самостоятельно решать вопрос о возбуждении уголовных дел. Появляется практика проведения следствия по малозначительным делам и «доследственных проверок». Это приводит к увеличению доли прекращенных дел до 30 %.

В целом к деятельности органов военной юстиции со стороны руководства предъявлялось большое количество претензий. Основная заключалась в отсутствии сбалансированной судебной политики: вынесении суровых приговоров по малозначительным делам и мягких приговоров по делам о серьезных преступлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобренов В. Прокуроры на войне. М.: Граница, 2020. 518 с.
2. Брычков А., Еремин Г., Гаврилов А. Советско-финская война 1939–1940 гг. в контексте истории: политика, стратегия, тактика. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2020. 150 с.
3. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25.12.2014, № Пр-2976 // Российская газета. 2014. № 298.
4. Военная прокуратура Тихоокеанского флота. Владивосток: ЛАИНС, 2013. 112 с.
5. Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В. Ершова, В. Хомчика. М.: РГУП, 2017. 562 с.
6. Временная инструкция // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 37853. Оп. 1. Д. 102.
7. Голунский С., Карев Д. Военные суды и военная прокуратура. М.: Академия, 1940. 220 с.
8. Григорьев О. Развитие военной судебной системы в советский период. Новосибирск: НВИВВ им. ген. армии И. Яковлева, 2014. 104 с.
9. Докладная записка // РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 46.
10. Ежов А., Кислицын М., Петухов Н., Самойлов А., Толкаченко А. Очерки истории военных судов, военных тюрем и военно-уголовного законо-

дательства России. М.; Архангельск: Ин-т управления, 2003. 176 с.

11. Кодинцев А. Государственная политика в сфере юстиции в СССР 30–50-е гг. XX в. Куртамыш: Куртамыш. тип., 2008. 590 с.

12. Обобщенная докладная записка // РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 46.

13. Петров П., Степаков В. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. В 2 т. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003. 542 с.

14. Петухов Н., Кунцевич Ю. Военный трибунал Ленинградского фронта: в лицах, событиях и документах. М.: РГУП, 2020. 510 с.

15. Письмо Военного прокурора Зап.ОВО // РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 100.

16. Письмо военного прокурора Украинского фронта // РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 46.

17. Письмо Главного военного прокурора // РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 152.

18. Письмо начальника особого отдела ГУГБ НКВД СССР // РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 118.

19. Савенков А. Военная прокуратура в России. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. 148 с.

20. События у оз. Хасан в итоговых документах. Военный трибунал // РГВА. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 108–112.

21. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.

22. Справка о дивизиях и воинских частях // РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 118.

23. Энгл Э., Паананен Л. Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма, 1939–1940. М.: Центрполиграф, 2009. 238 с.

6. Vremennaja instrukcija [Temporary Instructions]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyj arkhiv (daleye – RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 37853, inv. 1, d. 102.

7. Golunsky S., Karev D. *Voennye sudy i voennaja prokuratura* [Military Courts and Military Prosecutor's Office]. Moscow, Akademiya Publ., 1940. 220 p.

8. Grigoriev O. *Razvitie voennoj sudebnoj sistemy v sovetskij period* [Development of the Military Judicial System in the Soviet Period]. Novosibirsk, NVIVV im. gen. armyi I. Yakovleva, 2014. 104 p.

9. Dokladnaja zapiska [Report]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 37853, inv. 1, d. 46.

10. Ezhov A., Kislitsyn M., Petukhov N., Samoilov A., Tolkachenko A. *Oчерки istorii voennyh sudov, voennyh tjurem i voenno-ugolovnogo zakonodatelstva Rossii* [Essays on the History of Military Courts, Military Prisons and Military Criminal Legislation of Russia]. Moscow, Arkhangelsk, In-t upravleniya, 2003. 176 p.

11. Kodintsev A. *Gosudarstvennaja politika v sfere justicii v SSSR 30-50-e gg. XX v.* [State Policy in the Sphere of Justice in the USSR in the 1930s – 50s]. Kurtamysh, Kurtamysh. tip., 2008. 590 p.

12. Obobshhennaja dokladnaja zapiska [Generalized Report]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 37853, inv. 1, d. 46.

13. Petrov P., Stepakov V. *Sovetsko-finljandskaja vojna 1939–1940 gg. V 2 t. T. 1* [Soviet-Finnish War 1939–1940. In 2 Vol. Vol. 1]. Saint Petersburg, Polygon Publ., 2003. 542 p.

14. Petukhov N., Kuntsevich Yu. *Voennyj tribunal Leningradskogo fronta: v licah, sobytijah i dokumentah* [Military Tribunal of the Leningrad Front: in Persons, Events and Documents]. Moscow, RGUP, 2020. 510 p.

15. Pismo Voennogo prokurora Zap.OVO [Letter from the Military Prosecutor of the Western Military District]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 37853, inv. 1, d. 100.

16. Pismo voennogo prokurora Ukrainского фронта [Letter from the Military Prosecutor of the Ukrainian Front]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 37853, inv. 1, d. 46.

17. Pismo Glavnogo voennogo prokurora [Letter from the Chief Military Prosecutor]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 37853, inv. 1, d. 152.

18. Pismo nachalnika osobogo otdela GUGB NKVD SSSR [Letter from the Head of the Special Department of the GUGB NKVD of the USSR]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 37853, inv. 1, d. 118.

19. Savenkov A. *Voennaja prokuratura v Rossii*. [Military Prosecutor's Office in Russia]. Moscow, RIC GSHRF, 2003. 148 p.

20. Sobytiya u oz. Hasan v itogovyh dokumentah. Voennyj tribunal [Events at the Lake Hasan in the Final

REFERENCES

1. Bobrenev V. *Prokurory na vojne* [Prosecutors at War]. Moscow, Granitsa Publ., 2020. 518 p.
2. Brychkov A., Eremin G., Gavrillov A. *Sovetsko-finjskaja vojna 1939–1940 gg. v kontekste istorii: politika, strategija, taktika* [Soviet-Finnish War of 1939–1940 in the Context of History: Politics, Strategy, Tactics]. Smolensk, VA VPVO VS RF, 2020. 150 p.
3. Voennaja doktrina Rossijskoj Federacii: utv. Prezidentom RF 25.12.2014, № Pr-2976 [Military Doctrine of the Russian Federation: Approved by the President of the Russian Federation on 25.12.2014, No. Pr-2976]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], 2014, no. 298.
4. *Voennaja prokuratura Tihookeanskogo flota* [Military Prosecutor's Office of the Pacific Fleet]. Vladivostok, LAINS, 2013. 112 p.
5. Ershova V., Khomchik V., eds. *Voennaja justicija v Rossii: istorija i sovremennost* [Military Justice in Russia: History and Modernity]. Moscow, RGUP, 2017. 562 p.

Documents. Military Tribunal]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 35083, inv. 1, d. 108-112.

21. Solomon P. *Sovetskaja justicija pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, ROSSPEN, 2008. 464 p.

22. *Spravka o divizijah i voinskih chastjah* [Information About Divisions and Military Units].

RGVA [Russian State Military Archive], f. 37853, inv. 1, d. 118.

23. Engle E., Paananen L. *Sovetsko-finskaja vojna. Proryv linii Mannergejma, 1939–1940* [Soviet-Finnish War. Breakthrough of the Mannerheim Line, 1939–1940]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2009. 238 p.

Information About the Author

Denis N. Shkarevsky, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Lecturer, Department 53, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, B. Sadovaya St, 14, 123001 Moscow, Russian Federation; Associate Professor, Department of History and Philosophy, Moscow University of Finance and Law MFUA, Vvedenskogo St, 1A, 117342 Moscow, Russian Federation, shkarden@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>

Информация об авторе

Денис Николаевич Шкаревский, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры 53, Военный университет МО РФ, ул. Б. Садовая, 14, 123001 г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры истории и философии, Московский финансово-юридический университет МФЮА, ул. Введенского, 1А, 117342 г. Москва, Российская Федерация, shkarden@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.13>

UDC 94:327(510:73)

LBC 63.3(0)63-3

Submitted: 14.10.2023

Accepted: 24.04.2024

SINO-US MILITARY COOPERATION DURING THE COLD WAR: THE CASE OF “PEACE PEARL” PROGRAM

Menglong Li

Jilin University, Changchun, China

Yifu Lin

The University of Hong Kong, Hong Kong, China

Aleksandra A. Gulkova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The subject of the article is the China-US “Peace Pearl” program carried out in the 1980s within the context of the China-USA-USSR triangle. The focus of this study is the analysis of the formation and collapse of the “Peace Pearl” program, including its background events, through the lens of realist international relations theory. This analysis will also take into account the changes in the international arena during that period. *Methods and materials.* The analysis is based on a number of theoretical documents and historical facts, in combination with basic works of realist international relations theory scholars. *Analysis.* In the first half of the 1980s, the international context, viewed through the lens of realism, dictated China’s rapprochement with the United States, with the “Peace Pearl” program aimed at jointly improving 50 Chinese J-8II fighters embodying it, which allowed China to enhance its military and aerospace industries. However, in the second half of the 1980s, the political climate significantly changed. China and the USA shifted from cooperation to traditional mild rivalry due to significant political changes in the USSR (serving as structural stimulus, from a realist perspective, for the changes in politics) and political turmoil in China in 1989. As a result, the “Peace Pearl” program was abandoned. *Results.* First, structural factors in the international arena significantly influenced both the formation and collapse of the “Peace Pearl” program, with the changes in the USSR politics playing a vital role in this process. Second, China’s role as a mediator in a bipolar international system allowed it to gain benefit from the international configuration, as it obtained opportunities for its military development through the realization of the “Peace Pearl” program. *Authors’ contribution.* Menglong Li – writing the original text of the article, conceptualization, project management. Yifu Lin – collecting and searching a wide range of historical materials, government documents, and academic journals relevant to the compilation of the “Peace Pearl” program from both the United States and China sides. Aleksandra Gulkova – analyzing the program through the prism of neorealism, writing the part concerning the realist perspective, mainly its practical application in the context of the evaluation of the “Peace Pearl” program, assessing Russian sources, and applying them to the analysis of the “Peace Pearl” program case.

Key words: “Peace Pearl” program, China-US relations, Sino-US military cooperation, China-US-Soviet triangle, the realist international relations theory.

Citation. Li Menglong, Lin Yifu, Gulkova A.A. Sino-US Military Cooperation During the Cold War: The Case of “Peace Pearl” Program. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 139-150. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.13>

**КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ПРОГРАММА «ЖЕМЧУЖИНА МИРА»****Мэнлун Ли**

Цзилинский университет, г. Чанчунь, Китай

Ифу Линь

Гонконгский университет, г. Гонконг, Китай

Александра Андреевна ГульковаМосковский Государственный Институт Международных Отношений (университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом данной статьи является китайско-американский проект «Жемчужина мира», который реализовывался в 1980-е гг. в контексте анализа треугольника отношений Китай – США – СССР. Объект исследования – анализ появления и завершения проекта «Жемчужина мира» с точки зрения реалистической теории международных отношений, принимая во внимание изменения, происходившие на международной арене. *Методы и материалы.* Анализ основывается на ряде теоретических документов и исторических фактов в сочетании с основными работами представителей реалистической школы теории международных отношений. *Анализ.* В первой половине 1980-х гг. международная обстановка, если рассматривать ее через призму реализма, создала условия для сближения Китая с Соединенными Штатами, воплощением чего стала реализация проекта «Жемчужина мира», направленного на совместное совершенствование 50 китайских истребителей J-8II и позволившего Китаю укрепить свою военную и аэрокосмическую промышленность. Однако во второй половине 1980-х гг. политический климат существенно изменился. Китай и США перешли от сотрудничества к традиционному умеренному соперничеству из-за значительных политических изменений в СССР (послуживших структурным стимулом, с реалистической точки зрения, для данного поворота) и политических потрясений в Китае в 1989 году. В результате от проекта «Жемчужина мира» отказались. *Результаты.* Во-первых, структурные факторы на международной арене существенно повлияли как на формирование, так и на завершение проекта «Жемчужина мира», причем изменения в политике СССР сыграли важную роль в этом процессе. Во-вторых, роль Китая как посредника в биполярной международной системе позволила ему извлечь выгоду из международной конфигурации, поскольку он получил возможности для развития собственного военного потенциала. *Вклад авторов.* Мэнлун Ли – разработка концепции исследования, написание исходного текста статьи, руководство проектом. Ифу Линь – поиск и анализ исторических источников, включая китайские и американские правительственные документы, а также академические публикации, связанные с программой «Жемчужина мира». Александра Гулькова – написание раздела работы, посвященного реалистской теории международных отношений, а именно описание основных теоретических положений реализма, важных для анализа программы «Жемчужина мира» (концепции «баланса сил», «баланса угроз»); применение реалистского подхода к анализу фактического материала (выводы о восприятии СССР как большей угрозы со стороны КНР и США в первой половине – середине 1980-х гг. из-за увеличения (в представлении данных стран) таких показателей, как «наступательный потенциал», «агрессивные намерения» в рамках логики «баланса угроз»); написание аннотации работы и общее редактирование текста.

Ключевые слова: проект «Жемчужина мира», китайско-американские отношения, китайско-американское военное сотрудничество, китайско-американо-советский треугольник, реалистическая теория международных отношений.

Цитирование. Ли Мэнлун, Линь Ифу, Гулькова А. А. Китайско-американское военное сотрудничество в период холодной войны: программа «Жемчужина мира» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 139–150. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.13>

Introduction. Since its foundation in 1949, modern China, like many other countries, saw military modernization as one of its main goals, which could be realized through enhancing military technology and combat capabilities and improving the construction of combat systems. It chose different approaches to achieve this goal at various stages of its evolution (whether it was independent research and development of armament technology, training of military talents, purchasing advanced armaments from other countries, or getting technology transfer from foreign regions). Initially (until the 1960s), it aligned with the Soviet Union in order to obtain military equipment and technical assistance. However, in the 1990s, China shifted its focus to independent research and development, choosing its own path of military modernization (although it still purchased some military equipment from other countries). The shift was influenced by changing international politics, well exemplified by the bankruptcy of the Sino-American “Peace Pearl” program. This program mainly aimed to ease Sino-American relations in the 1980s, when the United States gave China a green light in a series of military fields, such as arms sales and technology transfer [20]. But with the domestic political turmoil breaking out in China in 1989, the plan ultimately went bankrupt. China has focused on the import of technology rather than finished products and committed to the principle of independence and autonomy in military development, which has remained steadfast.

Although there have been many studies on military cooperation between China and the United States during the Cold War and after the end of the Cold War, there is limited research applying realist international relations theory to the development of the “Peace Pearl” program between China and the United States. Only some American news media have mentioned the program in their previous reports or publications. A monograph by Chinese scholar Zheng Guangchao analyses the “Peace Pearl” program as a case study in the context of a general overview of incidents in Sino-American military relations in the 1980s, and the Chinese magazine *Shipborne Weapons* examines the program in an article named “Development Gain and Loss of [Peace Pearl] or A Talk about Sino-American ‘Peace Pearl’” [33, p. 26]. However, these works are mostly based on the perspective of

Sino-American military cooperation and focused on the interaction between China and the United States in military, political, and economic fields. In terms of Russian historiography, numerous works have been written concerning the topic of the China-USSR-USA triangle in the late 1970s and 1980s, especially by Yu.M. Galenovich, a sinologist who deeply analyses USSR-China bilateral cooperation in his monographs [6], and A.T. Vorobyova and V.T. Yungblud [24], Russian authors who, in their article, examine the tensions between the three named countries from 1977 to 1980, focusing on the changes happening in the US administration that had a significant impact on the conduct of its foreign policy and, hence, the changes in the international arena within the “triangle.” However, attention to the case of carrying out the “Peace Pearl” program has not been made in these works. Thus, there has been a lack of literature examining the “Peace Pearl” program from the perspective of realist international relations theory. This approach aids in understanding the reasons behind the emergence and subsequent failure of the “Peace Pearl” program within an international context. It also allows us to conclude that China has primarily opted to absorb technological expertise while independently advancing its military modernisation. This paper formally focuses on the vacancy of this part.

The subject of the article is the China-US “Peace Pearl” program carried out in the 1980s within the context of the China-USA-USSR triangle. The object of the study is the analysis of the “Peace Pearl” program formation and collapse through the realist international relations theory perspective, taking into account changes in the international arena.

Methods and materials. Entering the 1980s, Sino-American relations, despite experiencing various twists and turns, saw a continuous deepening of cooperation between both parties. Many scholars conducted extensive research into the military collaboration between the two nations during this period. For example, *China’s Arms Sales: Motivations and Implications* by Daniel L. Byman and Roger Cliff [1] explores the characteristics of Chinese arms sales in the 1980s and discusses how U.S.-China military cooperation has had expansive geopolitical implications. David Finkelstein, in his article

titled *Military Dimensions of U.S.-China Security Cooperation: Retrospective and Future Prospects*, reflects on the history of military cooperation between the countries and argues that, for the most part, U.S.-China security cooperation has been mainly of a political nature and operationalised at a high level of strategic policy coordination [5]. *Research on Sino-U.S. Military Relations in the Late Cold War (1972–1989)* by Chinese scholar Liu Lu has reviewed the development of Sino-U.S. military relations and summarises the characteristics of the development of military relations between the two countries in the latter part of the Cold War [11]. However, the “Peace Pearl” program, serving as a representative event of Sino-American military collaboration during this era, has received relatively little attention in terms of theoretical analysis. Recognising this gap, this article focuses on the use of literature research methodology, which reads through, analyses and sorts literature in order to identify the essential attribute of materials [10, p. 179], and case study methodology, which entails an in-depth study of a social unit over a long period of time [16, p. 108]. By examining a wide range of historical documents and contemporary literature authored by scholars, including *Sino-American Military Relations in the 1980s: A Case Study of the “Peace Pearl” Project* by Zheng Guangchao [32], *The “Able Archer 83” Incident and the Reversal of Reaganism: Exploring the Origins of the Third Easing of U.S.-Soviet Relations During the Cold War* by Wang H. [27], and *Deng Xiaoping’s Selected Writings* published by the People’s Press [3], along with various documents released by the White House, this article aims to outline and summarise realist international relations theory in relation to the Sino-American “Peace Pearl” program. These phases serve as a basis for studying the bilateral relationships between China, the United States, and the Soviet Union, thereby enabling an analytical and evaluative perspective on the inception and conclusion of the “Peace Pearl” program within the framework of realistic international relations.

Analysis. Realist international relations theory represents a significant branch within contemporary international relations theory. It was formulated as a distinct theoretical framework in the 1930s. However, its roots extend further back in history, with its earliest traces

found in mediaeval and ancient philosophy [7]. This theory has since matured, encompassing five main branches primarily consisting of classical realism, neo-realism/structural realism, neo-classical realism, offensive realism, and defensive realism, each thoroughly outlined. In the early 1970s, classical realism lost much of its appeal, primarily due to the fact that classical realism was fundamentally a philosophical theory that did not align with the behavioural revolution happening at the time, which dominated American international relations studies. Consequently, the new “structural” realists, with Kenneth Waltz [26] as their prominent representative, attempted to construct a more scientific and rigorous theory of international politics. In terms of the current analysis, structural realism is deemed applicable for the examination of the Cold War interaction between the three states – USA, China, and USSR.

Since international relations theory primarily originated from Western developed countries, systematic discussions on it mainly come from Western scholars. Though, in addition to the original theory, there are also some relevant non-Western works to illustrate the realist theory of international relations. For example, in the Chinese academic field, scholar Yu Tiejun has a thesis named “Offensive Realism, Defensive Realism, Neorealism – Internal Branches of Post-Cold War Realism Theory” [31]. Besides that, some scholars have analysed and developed the theory of international relations, such as “The Theory of International Relations” [30] by Yan Xuetong from Peking University in China.

For the further analysis of the “Peace Pearl” program and the intentional context, it is important to formulate some main characteristics of realism. There are four key features: 1) objectivism, which posits that international politics is shaped by unchanging patterns that persist throughout history; 2) collectivism, which asserts that individuals function primarily within society and their actions should be understood within the framework of a particular social context. In this sense, states are the principal and most crucial actors in international politics, perceived as rational, unified entities. Thus, while various factors at the individual and societal levels have had significant influence on the development and execution of the “Peace Pearl” program,

according to the realist perspective, the ultimate outcomes of these individual perceptions and specific events can still be attributed to choices made by states. For example, the response of the Chinese government to the domestic political turmoil in 1989 can still be viewed from the perspective of China as a unified actor's attitude and choice toward that event and the underlying political issues; 3) international society operates under a state of "anarchy," where there is no common supreme authority [26, p. 88]. In such a state, states must use all available means, including force, to safeguard their interests; 4) materialism, which means that realists attach the most significance to material factors, such as a state's resource capabilities and economic and military development. In terms of further analysis, these clauses may be applicable to the actions of China and the United States during the period under review. T.A. Vorobyova and V.T. Yungblud [24, p. 63] argue that particularly from the 1970s onwards, Mao Zedong's proposition of the "Three Worlds Theory" posited that there were three distinct worlds: the first world consisted of superpowers, namely the USA and the USSR, both of which China viewed as threats and sources of instability for the other worlds; the second world comprised developed nations, primarily in Europe and Japan; and the third world encompassed developing countries, including China [9, p. 417]. China mainly relied on realist assertions and a Realpolitik view of the politics, pragmatically seeking to promote its national interests, while the USA has also been traditionally pursuing its pragmatic objectives.

Having stated the main points of realism, it is crucial to introduce the concept of the theory of "balance of threats," introduced by Stephen Walt in his work "The Origins of Alliance" [25], which is complementary to that of Kenneth Waltz and suitable for analysing the relations of the China-USA-USSR triangle. This theory allows us to examine the reasons for alliance formation between states. The main explanations for the formation of unions are the following: 1) the balancing hypothesis, which posits that states unite for the sake of balancing the main threat, the most dangerous state, and 2) the bandwagoning hypothesis, which asserts that states unite with the state that is the main source of threat [25, p. 17]. These hypotheses are based on the definition of

an external threat, which means that the basis for the state's behaviour within this framework is an understanding of who poses the greatest threat. According to St. Walt, 4 main factors determine the threat level: 1) aggregated power (the more countries have common resources (population, industrial and military potential, technological progress), the greater the threat it poses); 2) geographical proximity (the closer the country, the greater the threat); 3) offensive potential (states with greater offensive capabilities pose a greater threat than those who are not able to attack because of geography, military positions, or something else); 4) aggressive intentions (if a state has aggressive intentions and is not inclined to change them in the future, then other states will more often seek to balance it) [25, p. 22]. In the context of the 1980s, the USSR's proactive foreign policy in the late 1970s and early 1980s could be seen by China as a more serious threat than its ideological differences with the USA, which allowed for it to ally with the latter and conclude agreements on military modernisation. In its turn, the USA, like China, threatened by what can be considered as the "aggressive intentions" and "offensive potential" of the USSR in terms of St. Walt's theory, changed their rhetoric from *détente* in international relations to more hostile actions, including actively involving China in the anti-Soviet alliance.

To conduct a study on the "Peace Pearl" program between China and the United States in the 1980s, it is crucial to consider the overall international context at the time and analyse the core national interests and demands of the relevant countries. Throughout the 1980s, the Cold War between the United States and the Soviet Union set the tone for the era, and the triangular relationship among China, the United States, and the Soviet Union played a crucial role in shaping their bilateral relations. However, from the early to the late 1980s, there were adjustments and changes in the framework of the Cold War and the configuration of the China-U.S.-Soviet triangular relationship. Therefore, within the backdrop of the Cold War, this article divides the 1980s into two time periods, the early to mid-1980s and the late 1980s.

Throughout the early 1980s, when viewed through the lens of realism in international relations, both the global balance of power and the

interactions between China and the United States created conditions for deeper cooperation between the two nations and laid the groundwork for the “Peace Pearl” program. In the early to mid-1980s, China-USSR relations still remained quite tense, which could be traced to the 1960s break-off of relations and be explained by a mutual clash of interests in military, political, and diplomatic domains. The roots of the deterioration, as it has been said, can be traced back to differences that emerged between the Chinese Communist Party and the Soviet Communist Party during the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union in 1956, particularly regarding Khrushchev’s report criticising Stalin.

By the early 1960s, ideological disputes arose between China and the Soviet Union, leading to the famous Sino-Soviet split. This open dispute over socialist ideology escalated the contradictions between the two countries. In March 1969, military clashes occurred on Zhenbao Island (Damansky Island), leading to a severe deterioration in Sino-Soviet relations, reaching a historic lowest point. Entering the 1980s, although the confrontation between the two countries somewhat eased, it remained formidable in nature. As the Russian sinologist Yu.M. Galenovich puts it, in 1979 Hu Yaobang, at the time a member of Politburo Standing Committee who later became CCP Chairman and General Secretary, managed to “reverse the official policy towards the USSR and gain support from the majority of the CPC authorities regarding the necessity to stop the USSR condemnation as a revisionist and military threat, and agree to start Sino-Soviet normalization”, but, still, the expert says that under Deng Xiaoping’s leadership only “decorative declaration of bilateral relations normalization” was possible, as the Soviet leaders were unable to understand “the depth of Mao Zedong and Deng Xiaoping’s hatred and hostility” towards the USSR [6, p. 162, 163].

Moreover, in 1979, the Soviet Union invaded Afghanistan, and due to the tense relations between China and the Soviet Union, both countries deployed significant military forces along their borders. Additionally, the Soviet Union supported Vietnam’s invasion of Cambodia, effectively encircling China militarily from the north, west, and south. The demand to withdraw the Vietnamese troops from Cambodia

was also one of the main stumbling blocks in the Sino-Soviet relations that hindered normalisation [6, p. 168]. Beyond political and military threats, the Soviet Union also attempted to isolate China diplomatically in the international community by exerting control over other socialist countries within the socialist bloc. The basic principle adopted by Eastern European satellite states in their relations with China during this period was that any substantial improvement in relations with China would be contingent on an improvement in Sino-Soviet relations. This “Soviet priority” principle remained theoretically effective at least into the early 1980s [28, p. 31]. Hence, the overall tone of the China-USSR relationship remained hostile at the time, with the Soviet Union regarded as a threat to Chinese national security, which, in a realist perspective, predetermined China’s rapprochement with the USA in the 1980s in order to balance the threat. In terms of St. Walt’s theory of threats, the USSR at the time started to pose a greater threat to China, expressing more aggressive intentions and accumulating more offensive potential, which led to its need to balance against the Soviet Union in order to restore the “balance of power” (the basic concept of realism).

As for the Soviet-American dynamic in the early 1980s, due to the Soviet Union’s deep involvement in the quagmire of the Afghan conflict, the atmosphere of détente in their bilateral relations shifted to more aggressive rhetoric. Although at first, during this period, there was a slight easing of tensions in the U.S.-Soviet relationship, and leaders from both sides held multiple meetings and engaged in dialogue expressing a desire to ease the Cold War confrontation and conclude an agreement regarding arms reduction (they also cooperated on nuclear weapons control and the reduction of intermediate-range missiles), despite these efforts the competition and rivalry between the two superpowers remained intense. In spite of holding USA-Soviet SALT II negotiations on nuclear arms restrictions from late 1977 to 1978, there has been a shift both in the Chinese (after the 11th CPC National Congress in August 1977 a framework of a new political strategy has been worked out aimed at modernization, of the army as well, in which rapprochement with the USA had a key role) and American

(as two Russian authors state, personal factor of Zbigniew Brzezinski, national security adviser in the President Carter's administration, who was a strong "oppose" of the USSR and lobbied the "China card", alongside the perception of the Soviet threat in the Third world countries: Soviet and Cuba troops presence in Ethiopia, "left" forces coming to power in Afghanistan and South Yemen and "leftist" revolution in Nicaragua, dictated the USA getting closer with China [24, p. 68]) foreign policies, which eventually led to their rapprochement, establishment of diplomatic relations and even orientation at creating military and strategic partnership between the two countries, particularly after the Soviet deployment of troops in Afghanistan in 1979. In Brzezinski's 1980 NSC weekly report to President Carter, Brzezinski indicated to the president that he could focus on expanding U.S.-China relations in late September or early October if the Soviet Union continued its operations in Afghanistan and if all went well with Bush's visit to Beijing [22, p. 7].

As for the Reagan administration, they adopted a more confrontational approach toward the Soviet Union than the previous administration. President Reagan openly declared his intention to "leave Marxism-Leninism on the ash-heap of history" and labelled the Soviet Union an "evil empire" [13]. Furthermore, the United States initiated the "Strategic Defense Initiative" (SDI), commonly known as "Star Wars," aimed at competing with the Soviet Union in the development of ballistic missile defense systems. In October 1983, the U.S. Department of Defense, in its "Single Integrated Operational Plan 6" (SIOP-6), for the first time designated the political leadership of the Soviet Union as precise targets for nuclear missiles, including up to 5,000 critical Soviet targets, consisting of 25,000 military, 15,000 industrial, and 5,000 political targets [27, p. 136]. Overall, during this period, the United States continued to view the Soviet Union's military development as a real threat to its national status and security. Consequently, the U.S. embarked on a significant military buildup, adhering to the philosophy of "peace through strength." This, in the context of realist theory, predetermined its focus on China and the readiness to conclude military contracts, even stepping back on the Taiwan problem.

However, during the Reagan period the course of Zbigniew Brzezinski aimed at the total normalisation with China somewhat stalled, having stumbled on the Taiwan problem, with a key issue revolving around U.S. arms sales to Taiwan. The Taiwan issue is of paramount importance to China, as it relates to its core interests. Any country establishing diplomatic relations with China is expected to recognise "One China" and acknowledge that Taiwan is an integral part of China. In 1979, during the Carter administration, the U.S. Congress passed the Taiwan Relations Act, which allowed the continued sale of weapons to Taiwan. In the early years of the Reagan administration, U.S. government officials, including President Reagan himself, expressed varying degrees of support for Taiwan, which was seen as a violation of the Shanghai Communiqué and the U.S.-China Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations [12, p. 1151]. In 1982, during an interview with China's Outlook magazine, Deng Xiaoping expressed his concerns regarding U.S. arms sales to Taiwan [29, p. 136]. On August 17, 1982, China and the United States jointly issued the "Joint Communiqué of the Government of the People's Republic of China and the Government of the United States of America," which outlined a step-by-step approach to address the issue of U.S. arms sales to Taiwan, leading to its temporary resolution. In this agreement, the United States reiterated its lack of intention to infringe upon China's sovereignty and territorial integrity, interfere in China's internal affairs, or pursue a "two Chinas" or "one China, one Taiwan" policy. Thus, this agreement helped temporarily ease the disputes (though not for a long time, as later that year the Chinese 12th CPC National Congress declared that "arms sales to Taiwan were a significant obstacle for Sino-American relations" [24, p. 77]) between China and the United States over the Taiwan issue, which in a realist perspective can be seen as a temporary freezing of the conflict for the sake of balancing against a more serious threat (in this case the USSR) [15, p. 31].

Therefore, in the face of these pressing national security concerns, cooperating with the United States became China's best option at the time, especially taking into consideration China opting for *Realpolitik* and pragmatically pursuing

only its national interests, which at the time were revolving around resisting the Soviet threat [24, p. 63]. However, from a realist perspective, China could not ensure its national security and maintain its national strength solely through cooperation with the United States. Instead, China needed to develop its own military capabilities to safeguard its national security interests and, on that basis, enhance its overall national strength. Starting in 1982, China's diplomatic policy shifted toward strengthening relations with "Third World" countries and seeking diplomatic independence [29, p. 140]. Before the birth of the "Peace Pearl" program, the United States did not impose overly strict restrictions on China's arms exports, including combat aircraft. China could easily import advanced Western third-generation fighter aircraft like the F-16 "Falcon," Dassault Mirage 2000, and others at very reasonable prices. There were no significant obstacles on the pricing front either. For example, the \$550 million allocated for the "Peace Pearl" program could have purchased approximately 24 American F-16/A fighter aircraft [32, p. 23]. However, China chose not to directly import advanced Western fighter aircraft, which would have rapidly improved its air force's combat capabilities. Instead, it opted for the "joint modernization" of the J-8II, a decision driven by the desire to enhance China's aviation industry's technological and manufacturing capabilities in the long term [14]. This step can be explained from a realist perspective of materialism imperative. As, in this sense, a nation's military strength holds paramount importance in its overall national standing. Relying on purchases from other countries or foreign aid for military production can only address short-term military needs. Hence, long-term enhancement of military capabilities must come from within because other nations are unlikely to transfer advanced military technologies and equipment that could significantly erode a nation's relative power.

The J-8II exhibited significant improvements in performance and essentially reached the standards of Western second-generation fighter aircraft. Originally designed to meet the requirements of countering the MIG-23, the J-8II's flight performance met the specified criteria. However, due to the relatively backward state of Chinese aerospace electronics technology at the time, the development of specialised

equipment for the J-8II, such as the Type 208 radar and PL-4 missiles, faced significant challenges. Consequently, the J-8II lagged behind in its capabilities related to target detection, tracking, positioning, and engagement, necessitating further enhancement of its combat capabilities [2].

Thus, the improvement in Sino-American relations offered opportunities for the improvement of the J-8II fighter aircraft. For the United States, assisting China could serve as a counterbalance to the Soviet Union, expand the pro-American camp, and help balance the power dynamics between the United States and the Soviet Union. Therefore, providing military assistance to China became a strategic choice for the United States based on realist considerations. Actually, according to the 1988 American Congressional Presentation for Security Assistance statement, there were four considerations regarding the "Peace Pearl" program: "strengthening of China's self-defense capabilities; expanding interests in mutual opposition of Soviet expansionism in Asia; supporting a foreign policy which is non-threatening to allies in the region; and to support China's economic modernization program" [23, p. 273].

However, in order to maintain its national strength, and taking into account the sensitivities of countries in China's vicinity, such as Japan and ASEAN nations, which were strategically important to the United States, there were limitations to U.S. assistance to China. The U.S. Federal Military Supply Control Committee's document No. 81, issued in 1982, explicitly outlined restrictions on military exports to China, such as not allowing the sold military facilities to excessively enhance the PLA's strike capability [8, p. 70]. In addition to this, in National Security Decision Directive 120 on China, issued by the Reagan administration in 1984, it was also made clear that, while the United States would further emphasise its interest in joining forces with China to counter the Soviet Union in terms of regional strategy and military relations and reaffirmed its determination to help China upgrade its military defense capabilities, only a certain level of civilian and military technology would be transferred that was consistent with U.S. strategic interests and international obligations [21, p. 3]. This also explains why in the "Peace Pearl" program, the United States installed the AN/APG-66 radar

on the J-8II but refrained from discussing the inclusion of the more versatile and comprehensive AN/APG-68 radar, which was better suited for air interception. Overall, the reasons behind the “Peace Pearl” program’s establishment can be explained through the lens of realism in international relations, encompassing the need for the United States to expand the strength of its alliance due to the bipolar U.S.-Soviet rivalry, China and the United States pursuing their national security interests, and the program’s ability to enhance China’s military capabilities without undermining the United States’ absolute military advantage.

In the late 1980s, there was a significant transformation in the international landscape, and the favourable conditions supporting the “Peace Pearl” program gradually disappeared. Firstly, there was a major shift in the balance of power between the United States and the Soviet Union. The Western camp, led by the United States, gained an advantage over the socialist camp led by the Soviet Union. When Mikhail Gorbachev came to power in the Soviet Union in 1985, he implemented a series of political and economic reforms that significantly undermined the foundations of Soviet socialism, leading to ideological, political, and economic turmoil. The events of 1989 in Eastern Europe, known as the “Eastern Bloc Revolutions,” resulted in the downfall of communist governments in many Eastern European countries, greatly weakening the socialist camp. These changes in the balance of power reduced China’s strategic importance to the United States. In fact, as early as 1983, U.S. Secretary of State George Shultz had stated during his visit to China that the basis of U.S.-China relations was no longer united resistance against the Soviet Union but direct contact and “common interest” between the two countries [18, p. 282]. However, at that time, the United States still sought cooperation with China due to practical considerations. Secondly, China’s regional security environment improved, and its national security interests received a certain degree of assurance [4]. Additionally, China’s economic interests and status were on the rise. While realism places national security interests at the forefront, other national interests cannot be ignored [19, p. 160]. In the early 1980s, China under the rule of Deng Xiaoping gradually shifted its focus

towards economic development. According to Yu.M. Galenovich’s opinion, Sino-Soviet normalisation became possible due to the Soviet readiness to succumb to Chinese requirements; the Soviet side showed the greatest flexibility and even softness after the 1960s because the authority had understood that without some efforts from the USSR part, China would not go for political rapprochement [6, p. 168]. In 1985, the Central Military Commission of China made a decision to prioritise economic development in defense construction. At a meeting with a delegation of the Algerian National Liberation Front party, Deng Xiaoping said that economic reform was China’s biggest experiment and that it was “the most arduous and overriding task for our Party and State at the present time” [3, p. 130]. In 1986, Soviet leader Mikhail Gorbachev announced the withdrawal of 200,000 Soviet troops from Asia and initiated phased withdrawals from Afghanistan and Mongolia, albeit with some reservations regarding forcing Vietnam to withdraw its troops from Cambodia (this was the main obstacle for Sino-Soviet normalisation, as Deng Xiaoping firmly insisted on this demand, to which the USSR and Vietnam finally yielded in 1989 [6, p. 169]). At the end of 1988, China’s then Foreign Minister Qian Qichen visited the Soviet Union. This was the first official visit by a Chinese foreign minister to the Soviet Union since 1957, marking the beginning of the “semi-normalisation” of relations between the two countries [17, p. 8]. In 1989, Gorbachev visited China and met with Chinese leader Deng Xiaoping. Deng summarised the purpose of the meeting in eight words: “End the past, open the future” [3, p. 292]. For China, normalisation could also be viewed as the actual capitulation of the USSR in the “war of ideas,” as in M.S. Gorbachev’s pursuit of good neighbourliness with China; in the opinion of many Russian scholars, the Soviet core interests and views on the bilateral history of the two countries were undermined [6, p. 180]. Anyway, with this being said, the joint U.S.-China resistance against the Soviet Union, consequently, became a thing of the past, which resonates with the realist idea put forward by St. Walt that alliances built on the fragile ground of only needing to balance the common threat are very likely to fall apart as long as the threat disappears (as in the case of the USSR in the second half of the 1980s) [25, p. 31].

Lastly, the direct trigger for the termination of the “Peace Pearl” program was the political turmoil that occurred within China in 1989. According to the description in the Chronicle of Events of the People’s Republic of China, political turmoil broke out in Beijing and some cities in China at that time, but the Communist Party of China (CPC) and the Chinese government, relying on the people, unequivocally opposed and ultimately quelled the unrest, defended the socialist state power, and safeguarded the fundamental interests of the people [2, p. 94]. However, this turmoil led to a sharp deterioration in China’s relations with Western countries, especially the United States. The United States suspended most of its aid and cooperation with China, leading to the halt of the “Peace Pearl” program. Within days of the onset of the political upheaval, multiple military trade and technology transfer agreements between the two sides were terminated. The US President George Bush, during an interview at the White House, expressed his concerns over China’s domestic political situation and, later on, America announced sanctions against China. These included the suspension of all military sales and commercial arms exports between China and the United States, the suspension of visits by military leaders from both countries, and an agreement to reconsider requests for extended stays by Chinese students in the United States, as well as a reevaluation of other issues in U.S.-China relations. Regarding the significance of the “Peace Pearl” program, the U.S. Department of Defense requested the immediate departure of 40 Chinese technicians working for Grumman, effectively suspending the program. Although the program was later resumed through negotiations, the United States significantly increased the cost due to technical reasons, causing the overall cost to rise by 35 to 40% [32, p. 24]. Ultimately, China weighed the pros and cons and decided to abandon the program, bringing an end to the “Peace Pearl” initiative.

Results. Thus, the realist theory with its important provisions on the anarchy of the international environment, the concepts of “balance of power” and the “balance of threats” provides an insightful explanation of the international context of the 1980s, including the development of the “Peace Pearl” plan between China and the United States. The almost exceptional attempt

of such deep military cooperation between the United States and China in the mid-1980s can be explained by an increasing threat from the USSR to both China and the United States, due to such parameters as aggressive intentions and offensive potential from the realist theory. From the implementation of the plan, it is also clear that as soon as changes took place in the USSR, which affected the course of its foreign policy, the alliance of the United States and China in the military field came to naught. Later on, after the political turmoil in China in 1989, the USA returned to more hostile rhetoric towards China.

Other conclusions are concerned with Chinese experience. Although the Sino-American “Peace Pearl” program ultimately did not materialize as originally planned and resulted in some economic losses for China, it still yielded certain benefits for the country. Firstly, the fighter jets that underwent modification, as well as the personnel and technological exchanges during the modification process, provided valuable references and insights for China’s military aviation in terms of technology and production. Secondly, this event reinforced China’s determination to pursue an independent and self-reliant path for its modernization, rather than relying on other countries. Against the backdrop of the Cold War, China found itself in an intermediate position, often referred to as the “China-U.S.-USSR triangle”. In the 1980s China became the weight that could tip the balance of power, crucial for maintaining the equilibrium of international power dynamics. Therefore, China effectively leveraged its strategic position to obtain assistance from the United States and establish cooperation in various fields, including military, political, and economic matters. Hence, it has efficiently utilized its position within the bipolar international power balance to secure national interests.

REFERENCES

1. Byman D., Cliff R., *China’s Arms Sales Motivations and Implications*. Washington D.C., RAND, 1999. 60 p.
2. *Central Academy for Party History and Documentation (CAPHDR)*. Chronology of Events in the Peoples Republic of China: October 1949-September 2019. Beijing, People’s Press, 2019. 94 p.
3. Deng X. Deng Xiaoping’s Selected Writings. *Beijing, People’s Press*, vol. 3, 1993, pp. 130-295. (In Chinese).

4. Ding M. *Important adjustments in China's diplomatic strategy in the 1980s*. *National History Network of the People's Republic of China*, 2011. URL: http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjjg/zggsyjxh_1/gsnhlw_1/baguoshixslwj/201110/t20111018_162328_4.html
5. Finkelstein D. *The Military Dimensions of U.S. – China Security Cooperation: Retrospective and Future Prospects*. CNA China Studies, 2010. 34 p.
6. Galenovich Y.M. *Ot Stalina i Mao do Putina i Xi* [From Stalin and Mao to Putin and Xi]. Moscow, Izd. dom VKN, 2020. 416 p.
7. Hong Y. Realist International Relations Theory: An Enduring Mainstream Paradigm. *Lishi Jiaoxue Wenti* [History Teaching Issues], 2004, no. 4, pp. 44-51.
8. Kenny H. *Underlying Patterns of Arms Sales to China, World Military Expenditures and Arms Transfers, 1986*. U.S. Arms Control and Disarmament Agency, 1987. 70 p.
9. Kissinger H. *On China*. The Penguin Press, New York, 2011. 840 p.
10. Lin G. *Higher Education Research Methodology – Literature Method*. *International Education Studies*, 2009, vol. 2, no. 4, 179 p.
11. Liu L. *Research on Sino-US Military Relations in the Late Cold War (1972–1989)*. Shandong Normal University, 2016. 51 p.
12. Lukin V. Relations Between the U.S. and China in the 1980s. *Asian Survey*, 1984, vol. 24, no. 11, pp. 1151-1156. DOI: 10.2307/2644149
13. *Milestones, U.S.-Soviet Relations, 1981–1991*. *Office of the Historian*, 2017. URL: <https://history.state.gov/milestones/1981-1988/u.s.-soviet-relations>
14. Newdick T. *Remembering the Time Grumman Helped Craft a Modern Fighter For China*. *The War Zone*, April 29, 2021. URL: <https://www.thedrive.com/the-war-zone/40396/the-u-s-once-helped-china-develop-a-modern-jet-fighter>
15. Nie Y. *Analysis of Stephen Walt's Defensive Realism Theory*. Shandong Normal University, 2023. 31 p.
16. Priya A. Case Study Methodology of Qualitative Research: Key Attributes and Navigating the Conundrums in Its Application. *Sociological Bulletin*, 2021, vol. 70, no. 1, pp. 94-110.
17. Qian Q. Ending the Past, Opening up the Future – Recollections of Comrade Deng Xiaoping's Strategic Decision on Normalization of Sino-Soviet Relations. *New China's Diplomatic Storms*, *World Knowledge Publishing House*, 1999, no. 5, pp. 6-11. (In Chinese).
18. Song L., Gong X. *China-U.S. Heads of State Diplomacy Facts*. Beijing, Economic Daily Press, 1998. 282p. (In Chinese).
19. Song W. Rethinking the Paradigm and Core of Realism. *Shijie Jingji yu Zhengzhi* [World Economy and Politics], 2023, no. 8, pp. 143-162.
20. Stilwell David R. *U.S.-China Bilateral Relations: The Lessons of History*. USC US-China Institute, December 12, 2019. URL: <https://china.usc.edu/david-r-stilwell-us-china-bilateral-relations-lessons-history-dec-12-2019>
21. The White House. “Visit to the United States of Premier Zhao Ziyang”. *Digital National Security Archive*. Item Number: PR01513, January 9, 1984, pp. 1-3.
22. The White House, Memorandum for President Carter from Zbigniew Brzezinski. “*NSC Weekly Report no. 149: Foreign Policy and the Elections*,” Secret, August 7, 1980. 9 p.
23. *United States Congress, Congressional Presentation for Security Assistance Programs*, Washington: GPO, 1988. 273 p.
24. Vorobyova T.A., Yungblud V.T. Relations within «Triangle» USA – USSR – China at the End of Détente (1977–1980). *MGIMO Review of International Relations*, 2019, no. 1 (64), pp. 59-82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82
25. Walt St.M. *The Origins of Alliance*. Ithaca, Cornell University Press, 1987. 321 p.
26. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Boston, Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 88 p.
27. Wang H. The «Able Archer 83» Incident and the Reversal of Reaganism: Exploring the origins of the third easing of U.S.-Soviet Relations During the Cold War. *Meiguowenti Yanjiu* [American Studies], 2017, no. 1, pp. 126-150, 223-224.
28. Wang J., Tai Y. From Reconciliation to Alienation – Relationships Between China and Eastern European countries in the late 1980s. *Lengzhan Guojishi Yanjiu* [Cold War International History Research], 2012, no. 1, pp. 27-55.
29. Xiang D. *Adjustment and Stability*. *Party School of the Central Committee of the Communist Party of China*, 2023. 136 p. DOI: 10.27479/d.cnki.gzgcd.2021.000011
30. Yan X. Theory of International Relations of Moral Realism. *International Studies*, 2014, no. 5, pp. 102-130.
31. Yu T. Offensive Realism, Defensive Realism and Neo-Classical Realism. *Shijie Jingji yu Zhengzhi* [World Economy and Politics], 2000, no. 1, pp. 43-51.
32. Zheng G. Sino-American Military Relations in the 1980s: A Case Study of the “Peace Pearl” Project. *MA Thesis*. China, Changchun, 2012, pp. 23-24. (In Chinese).
33. Zhong Q., Lizyu [Pearl of Peace] Discussion on the Pros and Cons of Development. *Jianzai Wuji* [Shipborne Weapons], 2005, no. 9, pp. 26-29.

Information About the Authors

Menglong Li, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, School of International and Public Affairs, Jilin University, Qianjin St, 2699, 130012 Changchun, China, limenglong@jlu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-3087-5417>

Yifu Lin, Postgraduate Student, Faculty of Social Sciences, University of Hong Kong, Pokfulam Road, 999077 Hong Kong, China, linyf9921@mails.jlu.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0002-9477-5829>

Aleksandra A. Gulkova, Undergraduate Student, Faculty of International Relations, International Institute for Energy Policy and Diplomacy, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, Alexandra.gulkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4849-1844>

Информация об авторах

Мэнлун Ли, кандидат исторических наук, доцент, институт международных и общественных отношений, Цзилиньский университет, ул. Цяньцзинь, 2699, 130012 г. Чанчунь, Китай, limenglong@jlu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-3087-5417>

Ифу Линь, аспирант, факультет социальных наук, Гонконгский университет, Покфулам-роуд, 999077 г. Гонконг, Китай, linyf9921@mails.jlu.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0002-9477-5829>

Александра Андреевна Гулькова, студент бакалавриата, Институт энергетической политики и дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, Alexandra.gulkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4849-1844>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.14>

UDC 94

LBC 63.3(0)63

Submitted: 27.12.2023

Accepted: 09.03.2024

THE UNITED STATES AND THE HUMAN RIGHTS VIOLATIONS OF THE SOUTH KOREAN PARK CHUNG-HEE'S REGIME, 1972–1979

Denis A. Sadakov

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Human rights rhetoric is now an important part of the arsenal of American foreign policy. Many key features of Washington's tactics of using this tool were formed during the Cold War era. At the same time, the rhetoric on human rights became highly selective. An interesting example of combining these principles is the U.S. policy toward the South Korean dictatorship of Park Chung-hee after the South Korean leadership began to shift its priorities from economic development to strengthening the country's defense capabilities and authoritarian regime. The result of this process was the Yushin coup and the creation of the Fourth Republic of South Korea. *Methods and Materials.* The article uses classical research methods. The source base of the study is publications of diplomatic documents from American and materials from Russian archives. *Analysis.* The Americans recognized the effectiveness of the economic policy of President Park Chung-hee and his supporters, but could not ignore the authoritarian manifestations of the ruling regime. The U.S. noted that the incumbent president had been quite successful in overcoming opposition resistance and maintaining control over the country. However, de facto acquiescence to his domestic course put the U.S. on a par with one of the most odious dictatorships of its time, marked by numerous acts of human rights violations. *Results.* Washington's attempts to reconcile its policy of supporting its Far Eastern ally with the idea of protecting human rights, the core of U.S. foreign policy strategy, yielded only temporary and fragmentary results. By the end of the 1970s, this line was becoming increasingly vulnerable to congressional criticism. This fact deprived the image of the United States as the leader of the "free world" of credibility and undermined the authority of the Carter administration. *Funding.* The study was supported by grant No. 22-78-10179 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10179/>.

Key words: USA, Republic of Korea, Park Chung-hee, human rights, J. Carter.

Citation. Sadakov D.A. The United States and the Human Rights Violations of the South Korean Park Chung-Hee's Regime, 1972–1979. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 151-163. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.14>

УДК 94

ББК 63.3(0)63

Дата поступления статьи: 27.12.2023

Дата принятия статьи: 09.03.2024

США И НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ДИКТАТУРОЙ ПАК ЧОН ХИ В 1972–1979 ГОДАХ

Денис Андреевич Садаков

Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Риторика на тему соблюдения прав человека сегодня занимает важное место в арсенале американской внешней политики. При этом многие ключевые особенности тактики применения Вашингтоном этого инструмента сформировались в эпоху холодной войны. Тогда же риторика о правах человека приобрела выразительно избирательный характер. Интересным примером совмещения этих принципов является политика США в отношении южнокорейской диктатуры Пак Чон Хи после того, как руководство Южной Кореи стало предпринимать шаги по смещению приоритетов с развития экономики на укрепление обороноспособности страны и авторитарного режима. Итогом этого процесса стал переворот Юсин и создание Четвертой республики Южной Кореи. *Методы и материалы.* В статье использованы классические

методы исследования. Источниковая база исследования – публикации дипломатических документов из американских и материалы из отечественных архивов. *Анализ.* Американцы признавали эффективность экономической политики президента Пак Чон Хи и его сторонников, но не могли игнорировать авторитарные проявления правящего режима. В США отмечали, что действующий президент вполне успешно преодолевал сопротивление оппозиции и сохранял контроль над страной. Однако фактическое попустительство его внутреннему курсу ставило США в общий ряд с одной из наиболее одиозных диктатур своего времени, отмеченной многочисленными актами нарушений прав человека. *Результаты.* Предпринимаемые Вашингтоном попытки совместить политику поддержки своего дальневосточного союзника со стержневой для внешнеполитической стратегией США идеей защиты прав человека приносили лишь временные и фрагментарные результаты. К концу 1970-х гг. такая линия становилась все более уязвимой для критики Конгресса. Данное обстоятельство лишало убедительности образ США как лидера «свободного мира» и подрывало авторитет администрации Дж. Картера. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>.

Ключевые слова: США, Республика Корея, Пак Чон Хи, права человека, Дж. Картер.

Цитирование. Садаков Д. А. США и нарушения прав человека южнокорейской диктатурой Пак Чон Хи в 1972–1979 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 151–163. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.14>

Введение. Риторика вокруг проблем соблюдения прав человека является одним из важных и эффективных инструментов американской дипломатии. Общеизвестно, что часто политики предпочитают избирательно применять декларируемые высокие идеалы в зависимости от ситуативной целесообразности. Множество примеров подобной избирательности, особенно актуальных в современных условиях, несет в себе история холодной войны. Одним из них является политика США в отношении нарушений прав человека, допускаемых авторитарным режимом южнокорейского президента Пак Чон Хи. Цель статьи – на конкретном примере выявить специфику процесса включения принципов защиты прав человека во внешнеполитическую стратегию США и охарактеризовать особенности и последствия избирательности washingtonской администрации в этом вопросе.

Методы и материалы. Методологической основой работы послужили основные принципы исторической науки – историзма и научной объективности. Структурно-функциональный и системный анализ ситуации вокруг Кореи позволили выявить и рассмотреть как целое комплекс факторов, влиявших на место полуострова в общем контексте холодной войны. Компаративный анализ применялся при рассмотрении стратегии Вашингтона на различных этапах существования южнокорейского государства. Значимую роль при работе сыграли политологические методы. Так, по-

литико-системный подход сыграл важную роль в процессе выявления американских внутривнутриполитических факторов, оказывавших влияние на процесс формирования внешней политики США. Политико-социологический метод был задействован при анализе реакции американского и южнокорейского общества на нарушения прав человека в Южной Корее. История данной проблемы затрагивалась в зарубежной историографии [6; 9; 17; 22]. В работах отечественных исследователей проблематика реакции США на ситуацию с правами человека в Южной Корее рассматривалась в меньшей степени и, как правило, с южнокорейской точки зрения [4]. Источниковая база исследования – американские внешнеполитические документы, опубликованные в рамках серии «Foreign Relations of the United States» [23–27; 33–35], сборника «The Carter Chill: US-ROK-DPRK Trilateral Relations, 1976–1979» [36], материалы Архива внешней политики и Государственного архива Российской Федерации.

Анализ. Переворот 16 мая 1961 г., в результате которого к власти в Южной Корее пришел Верховный совет национальной перестройки во главе с Пак Чон Хи стал неприятной неожиданностью для американцев, которым не удалось поддержать законные власти. В итоге уже к середине лета того же года Вашингтон фактически смирился с установлением на Юге авторитарного режима. Вместо использования жестких мер, американцы предпочли тактику

постепенного воздействия на новые власти, надеясь повлиять на дальнейшую эволюцию южнокорейской политической системы. В течение последующих месяцев лидерам Юга удалось зарекомендовать себя энергичными руководителями, способными осуществить необходимые обществу реформы, добиться стабилизации внутривластной жизни и поступательного развития экономики.

Ситуация стала деградировать в конце 1971 – начале 1972 г., когда руководство Южной Кореи стало предпринимать шаги по смещению приоритетов с развития экономики на укрепление обороноспособности страны и авторитарного режима. Ключевым элементом этой стратегии была нейтрализация внутренней оппозиции. Данный процесс увенчался переворотом Юсин ¹ 1972 года.

Несмотря на откровенную антидемократичность предпринимаемых южнокорейцами шагов, в США фактически признали новую реальность и продолжили вести дела в обычном режиме. В январе 1973 г., вскоре после своего переизбрания на второй срок президент США Р. Никсон предложил организовать встречу с Паком [24, р. 2]. Учитывая, что ситуация на Юге после принятия конституции Юсин оставалась стабильной, внутривластная проблематика временно ушла из поля зрения американских дипломатов.

Однако на отдельные эксцессы режима Пак Чон Хи не реагировать было нельзя. 8 августа 1973 г. южнокорейское ЦРУ прямо из гостиничного номера в Токио похитило оппозиционера Ким Дэ Чжуна, имевшего к тому времени репутацию единственного серьезного политического противника Пака. Несмотря на то, что организатор похищения не был известен на тот момент времени [30], у посла США в Сеуле Ф. Хабиба практически сразу возникли подозрения относительно того, кто стоит за этим преступлением ².

По воспоминаниям американских дипломатов, для спасения жизни Кима Хабибу пришлось действовать фактически в тайне, не дожидаясь инструкций руководства дипломатического ведомства. Получив известия о похищении, посол пришел к выводу, что южнокорейцы на всякий случай выждут 24 часа и, если не получат отпор, убьют Ким Дэ Чжуна. Хабиб срочно встретился с пре-

мьер-министром Республики Корея Ким Чон Пхилем и пообещал тому, что, если оппозиционер не вернется живым, то в отношениях двух стран начнутся проблемы [21]. Поскольку Ким был похищен из Японии без ведома властей страны, крайне негативную реакцию преступление южнокорейского режима вызвало и в Японии [27, р. 14]. 13 августа Ким был отпущен на свободу.

15 августа Хабиб передавал в Госдепартамент: «Мое прежнее мнение, что похищение Кима скорее всего являлось, операцией правительства Юга, все более подтверждается». Посол охарактеризовал инцидент как «яркий пример тупого государственного бандитизма» и отметил, что старые обвинения Кима в нарушении избирательного закона в 1968 г. все еще сохраняют актуальность [35]. Тем временем Ким был помещен под домашний арест и ему было запрещено заниматься политической деятельностью.

Первое серьезное обсуждение внутривластной ситуации в Южной Корее в Госдепартаменте состоялось в январе 1974 г. уже после того как внешнеполитическое ведомство возглавил Г. Киссинджер. Встречу открыло выступление Хабиба, который подчеркнул значение стратегического императива США в Корее – предотвращение военных действий, но призвал обратить внимание на положение дел внутри Республики. Посол отметил, что современная история Юга всегда характеризовалась наличием авторитарного режима и противостоящей ему оппозиции. Однако сейчас процесс усиления единоличной власти дошел до той степени, когда под угрозой оказались интересы США. Пак обеспечил себе возможность неограниченно долго оставаться у власти и устранил возможности выступать против его политики. В то же время, сохраняло свою протестную активность студенческое движение, и Хабиб видел в этом источник внутренней нестабильности. Наряду со студентами об изменениях в стране мечтали многие интеллектуалы, а также имевшие тесные связи с единоверцами в США южнокорейские христиане ³. Хабиб рекомендовал прекратить демонстрировать отстраненность и недвусмысленно дать понять Паку о том, что в США им не довольны [27, р. 3–14].

Киссинджер внимательно выслушал посла, но напомнил о принципе невмешательства во внутренние дела других стран (в первую очередь – союзников Соединенных Штатов), отметив бессмысленность политики инвестирования в демократизацию Турции и Кореи. По мнению Киссинджера, американцам следовало конкретизировать свои интересы и проанализировать последствия смены / сохранения правительства Пака [27, р. 16].

С точки зрения Хабиба, именно чрезмерная заинтересованность США в защите собственных интересов и привела их к вовлеченности в политические манипуляции Пака. Посол предложил серьезно, с привлечением представителей других ведомств, обсудить вопрос об уменьшении присутствия США на Корейском полуострове. Речь шла в том числе и о том, чтобы в два раза сократить численность американского военного контингента в течение двух лет. Хабиб предлагал дистанцироваться от ситуации, но не предпринимать каких-либо усилий для смены власти. Более того, он утверждал, что континуитет существующих институтов власти соответствовал интересам Вашингтона [27, р. 19, 21, 29].

Наряду с вопросами военного присутствия, на совещании также активно обсуждались проблемы взаимодействия с КНДР. Ключевым результатом совещания стало распоряжение Киссинджера о начале проработки стратегии США в Корее на ближайшие пять лет. В Госдепартаменте еще раз подчеркнули, что цель США состоит в том, чтобы определить интересы в Корее, а не продвигать собственные взгляды на демократию и ее достоинства [27, р. 1, 35].

Разрабатывать новые подходы приходилось на фоне наблюдаемого американцами растущего общественного недовольства режимом Пака, создающего поводы для политической нестабильности. В 1974 г. Хабиб советовал Паку хотя бы не казнить никого из нарушителей репрессивных законов, поскольку это стало бы «глупым» шагом [25, р. 3]. Кроме того, в распоряжении ЦРУ появились тревожные сведения о том, что Пак готовится развязать войну против Севера в случае возникновения существенной угрозы свержения своего режима [37, р. 14263].

Официальный визит президента Форда в Сеул в ноябре 1974 г. сопровождался резкой

критикой в американских СМИ. Отдельные сенаторы и конгрессмены заявляли, что действия президента США в этих условиях могут быть восприняты как санкционирование проводимых в Южной Корее репрессий. Отбиваясь от критики, Киссинджер заявлял, что отказ от «церемониального» посещения Сеула нанес бы значительный урон отношениям Вашингтона с его дальневосточными союзниками и опасен для национальных интересов Соединенных Штатов.

Южнокорейская оппозиция возлагала на приезд американского президента значительные надежды. Сам Форд уклонился от встречи с ее представителями, но их принял один из сотрудников администрации президента Р. Смайсер. Среди прочего в ходе визита Форд сделал Пак Чон Хи «внушение» по поводу допускаемых корейцем дискредитирующих США крайностей во внутренней политике. Ожидалось, что по итогам разговора Пак Чон Хи несколько скорректирует внутривнутриполитический курс [15, р. 213].

Однако на фоне падения Южного Вьетнама ситуация с правами человека в Южной Корее еще больше деградировала – высший приоритет был отдан поддержанию внутренней дисциплины и контроля. С января 1974 г. по май 1975 г. Пак утвердил девять пакетов чрезвычайных мер, призванных предотвратить критику действующего режима и организацию антиправительственных выступлений [22, р. 152; 29, р. 74; 40, р. 595]. Международные события использовались Паком в качестве обоснования для дальнейшего «закручивания гаек». При этом южнокорейцы обвиняли американцев не только в непонимании важности этой составляющей своей политики, но и в косвенной поддержке оппозиции [13; 34]. Современные исследователи указывают на высокую эффективность принятых Паком мер с точки зрения подавления протестов [17, р. 21].

На фоне поражения США во Вьетнаме геостратегическое значение Кореи в глазах многих конгрессменов возросло и критика режима Пак Чон Хи временно ушла на второй план [1, л. 2]. Однако по мере того как ситуация в Южной Корее приобретала, по выражению Дж. О, характер «перманентной чрезвычайности» [29, р. 72], выпады против Пака в Конгрессе вновь приобрели резкий характер,

звучали требования вывода из Кореи американских войск, прекращения оказания экономической и военной помощи Югу [1, л. 83].

К этому времени Хабиб занял пост начальника отдела Госдепартамента по Восточной Азии и Тихому океану. На совещаниях с Киссинджером он подчеркивал, что ситуация в Южной Корее, где была фактически уничтожена свобода слова, существенно осложняет процесс выделения средств на эту страну в Конгрессе и предлагал заставить Пака умерить репрессивные действия. Избранный США подход не предполагал навязывание южнокорейскому лидеру американских представлений о демократии и законности. Вместо этого Вашингтон пытался показать, что политика Пака создает проблемы для США и самой Республики Корея, поскольку дискредитирует последнюю в мире перед лицом общественного мнения, а значит и Конгресса США. Подобные предупреждения делали не только дипломаты, но и американские военные, включая министра обороны США Дж. Шлезингера [37, р. 8–10; 23; 33, р. 1]. Сам Киссинджер заявлял, что при оказании помощи Сеулу американцы исходят из национальных интересов своей страны, и эту помощь нельзя смешивать с моральной поддержкой. Попытки давления на Пак Чон Хи в целях смягчения его режима, впрочем, не имели особого успеха [1, л. 1–2].

Особенно значимым событием внутривнутриполитической жизни Юга для американцев стало подписание 1 марта 1976 г. «Декларации выживания нации» католическими и протестантскими оппозиционными лидерами страны. В ней оппозиционеры, среди них был и Ким Дэ Чжун, призвали к восстановлению демократических прав и отставке Пак Чон Хи [17, р. 35]. Правительство ответило на документ арестом подписантов. Религиозная составляющая протестного акта – критика Пака была озвучена во время службы в сеульском соборе, большинство подписантов были христианами – спровоцировала противников Пака из числа американских конгрессменов активизировать критику южнокорейского режима. Конгрессмен Д. Фрейзер (Миннесота, демократ) потребовал от исполнительной власти оценить ситуацию с правами человека на Юге. Звучали призывы к переоценке масштабов американской помощи стране. Все это ставило

под угрозу уже разработанные Госдепартаментом планы. Правительство США крайне нуждалось в примерах, демонстрирующих улучшение ситуации с правами человека на Юге. При этом, Киссинджер настаивал на неэффективности любых форм давления на Пака. Более того, снижение уровня американской поддержки могло привести к росту активности КНДР и еще большему «закручиванию гаек» со стороны сеульского режима [15; 19].

В 1976 г. ЦРУ резюмировало, что Пак построил режим, в рамках которого он обладал огромной властью и опирался на мнение лишь небольшой группы приближенных советников. Военные не играли ключевой роли в принятии решений, но именно на их лояльности зиждилась внутривнутриполитическая стабильность. Разведка отмечала высокий уровень профессионализма в правительстве и среди сотрудников министерств. Роль южнокорейского ЦРУ характеризовалась как «всеобъемлющая». Политическая оппозиция была слаба, а ее наиболее принципиальные представители были христианами. Даже суд над подписантами декларации 1 марта 1976 г. оказался не способен зажечь в Сеуле искру открытого народного возмущения [36, р. 4–7].

В итоге в публичной сфере американские официальные лица крайне осторожно выбирали слова, выражая свое отношение к проблеме соблюдения прав человека в Республике Корея. К примеру, в марте 1976 г. министр торговли США Э. Ричардсон, отвечая на вопрос журналистов, подчеркнул, что, с его точки зрения, ситуация в Корее принципиально иная, чем в других демократических странах, поскольку Юг находился перед лицом постоянной угрозы. Кроме того, Ричардсон воздержался от комментария, согласен ли он с позицией Пака, что законы в Корее отличаются от американских, поскольку призваны свести к минимуму социальные волнения [36, р. 3].

Эффективность репрессий режима Пак Чон Хи отмечали и в Москве, где не ожидали подъема демократического движения на Юге в ближайшем будущем [1, л. 77]. Слабость южнокорейских демократических сил признавал Ким Ир Сен [1, л. 163]. Фактически даже после шумихи вокруг подписания «Декларации выживания нации» на Юге наблюдался спад антиправительственной активности оппози-

ционных сил. По оценкам Москвы это было связано с благоприятно складывающейся экономической конъюнктурой и эффективностью осуществляемых режимом Пак Чон Хи репрессий. У диктатора не было соперников, способных реально угрожать ему на президентских выборах. Значимым фактором оставался предлог «угрозы с Севера». После инцидента с убийством топором в 1976 г.⁴ оппозиционные общественные организации Юга и вовсе выступили единым фронтом с правительством, по стране прокатились митинги в поддержку Пак Чон Хи [1, л. 158–164].

Проблема соблюдения прав человека в Республике Корея неоднократно звучала в ходе предвыборной кампании победившего на президентских выборах 1976 г. кандидата Дж. Картера. Он не стеснялся открыто критиковать автократический южнокорейский режим, сравнивал его с диктатурой А. Пиночета в Чили и указывал на целесообразность полного вывода американских войск с территории полуострова. В Сеуле внимательно наблюдали за ситуацией, и всерьез опасались, что двусторонним отношениям будет нанесен непоправимый ущерб [14; 28; 36, р. 1, 20–22].

Риторика вокруг проблемы соблюдения прав человека на Юге не прекратилась и после победы Картера на выборах [36, р. 25]. Госсекретарь С. Вэнс поддерживал позицию президента, но призывал не увязывать гуманитарные вопросы с военными и экономическими [39, р. 32]. В то же время в министерстве иностранных дел Республики Корея видели и другую сторону американской политики. Посольство в Вашингтоне располагало сведениями о том, что в ответ на запросы конгрессменов Госдепартамент призывал не судить о происходящем в этой стране по историям журналистов и подчеркивал различия между ситуацией с правами человека на Юге и в коммунистических государствах. Южная Корея без тени сомнения причислялась к свободным странам [36, р. 29].

К началу 1977 г., после вступления нового президента в должность американцы стали наблюдать признаки небольшого улучшения ситуации. Помощник президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский сообщал президенту, что Пак немного ослабил внутренние ограничения против инакомысля-

щих. Бжезинский тем не менее подчеркивал, что не следует надеяться на реальную смену политических ориентиров диктатора [36, р. 47]. В феврале 1977 г. в Конгрессе велось обсуждение представленной Советом национальной безопасности идеи сокращения американской военной помощи странам, чьи режимы систематически нарушали права человека. Однако, руководствуясь стратегическими соображениями, сам же Бжезинский настоял на том, чтобы для Сеула было сделано исключение [7, р. 126–127].

Прагматизм возобладал над идеологической составляющей корейской политики Картера, однако идеология все равно служила источником постоянных разногласий в американо-южнокорейских двусторонних отношениях. Обращаясь к Паку в феврале 1977 г., президент США акцентировал внимание на своих планах вывода американских войск с территории полуострова, а также на проблемах оказания помощи Корею. Что касается внутренней ситуации, то Картер подчеркивал нежелание своей администрации вмешиваться в дела других стран и выражал надежду на то, что друзья США продемонстрируют свою чуткость к вопросам соблюдения прав человека, дабы Вашингтон имел возможность оправдывать близкие отношения с Республикой перед лицом Конгресса и общественного мнения. Картер предлагал Паку самому обдумать, что можно сделать для улучшения ситуации в этой области [36, р. 53]. Однако в ответ южнокорейский диктатор давал лишь развернутые обоснования законности принимаемых им мер и демократичности их характера. Подчеркивая перманентную угрозу с Севера, Пак одновременно заявлял, что индивидуальные свободы и права человека защищены в его стране в полной мере [36, р. 62].

В том же духе и столь же пространно высказывались на эту тему и контактировавшие с американскими дипломатами члены администрации президента Республики Корея [36, р. 64–66]. Не будучи скованным рамками официальной переписки, посол Р. Снайдер⁵ в таких случаях отвечал, что в глазах «некоторых» американцев внешняя угроза не извиняет нарушения прав человека и делал акцент не на ценностной проблеме как таковой, а на потенциальном поводе для разногласий между

исполнительной и законодательной ветвями власти США. По его словам, укрепляя единство страны репрессивными мерами, корейцы одновременно подрывали безопасность Республики с точки зрения союзнической поддержки. Снайдер отмечал, что даже самые «близкие и понимающие» друзья Юга в Конгрессе не всегда готовы во всем согласиться с подходами Пака к ситуации с правами человека [36, р. 67–68].

Однако в Вашингтоне не были готовы пойти далее этих осторожных слов. В ЦРУ предлагали попытаться повлиять на ситуацию с правами человека в Южной Корее уже после начала процесса вывода войск, причем сделать это так, чтобы избежать «чрезмерных» двусторонних трений и политических волнений [36, р. 108].

Прагматичность политики Картера, естественно, не ускользнула и от такого последовательного противника диктатуры Пака как конгрессмен Фрейзер. В начале марта 1977 г. он обратил внимание президента, что намерение его администрации вывести войска из Кореи и при этом сохранять и даже увеличивать объемы предоставляемой Югу военной помощи опасно сближает ее с позициями команды Никсона – Форда – Киссинджера. Последняя, по мнению конгрессмена, дала Паку зеленый свет на ликвидацию политических прав корейцев. Фрейзер считал, что людям, обеспокоенным ситуацией с правами человека в Корее, сегодня при всем желании невозможно соглашаться с официальной позицией США и требовал использовать военную помощь в качестве рычага давления на Пака [36, р. 75–76]. Именно на возглавляемый Фрейзером подкомитет Палаты представителей США была возложена задача расследования обстоятельств «Кореягейта»⁶, а 1978 г. тот же орган выпустил объемный отчет, посвященный нарушениям прав человека на Юге [10].

Поддержка со стороны Конгресса являлась одним из ключевых элементов стратегии администрации Картера по выводу американских войск из Кореи. Исполнительная власть нуждалась в одобрении многочисленных компенсационных мер, включая дополнительную военную помощь Югу. Однако недовольство части конгрессменов авторитаризмом Пака на фоне продолжа-

ющегося скандала с подкупом корейцами американских официальных лиц являлись существенными помехами для планов президента [36, р. 123–125, 127, 178].

В конце марта Картер еще раз подтвердил необходимость улучшения ситуации с правами человека в Республике Корея [36, р. 88]. Эта же тема стала одним из направлений работы, направленной в Корею в мае 1977 г. специальной миссии, состоящей из Ф. Хабиба и председателя Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) США генерала Дж. Брауна [36, р. 131]. Дискуссия по проблеме соблюдения прав человека получилась краткой. Хабиб подчеркнул, что Картер исключительно дружелюбно относится к Паку, и США не связывают проблему вывода войск с вопросами нарушения прав человека. Основной акцент был сделан на имеющихся у Картера по этому поводу проблемах с Конгрессом. При этом Хабиб гарантировал Паку, что американцы не будут делать заявление для прессы об этом аспекте итогов его поездки. Южнокорейский диктатор ответил на это обычными заявлениями о том, что преследования его политических противников осуществляются в рамках государственных законов и подчеркнул важность публичного молчания правительства США по этому вопросу. Благодаря этому он получал возможность проявлять снисхождение к отдельным диссидентам, не производя впечатление «прогиба» под давлением Вашингтона [36, р. 121, 149–151].

Такая позиция Пака ставила Картера в затруднительное положение при общении с обеспокоенными ситуацией с правами человека конгрессменов. Эта проблема приобрела хронический характер уже ко второй половине 1977 года. Обыденностью для Конгресса стали рассказы о пытках, которым подвергаются южнокорейские диссиденты [11; 16, р. 20597; 36, р. 193].

Тем не менее Госдепартамент предпринимал усилия, чтобы заручиться поддержкой парламентариев. В декабре 1977 г. Вэнс в одном из интервью подчеркнул, что «отсутствие гибкости» Сеула в вопросах соблюдения прав человека и набравшего обороты «Кореягейта» может иметь негативные последствия для американской помощи Корее [36, р. X]. Давление сработало. На свободу были отпущены

некоторые диссиденты, включая отдельных подписантов «Декларации выживания нации» 1976 года. Однако Вашингтон не собирался загонять Пак Чон Хи в угол. В январе 1978 г. Картер в отдельном письме выразил удовлетворение предпринятыми южнокорейским руководством шагами [36, р. 266–267]. Проблему «Кореягейта» также удалось сгладить после того, как в течение 1978 г. являвшиеся фигурантами скандала высокопоставленные корейцы дали показания перед Конгрессом⁷ [20, р. 421–425].

В июле 1978 г. в Южной Корее прошли очередные выборы президента. Единственным кандидатом на них был Пак Чон Хи. Лидеры оппозиции пытались призывать соотечественников к бойкоту выборов и организации митингов. Однако волнения не состоялись. Ключевые оппозиционеры, включая жену Ким Дэ Чжуна, были задержаны службой безопасности у себя дома, а пришедшие на митинги разогнаны полицией [2, л. 7, 13]. При этом еще одна амнистия, проведенная Пак Чон Хи в день очередного вступления на должность президента, дала американцам повод уверенно говорить об улучшении ситуации. Среди прочих, свободу получил и Ким Дэ Чжун. Однако за оппозиционером велась слежка и его периодически подвергали домашним арестам [36, р. 522, 536]. Судя по закрытым документам, в Вашингтоне видели нервную реакцию Пак Чон Хи на попытки оказать на него давление и постепенно убеждались, что в сложившихся обстоятельствах возможны лишь ограниченные подвижки в этой сфере [32; 36, р. 521–523].

По наблюдениям ЦРУ, после восемнадцати лет правления Пак полностью сохранял контроль над страной. Однако президент не был неуязвим, и серьезный политический или экономический просчет мог быстро опустошить запасы имевшегося у него политического капитала [36, р. 537].

В целом двусторонние отношения США и Республики Корея развивались на конструктивной основе. В 1979 г. для оказания политической поддержки режиму Пак Чон Хи был создан Политический консультативный комитет США и Южной Кореи, первая сессия которого была намечена на апрель. Целью этого органа объявлялось рассмотрение ключевых вопросов двусторонних отношений и

международных проблем. В том же году была достигнута договоренность об официальном визите Картера в Сеул в конце июня – начале июля 1979 г. [36, р. 587].

Еще весной 1979 г. ряд корейских оппозиционеров, включая Ким Дэ Чжуна написали президенту США письмо, содержащее просьбу увязать возможность организации визита Картера в Сеул с улучшениями ситуации в сфере прав человека [36, р. XIII]. Однако эта встреча состоялась без предварительных условий. Несмотря на острый характер многих поднимавшихся на ней вопросов, обсуждение проблемы соблюдения прав человека прошло довольно спокойно. Американцы заранее предупредили южнокорейских коллег, что данная тема не является предметом для торга. Это обеспечило сдержанность обеих сторон. Картер передал Паку список из 100 остающихся в заключении диссидентов (в СССР считали, что этот жест был направлен на внутреннюю аудиторию), но отказался от встречи с лидерами южнокорейской оппозиции. Пак привычно продолжил настаивать на том, что в условиях военной угрозы с Севера его страна нуждается в определенном ограничении прав и свобод. В качестве жеста доброй воли Пак выразил готовность отпустить часть политзаключенных и пообещал через некоторое время смягчить законодательство [3, с. 116–117; 12, р. 785; 18; 36, р. 586–588, 630, 636–637, 660]. К началу осени он частично исполнил свои обещания. Президент распорядился отпустить значительное число политзаключенных, но, как и прежде, не собирался решать фундаментальные проблемы со свободой слова и соблюдением других прав.

В сложившихся в Республике Корея условиях любой социальный или трудовой конфликт имел шансы на быструю эскалацию с выдвижением политических требований. 9 августа работники одного из закрывающихся корейских предприятий организовали сидячую забастовку в штаб-квартире оппозиционной Новой демократической партии. Протестная акция была разогнана полицией, одна из активисток погибла. Спустя месяц Ким Ён Сам, лидер парламентской оппозиции через статью в *The New York Times* призвал США сделать выбор между диктаторским режимом и стремящимся к демократии народным большинством

и вмешаться в события. В Госдепартаменте посчитали, что в этой ситуации и в самом деле нельзя оставаться в стороне. Паку было передано обращение с призывом к налаживанию диалога между конфликтующими сторонами [31, р. 1199–1200; 36, р. 673–676]. 13 октября Картер направил южнокорейскому коллеге письмо, в котором «конфиденциально и не с целью угрозы» отмечал, что текущий тренд на силовое подавление протестов и политические аресты ставит под угрозу весь ранее достигнутый в сфере прав человека прогресс [36, р. 679]. Однако на консультациях с американскими представителями Пак лишь выражал готовность принять «неофициальные советы», но предостерегал Вашингтон от попыток «диктата». Тем не менее он признавал, что некоторые предпринимаемые правительством меры были слишком жесткими [8].

Ситуация же продолжала деградировать. Ким был лишен мандата в Национальном собрании. В Пусане начались студенческие протесты, которые вскоре перекинулись на соседний Масан. В городах было введено военное положение, и к 26 октября протесты стали стихать [38; 40; 41]. Американцы начали высказывать осторожный оптимизм в прогнозах развития ситуации. Однако в тот же день в Сеуле Пак Чон Хи был убит директором ЦРУ Южной Кореи Ким Джэ Гю.

26 октября 1979 г., вскоре после убийства Пак Чон Хи почти на всей территории страны было введено военное положение. Начались аресты потенциально связанных с северокорейской агентурой людей [36, р. 708]. В день убийства Пака американские войска на полуострове были приведены в боевую готовность [5, л. 85, 93–94]. Американцы не знали, что именно произошло в Корее роковой ночью. В сеульском посольстве считали опасным при таких обстоятельствах делать далеко идущие выводы и ожидали, что некоторые политические силы Юга попытаются привлечь США на свою сторону [36, р. 683–684].

После убийства Пака исполняющим обязанности президента страны стал премьер-министр Чхве Гю Ха. Реакция Вашингтона на транзит власти была осторожной. Вскоре после убийства в посольстве США в Сеуле отмечали, что умеренная либерализация политической системы Четвертой республики

приветствовалась бы большинством корейцев, однако дипломаты сомневались в осуществимости этого проекта в обозримом будущем [36, р. 683–684, 687].

Результаты. Для американской политики в отношении Южной Кореи 1972–1979 гг. стали противоречивым временем. Американцы признавали эффективность экономической политики президента Пак Чон Хи и его сторонников, но не могли игнорировать авторитарные проявления правящего режима. В США отмечали, что действующий президент вполне успешно преодолевал сопротивление оппозиции и сохранял контроль над страной. Однако фактическое попустительство его внутреннему курсу ставило США в общий ряд с одной из наиболее одиозных диктатур своего времени, отмеченной многочисленными актами нарушений прав человека. Предпринимаемые Вашингтоном попытки совместить политику поддержки своего дальневосточного союзника со стержневой для внешнеполитической стратегии США идеей защиты прав человека приносили лишь временные и фрагментарные результаты. Приводимые американскими дипломатами и высшими должностными лицами аргументы на этот счет оказались недостаточно убедительными для южнокорейских властей. К концу 1970-х гг. такая линия становилась все более уязвимой для критики Конгресса. Данное обстоятельство лишало убедительности образ США как лидера «свободного мира» и подрывало авторитет администрации Дж. Картера. Непоследовательная и двусмысленная политика США не способствовала преодолению внутривнутриполитического кризиса в Республике Корея, в конечном счете вылившегося в физическое устранение действующего президента.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В результате переворота было введено военное положение в ходе которого была принята новая конституция Республики Корея, de facto наделавшая президента Пак Чон Хи диктаторскими полномочиями.

² Национальное агентство разведки (современное название южнокорейского ЦРУ) признало справедливость этих обвинений только в 2007 г. [10].

³ Численность христиан в Южной Корее достигла в 1970 г. 18 % населения. Исторически христианизация страны была тесно связана с работой

миссионеров из США. Участие христиан в демократическом движении в Южной Корее стало особенно заметным начиная с 1970 г. когда решение Пак Чон Хи остаться у власти после окончания двух президентских сроков стало очевидным. Ведущую роль в оппозиции стали играть молодежные христианские протестантские организации. С течением времени движение расширялось, с 1974 г. к кампании за демократизацию присоединилась и католическая церковь, в ней стали принимать участие в том числе и высшие церковные иерархии [31].

⁴ Инцидент, произошедший 18 августа 1976 г. в Объединенной зоне безопасности в Пханмунджоме, в ходе которого северокорейскими военнослужащими были убиты два американских офицера.

⁵ Снайдер сменил Хабиба на посту посла в сентябре 1974 года.

⁶ Крупный американский политический скандал 1976 г., связанный с организованным южнокорейскими властями систематическим подкупом американских политиков, включая некоторых конгрессменов.

⁷ Среди прочего, показания о своих контактах с американскими законодателями и должностными лицами дал и главный фигурант заговора, известный в Вашингтоне бизнесмен Пак Тон Су.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Референтура по КНДР // Архив внешней политики РФ. Ф. 102. Оп. 36. Папка 77. Д. 21. 321 л.
2. Корея Южная т. 2 // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 43. Д. 20022. 238 л.
3. Корея – проблема объединения. Т. 1 // ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Д. 21371. 138 л.
4. Курмызов А. А. Режим Пак Чон Хи в зеркале современной российской историографии // Восток (Oriens). 2023. № 1. С. 216–224. DOI: 10.31857/S086919080023985-0
5. Южная Корея. Т. 3 // ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Д. 21374. 252 л.
6. Bae Ho Hahn. The Korean-American Alliance: Its Evolution, Transition, and Future Prospects // Asian Perspective. 1983. Vol. 7, № 2. P. 175–209.
7. Brzezinsky Zb. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981. N. Y.: Farrar Straus & Giroux, 1983. 587 p.
8. Cable, Mike Armacost to Deputy Secretary of Defense Claytor, Subject: Report to President of Secret Discussions in Korea, October 20, 1979 Secret // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/22884-document-10-cable-mike-armacost-deputy>
9. Chung P. The “Pictures in Our Heads” // Diplomatic History. 2015. Vol. 38, № 5. P. 1136–1155.
10. Chang Yun-Shik. Progressive Christian Church and Democracy in South Korea // Journal of Church and State. 1998. Vol. 40, № 2. P. 437–465.
11. Congressional Report on Human Rights in Korea // Wikileaks. 1978. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978STATE222210_d.html
12. Cumings B. Ending the Cold War in Korea // World Policy Journal. 1984. Vol. 1, № 4. P. 769–791.
13. Donald M. Fraser, Lawmaker Who Bared a South Korea Plot, Dies at 95 // The New York Times. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/03/obituaries/donald-fraser-dead.html>
14. Ellsworth R. Carter and Defense // The New York Times. 1976. Oct. 1. P. 26.
15. Ford G. A Time to Heal. An Autobiography of Gerald R. Ford. N. Y.: Harper & Row, 1979. 454 p.
16. Foreign Assistance And Related Programs Appropriation Act, 1978 // Congressional Record. Vol. 123. Washington: GPO, 1977. P. 20566–20608.
17. Gi-Wook Shin, Chang P., Jung-eun Lee, Sookyung Kim. South Korea’s Democracy Movement (1970–1993). Stanford Korea Democracy Project Report. Stanford : Stanford University, 2007. 121 p.
18. How Do You Solve a Problem Like (South) Korea? // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/korea/2017-06-01/how-do-you-solve-problem-south-korea>
19. Information Memorandum From the Acting Assistant Secretary for International Security Affairs in the Department of Defense (Bergold) to Secretary of Defense Rumsfeld, Washington, March 16, 1976 // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents on East and Southeast Asia, 1973–1976. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d275>
20. Investigation of Korean-American Relations: Report of the Subcommittee on International Organizations of the Committee on International Relations, U.S. House of Representatives. Washington: GPO, 1978. 447 p.
21. Kim Dae Jung’s Close Call: A Tale of Three Dissidents // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/02/23/kim-dae-jungs-close-call-a-tale-of-three-dissidents/98031fec-6caa-4550-a658-41575aa3de9b/>
22. Ky Ho Youm. Judicial Interpretation of Press Freedom in South Korea // Boston College Third World Law Journal. 1987. Vol. 7, iss. 2. P. 133–159.
23. Memorandum of Conversation, Seoul, August 27, 1975 // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents on East and Southeast Asia, 1973–1976. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d270>
24. Memorandum of Conversation, Washington, January 5, 1973, 2:30 p.m. // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents

on East and Southeast Asia, 1973–1976. 3 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d230>

25. Memorandum of Conversation, Washington, June 12, 1975, 4 p.m. // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents on East and Southeast Asia, 1973–1976. 10 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d269>

26. Memorandum of Conversation, Washington, May 28, 1974, 2:05–3:05 p.m. // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents on East and Southeast Asia, 1973–1976. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d254>

27. Minutes of the Secretary of State's Staff Meeting, Washington, January 25, 1974 // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents on East and Southeast Asia, 1973–1976. 45 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d249>

28. Mohr Ch. Carter Suggests That U.S. Foster Rights Overseas // The New York Times. 1976. Sept. 9. P. 81.

29. Oh J. South Korea 1975: A Permanent Emergency // Asian Survey. 1976. Vol. 16, № 1. Pt. 1. P. 72–89.

30. Shorrock T. The Struggle for Democracy in South Korea in the 1980s and the Rise of Anti-Americanism // Third World Quarterly. 1986. Vol. 18, № 4. P. 1195–1218.

31. South Korea Spy Unit Admits Kidnapping Nobel Winner // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-korea-spy-idUSSEO30328620071024>

32. Stokes H. Foe of Seoul Regime Asks Decision by U.S. // The New York Times. 1979. Sept. 16. P. 17.

33. Study Prepared by the Office of International Security Affairs in the Department of Defense, Washington, undated // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents on East and Southeast Asia. 3 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d274>

34. Telegram 2685 From the Embassy in the Republic of Korea to the Department of State, April 18, 1975, 0933Z // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents on East and Southeast Asia. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d267>

35. Telegram 5409 From the Embassy in the Republic of Korea to the Department of State, August 15, 1973, 0326Z // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E–12, Documents on East and Southeast Asia. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d244>

36. The Carter Chill: US-ROK-DPRK Trilateral Relations, 1976–1979. 724 p. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-carter-chill-us-rok-dprk-trilateral-relations-1976-1979>

wilsoncenter.org/publication/the-carter-chill-us-rok-dprk-trilateral-relations-1976-1979

37. The Withdrawal of US Troops from South Korea // Congressional Record. Vol. 125. Washington: GPO, 1979. 3773 p.

38. US Goals, Objectives, and Resource Management (GORM) for FY 81. 1978. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978SEOUL11434_d.html

39. Vance C. Hard Choices. N. Y.: Simon & Schuster, 1983. 541 p.

40. 김경숙 열사 37주기 “사장이 어린 여공들을 버렸습니다” (37-я годовщина смерти Ким Кён Сук. «Начальник бросил молодых работниц»). 1 с. URL: <https://n.news.naver.com/mnews/article/310/0000053079?sid=102>

41. 의원직 제명당한 김영삼 (Ким Ён Сам, лишенный мандата Национального собрания) // 연합뉴스 (Новости Ёнхп). URL: <https://www.yna.co.kr/view/PYH20151122012700013>

REFERENCES

1. Referentura po KNDR [References on the DPRK]. *Archive of Foreign Policy of the Russian Federation*. F. 102, op. 36, папка 77, d. 21. 321 l.

2. Korea Iuzhnaia; t. 2. [Korea South. Vol. 2]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (daley – GARF)* [State Archive of Russian Federation]. F. R-4459, op. 43, d. 20022. 238 l.

3. Korea – problema obedineniia. T. 1 [Korea – the Problem of Unification. Vol. 1]. *GARF* [State Archive of Russian Federation]. F. R-4459, op. 43, d. 21371. 138 l.

4. Kurmyzov A.A. Rezhim Pak Chon Hi v zerkale sovremennoj rossijskoj istoriografii [Park Chung Hee's Regime as Reflected in Contemporary Russian Historiography]. *Vostok (Oriens)*, 2023, no. 1, pp. 216–224. DOI: 10.31857/S086919080023985-0

5. Iuzhnaia Koreia. T. 3 [South Korea. Vol. 3] *GARF* [State Archive of Russian Federation]. F. R-4459, op. 43, d. 21374. 252 l.

6. Bae Ho Hahn The Korean-American Alliance: Its Evolution, Transition, and Future Prospects. *Asian Perspective*, 1983, vol. 7, no. 2, pp. 175–209.

7. Brzezinsky Zb. *Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981*. New York, Farrar Straus & Giroux, 1983. 587 p.

8. Cable, Mike Armacost to Deputy Secretary of Defense Claytor, Subject: Report to President of Secret Discussions in Korea, October 20, 1979 Secret. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/22884-document-10-cable-mike-armacost-deputy>

9. Chang Yun-Shik. Progressive Christian Church and Democracy in South Korea. *Journal of Church and State*, 1998, vol. 40, no. 2, pp. 437–465.

10. Chung P. The "Pictures in Our Heads". *Diplomatic History*, 2015, vol. 38, no. 5, pp. 1136-1155.
11. Congressional Report on Human Rights in Korea. 1978. *Wikileaks* URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978STATE222210_d.html
12. Cumings B. Ending the Cold War in Korea. *World Policy Journal*, 1984, vol. 1, no. 4, pp. 769-791.
13. Donald M. Fraser, Lawmaker Who Bared a South Korea Plot, Dies at 95. *The New York Times*, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/03/obituaries/donald-fraser-dead.html>
14. Ellsworth R. Carter and Defense. *The New York Times*, 1976, Oct. 1, p. 26.
15. Ford G. *A Time to Heal. An Autobiography of Gerald R. Ford*. New York, Harper & Row, 1979. 454 p.
16. Foreign Assistance And Related Programs Appropriation Act, 1978. *Congressional Record*, vol. 123. Washington, GPO, 1977. P. 20566-20608.
17. *Gi-Wook Shin, Paul Y. Chang, Jung-eun Lee, Sookyung Kim South Korea's Democracy Movement (1970-1993). Stanford Korea Democracy Project Report*. Stanford, Stanford University, 2007. 121 p.
18. How Do You Solve a Problem like (South) Korea? *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/korea/2017-06-01/how-do-you-solve-problem-south-korea>
19. Information Memorandum From the Acting Assistant Secretary for International Security Affairs in the Department of Defense (Bergold) to Secretary of Defense Rumsfeld, Washington, March 16, 1976. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia, 1973-1976*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d275>
20. *Investigation of Korean-American relations: report of the Subcommittee on International Organizations of the Committee on International Relations, U.S. House of Representatives*. Washington GPO, 1978. 447 p.
21. Kim Dae Jung's Close Call: A Tale of Three Dissidents. *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/02/23/kim-dae-jungs-close-call-a-tale-of-three-dissidents/98031fec-6caa-4550-a658-41575aa3de9b/>
22. Ky Ho Youm. Judicial Interpretation of Press Freedom in South Korea. *Boston College Third World Law Journal*, 1987, vol. 7, iss. 2, pp. 133-159.
23. Memorandum of Conversation, Seoul, August 27, 1975. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia, 1973-1976*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d270>
24. Memorandum of Conversation, Washington, January 5, 1973, 2:30 p.m. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia*. 3 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d230>
25. Memorandum of Conversation, Washington, June 12, 1975, 4 p.m. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia, 1973-1976*. 10 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d269>
26. Memorandum of Conversation, Washington, May 28, 1974, 2:05-3:05 p.m. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia, 1973-1976*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d254>
27. Minutes of the Secretary of State's Staff Meeting, Washington, January 25, 1974. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia, 1973-1976*. 45 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d249>
28. Mohr Ch. Carter Suggests That U.S. Foster Rights Overseas. *The New York Times*, 1976, Sept. 9, p. 81.
29. Oh J. South Korea 1975: A Permanent Emergency. *Asian Survey*, 1976, vol. 16, no. 1, pt. 1, pp. 72-89.
30. South Korea Spy Unit Admits Kidnapping Nobel Winner. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-korea-spy-idUSSEO30328620071024>
31. Shorrock T. The Struggle for Democracy in South Korea in the 1980s and the Rise of Anti-Americanism. *Third World Quarterly*, 1986, vol. 8, no. 4, pp. 1195-1218.
32. Stokes H. Foe of Seoul Regime Asks Decision by U.S. *The New York Times*, 1979, sept. 16, p. 17.
33. Study Prepared by the Office of International Security Affairs in the Department of Defense, Washington, undated. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia, 1973-1976*. 3 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d274>
34. Telegram 2685 From the Embassy in the Republic of Korea to the Department of State, April 18, 1975, 0933Z. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia, 1973-1976*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d267>
35. Telegram 5409 From the Embassy in the Republic of Korea to the Department of State, August 15, 1973, 0326Z. *Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E-12, Documents on East and Southeast Asia, 1973-1976*. 724 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d244>

36. *The Carter Chill: US-ROK-DPRK Trilateral Relations, 1976–1979*. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-carter-chill-us-rok-dprk-trilateral-relations-1976-1979> .

37. The Withdrawal of US Troops from South Korea. *Congressional Record*, vol. 125. Washington, GPO, 1979. 37773 p.

38. *US Goals, Objectives, and Resource Management (GORM) for FY 81*. 1978. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978SEOUL11434_d.html

39. Vance C. *Hard Choices*. New York, Simon & Schuster, 1983. 541 p.

40. *37th Anniversary of Kim Gyeong-sook's Death: "The Boss Abandoned the Young Female Workers"*. 1 p. URL: <https://n.news.naver.com/mnews/article/310/0000053079?sid=102> (In Korean).

41. Kim Young-sam, Who Was Expelled from the National Assembly. *yunhap news*. URL: <https://www.yna.co.kr/view/PYH20151122012700013> (In Korean).

Information About the Author

Denis A. Sadakov, Doctor Habilitatus in History, Researcher, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University, Moskovskaya St, 36, 610000 Kirov, Russian Federation, rstk2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4308-7276>

Информация об авторе

Денис Андреевич Садаков, доктор исторических наук, научный сотрудник, кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет, ул. Московская, 36, 610000 г. Киров, Российская Федерация, rstk2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4308-7276>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.15>

UDC 327.8,341.21,341.24
LBC 66.4в,66.4(2Рос),67.91

Submitted: 13.10.2024
Accepted: 18.12.2024

POLARITY OF THE INTERNATIONAL ENVIRONMENT
IN THEORY AND HISTORY

Mikhail D. Bukharin

Institute of World History, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The polarity of the international environment is one of the most disputed concepts in modern studies of international relations. Such matters as the structure of international relations, the transformation of its the configuration, the possibility of building a multipolar world are actively debated. *Methods and materials.* The research is based on critical comparative analysis and search for new approaches on the foundation of historical experience. *Analysis.* A number of Russian experts argue that the modern world is not multipolar and in search of an answer to questions about the mechanisms of polarity transformation either evade the answer or offer unrealistic approaches, while politicians proceed from the fact that the world is multipolar or is on the way to the final construction of a multipolar structure. *Results.* The article argues that multipolarity is an integral feature of the international environment at all stages of the development of human society with the birth of state, but attempts to build any form of polarity always failed. Polarity is not a primary feature of the international environment, but is a derivative of inequality, i.e. that of global divergence. Accordingly, attempts to build a polarity in a normative or institutional ways cannot have success: only a change in the structure of global inequality can change the configuration (polarity) of the international environment. Unipolar and equipolar structures of international environment are regarded as historical phantoms, which never existed in reality. Due to the competitiveness of its evolution, the international environment exists (and can exist) only in the form of hierarchically organized multipolarity. *Funding.* The article has been prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-537).

Key words: international relations, foreign policy, systems approach, polarity, multipolar world, global inequality.

Citation. Bukharin M.D. Polarity of the International Environment in Theory and History. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 164-174. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.15>

УДК 327.8,341.21,341.24
ББК 66.4в,66.4(2Рос),67.91

Дата поступления статьи: 13.10.2024
Дата принятия статьи: 18.12.2024

ПОЛЯРНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЫ В ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Михаил Дмитриевич Бухарин

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Полярность международной среды – одна из наиболее актуальных концепций в современных исследованиях международных отношений. В практической плоскости дискурс ведется вокруг

структуры современных международных отношений, трансформации конфигурации международных отношений, возможности построения многополярного мира. *Методы и материалы.* Исследование основано на сравнительном и критическом методах, поиске новых подходов к решению поставленных вопросов на основе данных истории. *Анализ.* В российском экспертном сообществе нет единого мнения по этому поводу: одни эксперты утверждают, что современный мир не многополярен – и либо уходят от ответа, либо предлагают нереалистичные подходы; другие руководствуются тем, что мир многополярен или находится на пути к окончательному построению многополярной структуры. *Результаты.* В статье утверждается, что многополярность – неотъемлемое свойство международной среды на всех этапах развития человеческого общества с появлением государства, однако никогда попытки искусственно сформировать тут или иную структуру полярности не приводили к желаемому результату. Полярность не является первичным свойством международной среды, но производной от неравенства, то есть следствием глобальной дивергенции. Соответственно, попытки нормативным или институциональным образом сформировать ту или иную полярность заведомо обречены на неудачу: лишь изменение структуры глобального неравенства может трансформировать конфигурацию (полярность) международной среды. Однополярные и равнополярные структуры рассматриваются как исторические фантомы, никогда не имевшие место в действительности. Международная среда ввиду конкурентности ее эволюции существует (и может существовать) лишь в форме иерархически организованной многополярности. *Финансирование.* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, системный подход, полярность, многополярный мир, глобальное неравенство.

Цитирование. Бухарин М. Д. Полярность международной среды в теории и истории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 164–174. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.15>

Введение. Полярность, а также производные этого понятия – многополярность, биполярность, однополярность, понимаемые как общая форма международной среды, которая, в свою очередь, определяются возможностями ее компонентов (игроков / акторов), – один из наиболее устойчивых оборотов в современном политическом дискурсе, в предпринимаемых сейчас исследованиях по международным отношениям, в том числе по теории и по истории международных отношений. Если абстрагироваться от терминологии, то этот спор – формирование и анализ той или иной структуры международной среды с одним доминирующим полюсом или несколькими, хотя бы двумя, – имеет длинную историю. Обсуждение этого феномена или, во всяком случае, использование самого понятия «многополярность» как необходимого фона в исследованиях по истории всех исторических периодов – древности, Средневековья [4], Нового и Новейшего времени [20] – продолжается в настоящее время со все нарастающей интенсивностью [11; 12; 15].

Для понимания исторической динамики развития концепции полярности международной среды интересны наблюдения над древневосточной традицией, задействованной в

теории международных отношений значительно слабее, чем античная. Так, классическим примером много- и равнополярности можно считать так называемый амарнский международный порядок – стабилизацию обстановки, сложившейся на Ближнем Востоке к первой половине XIV в. до н. э., когда такие государства, как Митанни, касситская Вавилония и Египет, установили добрососедские отношения друг с другом [5, с. 227]. Подобные ситуации активно обсуждались и в древневосточной, и в античной политической мысли. Ярким примером осознания наличия нескольких равных по статусу очагов влияния в глобальном по меркам своей эпохи масштабе является концепция пяти «великих царств», которые контролировали нильский (Египет), эгейский (Аххиява), анатолийский (Хеттское царство), верхнемесопотамско-сирийский (Митанни) и нижнемесопотамский (Вавилония) регионы в XV–XIII вв. до н. э. В них могла править только одна династия, а их представители именовали друг друга «великими царями» и «братьями» [5, с. 231], осознавая равный статус по отношению друг к другу.

Исключительно богата рассуждениями на тему полярности международной среды древнекитайская традиция, особенно тех пе-

риодов, которые характеризуются раздробленностью, отсутствием доминирующей силы. Многочисленные примеры многополярного баланса сил, который из состояния равновесия (сбалансированности) приходит в разбалансированное состояние, приводят «Планы сражающихся царств», отражающие события V–III вв. до н.э. [1, с. 207, 210–211, 215].

В «Планах сражающихся царств» неоднократно употребляется оборот «объединиться в союз по вертикали». Вероятно, под данной формулой имеется в виду формирование иерархического союза с доминирующим центром и рядом остальных относительно равноправных (по отношению к центру) полюсов. Эта схема была универсальной: Pax Romana строилась по такой же модели.

Впрочем, первым систематическим анализом концепции баланса сил и, соответственно, полярности международной среды считается работа флорентийского историка Франческо Гвиччардини (1483–1540) «Истории Италии» (1537) [2], первым же воплощением на практике многополярного баланса сил (в Европе Нового времени) – Утрехтский мир 1713 г. [13, р. 43]. Эту точку зрения можно было бы принять, только если не рассматривать международные договоры древности или Средневековья (например, Лодийский мир 1454 г.), также богатые принципами распределения власти среди нескольких равных по статусу игроков.

Термин «многополярность», как и само обсуждение проблемы полярности, может показаться новым словом в общественных науках.

Уже в довоенный период обсуждение структуры международной среды занимало видное место в исторических исследованиях. Отсутствие таких терминов, как «теория международных отношений» или «многополярность», не помешало в 1922 г. выпустить, вероятно, первый обобщающий том по «истории и природе» международных отношений, в котором академик М.И. Ростовцев (1870–1952) представил очерк, посвященный анализу проблемы структуры международной среды в древневосточной и античной, в основном древнеримской, политической мысли [20].

Однако и еще ранее, то есть до того, как международные отношения конституирова-

лись как самостоятельная научная дисциплина (за дату ее рождения условно принимается 1919 г., когда в валлийском Абериствуде была организована первая профильная кафедра), и юристы-международники, и историки занимались вопросами эволюции политической мысли применительно к динамике международной среды. Своеобразным полигоном (впрочем, не единственным, но наиболее популярным), на котором отрабатывались теоретические подходы к анализу структуры международных отношений, была история античного мира.

Так, американский юрист-международник, специалист в области политической истории Европы, но отнюдь не антиковед, Амос Херши (1867–1933), не используя термин «полярность» определил (другой вопрос – правильно или нет) основной тренд в понимании структуры международной среды в древней Греции – поиск баланса сил, Херши выделил и основной стержень Pax Romana – опору на единственную доминанту (“Common superior”), идея которой была унаследована и политической мыслью Средневековья, на смену которой снова приходит идея баланса сил, реализованная в Италии XV в. [16, р. 931–932]. Впрочем, антиковеды, медиэвисты, историки Нового времени и до выделения международных отношений в самостоятельную научную дисциплину плодотворно исследовали представления древних политиков и мыслителей (а иногда – политиков-мыслителей) о структуре международных отношений, однако в профессиональный лексикон специалистов по истории древности этот термин так и не проник. Во всяком случае, исследование феномена полярности имеет значительно более длинную историю, чем может показаться на первый взгляд.

Само понятие «многополярность» было, вероятно, привнесено в исследование структуры международных отношений из ряда направлений, развивавшихся на стыке медицины и биологии (неврологии, цитологии), ряда смежных сфер химии и физики в 1950-е годы. Это заимствование было связано с развитием системного подхода в общественных науках, в том числе в изучении международных отношений. Значительный вклад в обсуждение сути этого явления в рамках системного

подхода, устойчивости той или иной системы международных отношений в контексте полярности и анализа объективной реальности или иллюзорности этих систем в 1950-е–1970-е гг. внесли Мортон Каплан (1921–2017), Стенли Хоффманн (1928–2015), Хэдли Булл (1932–1985), Кеннет Уолтц (1924–2013) и другие крупные исследователи [21; 24]. Впрочем, первые же дискуссии второй половины 1950-х гг. показали, что одной из основных проблем теоретического анализа международных отношений является слабое соответствие ряда принципиальных выводов теоретиков историческим реалиям. Однако влияние инерции, заданной еще в 1950-е гг., явственно ощущается и в современной науке.

Методы и материалы. Возможно, далеко не все эксперты и политики понимают под одно- и многополярностью одну и ту же материю, прибегая к излишне усложненным толкованиям, чем и объясняется наличие невероятного количества публикаций на этот счет. Мнение Эвана Уилсона относительно различных форм полярности представляется наиболее ясным и ближе всего отражающим суть явления: «В однополярной системе имеется одно государство, по отношению к которому никакое другое государство не может поддерживать равновесие; в биполярной системе действуют два государства, которые могут поддерживать равновесие по отношению друг к другу; в многополярной системе имеется множество государств, способных поддерживать взаимное равновесие. Это достаточно просто и ясно, понятно даже слишком хитрым историкам» («A unipolar system has one state against whom no other state can balance; a bipolar system has two that can balance against each other; and a multipolar system has multiple states capable of balancing against each other. That much is simple and straightforward, comprehensible even to fuzzy-headed historians» [19, p. 1]). С этой точки зрения полярность определяется возможностью того или иного государства или, добавим, иного другого игрока на международной арене оказывать влияние на международную среду, то есть являться «полюсом силы», а начинается многополярность ровно там, где заканчивается биполярность, то есть со взаимодействия трех игроков. Уровень влияния на

международную среду и определяет мощь того или полюса. Впрочем, и многополярная структура может иметь совершенно различную конфигурацию, а различия этих контуров, не отмечаемые экспертами, могут объяснять разницу во мнениях относительно самого существования полярной и многополярной структуры миропорядка.

Анализ. Нельзя не отметить того, что в современных исследованиях нет не только единообразного понимания полярности, но и тесно связанной с данной концепцией идеи баланса сил. Так, Мартин Уайт (1913–1972) – один из основателей английской школы международных отношений – насчитывал их до десятка [23, p. 164–179]. Достаточно, однако, одного, Уайтом не приведенного: категория баланса сил валидна только в контексте полярности, и если полярность характеризует общую структуру международной среды, то баланс сил – соотношение сил между полюсами, определяющее ее равно- или неравновесность, то есть наличие плоскостной или иерархической структуры. При этом **равнополярность** не следует путать с **равноправием**: равноправие, зафиксированное в тех или иных правовых документах, как правило, является лишь одной из стартовых предпосылок для развития взаимоотношений, но редко воплощается на практике в иерархических системах. Даже структура ООН не основана на равноправии ее членов – лишь немногие избранные являются постоянными членами Совбеза и обладателями права вето. Общая структура систем (и несистемных комплексов) международных отношений, как правило, сочетает на разных уровнях равнополярные и иерархические подсистемы (несистемные комплексы). Соответственно, однополярность – в теории и в исторической практике – не может быть чем-либо иным, кроме как иерархически организованной многополярностью с одним доминирующим и многими другими полюсами с меньшим потенциалом воздействия на международную среду. При этом однополярные структуры «в чистом виде» никогда не существовали: в противном случае придется признать, что воздействие на международную среду мог оказывать только один источник.

В современной политической практике многополярность представляет собой не только

предмет споров среди исследователей, то есть теоретиков, но и основу базовых документов, определяющих практическую деятельность во внешнеполитической сфере. Так, Концепция внешней политики РФ (далее – КВП РФ) в редакции от 31 марта 2023 г. утверждает: «Россия... выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и **выстраиванию многополярной международной системы**» (ст. 5); «Продолжается **формирование** более справедливого, **многополярного мира**» (ст. 7). Таким образом, утверждается, что многополярный мир можно построить, что процесс построения в настоящее время продолжается и что чем более полярен мир, тем он более справедлив.

Ведущие политические деятели также исходят из того, что многополярность представляет собой уже сложившуюся реальность. Так, президент РФ В.В. Путин 4 июля 2024 г. на заседании Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) заявил: «Многополярный мир стал реальностью» [6]. С одной стороны, структура глобальной среды, безусловно, может менять свои очертания, в том числе трансформируясь из однополярной в многополярную. Именно об этом писал еще выдающийся антиковед М.И. Ростовцев в первом специализированном очерке истории международных отношений в древности уже более ста лет назад [20, р. 37–38], однако разница в полтора года между принятием КВП РФ и утверждением президента В.В. Путина, сделанным на саммите ШОС, свидетельствует о том, что это утверждение если не противоречит, то подводит итог деятельности по реализации тех принципов, которые заложены в КВП РФ, принятой в 2023 г., исходящей из того, что многополярный мир еще только нуждается в построении, и того, что этот процесс не находится в финальной фазе.

Концепция внешней политики РФ также констатирует этот факт: некоторые страны «отказываются признавать реалии многополярного мира и договариваться на этой основе о параметрах и принципах мироустройства» (ст. 8). Также «реалии многополярного мира» упоминаются в статьях 13, 39 и в других статьях концепции.

Декларация, подписанная по итогам Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОСАС) 6 сентября 2024 г. также призывает к формированию многополярного равного упорядоченного мира с опорой на международное право и Устав ООН: «Китай и Африка совместно призывают к равному и упорядоченному многополярному миру, твердо защищают международную систему с ООН в ее основе, международный порядок, подкрепленный международным правом, и основные нормы, регулирующие международные отношения, подкрепленные целями и принципами Устава ООН» (“China and Africa jointly call for an equal and orderly multipolar world, and firmly safeguard the international system with the U.N. at its core, the international order underpinned by international law, and the basic norms governing international relations underpinned by the purposes and principles of the U.N. Charter”) [8].

Уверенность большей части экспертов в наличии многополярности международной среды или постулируется как данность [19, р. xv], или, реже, является предметом исследования и требует обоснования. Интересно отметить, что для глав государств мир многополярен и многополярность – объективная реальность, что бы под этим термином ни понималось, тогда как некоторые российские эксперты в области международных отношений исходят из обратного. Можно сказать, что рассмотрение структуры международной среды как немногполярной свойственно части именно российского экспертного сообщества. Вероятно, доминирование США в глобальном масштабе имплицитно определяет и их воззрения на структуру международной среды.

Так, генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД) в 2011–2023 гг. А.В. Картунов утверждал в 2018 г., что мир так и не становится многополярным. Начав поиски причин отсутствия движения к многополярности, он пришел к выводу, что «если вчитаться в современные российские нарративы, описывающие “новую” многополярность XXI столетия, то за пышным многополярным фасадом очень часто вырисовывается все та же железобетонная биполярная конструкция мировой политики, отражающая до конца не преодоленную советскую ментальность». Взамен многополярности

предлагается строить новый миропорядок на основе многосторонности, то есть «путем накопления элементов взаимозависимости и выхода на новые уровни интеграции» [3].

Впрочем, эта схема, очерченная уже более ста лет назад в классической работе либерала-утописта Нормана Энджелла «Великая иллюзия» (точка зрения Энджелла, однако, претерпевала с течением времени серьезные изменения), неоднократно доказывала свою нереалистичность, и эта нереалистичность до некоторой степени признается и самим А.В. Картуновым: «В отличие от многополярной модели мира, многосторонняя модель не имеет возможности опираться на опыт прошлого и в этом смысле может показаться идеалистической и практически неосуществимой» [3]. Итоговый вывод А.В. Картунова звучит следующим образом: «Что же касается концепции многополярности, то она должна остаться в истории как вполне оправданная интеллектуальная и политическая реакция на самоуверенность, высокомерие и разнообразные эксцессы незадачливых строителей однополярного мира. Не менее того, но и не более. А с закатом концепции однополярного мира неизбежно начинается закат и ее противоположности – концепции мира многополярного» [3].

С другой стороны, не желая замечать ту или иную «полярную» структуру международной среды, А.В. Картунов полагает, что на смену многополярности придет мир «более сложный и противоречивый», в котором «найдется место множеству комбинаций самых разнообразных участников мировой политики, взаимодействующих друг с другом в различных форматах». По мнению А.В. Картунова, эта структура – «более сложная и противоречивая» – многополярной являться не будет. Возможно ли совместить сложный и противоречивый облик международной среды с немногочисленностью – этот вопрос оставлен без ответа. Эта публикация Картунова вызвала к жизни бурную полемику, и целый ряд экспертов посчитал нужным высказаться.

Оппонируя А.В. Картунову, А.В. Фененко исходит из отсутствия многополярности в международной среде: «...“многополярный мир” начнется с того момента, когда одна или несколько держав начнут не “игру по правилам”,

а “игру без правил” или, точнее, “игру за ревизию существующих правил”» [7]. Из этого заявления можно сделать вывод, что многополярность следует трактовать как наличие различных подходов в нормативном формировании миропорядка. Такая позиция оставляет еще больше вопросов:

– есть ли в настоящий момент некий единый свод правил, по которому, якобы, играет все мировое сообщество и который нужно изменить?

– сможет ли глобальная среда существовать при множественности нормативных и, как следствие, институциональных констант? Ответ, как представляется, очевиден, во всяком случае, никто из субъектов международных отношений не заявлял на официальном уровне об отказе соблюдать нормы Устава ООН.

– как понимать в связи с этим смену парадигмы одной доминирующей силой, например США? Становится ли мир многополярным при смене американского внутри- и внешнеполитического курса?

Подобные вопросы можно задавать и далее. Смена нормативной составляющей миропорядка никак не определяет само наличие многополярности, она может лишь зафиксировать, но и не сформировать, некий status quo. Позицию Фененко можно уподобить предложению ко всем участникам дорожного движения не соблюдать имеющиеся правила, а придумывать собственные и пользоваться ими в противовес общепринятым. Нетрудно представить, что итогом такой нормативной деятельности станет глобальный хаос со значительным количеством жертв.

Результаты. Полярность, если под ней понимать наличие того или иного источника влияния на международную среду, существует ровно столько, сколько существуют трансграничные отношения. В настоящее время полюсов в международной среде столько же, сколько в ней насчитывается так называемых акторов международных отношений: государств, их союзов, межгосударственных организаций, негосударственных акторов разного рода, систем и несистемных игроков. Если иметь в виду под полюсом именно источник влияния, то с этой точки зрения **современный мир многополярен**, так как таких центров как минимум существенно больше одного. Так как таких источников в ис-

тории человечества всегда было больше одного, то, соответственно, глобальная среда никогда не была однополярной. Многополярность всегда была неравновесной, иерархичной, однако наличие одной доминирующей силы (полюса) в тот или иной период не означает, что других полюсов не было.

Интерпретируя современный дискурс о многополярности и документы, в частности КВП РФ, эксперты исходят, с одной стороны, из того, что многополярность, а равно и полицентричность, подразумевают не столько наличие большого количества полюсов, хотя бы трех [14], а то, что эти полюсы или центры должны быть равновесны, то есть обладать равным влиянием в международной среде (в официальных документах для характеристики этого предполагаемого свойства международной среды используется понятие «равноправный»). Об этом говорится в ст. 18 КВП РФ: многополярность понимается как суверенное равенство при отсутствии гегемонии во всех ее проявлениях. С другой стороны, п. 8 ст. 18 говорит об «ответственном лидерстве ведущих государств». Таким образом, и в КВП РФ речь идет, прежде всего, о такой структуре международной среды, в которой бы не было явно доминирующего гегемона, а именно США, о чем говорится в ст. 19 (п. 1), при этом суверенное равенство государств должно каким-то образом уживаться с представлением о **лидерстве ведущих государств**, то есть с сохранением иерархичной структуры международной среды.

Таким образом, в КВП РФ речь ведется не столько о многополярности, которая и без того имеется, а о двухуровневой **равнополярности международной среды**, в которой некоторые игроки, так называемые государства-лидеры, все равно «равнее» других, то есть занимают доминирующее (ответственное!) положение. Иными словами, сама концепция внешней политики РФ делит государства на лидеров (ответственных и безответственных) и всех прочих, то есть фактически речь идет о поддержании двухэтажной схемы многополярности: сверху – государства-лидеры, «великие державы», обладающие равным статусом, снизу – все остальные, также равные. Этот двухэтажный дом и называется многополярностью.

И ранее уже утверждалось, что «равноправие» и «многополярность» концептуально несовместимы: «Если мы согласимся с принципом равноправия государств в международной системе, то должны отказаться от фундаментальных основ концепции многополярности. Ведь эта концепция в явной или неявной форме предполагает, что в мире будущего всегда останутся отдельные государства или их группы, которые наделены особыми правами. То есть будут закреплены привилегии силы, подобно тому, как победители во второй мировой войне закрепили свои привилегии при создании системы ООН в 1945 году», – полагал А.В. КОРТУНОВ [3]. Однако сам по себе тезис о несоответствии двух указанных теоретических концепций не дает ответа на следующие связанные между собой вопросы: можно ли искусственно построить (сформировать) ту или иную структуру международной среды, искусственно менять полярность и, в частности, трансформировать более иерархичную структуру международной среды в менее иерархичную, менять или создавать заново полярность? имеются ли для этого те или иные нормативные или институциональные инструменты? где лежат критерии «ответственности» лидерства и как можно доказать тому или иному лидеру, что его лидерство безответственно и что если оно безответственно, то он должен от этого лидерства отказаться или сменить политический курс?

Попытки искусственно выстроить ту или иную конфигурацию международной среды в направлении много- и равнополярности известны для каждой исторической эпохи. Однако так или иначе любая номинально равноправная многополярная структура эволюционировала в сторону иерархичной полярности.

Нормативные и институциональные инструменты по формированию многополярности были задействованы при создании ООН. Однако уже на первых порах ее функционирования стало ясно, что ООН не является инструментом по поддержанию равнополярного мира. Постоянные члены СБ ООН, обладатели права вето по своим возможностям резко отличаются от остальных членов ООН, в этой связи уже в 1950-е гг. были разработаны проекты полного реформирования ООН [10], впрочем, совершенно утопические.

В связи с этим ответа требует следующий вопрос: если искусственное, то есть нормативно-институциональное, построение многополярности невозможно, то по какой причине?

Ни в какой период истории обнаружить ту или иную структуру международных отношений, которая была бы одновременно много- и равнополярной, не удастся. Объяснение лежит на поверхности: полярность международной среды понимается в том числе в таких документах, как Концепция внешней политики РФ, как **первичный фактор**, эволюционирующий по собственным законам. Именно это понимание представляется в корне **неверным**. Структура международных отношений, а именно **полярность, является не более чем отражением других, собственно первичных процессов**, и изменения в полярности международной среды возможны лишь тогда, когда эволюционируют эти первичные процессы. В качестве такового следует рассматривать **неравенство** со своими уровнями развития – локальным, региональным, глобальным. Соответственно, уровней в структуре международной среды будет столько же, сколько их насчитывается в схеме глобального неравенства. На каждом уровне, в том числе «лидерском», может располагаться любое количество игроков, да и сама структура мирового лидерства не может иметь плоскостную конфигурацию. Несмотря на то что различные статистические параметры выделяют три-четыре основных лидерских полюса, к ним по тем или иным параметрам добавляются и другие лидеры в отдельных областях, баланс сил среди лидеров также не является плоскостным.

Многополярность является отражением структуры глобального неравенства. Соответственно, искусственно, то есть непосредственным внешним воздействием, сформировать или изменить тем или иным способом – нормативным, институциональным, еще каким-то, полярную структуру невозможно, если сама структура глобального неравенства остается неизменной: комплекс норм и институтов международной среды придет в несоответствие с текущими реалиями. Впрочем, как показывает исторический опыт, эта структура динамична и

подвержена различным трансформациям, а неизбежность смены гегемона в системе международных отношений, то есть в многополярной иерархичной системе ни для кого не является секретом. Внутренние эволюционные механизмы этого процесса за последние пятьсот лет блестяще раскрыты, в частности П. Кеннеди в многократно переиздававшейся монографии «Взлет и падение великих держав» [18].

Реалии международной среды, то есть ее *конкурентность* и *анархичность* – в том смысле, в котором об анархичности международной среды говорили классики политического реализма, таковы, что с течением веков полярность, а значит, глобальное лидерство, меняется: «центры силы» перемещаются по планете, одна доминанта рано или поздно сменяется другой. Однако эти перемены происходят не потому, что кто-то решил «построить многополярный мир», а потому что меняется соотношение сил внутри всего комплекса международных отношений. Одни игроки переживают подъем, другие – кризис, соответственно влияние одного полюса увеличивается, другого – ослабевает.

Однако никакие эволюции не изменяют иерархичную структуру полярности. Многополярный иерархичный мир не становится и никогда не станет равнополярным. Даже внутри так называемых лидеров нет и в обозримой перспективе не намечается выравнивания уровня влияния. Верхний слой полюсов («государства-лидеры») столь же неоднороден по своей структуре, как и нижний. Пирамидальная структура никогда не становилась и не станет плоскостной. И даже искусственно уменьшить высоту этой пирамиды невозможно, так как полярность вторична по отношению к неравенству.

Оправданным выглядит и следующий вопрос: даже если бы искусственное построение многополярного мира было возможно, то нужно ли его строить? В таком случае в мире на равноправной основе действовали бы тысячи так называемых акторов с собственным потенциалом, собственными различающимися проблемами. На повестке дня немедленно бы многократно обострился вопрос об управляемости международной среды. Как показывает опыт истории, чем меньше доминиру-

ющих акторов, тем проще им договориться. Теоретические исследования так же подтверждают этот тезис. Наиболее устойчивой структурой международных отношений до настоящего времени являлась та, которую Мортон Каплан в первом издании «Системы и процесса в международной политике» 1957 г. обозначил как *loose bipolar system* [17, p. 46–51], то есть мягкая биполярная система: существует два доминирующих центра силы, которые не только конкурируют между собой, избавляя мир от гегемонии одного игрока и давая возможность тем или иным акторам примкнуть к одному из лагерей, а помимо двух полюсов есть и межполюсное пространство, в котором действуют те, кто не примкнул ни к одному из этих лагерей. Теоретическое построение М. Каплана в данном случае имеет исторический прототип – структуру международной среды, сложившейся после 1945 г., когда при наличии советского и американского лагерей существовал еще и мир неприсоединившийся, так же канализировавший энергию противоборствующих сторон. Этот «неприсоединившийся мир» также являлся структурным полюсом международной среды, соответственно, название «*loose bipolar system*» не вполне точно отражает историческую реальность. Иногда эту «систему» называют Ялтинско-Потсдамской, что также представляется не очень верным, так как финальная точка в ее нормативном оформлении была поставлена лишь в 1975 г. в Хельсинки.

Систему «баланса сил» тот же М.А. Каплан на основе исторического опыта считал неустойчивой, склонной, как и «универсальную международную систему», при нарушении общего равновесия к трансформации в биполярную систему [17, p. 45–46, 53]. Кеннет Уолтц, один из классиков структурного неореалистического мышления, также считал, что многополярность ведет к нестабильности, так как взаимодействия в международной среде будут провоцировать поиск инструментов воздействия на те ли иные полюсы за счет заключения альянсов между другими полюсами. Ход истории подтвердил теоретическое положение о большей эффективности поддержания безопасности в рамках биполярной системы, чем в многополярной структуре, когда «собственная победа тождественна

убытку оппонента» (“Each power viewed another’s loss as its own gain” [22, p. 70]); ср. также: «Есть несколько причин, по которым можно утверждать, что надежность альянса в биполярной системе выше, чем в многополярной» (“There are several reasons why it will be argued that alliance reliability is greater in the bipolar system than it is in the multipolar one...” [9, p. 702])). Впрочем, до тех пор, пока глобальное неравенство будет усиливаться, структура международной среды будет все более иерархичной, ступеней в этой иерархии будет все больше, а ведущие державы будут все интенсивнее стремиться утвердить на практике свое доминирующее положение. Открыто декларировать стремление к построению миропорядка с единственным центром принятия решений, как в древнем Риме [20, p. 61–65], никто из нынешних супердержав не будет, но практика, как правило, сильно расходится с теорией.

Действительно, если бы в мире действовали сотни, а то и тысячи равных по влиянию субъектов международных отношений, то мир погрузился бы в хаос, ни один вопрос международной повестки дня не мог бы быть решен, и единственным выходом из такого положения была бы иерархизация структуры международной среды.

Фактически, рассуждая о многополярности, никто из серьезных политиков и не стремится низвести возможности более могущественных государств до уровня наименее развитых. Речь в настоящее время идет, конечно, только о том, чтобы трансформировать международную среду, лишив ее гегемонии одного игрока, а именно США и их союзников. Однако никакие форумы, никакие документы – концепции, меморандумы и пр. не могут сами по себе менять структуру международной среды. Изменить ее можно лишь меняя внутренний потенциал ее узловых участников. **Концепция искусственного формирования многополярности, создания многополярного мира с помощью норм и институтов является утопией**, каковой ранее являлись Священный союз, глобальный мир пролетарской солидарности или иные конструкции вроде «международной системы единичного вето» (“Unit Veto International System”) [17, p. 57–58].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев К. В. Планы Сражающихся царств. М.: Наука, 1968. 260 с.
2. Гвиччардини Ф. История Италии. В 2 т. М.: Канон-плюс, 2019. Т. 1. 744 с.; Т. 2. 696 с.
3. Кортунов А. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике. 2018. 26 июня. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/#_edn1
4. Крадин Н. Н. Феномен многополярности в исторической ретроспективе // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 18–31.
5. Немировский А. А. Международные отношения на Древнем Востоке в эпоху Ранней Древности // Всемирная история. В 6 т. Т. 1. Древний мир. М.: Наука, 2011. С. 222–232.
6. Путин заявил, что многополярный мир стал реальностью. URL: <https://tass.ru/politika/21271845>
7. Фененко А. В. Что нужно для многополярности // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/>
8. Beijing Declaration on Jointly Building an All-Weather China-Africa Community with a Shared Future for the New Era. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485993.html
9. Beres L.P. Bipolarity, Multipolarity, and the Reliability of Alliance Commitments // Western Political Quarterly. 1972. Vol. 25, № 4. P. 702–710.
10. Clark G., Sohn L. B. World Peace Through World Law. Two Alternative Plans. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. 535 p.
11. Dale Walton C. Geopolitics and the Great Powers in the Twenty-First Century. Multipolarity and the Revolution in Strategic Perspective. Abingdon; N. Y.: Routledge, 2007. 141 p.
12. Efe Can Gürcan, Can Donduran. China on the Rise. The Transformation of Structural Power in the Era of Multipolarity. N. Y.; L.: Routledge, 2025. 155 p.
13. Evans Gr., Newnham J. Balance of Power // Dictionary of International Relations. L.: Penguin Books, 1998. P. 41–44.
14. Evans Gr., Newnham J. Multipolarity // Dictionary of International Relations. L.: Penguin Books, 1998. P. 340–341.
15. Hanna Samir Kassab. Globalization, Multipolarity and Great Power Competition. N. Y.; L.: Routledge, 2023. 171 p.
16. Hershey A. S. The History of International Relations During Antiquity and the Middle Ages // The American Journal of International Law. 1911. Vol. 5, № 4. P. 901–933.
17. Kaplan M. A. System and Process in International Politics. Colchester: ECPR Press, 2005. 252 p.

18. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L.; Sydney; Wellington: Unwin Hyman, 1988. 677 p.
19. Navies in Multipolar Worlds. From the Age of Sail to the Present / ed. by P. Kennedy, E. Wilson. L.; N. Y.: Routledge, 2021. 256 p.
20. Rostovtzeff M.I. International Relations in the Ancient World. The History and Nature of International Relations / ed. by E.A. Walsh. N. Y.: The Macmillan Company, 1922. P. 31–68.
21. The Superpowers in a Multinuclear World: From the Conference on the U.S. Soviet Strategic Balance and Nuclear Multipolarity Held May 3–5, 1973, by the International Security Studies Program at the Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts university / ed. by G. Kemp [et al.]. Toronto; L.: Lexington Books, cop. 1974. 300 p.
22. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading; Menlo Park; L.; Amsterdam; Don Mills; Ontario; Sydney: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.
23. Wight M. International Theory. The Three Traditions / ed. by G. Wight., B. Porter. N. Y.: Holmes & Meier, 1992.
24. Wu Yual-li. Raw Material Supply in a Multipolar World. N. Y.: Crane, Russak, 1973. 75 p.

REFERENCES

1. Vasil'ev K.V. *Plany Srazhaiushchikhsia tsarstv* [Plans of the Fighting Combats]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 260 p.
2. Gvichchardini F. *Istoriia Italii. V 2 t.* [History of Italy. In 2 Vols]. Moscow, Kanon-plus Publ., 2019. Vol. 1. 744 p.; Vol. 2. 696 p.
3. Kortunov A. *Pochemu mir ne stanovitsia mnogopolyarnym* [Why the World Does not Become Multipolar]. *Rossia v Global'noi Politike* [Russia in Global Politics]. 2018. June 26. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/#_edn1
4. Kradin N.N. Fenomen mnogopolyarnosti v istoricheskoi retrospektive [Phenomenon of Multipolarity in Historical Retrospective]. *Evraziiskii ezhegodnik* [Eurasian Annual], 2023, no. 1, pp. 18–31.
5. Nemirovskii A.A. *Mezhdunarodnye otnosheniia na Drevnem Vostoke v epokhu Rannei Drevnosti* [International Relations in Ancient East in Period of Early Antiquity]. *Vsemirnaia istoriia. V 6 t. T. 1. Drevnii mir* [The World History. In 6 Vols. Vol. 1. Ancient World]. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 222–232.
6. *Putin zaiavil, chto mnogopolyarnyi mir stal real'nost'iu* [Putin Said a Multipolar World Has Become a Reality]. URL: <https://tass.ru/politika/21271845>

7. Fenenko A.V. Chto nuzhno dlia mnogopoliarnosti [What Do We Need for Multipolarity]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian Council of International Affairs]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/>
8. *Beijing Declaration on Jointly Building an All-Weather China-Africa Community with a Shared Future for the New Era*. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485993.html
9. Beres L.P. Bipolarity, Multipolarity, and the Reliability of Alliance Commitments. *Western Political Quarterly*, 1972, vol. 25, no. 4, pp. 702-710.
10. Clark G., Sohn L.B. *World Peace Through World Law. Two Alternative Plans*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1966. 535 p.
11. Dale Walton C. *Geopolitics and the Great Powers in the Twenty-first Century. Multipolarity and the Revolution in Strategic Perspective*. Abingdon; New York, Routledge, 2007. 141 p.
12. Efe Can Gürcan, Can Donduran. *China on the Rise. The Transformation of Structural Power in the Era of Multipolarity*. New York; London, Routledge, 2025. 155 p.
13. Evans Gr., Newnham J. Balance of Power. *Dictionary of International Relations*. London, Penguin Books, 1998, pp. 41-44.
14. Evans Gr., Newnham J. Multipolarity. *Dictionary of International Relations*. London, Penguin Books, 1998, pp. 340-341.
15. Hanna Samir Kassab. *Globalization, Multipolarity and Great Power Competition*. New York; London, Routledge, 2023. 171 p.
16. Hershey A.S. The History of International Relations During Antiquity and the Middle Ages. *The American Journal of International Law*, 1911, vol. 5, no. 4, pp. 901-933.
17. Kaplan M.A. *System and Process in International Politics*. Colchester, ECPR Press, 2005. 252 p.
18. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. London; Sydney; Wellington, Unwin Hyman, 1988. 677 p.
19. Kennedy P., Wilson E. (eds.). *Navies in Multipolar Worlds. From the Age of Sail to the Present*. London; New York, Routledge, 2021. 256 p.
20. Rostovtzeff M.I. International Relations in the Ancient World. *The History and Nature of International Relations*. New York, The Macmillan Company, 1922, pp. 31-68.
21. Kemp G. et al. (eds.). *The Superpowers in a Multinuclear World: From the Conference on the U.S. Soviet Strategic Balance and Nuclear Multipolarity Held May 3-5, 1973, by the International Security Studies Program at the Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts University*. Toronto; London, Lexington Books, cop. 1974. 300 p.
22. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Reading; Menlo Park; London; Amsterdam; Don Mills; Ontario; Sydney, Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.
23. Wight M. *International Theory. The Three Traditions*. New York, Holmes & Meier, 1992.
24. Wu Yual-li. *Raw Material Supply in a Multipolar World*. New York, Crane, Russak, 1973. 75 p.

Information About the Author

Mikhail D. Bukharin, Doctor of Sciences (History), Full Member of Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Laboratory “Science and Scientific Policy in Industrial and Post-Industrial Societies”, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, michabucha@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3590-016X>

Информация об авторе

Михаил Дмитриевич Бухарин, доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник лаборатории «Наука и научная политика в индустриальных и постиндустриальных обществах», Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, michabucha@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3590-016X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.16>

UDC 327.82(73:5-015)
LBC 66.4(7Coe),04

Submitted: 25.12.2024
Accepted: 02.05.2025

THE EU AND UK “SOFT POWER” AND PUBLIC DIPLOMACY IN THE CENTRAL ASIA’S COUNTRIES

Elena F. Parubochaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. Several major international actors have demonstrated interest in the Central Asian region at different times: the USA, Russia, the EU, Turkey, Great Britain, and also China. It is worth noting that before the UK left the European Union in 2020, it was possible to talk about the EU’s public diplomacy as the main actor, despite the fact that London took some steps to expand its own influence in the region. Brexit has led to the activation of autonomous British “soft power” in the Central Asian region. The changing geopolitical situation that arose after the events of February 2022, as well as the security threats that arose as a result of the withdrawal of Western troops from Afghanistan in 2021, have created new challenges in the region, which at the same time have become opportunities for the Central Asian countries to become regional political players in their own right. For the United Kingdom, as well as for the European Union, today, in the context of the sanctions policy towards the Russian Federation, the priority remains the search for new and improvement of existing transport routes bypassing the Russian Federation. 2022 and 2023 were characterized by the intensification of contacts between the heads of state of Central Asia and the leaders of the EU and Great Britain. Building a high-level dialogue reflects the growing geostrategic importance of Central Asia against the backdrop of serious global transformations and world events. For this reason, the study, analysis and differentiation of the instruments of “soft power” and public diplomacy of the European Union and the United Kingdom in Central Asia seems very relevant. Within the framework of this article, a comparative analysis of the programs and projects of public diplomacy and “soft power” of the EU and Great Britain in the Central Asian region was also carried out, taking into account the country criterion. The results of the study include a reasoned definition of the most priority instruments of “soft power” of the two above-mentioned actors.

Key words: public diplomacy, public organizations, tools of public diplomacy, EU and British soft power, Central Asian region.

Citation. Parubochaya E.F. The EU and UK “Soft Power” and Public Diplomacy in the Central Asia’s Countries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 175-188. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.16>

УДК 327.82(73:5-015)
ББК 66.4(7Coe),04

Дата поступления статьи: 25.12.2024
Дата принятия статьи: 02.05.2025

«МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕС И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Елена Федоровна Парубочая

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Заинтересованность в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) в разные периоды демонстрировали сразу несколько крупных международных акторов: США, Россия, ЕС, Турция, Великобритания, а также Китай. Стоит отметить, что до выхода Великобритании из Европейского союза в 2020 г. можно было говорить о публичной дипломатии ЕС как основного актора, несмотря на то что Лондон предпринимал отдельные шаги по расширению собственного влияния в регионе. «Brexit» привел к активизации автономной британской «мягкой силы» в Центрально-Азиатском регионе. Изменение геополитической ситуации,

сложившейся после событий февраля 2022 г., а также угрозы безопасности, возникшие в результате вывода войск Запада из Афганистана в 2021 г., породили новые вызовы в регионе и создали возможность для активизации стран Центральной Азии как региональных политических игроков. Для Соединенного Королевства (СК), как и для Европейского союза (ЕС), на сегодняшний день в условиях санкционной политики в отношении РФ, приоритетным остается поиск новых и улучшение уже имеющихся транспортных маршрутов в обход Российской Федерации. 2022 и 2023 гг. характеризовались интенсификацией контактов глав государств Центральной Азии (ЦА) с лидерами ЕС и Великобритании. Выстраивание диалога на высоком уровне отражает растущую геостратегическую значимость Центральной Азии на фоне серьезных глобальных трансформаций и мировых событий. По этой причине изучение и анализ, а также дифференциация инструментов «мягкой силы» и публичной дипломатии Европейского союза и Соединенного Королевства в Центральной Азии представляются весьма актуальными. В рамках данной статьи был также проведен сравнительный анализ программ и проектов публичной дипломатии и «мягкой силы» ЕС и Великобритании в Центрально-Азиатском регионе, учитывая страновой критерий. Результаты исследования включают в себя аргументированное определение наиболее приоритетных инструментов «мягкой силы» двух вышеуказанных акторов.

Ключевые слова: публичная дипломатия, общественные организации, инструменты публичной дипломатии, «мягкая сила» Европейского союза и Великобритании, Центральная Азия.

Цитирование. Парубочая Е. Ф. «Мягкая сила» и публичная дипломатия ЕС и Великобритании в отношении стран Центральной Азии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 175–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.16>

Введение. На сегодняшний день в Центрально-Азиатском регионе прослеживается активность Российской Федерации (РФ), США, КНР, ТР, Европейского союза и Великобритании. Заметны разнонаправленные процессы соперничества, противостояние некоторых государств имеет исторические корни и отсылает к геополитическому соперничеству XIX в. между Российской и Британской империями, известному как «Большая игра».

Рассматривая РФ в качестве основного соперника, ЕС и Великобритания предпринимают шаги по распространению демократических ценностей в центральноазиатских государствах. С точки зрения российских интересов в регионе активизация деятельности внешних игроков является угрозой для расширения интересов Москвы, что отражено в Концепции внешней политики РФ 2023 г., где государства Центральной Азии остаются приоритетными партнерами для стратегического взаимодействия [11].

ЕС также демонстрирует заинтересованность в расширении контактов с ЦА и новая стратегия ЕС, принятая в январе 2019 г., служит этому подтверждением [19]. Обновленная европейская стратегия дала понять, что Брюссель учитывает новые события и возможности партнерства и сотрудничества как с регионом в целом, так и с пятью отдельными странами (С5), принимая во внимание раз-

личия между ними, их интересы и потребности. Стратегия направлена на поддержку устойчивого развития, основанного на демократии, эффективном управлении и правах человека, а также на стимулирование торговли и инвестиций между ЕС и ЦА [37]. В 2022 и 2023 гг. главы государств Центральной Азии и президент Европейского совета провели первые встречи на высоком уровне, в результате которых была подготовлена дальнейшая совместная дорожная карта по углублению связей между ЕС и Центральной Азией.

Необходимо определить приоритеты ЕС и Великобритании в реализации политики «мягкой силы», а также выявить специфику британского и европейского подходов по продвижению публичной дипломатии в Центральной Азии.

Методы и материалы. Методологической основой исследования выступил транснациональный подход Дж. Ная, позволяющий определить роль государственных и негосударственных акторов ЕС и Великобритании в реализации «мягкой силы» в Центральной Азии, а также значимость публичной дипломатии как одного из инструментов продвижения национальных интересов. В исследовании был использован сравнительный метод для выявления приоритетных инструментов, используемых Европейским союзом и Великобританией при продвижении публичной дипло-

матии в той или иной центральноазиатской стране. Сравнительный анализ проводился в рамках следующих компонентов «мягкой силы»: экономическая модель, культура и образование, национальные ценности, благосостояние и качество жизни населения. Контент-анализ документов позволяет сравнить эволюцию приоритетов Лондона и Брюсселя в регионе. Результаты исследования опираются на анализ материалов, публикуемых представительствами ЕС, а также посольствами Великобритании в ЦАР, докладов Европейского Совета и Европейского парламента, периодических изданий, а также статей и аналитических материалов отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся данной проблемой.

Анализ. После распада СССР государства Центральной Азии для ЕС, как и для Великобритании, в частности, наравне с остальными постсоветскими странами стали потенциальными политическими и экономическими партнерами. Новые независимые республики, богатые природными ископаемыми, не могли не привлечь внешних акторов. Тем не менее в начале 2000-х гг. об устойчивом сотрудничестве между ЕС, СК и ЦАР говорить не приходилось (за исключением Казахстана). К причинам следует отнести слабость новых рыночных экономик, опасность межэтнических конфликтов, наркоторговли и экстремизма, социальную и политическую нестабильность внутри стран. В этой связи экономическая помощь, выделяемая ЕС и Великобританией центральноазиатским странам, в основном была направлена на решение вопросов безопасности и распространение прав человека [15]. На сегодняшний день мы можем говорить о большей заинтересованности ЕС и СК в каждом государстве Центральной Азии и применении ими широкого спектра инструментов «мягкой силы». Однако полноценная концепция «мягкой силы» Великобритании была сформулирована лишь в 2015 году.

В соответствии со стратегией ЕС в ЦА Европейский Совет инициировал переговоры о двусторонних соглашениях расширенного партнерства и сотрудничества нового поколения с центральноазиатскими государствами. Казахстан стал первой страной с таким соглашением, вступившим в силу в марте

2020 года. Аналогичное соглашение было подписано с Узбекистаном и Кыргызстаном. На данный момент проходит третий раунд переговоров с Таджикистаном [2, с. 31].

С точки зрения политико-дипломатической активности иностранных государств наивысшую активность в 2022 г. Брюссель проявил в Узбекистане. ЕС следует за Турцией и США, занимая третью позицию, опережая Китай, за которым следует Великобритания. В Республиках Казахстан и Кыргызстан в 2022 г. ЕС, занимая 4-ю позицию, следует за Турцией, США и Китаем, роль Великобритании менее активна. С точки зрения этого же критерия в Туркменистане и Таджикистане в 2022 г. активность ЕС не прослеживается, здесь заметна деятельность Турции, Китая, США, незначительна активность Великобритании [8, с. 32–57].

Что касается доктринальных документов, то Евросоюз обновил свои стратегические документы по Центральной Азии уже в 2019 г., наряду с США, полноценная стратегия Великобритании в отношении пяти постсоветских республик появилась лишь в 2023 году. Кроме того, необходимо отметить, что Соединенное Королевство одновременно сотрудничает и соперничает с европейскими странами в рамках реализации «мягкой силы» в Центральной Азии. Эта тенденция сохраняется еще со времен членства Британии в Евросоюзе, до 2020 г. внешнеполитическая деятельность СК рассматривалась как составная часть политики ЕС, в том числе в контексте реализации «мягкой силы». Несмотря на то что европейские страны все также преследуют собственные национальные интересы, в рамках интеграции они вырабатывают общеевропейскую стратегию, а культурно-гуманитарная сфера при этом не исключение [4]. Так, например, по программе студенческого обмена «Erasmus+» 5 053 человека из Центральной Азии в период 2015–2019 гг. отправились учиться в университеты Европы, включая высшие учебные заведения Британии [29].

Несмотря на конкурентную обстановку с ЕС, Великобритания продолжает взаимодействовать и реализует совместные инициативы с европейскими фондами. Например, в отчете Фонда предотвращения конфликтов, содействия стабильности и безопасности за

2020–2021 гг. фигурируют следующие организации: коммерческие партнеры – Фонд управления глобальных партнеров; Институт освещения войны и мира; BBC Media Action; общественная организация Madad; Организация Объединенных Наций, а именно Фонд ООН в области народонаселения и Программа развития ООН [18]. Следует упомянуть роль посольств Великобритании, так как именно официальные представительства являются незаменимыми субъектами и частью официальной политики Министерства иностранных дел и по делам Содружества, особенно по вопросу продвижения британской культуры и образования на местах [1]. Кроме того, они непосредственно формируют имидж Соединенного Королевства в постсоветских республиках.

На сайте посольства Великобритании в Республике Казахстан указано о тесном сотрудничестве с ЕС, США, ОБСЕ, ЕБРР с целью дополнения реализуемых программ. Также сообщается о работе с Агентством стратегического планирования и реформ при Правительстве Казахстана, а также рядом неправительственных организаций [42]. Что касается Туркменистана, Лондон также сотрудничает с такими партнерами, как ЕС и США. Однако на сайте британского посольства больший акцент делается на перечислении министерств и государственных органов Туркменистана, с которыми работает посольство, а именно с Министерством иностранных дел, Министерством сельского хозяйства и охраны окружающей среды, Министерством образования, Министерством экономики и финансов, Министерством обороны, Государственным комитетом по водному хозяйству, Министерством культуры, Министерством внутренних дел [45].

Что касается Узбекистана и Таджикистана, диапазон партнерства Великобритании намного шире, включает помимо ЕС и США Францию, Германию, Швейцарию и Японию, а также отдельные агентства ООН. Лондон выступает страновой платформой для обсуждения развития Узбекистана и Таджикистана. Правительство Узбекистана указывает на тесную координацию образовательной деятельности с Британским Советом, а также в справке о двустороннем сотрудничестве Великобритании и Узбекистана перечисляется

широкий список партнерских ведомств [46]. Список министерств в правительстве Таджикистана схож с министерствами Узбекистана, с дополнением в качестве Детского фонда ЮНИСЕФ [44]. В контексте диалога с Кыргызстаном Великобритания является одной из стран-основателей Координационного совета партнеров по развитию страновой донорской платформы, поддерживает диалог с партнерами ЕС, а также отдельными агентствами ООН, такими как ООН-женщины, Международная организация по миграции. Посольство упоминает, что работает с широким кругом партнеров в правительстве, с Министерством экономики и торговли, министерствами природных ресурсов и цифрового развития [43].

Так или иначе для ЦАР существует ряд особенностей британской политики «мягкой силы». В первом десятилетии XXI в. взаимодействие с центральноазиатскими республиками происходило в основном по линии содействия международному развитию, что объяснялось нестабильной обстановкой в регионе и нарушением прав человека. Последней характерной чертой является осуществление программ, нацеленных на распространение демократических ценностей и позитивного образа Великобритании, не напрямую, а через неправительственные фонды и международные организации. В данном случае уместно исследовать эволюцию приоритетов Великобритании в Центральной Азии. Контент-анализ двух отчетов Комитета по иностранным делам Палаты общин: «Sixth Report (Шестой доклад)» [36] 1999 г. и «Countries at cross roads: UK engagement in Central Asia (Страны на перепутье: вовлеченность Соединенного Королевства в Центральную Азию)» [21] 2023 г. позволяет выявить приоритетность тех или иных сфер для Лондона в указанный период.

В следующем документе 2024 г. фокус Лондона заключался во внедрении в бывшие советские республики демократических ценностей, в число которых входило следование общечеловеческим правам и свободам, создание сильного гражданского общества, полное устранение коррупции и нелегальная утечка финансовых потоков за границу. Благодаря разрешению перечисленных проблем для британского бизнес-сообщества Центральная Азия станет более привлекательным регионом,

так как минимизируются риски при выходе на центральноазиатские рынки. Более того, развитие торговых связей непосредственно влияет на либерализацию, так как свободная торговля противодействует протекционизму, характерному для автократий [32].

Кроме того, для Великобритании, стремящейся к мировому лидерству, демократизация – один из способов приобретения потенциальных союзников. Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан обладают признаками авторитарных режимов согласно позиции Лондона, и распространение западных стандартов и принципов в эти страны особенно актуально, учитывая их географическую близость к главному сопернику Британии – России. Страны Центральной Азии за счет общего исторического прошлого, близкого расположения, экономической и политической выгоды во многом полагаются на Российскую Федерацию. Например, экономики центральноазиатских республик зависят от денежных переводов трудовых мигрантов. Особенно это характерно для Таджикистана и Кыргызстана, где денежные переводы составляют около 25 % ВВП, и в меньшей степени для Узбекистана – 15 % ВВП [14, с. 45]. Так, по данным ООН введенные против России санкции привели к спаду экономики, а значит и уменьшению дохода мигрантов. В первом квартале 2022 г. из Российской Федерации в Таджикистан вернулись 60 000 мигрантов, а в Узбекистан – 133 000 [10]. В собственных странах найти работу для них – трудная задача, из-за этого выбор места для трудовой миграции падает на другие государства, в том числе и на СК. К примеру, в 2022 г. граждане Узбекистана и Кыргызстана получили более 6 000 рабочих виз от властей Великобритании [6]. Для британского правительства важно, чтобы экономики центральноазиатских государств были развитыми, открытыми и самостоятельными, а рабочих мест было достаточно, чтобы граждане не были вынуждены выезжать за границу.

Еще одним внешнеполитическим интересом СК является обеспечение безопасности в регионе: уменьшение напряженности, конфликтности и борьба с терроризмом. Это особенно характерно для Центральной Азии – территории, связывающей международные

транспортные пути. Кроме того, остро стоит вопрос о контроле трафика наркотических веществ, поступающих в страны Европы из Афганистана через республики Центральной Азии [41].

Как уже было упомянуто ранее, Великобритания использует широкий спектр инструментов в своей внешнеполитической деятельности, что позволяет ей не опускаться ниже топ-3 государств с наиболее эффективной политикой «мягкой силы» с 2020 г. [31]. Однако прежде чем приступить к характеристике используемых Соединенным Королевством инструментов «мягкой силы» в странах Центральной Азии, следует выявить акторов, реализующих эту политику в целом.

Самым главным государственным ведомством, ответственным за реализацию «мягкой силы», является Министерство иностранных дел, по делам Содружества и международного развития [12]. Ежегодно МИД Великобритании оказывает неправительственным организациям финансовую поддержку в виде грантов и отчитывается о проделанной работе Парламенту. Так, например, согласно ведомственному обзору за 2021–2022 гг. Британский Совет получил финансирование от МИД в размере 195 млн фунтов [25]. Другим значимым органом остается Департамент цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта.

Важный вклад в продвижение Великобританией политики «мягкой силы» осуществляется через негосударственные организации, огромную роль среди которых играет вышеупомянутый Британский Совет. Вклад данного учреждения объясним тем, что из пяти направлений публичной дипломатии, которую причисляют к одному из компонентов «мягкой силы», Британский Совет охватывает четыре – продвижение языка, образования, культуры и науки.

Отделения Британского Совета присутствуют в Казахстане с 1994 г. и в Узбекистане с 1996 г. [35]. Отсутствие представительств в Туркменистане, Кыргызстане и Таджикистане связано с их недостаточным уровнем экономического и социального развития, из-за чего приоритетным остается сотрудничество по линии содействия международному развитию [13, с. 15]. В связи с этим стоит подробнее остановиться на инициативах, являющихся важными

инструментами «мягкой силы» в центрально-азиатских республиках.

Необходимо начать с культурного взаимодействия со странами Центральной Азии. Великобритания вкладывает много ресурсов и средств в организацию разнообразных мероприятий, выставок и форумов, на которых происходит культурный обмен с центральноазиатским населением. Так, Британский Совет запустил две инициативы – «Creative Central Asia» в 2017 г. и «Creative Spark» в 2019 г., нацеленные на развитие предпринимательских навыков у молодежи и формирование индустрий креативной экономики в целом [22]. В рамках обеих программ ежегодно проводятся конференции, в ходе которых повышается осведомленность о возможностях и преимуществах креативного предпринимательства. При этом выстраиваются партнерские отношения между британскими и центральноазиатскими университетами [24]. Продолжая тему с поддержкой развития креативных индустрий, необходимо упомянуть программу «Creative Producers», действующую в Казахстане и Узбекистане [23]. Главные цели – передача опыта в сфере креативного продюсирования и обмен профессиональными навыками при осуществлении творческих проектов. Так, Британский Совет предлагает широкий спектр мероприятий в рамках культурного обмена.

Продвижение английского языка – также немаловажная задача, ведь для Лондона он является одним из способов воздействия на зарубежную аудиторию. На сегодняшний день около 1,5 млрд человек разговаривают на английском языке, что на 400 млн больше, чем на китайском [38]. Однако процент свободно владеющих английским языком жителей Центральной Азии не так велик. Согласно рейтингу уровня владения английским языком 2023 г. Кыргызстан занимает 90-е место, Узбекистан – 93-е, Казахстан – 104-е, Таджикистан – 112-е, предпоследнее, а Туркменистан и вовсе не входит в список [40]. Несмотря на то что граждане центральноазиатских государств могут заниматься самостоятельно при помощи онлайн-курсов на сайте Британского Совета, а также претендовать на рабочие места в зарубежных компаниях, сдав международный британский экзамен IELTS, пока эта опция не стала высоковостребованной.

Совместно с Министерством высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан Британский Совет в период с 2008 по 2018 г. реализовал программу «Предварительная подготовка преподавателей английского языка» (PRESETT), а также в партнерстве с Министерством народного образования провел консультации по реформированию национальной учебной программы по английскому языку [49]. Еще одна инициатива «Future English» (2020) направлена на обеспечение министерств Казахстана, Узбекистана, Украины, Армении, Азербайджана и Грузии исследованиями по вопросам изучения английского языка, а также его преподавания [30]. Примером успешной политики Лондона в этом контексте можно считать реформирование программ высшего образования на английском языке в вузах Узбекистана. Процент зачислений студентов на англоязычные программы, а также направления с углубленным изучением английского языка в университеты увеличился с 9 % в 2017 г. до 30 % в 2022 г. [21].

Безусловно, в Центральной Азии действуют программы студенческого обмена, такие как стипендии Джона Смита и Чивнинг, которые предоставляются молодым людям с лидерскими качествами. В 2015 г. количество студентов из Центрально-Азиатского региона составило 2 070 человек, в сравнении с 2 355 человек в 2022 г., а число учащихся из Узбекистана увеличилось почти в 5 раз [48]. Кроме вышеперечисленных стипендиальных программ существуют стипендии Британского Совета для женщин из Казахстана и Узбекистана, занимающихся точными науками (STEM) [16]. Также для популяризации британского образования в этих государствах проводятся выставки, как, например, «StudyUK 2019». В ходе мероприятий участники могли узнать о преимуществах и возможностях обучения в Великобритании непосредственно от представителей британских университетов [35].

Значимый вклад в продвижение культуры, образования и науки привносят британские посольства в центральноазиатских республиках. Эти структуры продвигают «мягкую силу» от лица МИДа и правительства СК, особенно в государствах, где нет филиалов Британского Совета. На основе сравнительного анализа количества мероприятий, организованных посольствами Великобритании за год,

с 01.04.2023 по 01.04.2024, можно сделать вывод об их разнообразии и частоте проведения. При этом больше всего мероприятий было проведено в Казахстане (16), а меньше – в Кыргызстане (7). В контексте реализации политики «мягкой силы» нельзя обойти стороной содействие международному развитию [39]. В кратком описании партнерства Великобритании и Центральной Азии в целях развития делается акцент на трех направлениях работы: реформирование, процветание и стабильность [41].

В рамках первого аспекта предпринимаются шаги для реализации реформ в сфере устойчивого экономического развития. Под процветанием понимается диверсификация и укрепление частного сектора путем поддержания развития малого и среднего предпринимательства, а также партнерства через «Торговую схему развивающихся стран», предлагающую сниженные тарифы и упрощенные правила торговли. В этой связи стоит рассмотреть ключевые программы, которые финансирует Лондон в ЦА.

Следует начать с проекта «CASA-1000», поддерживаемого Министерством иностранных дел, по делам Содружества и развития. Его целью является создание инфраструктурных объектов, которые позволят Кыргызстану и Таджикистану продавать избыточную гидроэлектроэнергию в Афганистан и Пакистан [47]. Таким образом уменьшится напряженность в регионе, связанная с неравномерным распределением электроэнергии.

Программа «Эффективное управление в целях экономического развития» действует в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане для повышения прозрачности реализации экономической политики [26]. Кроме того, она ориентирована на рост потенциала гражданского общества. Фонд предотвращения конфликтов, содействия стабильности и безопасности инициирует программы по разрешению конфликтных ситуаций в регионе [41]. Совместно с организацией «DAI Europe» Форин-Офис сотрудничает с таджикскими и киргизскими исполнительными органами для акселерации экономического развития государств [34]. Еще одна коллективная инициатива двух организаций – «Программа предпринимательства и инноваций», внедренная для содействия

увеличению представителей малого и среднего предпринимательства [27]. На основании всех перечисленных программ можно сделать вывод, что главными получателями поддержки в рамках стратегии содействия международному развитию Великобритании являются Таджикистан и Кыргызстан. Это объяснимо их экономическим и социальным отставанием от других центральноазиатских государств.

Немаловажным инструментом «мягкой силы» Великобритании выступает Британская вещательная корпорация (BBC). Однако в отношении стран региона можно увидеть недостаточную вовлеченность BBC. Из всех пяти государств только в Узбекистане один журналист переводит новости корпорации на узбекский язык, что можно считать большим упущением для британского правительства, заинтересованного в уменьшении распространения российской точки зрения через СМИ [33].

Ключевые программы Великобритании, особо выделяемые на сайте посольства, направлены на укрепление регионального сотрудничества и напрямую не связаны с публичной дипломатией, но затрагивают темы, актуальные для региона: климатическая, энергетическая и водная безопасность для Центральной Азии, повышение устойчивости и суверенитета, эффективное управление экономическим развитием Центральной Азии, повышение прозрачности реализации экономической политики по выбранным приоритетам реформ в регионе.

Кроме этого, успешно реализуются менее масштабные британские программы, в частности, в Узбекистане они направлены на следующие проблемные области: борьбу с гендерным насилием, поддержку доступа к информации, поддержку в области образования. В Кыргызстане активно реализуются международные программы, связанные с изменением климата, с репродуктивным здоровьем, с укреплением налоговых институтов и мобилизацией доходов на внутреннем уровне. В Таджикистане большую поддержку Великобритании получают проекты в области образования, улучшения доступа к общественным благам и укрепления налоговых институтов. В Туркменистане Международные программы (ОПР), в большинстве своем, направ-

лены на инвентаризацию выбросов парниковых газов, на обеспечение возможностей женщин и девочек, а также на борьбу с гендерным насилием.

Отношения по линии ЕС и ЦА основываются, прежде всего, на политических и торгово-экономических интересах. Тем не менее сферу, связанную с правами человека, а также сотрудничество в целях развития и взаимодействие в образовательной сфере, можно рассматривать в качестве направлений «мягкой силы» ЕС в регионе. Основной целью реализации публичной дипломатии для ЕС является инициирование международных программ, направленных на решение острых проблем региона: экологических, научно-образовательных, а также трудностей, связанных с продвижением ценностей демократии и прав человека. Однако необходимо понимать, что деятельность в этом направлении разрабатывается и реализуется Брюсселем с учетом национальной специфики страны пребывания Представительства ЕС.

Основными наднациональными европейскими акторами, реализующими «мягкую силу», можно считать Европейскую комиссию (ЕК), Европейскую службу внешних связей (ЕСВД), Европейский парламент (ЕП), а также различные фонды, например, Европейский Фонд Образования (ЕФО). Согласно долгосрочному бюджету ЕС на период 2021–2027 гг. [20] можно выделить шесть ключевых финансовых инструментов ЕС [3]. Все вышеуказанные ведомства, так или иначе, задействованы в распределении и утверждении средств на реализацию европейских инициатив в области публичной дипломатии.

Помимо общеевропейских ведомств, необходимо сказать и об общественных и национальных организациях, которые имеют ключевое значение в продвижении и развитии проектов европейской «мягкой силы» как в целом, так и в регионе Центральной Азии. Среди них можно выделить Фонды, например «Фонд имени Конрада Аденауэра», а также культурно-образовательные институты: Гёте института, Альянс Франсез, Институт Сервантеса и другие, входящие в Объединение институтов культуры стран Европейского союза (EUNIC). Данные организации совместно с наднациональными ведомствами реали-

зуют ряд крупных культурно-образовательных инициатив в Центральной Азии, наиболее известные из которых Erasmus+, Horizon Europe и Creative Europe.

Erasmus+ остается одной из наиболее финансируемых программ ЕС. За десятилетний период с 2014 по 2023 г. наибольшее число проектов было профинансировано в Казахстане – 30 проектов на общую сумму 7,1 млн евро, вторую позицию занимает Узбекистан – 24 проекта, общая сумма финансирования 5,1 млн евро. Кыргызстан занимает третье место, всего 9 проектов с бюджетом в 4,7 млн евро. Финансирование Таджикистана и Туркмении существенно уступает даже этой сумме [28].

Популяризация европейских ценностей происходит также через проекты, включающие в себя продвижение прав человека и демократических реформ. В контексте Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве ЕС и Казахстана следует отметить, что Брюссель оказывает поддержку Астане в процессе проведения реформ, которые касаются вопросов демократии, верховенства права и соблюдения основных свобод. Ежегодно проводятся заседания Подкомитета по правосудию и правопорядку и Диалога по правам человека. Поддержка ЕС осуществляется на основе Европейского инструмента содействия демократии и правам человека (EIDHR) и Программы по поддержке негосударственных структур и развитию местного самоуправления (NSA-LA) в рамках Инструмента сотрудничества в целях развития (DCI) [9].

Среди программ, финансируемых по линии ЕС, но реализуемых ООН, следует отметить проекты, направленные на сохранение культурного наследия, использование его в качестве основы устойчивого развития, в том числе через развитие туризма, основанного на объектах культурного наследия. Общий бюджет таких проектов с 2018–2021 гг. составил 3,4 млн евро, выделенных из европейского бюджета. Партнерами по проекту выступили Министерства культур стран, Национальные комиссии по делам ЮНЕСКО в странах-участницах, Национальные комитеты по развитию туризма. Среди осязаемых достижений следует отметить значительный прогресс в вос-

становлении объектов всемирного наследия и культурных объектов в Кыргызстане, Таджикистане, повышение осведомленности о материальном и нематериальном культурном наследии среди населения.

В течение 2020–2024 гг. ЕС финансировал программу, которая работала во всех пяти республиках с общим бюджетом около 8 млн евро [17]. Программа была направлена на улучшение жизни граждан путем укрепления прав человека, верховенства закона и демократии в соответствии с европейскими и другими международными стандартами. Инициатива включала три формата взаимодействия: содействие созданию общего правового пространства между Европой и Центральной Азией и усиление защиты прав человека; содействие прозрачности экономической системы и принятие действий против экономической преступности; содействие эффективному функционированию государственных учреждений и органов государственного управления. Ожидаемые результаты предполагали продвижение и расширение регионального общего правового пространства между Европой и Центральной Азией и усиление защиты прав человека; повышение честности ведения бизнеса и соблюдения требований в частном секторе, снижение административных барьеров и обеспечение защиты прав предпринимателей в странах Центральной Азии. Тем самым осуществлялась трансформация законодательства по стандартам ЕС.

Среди инструментов, с помощью которых ЕС взаимодействует со странами ЦА, также можно выделить использование механизмов совместной работы с другими международными организациями, в частности ООН. Платформа целей устойчивого развития (ЦУР) в Центральной Азии является одной из таких форматов, реализуемых с 2021 по 2024 г. при вкладе ЕС в 1 млн евро. Программа ориентирована на все страны региона и нацелена на обмен знаниями, содействуя странам Центральной Азии в анализе и обновлении основных социально-экономических программ путем мониторинга прогресса ЦУР и финансирования, а также повышения эффективности региональных программ ЕС в достижении этих целей [7].

Важнейшее направление деятельности ЕС сконцентрировано на усилении информационной осведомленности о правах человека.

В основном это проекты, реализуемые Брюсселем при содействии Пражской медиашколы и Общественного фонда «Free Press Eastern Europe» с уровнем финансирования 244 000 евро на период 2021–2023 гг. [5]. Проект направлен на повышение осведомленности, влияния и важности правозащитных организаций и гражданских инициатив, работающих в области прав человека в таких чувствительных областях, как права женщин и девушек, гендерной дискриминации и доступа к репродуктивному здоровью.

Механизм работы таких проектов предполагал серьезную кампанию в социальных сетях по повышению осведомленности о социальных, экономических и культурных правах человека. Согласно предварительным планам в 2023 г. в Казахстане не менее 300 000 человек должны были быть вовлечены в контент, подготовленный участниками / выпускниками тренингов. По меньшей мере 5 коммуникационных и фандрейзинговых стратегий должны были привести к обоюдному диалогу между правозащитниками и более широкими группами населения; как результат, повышение влияния на социум общественных организаций, участвующих в обучении, и осведомленности об их деятельности [5].

Однако некоторые европейские инициативы сфокусированы в большинстве своем именно на Казахстане, как на крупном региональном акторе. Например, программа реализации проекта «Ваш голос имеет значение» на период 2022–2024 гг. с бюджетом в 250 000 евро нацелена на молодежь и женщин в РК. Проект должен способствовать установлению равноправных и совместных партнерских отношений между целевыми группами и местными органами власти для усиления голоса сообщества в диалоге и процессах принятия решений на местном и национальном уровнях. Также стоит обратить внимание на другой обучающий проект, фокусом которого стал Западный Казахстан – «Школа общественного участия», реализуемая в 2021–2023 гг. с финансированием в 244 000 евро. В рамках проекта были представлены различные интересы и точки зрения, внесшие свой вклад в исследования общества. По результатам проекта был повышен потенциал по защите своих прав и применению механизмов обще-

ственного контроля не менее 210 членов местных сообществ, членов специальных мониторинговых групп, НПО, активных граждан, молодежи. В общей сумме было реализовано 20 проектов общественных инициатив по решению местных проблем [5].

Результаты. Таким образом, после распада Советского Союза Центральная Азия стала регионом, имеющим как определенные амбиции на международной арене, так и ряд противоречий, замедляющих развитие республик. К началу 2000-х гг. в правительстве Великобритании оценили важность постсоветских государств в качестве связующего звена между Европой и Азией, вследствие чего был опубликован документ, описывающий главные приоритеты в регионе. В первую очередь это касалось формирования демократий в странах, обеспечения безопасности, соблюдения общечеловеческих прав и свобод, разрешения конфликтов в Таджикистане и создания экономической базы для дальнейшего торгового сотрудничества. Только спустя более 20 лет был выпущен новый стратегический документ, посвященный деятельности Великобритании конкретно в Центральной Азии. В нем фокус делался на экономическом сотрудничестве: развитие экспортно-импортных связей, улучшение инвестиционной среды, формирование устойчивых и независимых экономик центральноазиатских стран. При этом особая роль отводилась культурному и образовательному взаимодействию, осуществляемому путем применения инструментов «мягкой силы».

Лондон организует и принимает участие в финансировании множества разнообразных программ и инициатив в Центральной Азии. При этом в каждой республике акцент делается на разных направлениях публичной дипломатии: распространение культуры, образования, продвижение английского языка, а также содействию международному развитию. Нужно отметить вовлеченность как государственных органов, посольств Великобритании, так и негосударственных организаций в данный процесс. В большей степени программы нацелены на формирование экономической стабильности государств, соблюдение прав человека, обеспечение гендерного равенства и поддержание региональной безопасности. В долгосрочной перспективе предпринимае-

мые меры смогут сформировать центральноазиатские общества и институты, основанные на британских стандартах и ценностях.

Ключевыми областями для взаимодействия Европейского союза со странами Центральной Азии являются вопросы демократизации, образования, культуры, а также аспекты управления, верховенства закона и прав человека. В документах ЕС особый акцент делается на укреплении регулярного регионально-политического диалога по линии министров иностранных дел. Позитивным аспектом в подходе ЕС к реализации публичной дипломатии в ЦА можно считать учет интересов и проблем стран, что способствует формированию положительного имиджа Европейского союза в регионе. Прагматический подход Брюсселя к чувствительным для региона проблемам формирует имидж геополитической бескорыстности и притягивает региональную элиту республик. Анализ сфер сотрудничества, размещенный на сайтах Представительств ЕС в ЦА, свидетельствует о четких направлениях этого взаимодействия: политический диалог, торгово-экономическое сотрудничество, диалог с гражданским обществом.

Экономические и политические направления безусловно важны для диалога Европейского союза со странами региона, однако для укрепления своих позиций Брюссель задействует весь арсенал из инструментария публичной дипломатии и «мягкой силы». Отдельно выделяются мероприятия по активизации контактов с гражданским обществом. Согласно позиции Евросоюза развитое и активное гражданское общество и независимые СМИ жизненно важны для ЦА. ЕС создал образовательную инициативу для ЦА с целью адаптации системы образования государств к потребностям глобализованного мира. Особая роль уделяется сотрудничеству в сфере высшего образования, академических и студенческих обменов через программу «Erasmus+», а также на двухсторонней основе.

Сходство подходов ЕС и Великобритании в ЦА прослеживается в сфере распространения демократических ценностей и создании сильного гражданского общества, расширении своего присутствия в образовательной сфере. Оба актора подходят индивидуально к каждой республике, выделяя наиболее акту-

альные проблемы в каждой из них и предлагая пути решения через реализацию различных программ.

Что касается отличий, британский подход опирается в большинстве своем на неправительственные организации, хотя и действует при помощи посольств, которые работают с государственными органами. Специфика европейского подхода предполагает продвижение интересов ЕС посредством совместной работы общеевропейских, национальных и общественных структур стран ЕС, а также с помощью их взаимодействия с различными комитетами ООН. Большинство европейских инициатив направлены на реформирование местной образовательной и судебной систем с последующим переходом на европейские стандарты и общественные ценности, в то время как британские программы фокусируются на решении актуальных проблем в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимбаева Ш. А. «Мягкая сила» Великобритании в Центральной Азии // ORIENSS. 2021. № 11. С. 226–232.
2. Гуманитарный инструментарий политического влияния иностранных государств на постсоветском пространстве. Россотрудничество. Вып. 4. М.: Юрист, 2021. 100 с.
3. Еремина Н. В. Закат культурной «сверхдержавы»: Евросоюз ставит на «жесткую силу» // Евразия. Эксперт. 2018. URL: <https://eurasia.expert/zakat-kulturnoy-sverkhderzhavy-evrosoyuz-stavit-nazhestkuyu-silu/>
4. Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 26–36.
5. Лидеры перемен: усиление информированной осведомленности и диалога о правах человека. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/лидеры-перемен-усиление-информированной-осведомленности-и-диалога-о-правах_ru?s=222
6. Мигранты из Центральной Азии ищут новые рынки труда в Европе // РСМД. 2023. 20 июня. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmonulmasov/migranty-iz-tsentralnoy-azii-ishchut-novyye-rynki-truda-v-evrope/>
7. Платформа ЦУР в Центральной Азии. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/платформа-цур-в-центральной-азии_ru?s=222
8. Политика влияния мировых акторов в Центральной Азии, Восточной Европе, на Южном Кавказе и в странах Балтии. М.: Перо, 2023. 146 с.
9. Права человека. Европейский союз и Казахстан. URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/europeyskiy-soyuz-i-kazakhstan_ru?s=222
10. Санкции против России ударили по трудовым мигрантам из Центральной Азии // UN. 2022. 16 июня. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1425932>
11. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. 2023. 31 марта. Ст. 49. С. 30–31.
12. Харитонов Е. М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 5–20.
13. Шелепов А. В. Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. С. 10–27.
14. Экономика Центральной Азии: новый взгляд. Алматы; Бишкек; М.: Евраз. банк развития, 2022. 100 с.
15. Юн С. М. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2011. Т. 2 (№ 4). С. 50–64.
16. British Council Scholarships for Women in STEM // British Council. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/study-uk/scholarship-women-stem>
17. Central Asia Rule of Law Programme. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/central-asia-rule-law-programme_und_ru?s=222
18. Conflict, Stability and Security Fund: Programme Summaries for Eastern Europe, Central Asia and Western Balkans 2020 to 2021 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/conflict-stability-and-security-fund-programme-summaries-for-eastern-europe-central-asia-and-western-balkans-2020-to-2021>
19. Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia. Council of the European Union. 17 June 2019 // Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf>
20. Council Regulation (EU, Euratom) 2020/2093 of 17 December 2020 Laying Down the Multiannual Financial Framework for the Years 2021 to 2027 // Official Website of European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.LI.2020.433.01.0011.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2020%3A433I%3ATOC#document1>
21. Countries at Crossroads: UK Engagement in Central Asia // Parliament.UK. Foreign Affairs Committee. 2023. 67 p.

22. Creative Central Asia // British Council. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/arts/CCA2021>
23. Creative Producers Open Call 2023–2024 // British Council. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/arts/open-call-creative-producers-2023-2024>
24. Creative Spark // British Council. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/education/creative-spark>
25. Departmental Overview 2021–2022: Foreign, Commonwealth & Development Office // National Audit Office. 2022. P. 8.
26. Effective Governance for Economic Development in Central Asia // Development Tracker. URL: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-GOV-1-300961/summary>
27. Enterprise and Innovation Program (EIP) // Development Tracker. URL: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-COH-1858644-204989/summary>
28. Erasmus+. Programme Level Data. URL: <https://webgate.ec.europa.eu/eacdashboard/sense/app/c553d9e9-c805-4f7a-90e4-103bd1658077/sheet/42a81cd6-257e-44c1-9106-944e4713c9c7/state/analysis>
29. EU – Central Asia Academic Cooperation Through Erasmus+ // European Commission. 2020. URL: https://erasmus-plus.ec.europa.eu/sites/default/files/centralasia-regional-erasmusplus-2019_en.pdf
30. Future English // British Council. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/education/future-english>
31. Global Soft Power Index // Brandirectory. URL: <https://brandirectory.com/softpower/ranking?region=1&metric=1>
32. Mcglynn J. A Steppe Change: Should Britain be Bolder in Central Asia? // HJS. Russia&Eurasia Studies Centre. 2021. P. 6–7.
33. Oral Evidence: The UK’s Engagement in Central Asia // Parliament.UK. Foreign Affairs Committee. September 2023. P. 24.
34. Policy and Innovation Facility (PIF) // Development Tracker. URL: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-COH-1858644-300392/summary>
35. Post-Event Report for Study UK Kazakhstan 2019 // British Council. 2019. 11 p.
36. Sixth Report // Parliament.UK. Foreign Affairs Committee. 1999. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199899/cmselect/cmfa/349/34902.htm>
37. The EU Strategy on Central Asia: Towards a New Momentum? URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2024\)762300](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)762300)
38. The Most Spoken Languages Worldwide in 2022 // Statista. March 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/266808/the-most-spoken-languages-worldwide/>
39. The UK Government’s Strategy for International Development // GOV.UK. Foreign, Commonwealth & Development Office. 2022. P. 29.
40. The World’s Largest Ranking of Countries and Regions by English Skills // EF EPI. 2023. URL: <https://www.ef.com/wwen/epi/>
41. UK – Central Asia Region Development Partnership Summary // GOV.UK. Foreign, Commonwealth & Development Office. 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-central-asia-region-development-partnership-summary/uk-central-asia-region-development-partnership-summary-july-2023>
42. UK – Kazakhstan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-kazakhstan-development-partnership-summary/uk-kazakhstan-development-partnership-summary-march-2024>
43. UK – Kyrgyzstan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-kyrgyzstan-development-partnership-summary/uk-kyrgyzstan-development-partnership-summary-march-2024>
44. UK – Tajikistan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-tajikistan-development-partnership-summary/uk-tajikistan-development-partnership-summary-march-2024>
45. UK – Turkmenistan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-turkmenistan-development-partnership-summary/uk-turkmenistan-development-partnership-summary-march-2024>
46. UK – Uzbekistan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-uzbekistan-development-partnership-summary/uk-uzbekistan-development-partnership-summary-march-2024>
47. What is CASA-1000? // CASA-1000. URL: <https://www.casa-1000.org/ru/home-ru/>
48. Where do HE Students Come From? // HESA. 2023. January 31. URL: <https://www.hesa.ac.uk/data-and-analysis/students/where-from>
49. Written Evidence Submitted by the British Council // Parliament.UK. 2023. P. 4.

REFERENCES

1. Azimbaeva Sh.A. «Miagkaia sila» Velikobritanii v Tsentralnoi Azii [“Soft Power” of Great Britain in Central Asia]. *ORIENSS*, 2021, no. 11, pp. 226-232.
2. *Gumanitarnyi instrumentarii politicheskogo vliianiia inostrannykh gosudarstv na postsovetском prostranstve. Rossotrudnichestvo* [Humanitarian Instruments of Political Influence of Foreign States in

the Post-Soviet Space. *Rosstrudnichestvo*], iss. 4. Moscow, Jurist Publ., 2021. 100 p.

3. Eremina N.V. Zakat kulturnoi «sverkhderzhavy»: Evrosoiuz stavit na «zhestkuiu silu» [The Decline of the Cultural “Superpower”: The European Union Bets on “Hard Power”]. *Eurasia. Expert*, 2018. URL: <https://eurasia.expert/zakat-kulturnoy-sverkhderzhavy-evrosoyuz-stavit-na-zhestkuyu-silu/>

4. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. Kulturnaia i obrazovatelnaia sostavliaiushchie «miagkoi sily» ES [Cultural and Educational Components of the EU “Soft Power”]. *Sravnitelnaia politika* [Comparative Politics], 2018, no. 1, pp. 26-36.

5. *Lidery peremen: usilenie informirovannoi osvedomlennosti i dialoga o pravakh cheloveka* [Leaders of Change: Strengthening Informed Awareness and Dialogue on Human Rights]. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/лидеры-перемен-усилиние-извидителей-осизленность-и-диага-о-правах_ru?s=222

6. Migranty iz Tsentralnoi Azii ishchut novye rynki truda v Evrope [Migrants from Central Asia are Looking for New Labor Markets in Europe]. *RIAC*, June 20, 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/migranty-iz-tsentralnoy-azii-ishchut-novye-rynki-truda-v-evrope/>

7. *Platforma TsUR v Tsentralnoi Azii* [SDG Platform in Central Asia]. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/планта-цур-в-центральное-азии_ru?s=222

8. *Politika vliianiia mirovykh aktorov v Tsentralnoi Azii, Vostochnoi Evrope, na Iuzhnom Kavkaze i v stranakh Baltii* [Influence Policy of Global Actors in Central Asia, Eastern Europe, the South Caucasus and the Baltic States]. Moscow, Pero Publ., 2023. 146 p.

9. *Prava cheloveka. Evropeiskii soiuz i Kazakhstan* [Human Rights. The European Union and Kazakhstan]. URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/evropeiskiy-soyuz-i-kazakhstan_ru?s=222

10. Sanktsii protiv Rossii udarili po trudovym migrantam iz Tsentralnoi Azii [Sanctions Against Russia Hit Labor Migrants from Central Asia]. *UN*, June 16, 2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1425932>

11. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31.03.2023 № 229 «Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 No. 229 “On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation”]. *Ofitsialnoe opublikovanie pravovykh aktov* [Official Publication of Legal Acts], 2023, March 31, art. 49, pp. 30-31.

12. Kharitonova E.M. «Miagkaia sila» Velikobritanii: sravnitelnyi analiz mekhanizmov, instrumentov i praktik [“Soft Power” of Great Britain: A Comparative Analysis of Mechanisms, Instruments and Practices]. *Sravnitelnaia politika* [Comparative Politics], 2017, no. 1, pp. 5-20.

13. Shelepov A.V. Faktory uspekha politiki «miagkoi sily» Velikobritanii [Factors of Success of the UK’s Soft Power Policy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika* [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy], 2014, no. 2, pp. 10-27.

14. *Ekonomika Tsentralnoi Azii: novyi vzgliad* [Economy of Central Asia: A New Look]. Almaty, Bishkek, Moscow, Evraz. bank razvitiya, 2022. 100 p.

15. Yun S.M. Sravnitelnyi analiz politiki Germanii, Velikobritanii i Frantsii v Tsentralnoi Azii [Comparative Analysis of the Policies of Germany, Great Britain and France in Central Asia]. *Sravnitelnaia politika* [Comparative Politics], 2011, vol. 2 (no. 4), pp. 50-64.

16. British Council Scholarships for Women in STEM. *British Council*. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/study-uk/scholarship-women-stem>

17. *Central Asia Rule of Law Programme*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/central-asia-rule-law-programme_und_ru?s=222

18. Conflict, Stability and Security Fund: Programme Summaries for Eastern Europe, Central Asia and Western Balkans 2020 to 2021. *GOV.UK*. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/conflict-stability-and-security-fund-programme-summaries-for-eastern-europe-central-asia-and-western-balkans-2020-to-2021>

19. Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia. Council of the European Union. 17 June 2019. *Council of the European*. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf>

20. Council Regulation (EU, Euratom) 2020/2093 of 17 December 2020 Laying Down the Multiannual Financial Framework for the Years 2021 to 2027. *Official Website of European Union*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.LI.2020.433.01.0011.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2020%3A433I%3ATOC#document1>

21. Countries at Crossroads: UK Engagement in Central Asia. *Parliament.UK. Foreign Affairs Committee*, 2023. 67 p.

22. Creative Central Asia. *British Council*. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/arts/CCA2021>

23. Creative Producers Open Call 2023–2024. *British Council*. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/arts/open-call-creative-producers-2023-2024>

24. Creative Spark. *British Council*. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/education/creative-spark>

25. Departmental Overview 2021–2022: Foreign, Commonwealth & Development Office. *National Audit Office*, 2022, p. 8.

26. Effective Governance for Economic Development in Central Asia. *Development Tracker*. URL: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-GOV-1-300961/summary>

27. Enterprise and Innovation Program (EIP). *Development Tracker*. URL: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-COH-1858644-204989/summary>
28. Erasmus+. *Programme Level Data*. URL: <https://webgate.ec.europa.eu/eacdashboard/sense/app/c553d9e9-c805-4f7a-90e4-103bd1658077/sheet/42a81cd6-257e-44c1-9106-944e4713c9c7/state/analysis>
29. EU – Central Asia Academic Cooperation Through Erasmus+. *European Commission*, 2020. URL: https://erasmus-plus.ec.europa.eu/sites/default/files/centralasia-regional-erasmusplus-2019_en.pdf
30. Future English. *British Council*. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/ru/programmes/education/future-english>
31. Global Soft Power Index. *Brandirectory*. URL: <https://brandirectory.com/softpower/ranking?region=1&metric=1>
32. Mcglynn J. A Steppe Change: Should Britain be Bolder in Central Asia? *HJS. Russia&Eurasia Studies Centre*, 2021, pp. 6-7.
33. Oral Evidence: The UK's Engagement in Central Asia. *Parliament.UK. Foreign Affairs Committee*, September 2023, p. 24.
34. Policy and Innovation Facility (PIF). *Development Tracker*. URL: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-COH-1858644-300392/summary>
35. Post-Event Report for Study UK Kazakhstan 2019. *British Council*, 2019. 11 p.
36. Sixth Report. *Parliament.UK. Foreign Affairs Committee*, 1999. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199899/cmselect/cmfaaff/349/34902.htm>
37. *The EU Strategy on Central Asia: Towards a New Momentum?* URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2024\)762300](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)762300)
38. The Most Spoken Languages Worldwide in 2022. *Statista*, March 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/266808/the-most-spoken-languages-worldwide/>
39. The UK Government's Strategy for International Development. *GOV.UK. Foreign, Commonwealth & Development Office*, 2022. p. 29.
40. The World's Largest Ranking of Countries and Regions by English Skills. *EF EPI*, 2023. URL: <https://www.ef.com/wwen/epi/>
41. UK – Central Asia Region Development Partnership Summary. *GOV.UK. Foreign, Commonwealth & Development Office*, 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-central-asia-region-development-partnership-summary/uk-central-asia-region-development-partnership-summary-july-2023>
42. UK – Kazakhstan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-kazakhstan-development-partnership-summary/uk-kazakhstan-development-partnership-summary-march-2024>
43. UK – Kyrgyzstan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-kyrgyzstan-development-partnership-summary/uk-kyrgyzstan-development-partnership-summary-march-2024>
44. UK – Tajikistan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-tajikistan-development-partnership-summary/uk-tajikistan-development-partnership-summary-march-2024>
45. UK – Turkmenistan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-turkmenistan-development-partnership-summary/uk-turkmenistan-development-partnership-summary-march-2024>
46. UK – Uzbekistan Development Partnership Summary, 27 March, 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-uzbekistan-development-partnership-summary/uk-uzbekistan-development-partnership-summary-march-2024>
47. What is CASA-1000? *CASA-1000*. URL: <https://www.casa-1000.org/ru/home-ru/>
48. Where do HE Students Come From? *HESA*, 2023. January 31. URL: <https://www.hesa.ac.uk/data-and-analysis/students/where-from>
49. Written Evidence Submitted by the British Council. *Parliament.UK*, 2023, p. 4.

Information About the Author

Elena F. Parubochaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

Информация об авторе

Елена Федоровна Парубочая, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.17>

UDC 327(470)(481)(045)

LBC 66.4(2Рос)+66.4(4Нор)

Submitted: 24.05.2024

Accepted: 11.12.2024

INFLUENCE OF THE USA ON INDIAN-RUSSIAN RELATIONS

Jawahar V. Bhagwat

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

Ivan V. Rogachev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract. This study analyses the influence of the USA on the development of contemporary Indian-Russian relations in the current geopolitical and geo-economic situation. Russia's Special Military Operation (SMO) in Ukraine in February 2022 led to a series of unprecedented Western sanctions against Russia. In addition, the United States aimed to isolate Russia politically and economically from traditional partners. Therefore, this research, which analyses Russia's relationship with a special and privileged strategic partner like India, is considered relevant. The work is based on the principles of historicism and objectivity. The methodological basis for writing the article was the IR theory of neorealism and the systems theory. The source base of the research, in addition to publications in periodicals, consists of official documents guiding the foreign policies of India, Russia and the USA. As part of the study, the authors analyse the nature of relations between the two countries and determine the role of the USA in their development and transformation. Even though the "Collective West" has been putting pressure on India to join the sanctions, the Indian government continues to be dictated by its national interests, mainly the need to provide its citizens with affordable energy resources. Despite India and Russia's official statements and growing trade relations due to the import of cheap oil, the authors conclude that the USA continues to play an important role in their interaction. This is mainly due to the USA's influence on the Indian elite and diaspora, as well as other geopolitical factors, including the expansion of BRICS and the military-strategic partnership with India. I.V. Rogachev developed the research concept and established its theoretical and methodological foundations. J.V. Bhagwat analysed the policies of India, Russia and the USA in various areas and formulated the conclusions.

Key words: Russia, India, USA, cooperation, BRICS.

Citation. Bhagwat J.V., Rogachev I.V. Influence of the USA on Indian-Russian Relations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 189-200. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.17>

УДК 327(470)(481)(045)

ББК 66.4(2Рос)+66.4(4Нор)

Дата поступления статьи: 24.05.2024

Дата принятия статьи: 11.12.2024

ВЛИЯНИЕ США НА СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Джавахар Вишну Бхагват

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация

Иван Викторович Рогачев

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация

Аннотация. В этом исследовании анализируется влияние США на развитие современных российско-индийских отношений. Вынужденная специальная военная операция (СВО) в феврале 2022 г. привела к серии

западных санкций в отношении России. Представленная работа основана на принципах историзма и объективности. Методологической основой для написания статьи послужили модели неореализма и конструктивизма. Источниковую базу исследования, помимо публикаций в периодических изданиях, составляют официальные документы, регламентирующие внешнеполитическую деятельность Индии, России и США. В рамках исследования авторы анализируют общий характер отношений между двумя странами, а также определяют место и роль США в их развитии и трансформации. Несмотря на то что «коллективный Запад» оказывает давление на Индию с целью присоединения к рестрикциям, индийское правительство продолжает отстаивать свои национальные интересы, продиктованные, главным образом, необходимостью обеспечить своих граждан доступными энергетическими ресурсами. Авторы приходят к заключению, что, несмотря на официальные заявления Индии и России и растущие торговые отношения из-за импорта дешевой нефти, США продолжают играть важную роль во взаимодействии двух государств, преимущественно через влияние индийской элиты, диаспор и усиливающегося геополитического фактора, включая расширение БРИКС и военно-стратегическое партнерство. И.В. Рогачев разработал концепцию исследования и разработал его теоретические и методологические основы. Дж.В. Бхагват проанализировал политику Индии, России и США в различных областях и сформулировал окончательные выводы.

Ключевые слова: Россия, Индия, США, сотрудничество, БРИКС.

Цитирование. Бхагват Дж. В., Рогачев И. В. Влияние США на современные российско-индийские отношения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 189–200. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.17>

Introduction. India is striving to maintain a balanced approach in its relations with both Russia and the United States. This is evident from the statements made during the visits of key politicians and diplomats, including the Prime Minister and the Foreign Minister of India. Historically, the Soviet Union has used its veto power in the UN Security Council five times to support India's stance. As President Vladimir Putin noted, India does not require external support today, and it is challenging outside forces aiming to exert influence over the country. In another interview, the Russian president emphasized, "Such games do not occur with India. I can assure you of that. There is a strong, nationally focused leadership in the country. Russia can rely on the fact that India will not make decisions that contradict its national interests" [6].

This article aims to analyze the impact of the United States on the evolution of Indian-Russian relations. Russia's Special Military Operation (SMO) in February 2022 resulted in unprecedented waves of sanctions being imposed on Russia by the West. Despite intense pressure from the 'Collective West' to align with these sanctions, India steadfastly chose to prioritize and protect its national interests. Through this research, the authors provide an analysis of the intricate dynamics between India and Russia while also highlighting the pivotal role of the United States in shaping these crucial bilateral ties.

Methods and materials. The foreign policy of India is increasingly becoming a focal point for researchers, who recognize its progressive evolution and the active pursuit of dialogue with diverse nations [32; 36]. Nonetheless, several Russian scholars have identified a critical issue: there remains a significant 'gap' in comprehending the underlying motivations that drive India's foreign policy decisions [1–5; 9]. Extensive research has delved into the opportunities and challenges associated with mutually beneficial trade and economic relations [7]. Furthermore, specific bilateral and multilateral topics have been investigated, particularly military-political interactions in the Indo-Pacific region, where Indian and Russian interests frequently diverge [5; 8; 14]. Researchers also examine the potential for collaboration between India and Russia alongside other major powers like China, highlighting substantial geostrategic obstacles [5; 8; 12; 14; 40]. Importantly, current studies often neglect to consider the substantial influence of the United States on the Indian elite, which plays a crucial role in shaping India's foreign policy. Discussions surrounding Indian-Russian relations rarely incorporate issues such as trade imbalances and the deterioration of military-technical cooperation. This study aims to fill these gaps and assess the significant impact of the United States on the trajectory of Indian-Russian relations,

especially as the world is undergoing a transition towards a multipolar order.

This research is anchored in the frameworks of neorealism and the systems method. Neorealism sheds light on India's strategic pursuit of a multi-vector foreign policy, which is vital for bolstering national security and cultivating essential relationships with key global powers. Meanwhile, the systems method highlights the dynamic interactions among Indian governmental bodies, the think tanks, the diaspora, and the media, all of which play crucial roles in shaping India's foreign policy trajectory.

Analysis. *Indian-Russian relations.* The situation surrounding the SMO has critically tested the India-Russia relationship. In the face of intense political pressure from the West, India has strategically sought to preserve profitable trade with Russia while also nurturing relationships with vital partners like the United States and the EU. When the West imposed sanctions on Russian oil and gas exports, India, alongside China and Turkey, positioned itself as a key importer. By September 2022, Russia had become India's largest oil supplier, leading New Delhi to become the second-largest consumer of Russian hydrocarbons, following China.

However, from November 2023 to March 2024, various challenges contributed to a decline in bilateral trade relations. The non-convertibility of the Indian rupee, shrinking discounts on Russian oil, and heightened US scrutiny of oil prices significantly affected trade dynamics. Despite the gravity of the situation, official responses were minimal. The Indian Oil and Gas Minister acknowledged the reduction in Russian oil imports due to pricing challenges. This scenario triggered logistical setbacks, with tankers experiencing multi-week delays off India's coast, ultimately necessitating their redirection to China. This redirection can be attributed to diplomatic pressure from the United States on the Indian government. Moreover, media reports surfaced regarding delays in the supply of defense equipment, indicating further implications. A detailed analysis of these developments will follow in the next section.

Foreign Minister S. Jaishankar's visit to Russia from December 24 to 29, 2023, was a pivotal step in revitalizing Indian-Russian relations. This engagement aimed to fortify India's strategic autonomy amidst a rapidly evolving global landscape. It resonated with Prime Minister Modi's

assertion, "We must recognize that we are in an era of multilateralism," highlighting the necessity for India to assert its presence and influence on the world stage [17].

The meeting between President Vladimir Putin and Foreign Minister S. Jaishankar was viewed by experts as particularly significant because Putin typically reserves such interactions for heads of state. Adding to this importance, in February 2024, an unexpected hour-long discussion occurred between President Putin and Indian National Security Adviser A. Doval, just one week after Doval's meeting with the US National Security Adviser in Washington. This encounter suggests India's emerging role as a potential mediator between the West and Russia, further underscoring the unique position New Delhi enjoys among nations that Russia regards as friendly.

It is essential to recognize that Russian indologists often miss a key element influencing India's foreign policy: the powerful role of the Indian elite, who are significantly shaped by Western mainstream media. This influence trickles down to Indian mass media, creating a reflective landscape. For instance, channels like NTV and News18 are owned by the companies Adani and Reliance, respectively, which actively fund the ruling party through substantial election campaign contributions. Moreover, think tanks financed by these same corporations, such as the prominent Observer Research Foundation (ORF) – which notably opened a branch in the USA – play a critical role in shaping public discourse. During the reign of the current ruling party, some of these think tanks, such as the ORF and the Vivekananda International Foundation (VIF), have also started receiving funding from the Government of India. The current National Security Advisor was the first director of the VIF in 2009 and is still listed as one of its members in its annual report. The interplay of media, corporate influence, and think tanks indirectly affects the policy decisions of the Government of India, making it imperative to understand these connections.

A compelling example of this argument comes from the lecture given by former Indian Ambassador to Russia (2018–2021), D.B. Venkatesh Verma, and now Distinguished Fellow at the think tank Vivekananda International Foundation at the prestigious Center for International Politics, Organization, and Disarmament at the School of International Studies of Jawaharlal Nehru University

in New Delhi in December 2023. Verma asserted, “In operational terms, Russia’s ambition for a swift and decisive strike on Kyiv during the early months of the war was a remarkable miscalculation. By winter 2022, the conflict had reached an impasse, as none of the six dimensions of strategy – operational, logistical, technological, social, socio-cultural, or geopolitical – could deliver a decisive victory for either side. Russia was too weak to triumph, and Ukraine was too resilient to be defeated” [41]. Verma further emphasized, citing Kautilya’s “Arthashastra,” that in the pursuit of national interests, India must not compromise its strategic autonomy, especially in the face of China’s rising influence.

Another notable example is the statement made by A. Chauhan, the current Chief of the Indian Defense Staff, in October 2023. He asserted, “The geopolitical landscape is evolving. Russia’s relevance on the world stage is likely to decline in the near future, even though it is a nuclear power. The Wagner uprising signals significant internal vulnerabilities and foreshadows challenges ahead for Russia” [31]. Such remarks encapsulate the prevailing mindset influenced by the Western mainstream media among India’s foreign policy and military experts [14], who tend to overlook Russia’s perspective and the broader transition towards a multipolar world order.

Factors affecting Indian-Russian relations – Indian-US relations. In the twenty-first century, the relationship between India and the United States has evolved dramatically, presenting significant

opportunities for both nations. Trade between them has surged, with the US now being India’s sole major trading partner with which it enjoys a trade surplus. This growing economic collaboration highlights the potential for even deeper ties. However, the US’s reluctance to share “sensitive” technologies with India remains a concern. The ambitious goals set by the 2008 “Indian-US Civil Nuclear Cooperation” Agreement – aiming for “20,000 MW by 2020” – and the 2012 “Defense Technology and Trade Initiative,” including the development of a jet engine for a combat aircraft, have not yet been accomplished. The political leadership in both countries aims to overcome these challenges, which is crucial for fostering a more robust partnership.

In recent years, Indian-US relations have notably strengthened, marking a significant shift in the geopolitical landscape. Experts like M.K. Bhadrakumar, a former diplomat, author of the “Indian Punchline” blog and columnist for the “Deccan Herald,” alongside national security expert Bharat Karnad, have noted that this has led to a decline in Indian-Russian cooperation. However, it is essential to recognize that there are still hurdles to overcome in the Indian-US partnership. A key challenge remains India’s decision to abstain from joining the anti-Russian sanctions, which complicates this relationship.

According to the S&P Global Commodity Insights report, Russia emerged as the leading supplier of crude oil to India in 2023, accounting for over 30% of its total imports (Fig. 1) [46].

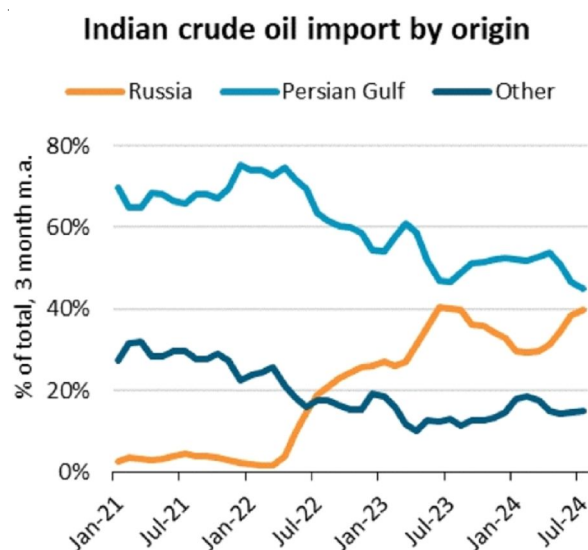

Fig. 1. Share of various regions in India’s oil imports

Note. Source: BIMCO [37].

This trend continued into 2024, despite the ongoing crisis in the Red Sea, which raised transportation costs. Prior to the Ukraine crisis, Russian oil made up only 2% of India’s total oil imports, with Iraq being the primary exporter, followed by Saudi Arabia and the United Arab Emirates [46]. The United States ranked as the fifth-largest supplier. In 2023, imports from the United States dropped by 79.87% [29]. However, in 2024, oil imports from the United States increased as challenges arose with Russian tanker shipments. Consequently, the tightening of sanctions is intended not only to reduce the revenue Russia earns from oil sales but also to boost oil exports from the United States.

Despite the ongoing trade tensions, Geoffrey R. Pyatt, the Assistant Secretary of State for Energy Resources, stated, “India played a key role in stabilizing the global energy market, which has been unstable due to the ongoing Russian-Ukrainian war” [10]. Additionally, India’s total spending on oil imports in 2023 decreased by 24% to \$11.57 billion, thanks to Russian oil imports and falling crude oil prices [18; 20]. This reduction positively impacted the Indian economy, particularly benefiting the refining industry, which saw an increase in exports, especially to the European Union. It is important to note that the current government of India benefited from containing inflation, a highly sensitive political issue in the country. This achievement helped the Bharatiya Janata Party secure victory in the 2024 elections. For Russia, this provided vital budgetary support and alleviated the impact of Western

sanctions. Consequently, this played a significant role in the recovery of the Russian economy, which experienced a growth of 3.6% in 2023 after a decline of 2.1% in 2022.

The issue of paying for oil in rupees (a non-convertible currency instead of yuans or dirhams) was clearly unacceptable for the Russian government. The fact that the payment mechanism was not regulated by the Indian government with alacrity indicates the influence of the United States, since Indian banks do not want to be cut off from the international payment system SWIFT [18]. Unfortunately, New Delhi’s unwillingness to pay in yuans or dirhams, or the introduction of a ten percent surcharge for converting rupees into foreign currency, ignores the fact that the Indian economy has directly benefited from oil trade with Russia and acquired precious foreign currency for exporting petroleum products to the EU.

In October 2023, the US announced the second phase of its price control measures. As a result, from November 2023 to February 2024, India declined to accept many tankers from Russia, which were subsequently redirected to China. According to Bloomberg, Indian companies refused to accept tankers owned by Sovcomflot due to US sanctions [38] (Fig. 2). A representative from the Ministry of Foreign Affairs of India stated, “Oil on the international market, wherever it is available, at the cost of the cheapest prices. We must ensure our energy security, and this is of paramount importance” [29].

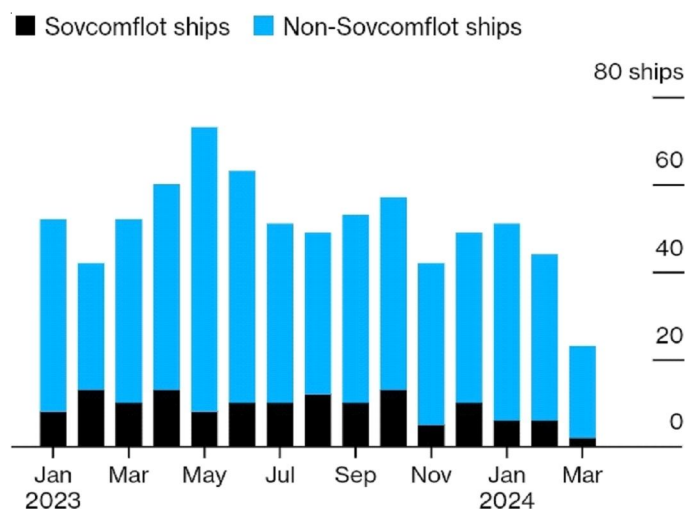

Fig. 2. Urals Crude Shipments to India

Note. Source: Bloomberg [38]. Approximately 15% of Urals crude oil is delivered by Sovcomflot tankers.

After 2021, bilateral trade between India and Russia has grown significantly from a negligible level to \$65 billion by 2023. However, trade imbalances between the two countries are a source of concern and tension in relations. This is especially important because, unlike Russia, India has a positive trade balance with the United States. According to official Indian data for 2022–2023, the US accounted for 17.7% of Indian exports (US \$78.54 billion), while Russia accounted for only 0.69% (US \$3.14 billion). Even China's share is higher – 3.39% (US \$15.3 billion) [20]. It should be borne in mind that mutual trade with the United States is an important factor in the formulation and implementation of Indian foreign and trade policies.

Each country is called upon to pursue a balanced policy in its own interests. However, in this instance, the strategy was fundamentally flawed, as it was based on the assumption that Russia was destined to lose the conflict in Ukraine, a notion commonly echoed in the mainstream Western media. Officials in Washington were content with India's lack of alignment with the Eurasian Free Trade Zone and perceived that India was distancing itself from Russia. Indian think tanks, such as the Observer Research Foundation (ORF) and Carnegie India, which have strong ties to Western think tanks, support this approach. They contend that India has benefited from Western business investments and anticipates receiving US support in the event of a potential conflict with China [19; 23; 35].

It is crucial to recognize the growing impact of an unofficial boycott against Russian academic institutions, think tanks, and academic exchanges by some organizations in India, largely driven by the influence of the United States and other Western countries. In 2023, Russian scholars from St. Petersburg State University were invited to the prestigious Raisina discussion forum focused on the Arctic, only to be unjustly denied participation upon their arrival in India. This forum, organized by the Observer Research Foundation – backed by the Reliance Group, a significant supporter of the ruling party in India – highlights this trend.

Moreover, the Ministry of Earth Sciences and the National Center for Polar and Oceanic Research have inexplicably failed to finalize an Arctic research agreement with Russia, despite the expectations set by the 2017 St. Petersburg Declaration between the two countries. The joint

declaration following the Indian Prime Minister's visit to Russia in July 2024 again mentioned Arctic research. In stark contrast, during the same period, the ministry actively pursued cooperation in the Arctic with other nations, including Norway, the United States, and Canada, leading to several successful joint research projects. Russian policymakers must take notice of these developments.

The period of rapprochement between the United States and India was disrupted in November 2023 by the “Pannun case,” which brought to light details regarding the alleged murder of Khalistan terrorist Nijar by Indian operatives on June 18, 2023 [25; 26; 28; 30]. Additionally, several other issues have emerged that have impacted Indian-US relations. Firstly, it has become evident that countries in the Global South are distancing themselves from the United States and gravitating towards a new geopolitical alliance represented by China and Russia. This situation puts India in a challenging position, as it aspires to lead the Global South. Secondly, the Western narrative surrounding the conflict in Ukraine has started to weaken, with signs of conflict fatigue appearing in both Europe and the United States. Finally, and perhaps most critically, the United States has been working to restore relations with China, which have significantly deteriorated in recent times.

US-China relations have improved since the San Francisco summit in November 2023. It is important to note that this shift has had collateral damage for New Delhi, diminishing India's value to Washington as a “counterweight” to China. Additionally, Bharat Karnad, a prominent Indian security expert, has pointed out that the United States is unlikely to offer significant support to India, apart from providing satellite intelligence [24].

Russia's role in easing tensions following the meeting of the defense ministers from India, China, and Russia in Moscow on September 4, 2020, unsurprisingly did not receive much attention from the Indian media, which is largely influenced by a Western narrative [21]. Many Indian experts believe that Russia would not support India in the event of a military conflict with China [19; 23]. This perspective stems from the increasing trade and economic indicators as well as the strengthening of the strategic partnership between Russia and China. As a result, most Indian experts recommend that the country actively engage in

QUAD and the US-sponsored 'Indo-Pacific' forums to counter China's influence [12; 14; 15; 23].

Concerns have been expressed about American intelligence penetrating India's communications network and that this poses a significant threat to its national security [25; 26]. Despite these issues, the US remains confident that the "Pannun case" will not adversely affect bilateral relations [25; 26; 28; 30]. The White House acknowledges India's commitment to addressing challenges through diplomacy, while New Delhi trusts that Washington will exercise caution regarding its approach to China, given their mutual strategic concerns.

Inexplicably, increasing the number of H-1B visas for skilled Indian professionals and simplifying their extensions is a critical priority for India's foreign policy. This approach undermines the nation's interests by exacerbating the "brain drain." Notably, the Non-Resident Indian (NRI) community in the US, though backed by Prime Minister Modi, was vocal in demanding action related to India's Pannun affair [25; 26]. This situation accentuates an important observation that NRIs function as instruments of the American foreign policy agenda, further complicating the relationship between the two nations.

The Kremlin promptly addressed the rising tension in Indian-US relations at a crucial moment. Russia quickly expressed its approval of the Modi government's policies. In December 2023, President Vladimir Putin stated, "India is not intimidated or coerced into taking any actions, steps, or decisions that would go against its national interests and the welfare of the Indian people" [33].

The United States has implemented several measures to limit India's strategic autonomy. For instance, the US opposed India's purchase of S-400 air defense systems from Russia. This opposition is reflected in the application of the US law "On Countering America's Adversaries through Sanctions" (CAATSA), which aims to impose sanctions on countries that acquire defense equipment from Russia [43].

However, in 2022, the US Congress granted relief to assist India in deterring aggressors like China. This proposal was introduced by a member of Congress of Indian origin [44]. In May 2022, the India-US Initiative on Critical and Emerging Technologies (iCET) was signed, aimed at strengthening and expanding the strategic

technological partnership and military-industrial cooperation between the two countries [45]. This initiative can be interpreted as a US effort to distance India from its traditional ally, Russia, in the defense and space sectors [27].

Following the Indian Prime Minister's visit to Russia in July 2024, State Department spokesman Michael Miller stated, "We have made our concerns about their relations with Russia very clear to India" [47]. This was soon followed by a blunt statement from US Ambassador to India, E. Garcetti: "I know India likes its strategic autonomy, but in times of conflict, there is no such thing as strategic autonomy." This remark reflects the US government's dissatisfaction with India's continuing special strategic partnership with Russia [15]. The significance of Indian-Russian relations in shaping US foreign policy is further confirmed by a publication from the US Congressional Research Service on this issue [42].

While some may perceive challenges in Indian-US relations, this should not be mistaken for a decline. New Delhi is poised to revitalize its efforts to strengthen ties as soon as the next US administration assumes power. For Indian elites, the United States remains a pivotal trade partner, essential not only as a counterbalance to China but also due to deep personal connections – many have close relatives living in the US, and there is also the impact of the vibrant Indian diaspora. This critical influence is often overlooked by Russian analysts examining Indian-Russian relations.

The BRICS factor: A key question regarding Russia's presidency of BRICS is whether India will participate in the development of payment mechanisms aimed at challenging the dominance of the dollar and the US-led international financial and trade system. India is cautious about jeopardizing its main interests with the United States. Before the BRICS summit in 2023, the Indian government expressed its opposition to the introduction of a single BRICS currency [13]. This Russian initiative seeks to counter the global dominance of the United States and has the backing of China and Brazil. In contrast, South Africa and India have reacted negatively to this proposal.

The cooperation format among Russia, India, and China (RIC) has been affected by China's border dispute with India [16]. India rejected a Chinese proposal to rename approximately thirty localities in its northeastern state of Arunachal

Pradesh. The United States affirmed its recognition of Arunachal Pradesh as Indian territory and expressed strong opposition to any unilateral attempts by China to claim it through invasion or encroachment [35]. Russia did not comment on this situation, but it could play a significant role in encouraging China to uphold the status quo in line with the 1993 agreement between China and India. A comparable issue arose in 2023 when Russia rejected Beijing's claims over the entire Bolshoy Ussuriysky Island [23].

Indian-Russian defense cooperation.

The evolution of Indian-Russian defense cooperation has always been rooted in the historical contributions of the Soviet Union, which provided the majority of military equipment to the Indian armed forces after India's efforts to acquire them from the USA and the UK failed in the 1950s and 1960s due to India spearheading the non-aligned movement. Prior to the Ukrainian crisis, it was thought that reducing defense ties would inevitably lead to a significant decline in Indian-Russian relations. In the 21st century, this critical partnership faced setbacks because key projects, like the Krivak-class frigates, Admiral Gorshkov aircraft carrier, and SSN INS Chakra, encountered delays that strained the relationship. Reports from the Indian media highlight that military-technical cooperation has been marred by cost overruns related to the aircraft carrier Vikramaditya, which India accepted with reservations, and inadequate technical support for the nuclear submarine. India also declined a Russian offer to participate in the investigation of an explosion that resulted in the unprecedented loss of the Sinhurakshaka diesel submarine during peacetime, which also indicated deterioration in military cooperation.

The Indian government has shown patience regarding its military ties with Russia. However, the Indian military leadership has publicly expressed that Russia is an unreliable partner, especially given the current geopolitical context. For instance, in October 2023, the head of the Indian Air Force stated that, due to the SMO, it has become impossible to procure anything from Russia because of issues with spare parts. He voiced concerns about the incomplete delivery of the S-400 missile systems [31]. In March 2024, six months later, Rosoboronexport announced that the remaining two systems would not be delivered until the third quarter of 2026, despite the initial

delivery date for five systems being set for early 2024 [22]. Additionally, in October 2023, General M. Pande, the Chief of Staff of the Indian Army, noted that the conflict has affected the availability of some spare parts and weapons for India [31].

It is important to note that Russia's share in global arms exports has decreased by 31% for the period 2018–2022 (see Fig. 3). Between 2018 and 2022, India's share of Russian arms exports was 31%. Furthermore, Russian arms exports to India dropped by 37% compared to the period from 2013 to 2017. This decline, which occurred even before considering the Special Military Operation (SMO), suggests that the Indian government and military leadership were already dissatisfied with the quality and reliability of Russian weapon supplies and sought to diversify imports [39].

India is reportedly in discussions with France about the construction of nuclear attack submarines [11]. Simultaneously, the United States is urging India to reduce its arms purchases from Russia as a gesture of rapprochement with the West and to enhance interoperability with American weapons systems. The US has implemented an effective training program aimed at influencing Indian military leadership. Despite this, opportunities for cooperation between India and Russia, such as in submarine construction, still exist [34]. During the Soviet era, Indian military personnel participated in various professional educational programs in the USSR, which was a dependable supplier of weapons that met most of India's needs. However, the collapse of the Soviet military-industrial complex severely impacted this cooperation. The United States seized this opportunity and quickly became a major supplier of weapons to India, starting from practically zero.

The effectiveness of Russian weapons in the war in Ukraine, along with the modernization of the Russian defense industry, could provide Russia with a significant advantage in regaining its status as India's top partner in military technology. However, persistent delays in delivering military equipment remain an issue. The actual supply and quality of weapons already contracted will serve as a strong indicator of Delhi's evolving perspective on the India-Russia-USA geopolitical triangle. To address these challenges and strengthen commitment to collaborative defense initiatives, it is crucial to restore and enhance Indian-Russian defense cooperation.

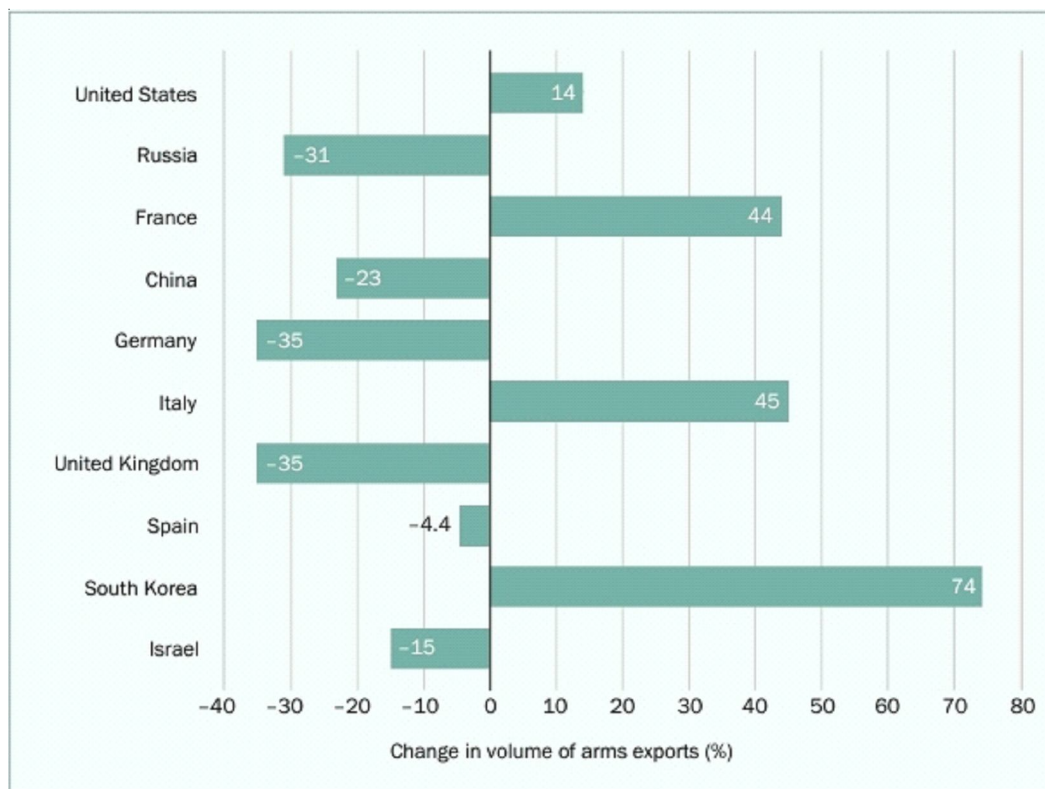

Fig. 3. Changes in the volume of major arms exports from 2013 to 2017 by the 10 largest exporters in 2018–2022

Source: SIPRI Arms Transfer Database, March 2023 [39].

Results. The governments of Narasimha Rao (1991–1995), A. B. Vajpayee (1998–2004), and Manmohan Singh (2004–2014) believed that India could benefit strategically and economically by developing ties with the United States rather than continuing on the path until the end of the Cold War. This approach has continued under the Modi government since 2014. As a result, India has pursued its strategic interests independently, rather than aligning as a strategic partner with either the United States or Russia. However, the Indian government tends to respond to official US complaints and threats of punitive measures, especially if Delhi does not comply with US directives. One notable example is India’s participation in the US trade embargo on Iran. This tendency is often set aside only when concerns directly impact India’s economy (oil imports from Russia) that impact preservation of political power, due to its possible impact on election results. Analysis of Indian media and perspectives from experts in various think tanks – particularly former diplomats and military personnel – suggests that they strongly

recommend the Indian government engage with US initiatives like the QUAD and Indo-Pacific forums. This represents an important “soft power” factor that Russian foreign policy experts should consider.

Russia’s advantage in the Special Military Operation (SMO) has increased the geostrategic significance of India’s relationship with Russia, especially following Russia’s break with the West. The visits by the Indian Foreign Minister and Prime Minister Modi to Russia in 2023 and 2024 indicate that the Indian government is adopting a more balanced approach to its relations with both the United States and Russia. Notwithstanding the historic visit by an Indian prime minister to Ukraine in August 2024, along with India’s participation in the Ukrainian peace summit in Switzerland in June 2024, India’s multivector diplomacy is underscored. These latter developments reinforce the analysis presented in this article regarding the role of the USA. Overall, despite the challenges, India and Russia have continued to expand their cooperation, driven by mutual geopolitical and economic interests.

Some issues remain unresolved, including the need for a stable payment mechanism, addressing trade imbalances, ensuring timely delivery of military equipment, and providing adequate technical support. From the Russian perspective, given the Western influence on Indian military leadership, it may be prudent to limit the transfer of “sensitive” military technologies to India. Additionally, Russia may consider imposing restrictions on the use of Russian military equipment by the Indian armed forces during exercises with NATO and QUAD countries.

Conclusion. Contemporary bilateral relations between India and Russia are complex, with the influence of the United States playing a significant role. India’s foreign policy is primarily guided by its national interests, and historical factors, such as the successful Indo-Soviet relations of the past, have a limited impact on its current interactions with Russia. Despite India’s projection of strategic autonomy, it is evident that the United States currently influences India’s foreign policy through various forms of coercive and soft power. Several challenges are currently straining bilateral relations, including India’s skewed trade imbalance with Russia and issues related to the timely delivery of Russian military equipment. To prevent a further shift in India’s policy toward the United States and the West, Russia will need to address these challenges. Additionally, Russia could play a positive role in resolving the China-India border dispute, which may strengthen BRICS and revitalize the RIC cooperation framework.

As Russia develops its cooperation with India, Russian policymakers should recognize that India is increasingly assertive in pursuing its transactional multi-vector foreign policy. India’s current approach places greater emphasis on national interests, unlike the past, where ideology and morality were prominent under leaders like Jawaharlal Nehru and Indira Gandhi.

REFERENCES

1. Volodin A.G. Vneshnjaja politika Indii: informacija k razmyshleniju [India’s Foreign Policy: Information for Reflection]. *Zapad – Vostok – Rossija 2019: Ezhegodnik* [West – East – Russia 2019: Year-Book]. Moscow, Nac. issled. in-t mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij im. E.M. Primakova RAN, 2020, pp. 72-75.
2. Kuprijanov A.V. Rossija i Indija: problemy i perspektivy sotrudnichestva [Russia and India: Problems and Prospects of Cooperation]. *Polis* [Policy], 2022, no. 4, pp. 63-76.
3. Lebedeva N.B. *Indijskij okean: vyzovy XXI v. i Indija (ocherki mezhdunarodnyh otnoshenij)* [Indian Ocean: Challenges of the 21st Century. India (Essays on International Relations)]. Moscow, IV RAN, 2018. 576 p.
4. Lunev S.I. Vneshnjaja politika Indii – balansirovanie mezhdru Rossiej i SShA v nacionalnyh interesah, 2019–2023 gg. [India’s Foreign Policy – Balancing Between Russia and the United States in the National Interest, 2019–2023]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current Problems in Europe], 2020, vol. 27, no. 1, pp. 182-212.
5. Mosjakov D.V. *Globalnaja transformacija Tihookeanskoj Azii i Rossija* [Global Transformation of Pacific Asia and Russia]. Moscow, Belyj veter Publ., 2019. 390 p.
6. *RIA Novosti. Putin: s Indiej ne prohodjat igry, svjazannye s vlijaniem na ee politiku izвне* [Putin: There Are No Games with India Related to the Influence on Its Politics from the Outside]. URL: <https://ria.ru/20240125/indiya-1923460736.html>
7. Rybas A., Burman E. O novoj vneshnetorgovoj politike Indii [On India’s New Foreign Trade Policy]. *Mezhdunarodnaja zhizn* [International Life], 2023, September, pp. 40-45.
8. Hudajkulova A.V., Ramich M.S. “Kvad 2.0”: chetyrehstoronnij dialog dlja kontrbalansirovanija KNR v Indo-Tihookeanskom regione [Quad 2.0: Quadrilateral Dialogue to Counterbalance China in the Indo-Pacific Region]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Policy. Political Research], 2020, no. 3, pp. 23-43.
9. Shaumjan T. Indija na globalnyh perekrestkah [India at Global Crossroads]. *Svobodnaja mysl* [Free Thought], 2022, no. 2 (1692), pp. 145-156.
10. *AFP. Rising Prices Cap India’s Thirst for Russian Oil*, 2024, January 10. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/rising-prices-cap-indias-thirst-for-russian-oil/articleshow/106692290.cms?from=mdr>
11. Bedi R. *France Hopes to Best US in New India Fighter Race, Betting on Existing Rafale Sales, Tech Flexibility*, 2023, October 12. URL: <https://thewire.in/security/france-us-fighter-jet-dassault-tech-rafale>
12. Bhadrakumar M.K. *Indian Elite’s Longing for the West’s High Table Can Only Bring Ridicule*. URL: <https://www.deccanherald.com/opinion/indian-elites-longing-for-the-west-high-table-can-only-bring-ridicule-3042859>
13. Bhagwat J. BRICS De-Dollarisation: Essential for an Equitable World Economic Order. *Economic and*

Political Weekly, 2023, vol. LVIII, no. 34, pp. 10-13.

14. Bhagwat J. Strategic Autonomy in National Security: Defence Procurement Choices. *Economic and Political Weekly*, 2024, vol. LIX, no. 41, pp. 51-56.

15. Bhattacharya A. *An Undiplomatic Storm Over India's "Strategic Autonomy"*, 2024, July 24. URL: <https://www.deccanchronicle.com/opinion/columnists/abhijit-bhattacharyya-an-undiplomatic-storm-over-indias-strategic-autonomy-1812040>

16. Dongxiao C., Shuai F. The Russia-India-China Trio in the Changing International System. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 2016, vol. 2, no. 4, pp. 431-447. DOI: 10.1142/S2377740016500275

17. Haidar S. *Jaishankar, Lavrov Hail "Strong and Steady" India-Russia Ties; to Resume Annual Summits in 2024*, 2023, December 27. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-russia-begin-bilateral-talks-in-moscow/article67679579.ece>

18. Haider S. *No Sanctions against India for Purchasing, Refining Russian Oil: U.S. Treasury Officials*, 2024, April 4. URL: https://www.thehindu.com/news/national/no-sanctions-against-india-for-purchasing-refining-russian-oil-us-treasury-fficials/article68028509.ece?utm_source=substack&utm_medium=email

19. Hamilton D., Stent A. *Can America Win Over the World's Middle Powers?*, 2023, November 14. URL: <https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/can-america-win-over-worlds-middle-powers>

20. *India, Ministry of Commerce and Industry, Department of Commerce Export Import Data Bank Export Country-Wise*, 2024, April 6. URL: <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/ecnt.asp>

21. *India, Readout by the Official Spokesperson on the India-China LAC Issue*, 2020, September 24. URL: <https://indianembassy-moscow.gov.in/press-releases-24-09-2020.php>

22. *India Today. Russia to Deliver Remaining Two S-400 Air Defence System to India in 2026: Sources*, 2024, March 21. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/russia-s-400-air-defence-system-indian-air-force-ukraine-war-2517490-2024-03-21>

23. *IndoPacific Defense Forum. PRC-Russia "No Limits" Friendship Has Disputed Boundaries*, 2023, October 8. URL: <https://ipdefenseforum.com/2023/10/prc-russia-no-limits-friendship-has-disputed-boundaries/>

24. Karnad B. *Don't Expect US. Help in a War with China*, 2022, May 22. URL: <https://bharatkarnad.com/2022/05/20/dont-expect-us-help-in-a-war-with-china/>

25. Karnad B. *India Needs to Erect Guardrails in Its Relations with America*, 2024, December 2. URL: <https://bharatkarnad.com/category/indian-democracy/>

26. Karnad B. *The Pannun Affair Reveals a Penetrated Indian Government Communications*

System, and the Atmnirbharta Policy as a Joke, 2023, November 29. URL: <https://bharatkarnad.com/category/indian-democracy/>

27. Laxman S. *India Overcame US Sanctions to Develop Cryogenic Engine*, 2014, January 6. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-overcame-us-sanctions-to-develop-cryogenic-engine/articleshow/28449360.cms>

28. Ling J. *India Is the Latest Member of a Growing Assassination Club*, 2024, January 14. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/01/14/assassination-club-india-nijjar-saudi-arabia-russia-united-states/>

29. *Russia Remains Top Oil Supplier to India, Imports Climb 25% in December*. URL: <https://www.livemint.com/industry/energy/russia-remains-top-oil-supplier-to-india-imports-climb-25-in-december-11708427645320.html>

30. Nakashima E., Shih G., Coletta A. *U.S. Prosecutors Allege Assassination Plot of Sikh Separatist Directed by Indian Government Employee*, 2023, November 29. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/11/29/india-us-assassination-plot-sikh-pannun/>

31. *NDTV. S-400 Missile System Supplies Hindered By Russia-Ukraine War: IAF Chief*, 2023, October 3. URL: <https://www.ndtv.com/india-news/s-400-missile-system-supplies-hindered-by-russia-ukraine-war-air-force-chief-4446671>

32. Nguyen T.B., Tran X.H., Tran H.L., Vo M.H. The Impacts of the Adjustment of India's Foreign Policy for India – Myanmar Relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2021, no. 3 (13), pp. 436-460.

33. *Press Trust of India (PTI). Putin Praises Modi for Tough Policies; Says He Is "Main Guarantor" of Steady Russia-India Relationship*. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/putin-praises-modi-for-tough-policies-says-he-is-main-guarantor-of-steady-russia-india-relationship/article67620870.ece>

34. Ramkumar K.G. Indian Navy's Submarine Development Programme: A Critical Assessment. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 2023, no. 10 (3), pp. 395-416.

35. *Reuters. India Rejects China's Renaming of 30 Places in Himalayan Border State*, 2024, April 2. URL: <https://www.reuters.com/world/india/india-rejects-chinas-renaming-30-places-himalayan-border-state-2024-04-02/>

36. Singh A. India's Foreign Policy: Changing Dynamics, Achievements and Challenges. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*, 2022, no. 2 (20), pp. 163-171. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-2-163-171

37. Schuler M. *India's Crude Oil Imports from Russia Surge 1000%*, 2024, August 7. URL: <https://gcaptain.com/indias-crude-oil-imports-from-russia-surge-1000/>

38. Sharma R., Cho S. *India Halts Russian Oil Supplies From Sanctioned Tanker Giant*, 2024, March 22. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-03-22/india-stops-taking-russian-oil-delivered-on-sovcomflot-tankers>

39. *Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Trends in International Arms Transfers*. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf

40. Tamkin E. *India Is Stuck in a New World Disorder*, 2023, June 1. URL: https://foreignpolicy.com/2023/06/01/india-g7-un-ukraine-russia-war-global-south/#cookie_message_anchor

41. Varma V. *Why Ukraine Is an Example of How India Can Become a Great Power*, 2023, December 7. URL: <https://awaazsouthasia.com/article/why-ukraine-is-an-example-of-a-thin-line-between-partner-and-proxy-how-india-can-grow-from-power-to-great>

42. *United States Congressional Research Service. India-Russia Relations and Implications for U.S. Interests*, 2022, August 24. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R47221.pdf>

43. *US Department of the Treasury. India Is Stuck in a New World Disorder, Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions*, 2017, August 2. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions>

44. *US House Approves CAATSA Sanctions Waiver to India for Purchase of S-400 Missile Defence System from Russia*, 2022, July 15. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-senators-bill-proposes-limited-exemption-for-india-under-caatsa/articleshow/112050177.cms>

45. *US – The White House. FACTSHEET: United States and India Elevate Strategic Partnership with the initiative on Critical and Emerging Technology (iCET)*, 2023, January 31. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/01/31/fact-sheet-united-states-and-india-elevate-strategic-partnership-with-the-initiative-on-critical-and-emerging-technology-icet/>

46. Verma N. *Russia Makes Up 40% of Indian Oil Imports, Dents OPEC's Share*, 2023, October 20. URL: <https://www.reuters.com/world/india/russia-makes-up-40-indian-oil-imports-dents-opecs-share-2023-10-20/>

47. *Modi Bear-Hugs Putin in Moscow, Marking Deep Ties Between Russia and India*, 2024, July 7. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/07/09/russia-india-putin-modi-moscow/>

Information About the Authors

Jawahar V. Bhagwat, PhD (History), Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severnoy Dviny Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russian Federation, jawahar.bhagwat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8100-9976>

Ivan V. Rogachev, Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severnoy Dviny Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russian Federation, i.rogachev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5694-580X>

Информация об авторах

Джавахар Вишну Бхагват, PhD (история), кандидат политических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, 163002 г. Архангельск, Российская Федерация, jawahar.bhagwat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8100-9976>

Иван Викторович Рогачев, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, 163002 г. Архангельск, Российская Федерация, i.rogachev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5694-580X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.18>

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 03.12.2024
Accepted: 07.02.2025

**ISSUES OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY
FROM THE PERSPECTIVE OF THE PROGRAM OF ACTIVITIES
OF THE PARLIAMENTARY ASSEMBLY OF THE COLLECTIVE SECURITY
TREATY ORGANIZATION FOR 2026–2030**

Roman S. Vykhodets

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Igor O. Tyumencev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In modern international conditions, characterized by an increasingly escalating struggle for technological and geopolitical leadership against the background of the increasing pace of digitalization processes, the lines between conventional and unconventional methods of international competition are blurring. Methods of informational and psychological influence come to the fore, which are capable of having a significant impact on socio-political stability and the foreign policy course of the state. For more than 30 years since the collapse of the Soviet Union, post-Soviet space has been the scene of a geopolitical struggle. That is why the issues of developing a collective policy of the member states in the field of countering destructive attempts of external ideological and psychological pressure are increasingly being the object of close attention in the working and advisory bodies of the Collective Security Treaty Organization, which is currently the sole guarantor of security in the post-Soviet space. *Materials and methods.* In addition to using general scientific methodology to achieve the main results, the authors of the study rely on specific methods and approaches: information approach, non-functional approach, critical discourse analysis, and content analysis. The main research materials are the scientific publications of foreign and domestic authors that have already become classics, as well as the latest scientific developments on the research topic. In addition, the authors rely on an exhaustive database of normative legal acts adopted at the level of the CSTO PA, as well as unpublished materials from meetings of the Expert Advisory Council under the Council of the CSTO PA and the Expert Advisory Council of the State Duma Committee on CIS Affairs, Eurasian Integration, and Relations with Compatriots. *Analysis.* The authors conduct a comprehensive analysis of the implementation of aspects related to ensuring collective information and psychological security within the CSTO regulatory framework. They also analyze the current CSTO PA Program for 2021–2025 in detail to determine the participating countries' common political approaches to ensuring the information and psychological components of collective security. *Results.* The authors conclude that currently the collective policy of the CSTO member states in the field of information and psychological security is fragmented and requires a more systematic approach at the organizational level, despite the established regulatory framework that includes an information and psychological component in the system of collective security. The authors conclude about the main priorities in the field of ensuring collective information and psychological security in the Program of Activities of the CSTO PA for 2026–2030. *Authors' contribution.* R.S. Vykhodets formed the theoretical and methodological basis for the analysis of collective information and psychological security and also prepared material for the analysis of the CSTO regulatory framework in this aspect; I.O. Tyumencev conducted a systematic analysis of research materials and formulated theoretical generalizations concerning current and future priorities for ensuring collective information and psychological security at the CSTO level. *Funding.* The authors acknowledge Saint Petersburg State University for a research project 116471555.

Key words: model legislation, Collective Security Treaty Organization, information warfare, post-Soviet space, information and psychological security.

Citation. Vykhodets R.S., Tyumencev I.O. Issues of Information and Psychological Security from the Perspective of the Program of Activities of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization for 2026–2030. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 201–211. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.18>

**ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В РАКУРСЕ ПРОГРАММЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ
ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА 2026–2030 ГОДЫ****Роман Сергеевич Выходец**

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Игорь Олегович Тюменцев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В современных международных условиях, характеризующихся все обостряющейся борьбой за технологическое и геополитическое лидерство, на фоне набирающих темпы процессов цифровизации происходит стирание граней между конвенциональными и неконвенциональными методами международной конкуренции. На первый план выходят методы информационно-психологического воздействия, которые способны оказывать существенное влияние на социально-политическую стабильность и внешнеполитический курс государства. На протяжении более 30 лет, прошедших с момента распада Советского Союза, постсоветское пространство является ареной геополитической борьбы. Именно поэтому вопросы выработки коллективной политики государств-членов в области противодействия деструктивным попыткам внешнего идеологического и психологического давления все чаще оказываются объектом пристального внимания в рабочих и совещательных органах Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая в настоящее время является безальтернативным гарантом безопасности на постсоветском пространстве. *Материалы и методы.* Авторы исследования, помимо использования общенаучной методологии для достижения основных результатов, опираются на специфические методы и подходы: информационный подход, неофункциональный подход, критический дискурс-анализ, контент-анализ. Основными материалами исследования выступают ставшие уже классическими научные публикации зарубежных и отечественных авторов и новейшие научные разработки по теме исследования. Кроме того, авторы опираются на действующую базу нормативных правовых актов, принятых на уровне Парламентской Ассамблеи (ПА ОДКБ), а также неопубликованные материалы заседаний Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ и Экспертно-консультативного совета Комитета Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. *Анализ.* Авторы проводят комплексный анализ имплементации аспектов, связанных с обеспечением коллективной информационно-психологической безопасности, в нормативно-правовую базу ОДКБ, а также подробно анализируют действующую Программу деятельности ПА ОДКБ на 2021–2025 годы с целью фиксации единых политических подходов стран-участниц к обеспечению информационно-психологического компонента коллективной безопасности. *Результаты.* Авторы приходят к заключению о том, что в настоящее время коллективная политика государств – членов ОДКБ в области обеспечения информационно-психологической безопасности носит фрагментарный характер и требует более системного подхода на уровне организации, несмотря на созданную нормативно-правовую основу, включающую информационно-психологический компонент в систему обеспечения коллективной безопасности. Авторы делают вывод об основных приоритетах в сфере обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности в Программе деятельности ПА ОДКБ на 2026–2030 годы. *Вклад авторов.* Р.С. Выходец сформировал теоретико-методологическую основу анализа обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности, а также подготовил материал для анализа нормативно-правовой базы ОДКБ в данном аспекте; И.О. Тюменцев провел системный анализ материалов исследования и сформулировал теоретические обобщения, касающиеся текущих и будущих приоритетов обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ. *Финансирование.* Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

Ключевые слова: модельное законодательство, Организация Договора о коллективной безопасности, информационное противоборство, постсоветское пространство, информационно-психологическая безопасность.

Цитирование. Выходец Р. С., Тюменцев И. О. Вопросы информационно-психологической безопасности в ракурсе Программы деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 201–211. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.18>

Введение. В 2025 г. завершается очередной пятилетний этап законотворческой деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности на период 2021–2025 годы [10]. Проект программы на очередную пятилетку будет представлен на рассмотрение Совета ПА ОДКБ весной 2025 г. и осенью этого же года должен быть окончательно утвержден Парламентской Ассамблей.

Следует отметить, что основным продуктом работы ПА ОДКБ является модельное законотворчество, которое не носит обязательного характера, тем не менее представляет собой консенсусную политическую платформу для гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ в вопросах, касающихся обеспечения коллективной безопасности [9]. В настоящее время ОДКБ является единственным механизмом обеспечения коллективной безопасности на постсоветском пространстве и военно-политическим гарантом суверенного развития евразийских интеграционных процессов. Поэтому в современных условиях обострения стратегической конкуренции [18] возрастает значение поиска и фиксации в международном нормативно-правовом поле единых подходов к выстраиванию системы национальной и коллективной безопасности, способной эффективно реагировать на весь спектр современных вызовов и угроз, значительная часть которых лежит в плоскости информационного противоборства, что, по мнению некоторых исследователей, требует пересмотра основных приоритетов и инструментов обеспечения безопасности России в условиях усиливающейся неопределенности в сложившейся системе международных отношений XXI в. [6].

В соответствии с современными теоретическими представлениями международные конфликты включают в себя шесть измерений: наземное, морское, воздушное, космическое, информационное и когнитивное. Последние два являются результатом научного осмысления последствий глобальных процессов цифровизации, а также достижений в области когнитивных наук, создавших основу для разработки революционных методов воздействия на общественное мнение и сознание человека.

Концепция информационно-психологического противоборства является, с одной стороны, логическим продолжением концепции психологической войны, становление которой приходится на начало XX в. [11] и окончательное формирование – на годы Второй мировой войны и ранний послевоенный период [8, с. 89; 14, р. 9; 19, р. 345], а с другой – результатом развития и предметной дифференциации концепции информационных войн [15; 17].

Современное состояние данного вопроса достаточно подробно исследовано в ранее опубликованных работах [2]. Для целостного восприятия наших последующих рассуждений приведем наиболее существенные тезисы, касающиеся понимания феномена информационно-психологического противоборства.

Информационно-психологическое противоборство следует рассматривать в качестве сферы международных отношений, связанной с оказанием деструктивного идеологического и психологического воздействия в информационной среде на системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психику должностных лиц, общественных деятелей и населения.

Основной инструментарий информационно-психологического противоборства составляют кампании по дискредитации в публичном пространстве, распространение фейков, специальные информационно-психологические операции (PSYOP), деструктивное воздействие на систему образования, духовно-нравственные устои общества, контроль над информационными ресурсами, использование манипулятивных методов и приемов при производстве и распространении контента в медийном пространстве.

Таким образом, информационно-психологическую безопасность можно определить как состояние защищенности существующей в государстве системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психики должностных лиц, общественных деятелей и населения от деструктивного идеологического и психологического воздействия в информационной среде.

Методы и материалы. В основу теоретико-методологической базы исследования положены неофункциональный и информаци-

онный подходы, применяемые для анализа, систематизации основных источников данных в соответствии с темой работы, а также обоснования приоритета выработки консенсусных политических решений, необходимых для обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности государств – членов ОДКБ; критический дискурс-анализ и контент-анализ использованы для выявления и обоснования связи между смыслами и значением официального нормативно-правового и политического дискурса на уровне ОДКБ и соответствующей социально-политической практикой по обеспечению коллективной информационно-психологической безопасности. К основным материалам исследования относятся классические теоретические разработки [8; 11; 14; 15; 17; 19] и новейшие научные исследования зарубежных и отечественных авторов [2; 6; 9; 13; 16; 18]. Помимо этого, авторы для достижения основных результатов опираются на действующую базу нормативных правовых актов, принятых на уровне ПА ОДКБ, а также неопубликованные материалы закрытых заседаний Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ и Экспертно-консультативного совета Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками [5; 12].

Анализ. На сегодняшний день перечень нормативных правовых актов (концепции, модельные законы, рекомендации), принятых ПА ОДКБ, насчитывает около 90 документов [7]. И только пять из них имеют непосредственное отношение к сфере обеспечения информационно-психологической безопасности: Рекомендации по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму и экстремизму (2016 г.), Модельный закон «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму» (2019 г.), Модельный закон «Об информационной безопасности» (2021 г.), Рекомендации по совершенствованию законодательства в области обеспечения защиты электоральных процессов и суверенитета в государствах – членах ОДКБ (2022 г.), Рекомендации об ответственности за деяния, связанные с реабилитацией нацизма и искажением исторической

истины, в законодательстве государств – членов ОДКБ (2023 г.).

В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что на уровне ОДКБ стройная концептуальная и нормативно-правовая основа обеспечения информационно-психологического компонента коллективной безопасности находится на стадии формирования.

При этом вопросы обеспечения информационно-психологической безопасности включены в число приоритетов в действующей Программе деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021–2025 гг. (далее – Программа деятельности ПА ОДКБ на 2021–2025 годы, Программа 2021–2025). Документ состоит из двух разделов:

– раздел 1 «Нормативно-правовое обеспечение» содержит 35 проектов нормативных правовых актов;

– раздел 2 «Организационное, научно-методическое и информационно-аналитическое обеспечение» включает 39 пунктов.

Что касается инициатив, внесенных в области модельного законодательства (раздел 1), здесь наибольшее число предложений среди государств-членов приходится на Республику Беларусь – 16, далее следует Россия – 5, Таджикистан – 2; предложения Армении, Казахстана, Киргизии в Программе 2021–2025 отсутствуют. Структурные подразделения ОДКБ являются инициаторами 17 предложений (см. табл. 1).

Результаты содержательного анализа проектов нормативных правовых актов представлены на рисунке.

Следует обратить внимание, что вопросы обеспечения информационной безопасности в Программе 2021–2025 являются безусловным приоритетом, на них приходится около 40 % всех законодательских инициатив, 5 из 12 нормативных правовых актов, внесенных в нее, имеют непосредственное отношение к сфере обеспечения информационно-психологической безопасности.

Содержание проектов нормативных правовых актов, относящихся к сфере информационно-психологической безопасности, выглядит следующим образом:

- противодействие внешним деструктивным попыткам ревизии и искажения исторических событий и итогов ВОВ;
- противодействие реабилитации нацизма;
- создание единых основ военно-патриотического воспитания;
- выработка общих принципов регулирования сети Интернет;
- защита электорального суверенитета.

Что касается реализации совместных законодательных планов, по последним данным, представленным Секретариатом ПА ОДКБ, в части принятия нормативных правовых актов

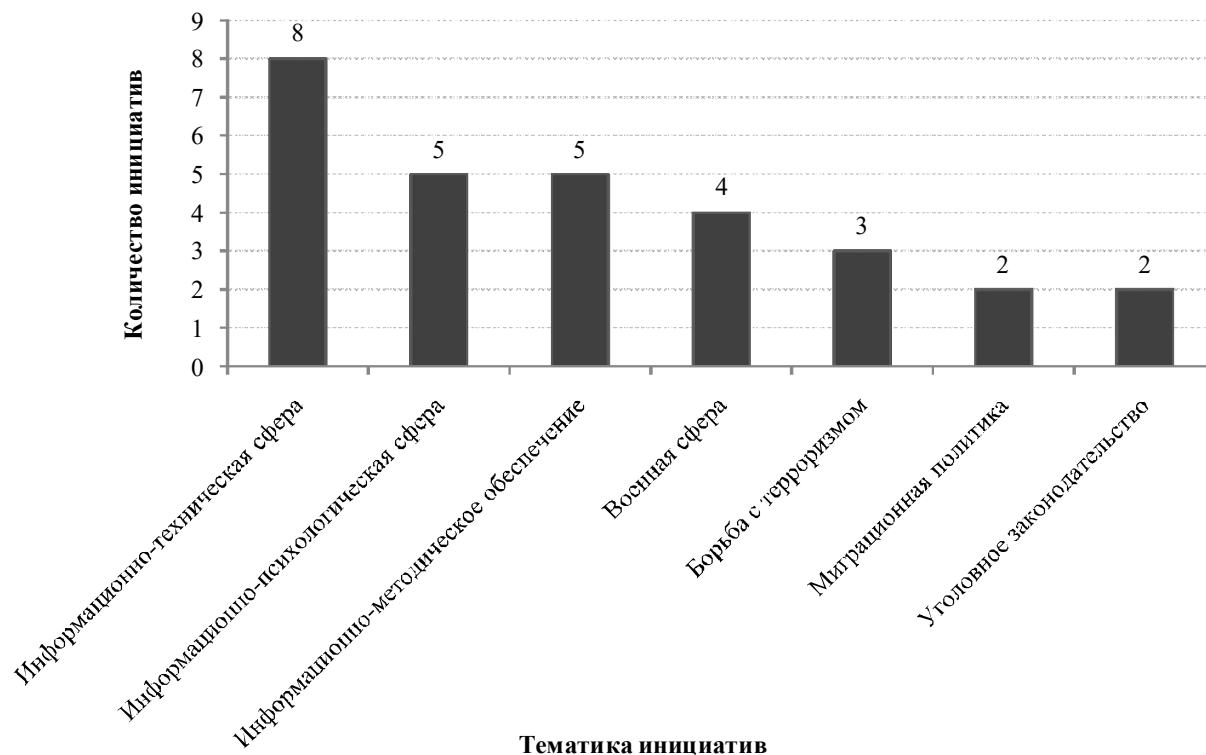
Программа 2021–2025 выполнена почти на 60%. На конец 2024 г. ПА ОДКБ приняла 20 нормативных правовых актов. Это достаточно хорошие темпы, которые позволяют надеяться, что к концу 2025 г. планы законодательской пятилетки будут практически полностью реализованы.

Из пяти проектов нормативных правовых актов, касающихся информационно-психологической безопасности, приняты лишь два документа, содержащих рекомендации в области введения ответственности за деяния, связанные с реабилитацией нацизма и искажением исторической истины, защитой электоральных

Таблица 1. Инициаторы разработки и принятия нормативных правовых актов в Программе деятельности ПА ОДКБ на 2021–2025 годы

Table 1. Initiators of the development and adoption of normative legal acts in the CSTO PA Activity Program for 2021–2025

Инициатор	Количество инициатив
Беларусь	16
Россия	5
Таджикистан	2
Армения	0
Казахстан	0
Киргизия	0
ОДКБ	17

Тематика нормативно-правовых инициатив в Программе деятельности ПА ОДКБ на 2021–2025 годы
Topics of regulatory initiatives in the CSTO PA Activity Program for 2021–2025

процессов и суверенитета государств – членов ОДКБ.

Что касается второго блока Программы 2021–2025, содержащего общие планы по организационному, научно-методическому и информационно-аналитическому обеспечению системы коллективной безопасности государств – членов ОДКБ, следует сразу отметить, что, несмотря на невысокую активность в сфере законотворчества, Российская Федерация является безусловным лидером по инициативам, связанным с организацией специальных мероприятий. Из 39 запланированных на 2021–2025 гг. событий более чем в половине примут участие делегации ОДКБ по инициативе российской стороны (табл. 2).

Центральное место в пакете российских инициатив занимает тематика, касающаяся обеспечения информационной безопасности, – 12 предложений из 20 относятся именно к этой сфере. Причем 9 из них непосредственно затрагивают информационно-психологические аспекты:

- противодействие злонамеренному искажению исторических фактов и фальсификации истории Великой Отечественной войны;
- пресечение попыток реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников;
- сохранение исторической памяти.

В 2025 г. отмечается 80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., поэтому не случайно большинство предложений России связано именно с данным событием. Примечательно, что эта дата на уровне ОДКБ фигурирует исключительно в предложениях Российской Феде-

рации, остальные страны-партнеры на ключевой площадке в сфере обеспечения коллективной безопасности на постсоветском пространстве данное событие полностью проигнорировали. Например, участие делегации ОДКБ в митинге-реквиеме в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» пройдет по инициативе Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, а не белорусской стороны.

Армения в своих предложениях сделала основной акцент на проблемах военной, политической, информационной безопасности, взаимного признания воинских званий военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы; вопросах военно-экономического сотрудничества в рамках ОДКБ. При этом только одно из пяти предложений Армении содержало четкую тематическую конкретику – участие делегации ОДКБ в международной научно-практической конференции по проблемам пограничной безопасности в Ереване, которая так и не состоялась. В качестве альтернативы 12 октября 2022 г. в Минске была организована международная конференция по аналогичной тематике под эгидой СНГ.

Беларусь в данном блоке Программы 2021–2025 представлена четырьмя инициативами, каждая из которых носит точечный характер: продвижение инициатив ОДКБ в других международных парламентских организациях, взаимодействие компетентных органов государств-членов при освещении деятельности ОДКБ, создание рабочей программы учебного курса и учебного пособия «Право Организации Договора о коллективной безопасности», разработка методики взаимодействия национальных систем безопасности в рамках ОДКБ.

Таблица 2. Инициаторы предложений по организационному, научно-методическому и информационно-аналитическому обеспечению в Программе деятельности ПА ОДКБ на 2021–2025 годы

Table 2. Initiators of proposals for organizational, scientific, methodological, and information and analytical support in the CSTO PA Activity Program for 2021–2025

Инициатор	Количество инициатив
Россия	20
Армения	5
Беларусь	4
Казахстан	3
Таджикистан	2
Киргизия	0
ОДКБ	5

Казахстан в традиционном для себя ключе избегает предметов обсуждения, выходящих за рамки традиционных вопросов безопасности. Несмотря на то что идеи евразийской интеграции являются неотъемлемой частью внешней политики республики [1], в ходе заседаний экспертно-консультативного совета при ПА ОДКБ его представители неоднократно делали акцент на необходимость сосредоточить основное внимание коллег на вопросах безопасности, оставив за скобками темы коллективной внешней политики. Поэтому предложения Казахстана сводятся к участию делегаций ОДКБ в обсуждении проблематики, связанной с противодействием распространению оружия массового уничтожения, финансированию терроризма, отмыванию доходов, полученных преступным путем, и выработкой общих подходов к функционированию межгосударственных следственно-оперативных групп по раскрытию преступлений, совершенных транснациональными объединениями.

Таджикистан в рассматриваемом блоке Программы 2021–2025 в качестве приоритетов обозначил темы, связанные с коллективным противодействием вызовам и угрозам возникновения экстремистской и террористической активности и проявления новых очагов преступности, а также военно-пограничной и политической безопасностью в Центрально-Азиатском регионе. Примечательно, что Таджикистан в своих инициативах на уровне ОДКБ не ассоциирует данные вопросы с проблемами трудовой и незаконной миграции. При этом, как показывают последние исследования [3], трудовые мигранты, прибывающие на территорию России из Центральной Азии, не способствуют улучшению своего социально-экономического положения с деятельностью интеграционных институтов на постсоветском пространстве, а именно на эти вопросы руководству страны следовало бы в первую очередь обратить внимание в своей национальной политике.

Таким образом, в Программе 2021–2025 вопросы, касающиеся информационно-психологических аспектов коллективной безопасности, в качестве приоритетов поднимают только Россия и Беларусь. Остальные партнеры по ОДКБ присоединяются к общему консенсусу либо в контексте исторической ретроспек-

тивы (искажение исторической истины, противодействие реабилитации нацизма), либо в вопросах, имеющих непосредственное отношение к сохранению электорального суверенитета государств – членов ОДКБ.

В последнее время пристальное внимание экспертов в области обеспечения информационно-психологической безопасности обращено в сторону возрастающих возможностей технологий искусственного интеллекта в области производства, распространения и потребления информации [13; 16]. Бурное развитие рекомендательных и генеративных систем на основе технологий искусственного интеллекта диктует острую необходимость принятия решений по обязательной маркировке контента, созданного с применением таких технологий, и разработке широкого комплекса мероприятий, направленных на профилактику среди населения с целью повышения уровня медиаграмотности и информационной культуры.

Данные вопросы находятся в центре пристального внимания руководящих органов ОДКБ. Так, 3 июля 2024 г. Совет ПА ОДКБ по итогам выездного заседания в Алматы принял Заявление в связи с развитием технологий искусственного интеллекта [4]. В документе подчеркивается значительное влияние бурно развивающихся технологий искусственного интеллекта на мировую политику, а также указывается на необходимость внедрения и активного использования опыта и наработок государств – членов ОДКБ в области развития технологий искусственного интеллекта. Кроме того, акцентируются приоритеты в области развития национального программного обеспечения в сфере больших данных, укрепления информационной и когнитивной безопасности, контроля над оборотом данных, способных нанести ущерб интересам граждан и национальной безопасности.

На протяжении последних лет на уровне национальных экспертных сообществ и официальных политических структур ведется активная работа по формированию предложений в Программу 2026–2030. В России одним из центров разработки и экспертной оценки предложений является Комитет Государственной Думы по делам Содружества Независимых

Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. С февраля 2023 г. в Экспертно-консультативном совете при Комитете действует секция по информационно-психологической безопасности ЕАЭС, которая на протяжении всего 2024 г. также вела активную работу в этом направлении.

29 ноября 2024 г. в Москве состоялось расширенное заседание секции, посвященное подведению итогов работы по формированию пакета предложений для внесения в Программу 2026–2030. На заседании присутствовали эксперты в области международных отношений, евразийской интеграции, региональной и международной безопасности, чья профессиональная деятельность связана с аспектами обеспечения информационно-психологической безопасности. Активное участие в заседании приняли и авторы настоящей статьи.

Результаты. Таким образом, информационно-психологическая безопасность является неотъемлемым компонентом обеспечения национальной и коллективной безопасности в условиях современных международных конфликтов. Данная сфера связана с выстраиванием комплекса мер, позволяющих эффективно противостоять деструктивному идеологическому и психологическому воздействию в информационной среде, целью которого выступают системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психика должностных лиц, общественных деятелей и населения.

В настоящий момент на уровне ОДКБ сформирована нормативно-правовая база, которая учитывает задачи обеспечения информационно-психологической безопасности, тем не менее в современных условиях данные вопросы остро нуждаются в повышении своего политического статуса, а также в более четком оформлении в системе модельного законодательства организации.

В действующей Программе 2021–2025 вопросы обеспечения информационной безопасности являются безусловным приоритетом (информационно-технические и информационно-психологические аспекты), при этом на информационно-психологический компонент приходится 15 % от общего количества нормативных правовых актов, запланированных к рассмотрению и принятию до 2025 г., что

подчеркивает высокий статус данных вопросов в повестке ОДКБ.

К числу главных приоритетов России в области обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ на период 2026–2030 гг. относится разработка проектов нормативных правовых актов по следующим тематическим направлениям:

- технологии искусственного интеллекта и международная безопасность;
- выработка общих принципов разработки, внедрения и использования рекомендательных и генеративных систем на основе технологий искусственного интеллекта;
- информационно-психологическая и когнитивная безопасность;
- контроль за иностранным влиянием;
- противодействие экстремистской деятельности и распространению экстремистской идеологии;
- обеспечение и защита электорального суверенитета;
- противодействие экстремизму при организации и проведении выборов и референдумов;
- противодействие производству и публичному распространению заведомо ложной информации;
- противодействие внешним деструктивным попыткам ревизии и искажения исторических событий;
- создание единых основ разработки и реализации программ медиаграмотности;
- выработка общих подходов и принципов к регулированию сети Интернет;
- укрепление и развитие единых духовно-нравственных ценностей и патриотического воспитания государств – членов ОДКБ;
- внедрение приоритетов стратегического развития, принципов патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей в систему менеджмента промышленных предприятий государств – членов ОДКБ.

Оформление указанных приоритетов в конкретные проекты нормативных правовых актов, включение их в Программу 2026–2030, а также последующее принятие будут способствовать укреплению системы коллективной безопасности ОДКБ и позволят государствам-членам реализовывать совместную политику, способную эффективно противостоять всему комплексу современных вызовов и угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахшитех А., Лапенко М. В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2022. Т. 22, № 1. С. 60–76. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-60-76
2. Выходец Р. С. Политика ОДКБ в сфере информационно-психологической безопасности. СПб.: Фонд РМГК, 2024. 432 с.
3. Гребенюк А. А., Протасова В. А., Аверьянов А. А. Отношение трудовых мигрантов из Центральной Азии к международным интеграционным объединениям на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2024. Т. 24, № 1. С. 107–125. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-107-125
4. Заявление Совета Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности в связи с развитием технологий искусственного интеллекта от 3 июня 2024 г. URL: <https://paodkb.org/events/sovet-pa-odkb-prinyal-zayavlenie-v-svyazi>
5. Кротов М. Всех наших экспертов объединяют хорошее знание ситуации в странах СНГ и ЕАЭС и стремление всячески содействовать их интеграции с Россией // Вестник экономики Евразийского союза. 2023. Вып. 1. URL: <https://eurasianmagazine.ru/five-capitals/mikhail-krotov-vsekh-nashikh-ekspertov-obedinyayut-khoroshee-znanie-situatsii-v-stranakh-sng-i-eaes/>
6. Панкратов С. А., Морозов С. И., Панкратова Л. С. Обеспечение безопасности России как государства-цивилизации: диалектика войны и мира в XXI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 3, № 3. С. 231–244. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.19>
7. Перечень модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов, принятых Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности, направленных на сближение и гармонизацию национального законодательства государств – членов ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/documents/perechen-modelnyh-zakonodatelnyh-aktov-rekomendatsiy-i-inyh>
8. Погью Ф. С. Верховное командование. М.: Воениздат, 1959. 601 с.
9. Поспелов С. В. Роль модельного законодательства ОДКБ в реагировании на нарастание вызовов и угроз со стороны евразийской дуги нестабильности // Международная жизнь. 2021. № 2. С. 142–143.
10. Программа деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной

безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021–2025 годы. URL: <https://paodkb.org/documents/programma-deyatelnosti-parlamentskoy-assamblei-odkb-po-sblizheniyu-43f64b44-9f0d-419d-babe-aa4bfbfc0299>

11. Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914–1918 гг. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 264 с.
12. Экспертно-консультативный совет при Совете Парламентской Ассамблеи ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/structures/drugie-struktury>
13. Goldstein J. Foreign Influence Operations in the Cyber Age: PhD diss. Oxford, 2021. 258 p.
14. Linebarger P. Psychological Warfare. Washington: Infantry Journal Press, 1948. 259 p.
15. Rona T. Weapon Systems and Information War. Seattle: Boeing Aerospace Co., 1976. 71 p.
16. The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security / ed. by E. Pashentsev. Palgrave Macmillan, 2023. 704 p.
17. Toffler A., Toffler H. War and Anti War. N. Y.: Grand Central Publ., 1995. 370 p.
18. Velde J. van de. What is “Strategic Competition” and Are We Still in It? // The SAIS Review of International Affairs. URL: <https://saisreview.sais.jhu.edu/what-is-strategic-competition-and-are-we-still-in-it/>
19. Zacharias E. M. Secret Missions: the Story of an Intelligence Officer. N. Y.: G.P. Putnam’s Sons, 1946. 433 p.

REFERENCES

1. Vahshitekh A., Lapenko M.V., Mukasheva A. Genesis evrazijskoj idei i evrazijskoj praktiki v Respublike Kazahstan [Genesis of the Eurasian Idea and Eurasian Practice in the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Mezhdunarodnyye otnosheniya»* [Bulletin of RUDN University. Series “International Relations”], 2022, vol. 22, no. 1, pp. 60-76. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-60-76
2. Vykhodets R.S. *Politika ODKB v sfere informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti* [CSTO Policy in the Field of Information and Psychological Security]. Saint Petersburg, Fond RMGK, 2024. 432 p.
3. Grebenyuk A.A., Protasova V.A., Averyanov A.A. Otnoshenie trudovyh migrantov iz Centralnoj Azii k mezhdunarodnym integracionnym obyedineniyam na postsovetskom prostranstve [Attitude of Migrant Workers from Central Asia to International Integration Associations in the post-Soviet Space]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Mezhdunarodnyye otnosheniya»* [Bulletin of RUDN University. Series “International Relations”], 2024,

vol. 24, no. 1, pp. 107-125. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-107-125

4. *Zayavlenie Soveta Parlamentskoj Assamblei Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti v svyazi s razvitiem tekhnologij iskusstvennogo intellekta* [Statement of the Council of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization in Connection with the Development of Artificial Intelligence Technologies], 2024, June 3. URL: <https://paodkb.org/events/sovet-pa-odkb-prinyal-zayavlenie-v-svyazi>

5. Krotov M. Vsekh nashikh ekspertov ob'yedinyayut khorosheye znaniye situatsii v stranakh SNG i YEAES i stremeniye vsyacheski sodeystvovat' ikh integratsii s Rossiyei [All our Experts Are United by a Good Knowledge of the Situation in the CIS and EAEU Countries and the Desire to do Everything Possible to Promote Their Integration with Russia]. *Vestnik ekonomiki Evrazijskogo soyuza* [Bulletin of the Economy of the Eurasian Union], 2023, iss. 1. URL: <https://eurasianmagazine.ru/five-capitals/mikhail-krotov-vsekh-nashikh-ekspertov-obedinyayut-khoroshee-znanie-situatsii-v-stranakh-sng-i-eaes/>

6. Pankratov S.A., Morozov S.I., Pankratova L.S. Obespecheniye bezopasnosti Rossii kak gosudarstvasivilizatsii: dialektika voyny i mira v XXI veke [Providing the Security of Russia as a State-Civilization: Coherence of War and Peace in the 21st Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 3, no. 3, pp. 231-244. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.19>

7. *Perechen modelnykh zakonodatelnykh aktov, rekomendacij i inyh pravovykh aktov, prinyatyh Parlamentskoj Assambleej Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti, napravlennykh na sblizhenie i garmonizaciyu nacionalnogo zakonodatelstva gosudarstv – chlenov ODKB* [List of Model Legislative Acts, Recommendations and Other Legal Acts Adopted by the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization Aimed at Bringing Together and Harmonizing the National Legislation of the CSTO Member States]. URL: <https://paodkb.org/documents/perechen-modelnykh-zakonodatelnykh-aktov-rekomendatsiy-i-inyh>

8. Pogyu F.S. *Verhovnoe komandovanie* [High Command]. Moscow, Voenizdat, 1959. 601 p.

9. Pospelov S.V. Rol modelnogo zakonotvorchestva ODKB v reagirovanii na narastanie vyzovov i ugroz so storony evrazijskoj dugi nestabilnosti [Role of the CSTO Model Lawmaking in Responding to the Growing Challenges and Threats from the Eurasian Arc of Instability]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [International Life], 2021, no. 2, pp. 142-143.

10. *Programma deyatelnosti Parlamentskoj Assamblei Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti po sblizheniyu i garmonizacii nacionalnogo zakonodatelstva gosudarstv – chlenov ODKB na 2021–2025 gody* [Program of Activities of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization for the Approximation and Harmonization of National Legislation of the CSTO Member States for 2021–2025]. URL: <https://paodkb.org/documents/programma-deyatelnosti-parlamentskoj-assamblei-odkb-po-sblizheniyu-43f64b44-9f0d-419d-babe-aa4bfbfc0299>

11. Fuller Dzh. *Tanki v velikoj vojne 1914–1918 gg.* [Tanks in the Great War of 1914–1918]. Moscow, Vyssh. voen. red. sovet, 1923. 264 p.

12. *Ekspertno-konsultativnyj sovet pri Sovete Parlamentskoj Assamblei ODKB* [Expert Advisory Council Under the Council of the CSTO Parliamentary Assembly]. URL: <https://paodkb.org/structures/drugie-struktury>

13. Goldstein J. *Foreign Influence Operations in the Cyber Age. PhD diss.* Oxford, 2021. 258 p.

14. Linebarger P. *Psychological Warfare*. Washington, Infantry Journal Press, 1948. 259 p.

15. Rona T. *Weapon Systems and Information War*. Seattle, Boeing Aerospace Co., 1976. 71 p.

16. Pashentsev E., ed. *The Palgrave Handbook of Malicious. Use of AI and Psychological Security*. Palgrave Macmillan, 2023. 704 p.

17. Toffler A., Toffler H. *War and Anti War*. New York, Grand Central Publ., 1995. 370 p.

18. Van de Velde J. What Is “Strategic Competition” and Are We Still in It? *The SAIS Review of International Affairs*. URL: <https://saisreview.sais.jhu.edu/what-is-strategic-competition-and-are-we-still-in-it/>

19. Zacharias E.M. *Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer*. New York, G.P. Putnam's Sons, 1946. 433 p.

Information About the Authors

Roman S. Vykhodets, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, org@ipb-eaeu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5910-9815>

Igor O. Tyumencev, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, tijumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Информация об авторах

Роман Сергеевич Выходец, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, org@ipb-eaeu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5910-9815>

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, tijumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.19>

UDC 327.3
LBC 66.4(4)

Submitted: 04.10.2023
Accepted: 10.01.2024

COAL ENERGY IN THE EUROPEAN UNION IN THE CONTEXT OF ENERGY TRANSITION AND ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

Natalia G. Zaslavskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Alena D. Lisenkova

North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article analyzes the current situation of coal energy in the European Union in the context of its energy transition and anti-Russian energy sanctions. The authors assess the combination of the coal embargo and transformation in the European energy market with ambitions to achieve “climate neutrality.” *Methods and materials.* The authors predominantly use comparative analysis, but also employ elements of discourse analysis. The materials include official documents of the European Union and the position of its officials, as well as statistics illustrating the dynamics of the energy transition, energy mix and diversification indicators of suppliers and sources. *Analysis and results.* The authors discuss the rationale for the initial implementation of the coal embargo, citing the low dependence of this energy source on imports and its significant contributions to greenhouse gas emissions and production risks. However, the cumulative anti-Russian energy sanctions have led to an increase in solid fossil fuel consumption, as well as an increase in domestic production of it. At the same time, renewable energy is not able to compensate for the loss of supply from Russia in the short term, as it still requires expensive new infrastructure, is unstable and weather-dependent. In crisis situations, the European Union still has to resort to additional diversification and, albeit temporarily, cheap coal power and savings. However, forecasts that the situation will gradually level off are reasonable, and the soaring price level has already dropped significantly, albeit still above the 2017–2021 levels. *Authors' contribution.* N.G. Zaslavskaya characterized the climate rationale of the European Union energy transition and outlined the methodological basis of the study. A.D. Lisenkova defined the general structure of the article and analyzed the state of coal energy in the context of sanctions changes in the energy market.

Key words: European Union, coal, solid fossil fuel, energy transition, sanctions, Russia, energy supply, climate change.

Citation. Zaslavskaya N.G., Lisenkova A.D. Coal Energy in the European Union in the Context of Energy Transition and Anti-Russian Sanctions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 212–221. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.19>

УДК 327.3
ББК 66.4(4)

Дата поступления статьи: 04.10.2023
Дата принятия статьи: 10.01.2024

УГОЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В УСЛОВИЯХ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА» И АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

Наталья Генриховна Заславская

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Алена Денисовна Лисенкова

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной статье анализируется текущее положение угольной энергетике в Европейском союзе под влиянием реализуемого объединением «энергетического перехода» и введенных антиросийских энергетических санкций; оценивается сочетание угольного эмбарго и трансформации на европейском энергетическом рынке с амбициями по достижению «климатической нейтральности». *Методы и материалы.* В рамках исследования авторы преимущественно прибегают к сравнительному анализу, используя также элементы дискурс-анализа. Материалами служат нормативно-правовые документы Европейского союза и позиция его официальных лиц, а также статистика, иллюстрирующая динамику «энергетического перехода», показателей энергетического баланса и диверсификации поставщиков и источников. *Анализ и результаты.* Авторы объясняют целесообразность первоочередного введения именно угольного эмбарго наименьшим уровнем зависимости данного источника от импорта, высокими показателями выбросов парниковых газов и опасности на производстве. Однако совокупные антиросийские энергетические санкции привели к росту потребления твердого ископаемого топлива и, как следствие, к увеличению его собственной добычи, тогда как возобновляемая энергетика не способна в краткосрочной перспективе компенсировать потерю поставок из России, так как все еще требует новой дорогостоящей инфраструктуры, нестабильна и зависит от погодных условий. В кризисных ситуациях Европейский союз по-прежнему вынужден прибегать к дополнительной диверсификации и дешевой (пусть и на временной основе) угольной энергетике и экономике. Впрочем, прогнозы, что ситуация постепенно будет выравниваться, обоснованны, а взлетевший уровень цен уже существенно снизился, пусть и все еще превышает показатели 2017–2021 годов. *Вклад авторов.* Н.Г. Заславская охарактеризовала климатическое обоснование «энергетического перехода» Европейского союза и очертила методологическую основу исследования. А.Д. Лисенкова определила общую структуру статьи и проанализировала состояние угольной энергетике в условиях санкционных изменений на энергетическом рынке.

Ключевые слова: Европейский союз, уголь, твердое ископаемое топливо, «энергетический переход», санкции, Россия, энергетические поставки, изменение климата.

Цитирование. Заславская Н. Г., Лисенкова А. Д. Угольная энергетика в Европейском союзе в условиях «энергетического перехода» и антиросийских санкций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 212–221. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.19>

Введение. В конце 2021 г. Европа стала источником и центром международного энергетического кризиса, продолжающегося по сей день. С точки зрения А.В. Новака, заместителя председателя Правительства Российской Федерации, изначально для него прослеживались две основные предпосылки – стремление к увеличению доли возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) в ущерб финансированию традиционной энергетике и восстановление мировой экономики после пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19). Если в пандемию энергетические потребности снизились, то из-за нового экономического роста спрос превысил предложение [5, с. 4–5]. Другими причинами можно назвать холодную зиму 2021–2022 гг. и снижение поставок сжиженного природного газа. Как показала практика, ВИЭ пока не способны удовлетворить

даже пониженный спрос [6, с. 75, 81]. Они недостаточно стабильны и зависят от погодных условий, а также нуждаются в значительных дополнительных капиталовложениях на развитие своей инфраструктуры [2, с. 65].

Европейский союз (далее – ЕС) позиционирует себя лидером в климатической политике, но, если оценивать промежуточные результаты «энергетического перехода» на ВИЭ, доля последних в % от валового конечного энергопотребления в среднем даже в вынудившую приостановить многие производства острую фазу пандемии COVID-19 (2020 г.) составила только 22 % с наивысшим показателем в Швеции (60 %) и наихудшим на Мальте (11 %) [38]. Вместе с тем общий энергетический баланс, по показателям доступной энергии, состоял в ЕС из нефтяных продуктов (35 %), природного газа (24 %),

ВИЭ (17 %), ядерного топлива (13 %), твердого ископаемого топлива (12 %), преимущественно угля [39].

Обострение зимой 2022 г. российско-украинских отношений усугубило ситуацию. ЕС начал планомерно оказывать финансовую поддержку Украине, параллельно вводя новые ограничения, препятствующие энергетическому сотрудничеству с Россией. Европейские опасения, касавшиеся перебоев с поставками, выглядели обоснованными, но сценарий диверсификации с мгновенным отказом от российских ресурсов оставался невозможным [3, с. 157]. В результате энергетический сектор стал одним из наиболее пострадавших из-за проблем в отношениях между Россией и ЕС. Так, только к марту 2022 г. с начала года цены на уголь выросли в 4 раза, на газ почти в 3 раза [4], а на нефть в 2 раза [8].

В научной литературе широко освещены вопросы, касающиеся трансформации международной энергетической системы и перспектив возобновляемой энергетики [2], а также европейских климатических амбиций [26]. Ряд авторов проанализировал и влияние международной политической обстановки последних лет на энергетическую отрасль ЕС (см., например: [3]), а также его двусторонние энергетические отношения с Россией [6] или между последней и отдельными государствами – членами Евросоюза [37]. Однако глубокого осмысления требует каждый отдельный сектор энергетического рынка. Данное исследование сфокусировано на текущем положении угольной энергетики в ЕС под влиянием антироссийских санкций, а также европейского «энергетического перехода». В качестве последнего наиболее верно было бы понимать «социальный, технический, экономический и политический» процесс [34, S. 89], направленный на постепенный отход от углеводородов и атомной энергетики к ВИЭ.

Методы и материалы. С помощью сравнительного анализа и элементов дискурс-анализа авторами сопоставляются программные документы и иные материалы, иллюстрирующие изменения в официальной позиции Европейского союза по вопросам зеленой и угольной энергетики, сотрудничества с Россией, а также энергетической безопасности и диверсификации. К ним отно-

сятся Стратегия энергетической безопасности (2014 г.) [20] и Внешняя энергетическая стратегия ЕС (2022 г.) [19], положения доклада У. фон дер Ляйен «О состоянии дел союза» [41] и заявления министра климата, энергетики и снабжения Дании Д. Йоргенсена [31], плана REPowerEU (План по отказу от российских ископаемых видов топлива задолго до 2030 г., в котором среднесрочные меры рассчитаны до 2027 г.) [32] и Закона о готовности замещающих электростанций в Германии [23]. Кроме того, анализируются дополняющие и/или раскрывающие пункты европейской «Зеленой сделки» и плана REPowerEU, Директива об энергетической эффективности [17] и разъяснения Европейской комиссии по введенным энергетическим антироссийским санкциям [12].

Аргументация авторов подкрепляется сравнением статистики. Она демонстрирует изменения в мировом индексе цен на уголь [27] и его показателях в ЕС по добыче и потреблению [10], объему российского угольного импорта [22; 36], диверсификации поставщиков [7], а также доле угля и ВИЭ в энергетическом балансе и выработке электричества [15; 35; 39].

Анализ. Угольная энергетика в ЕС в условиях «энергетического перехода». Можно выделить по крайней мере четыре обоснования «энергетического перехода» ЕС. Они касаются борьбы с изменением климата и реализации соответствующих ей международных лидерских амбиций объединения, обеспечения энергетической безопасности, а также ответа на запрос все более экологически ориентированного гражданского общества.

В результате приоритеты ЕС исторически подкреплены весьма высокими климатическими и/или энергетическими целевыми показателями, направленными в первую очередь на сокращение выбросов парниковых газов и повышение энергоэффективности и, как следствие, переход на ВИЭ. Объединение нацелено достигнуть «климатической нейтральности» к 2050 г., что амбициозно обозначено в европейской «Зеленой сделке», тогда как намерение сократить выбросы на 55 % к 2030 г. в сравнении с уровнем 1990 г. юридически закреплено в Европейском климатическом законе [29, р. 1–2]. Для сравнения, в соот-

ветствии с обязательствами по вступившему в силу в 2016 г. Парижскому соглашению союз стремился лишь к отметке в 40 %. На европейском уровне данный показатель фигурировал в Рамочной программе по климату и энергетике до 2030 г. (2014 г.) наравне с увеличением доли ВИЭ и повышением энергоэффективности на 27 % в обоих случаях [16, р. 7]. Как и амбиции по сокращению выбросов, эти две цели постепенно росли, остановившись до текущего энергетического кризиса на отметках в 32 и 32,5 % соответственно [40, р. 5].

В контексте твердого ископаемого топлива в условиях «энергетического перехода» ЕС в первую очередь следует обратиться к таким ключевым параметрам, оценивающим источники, как «чистота» и безопасность (в частности, угроза смерти на производстве). По оценкам Х. Ричи, в обоих случаях наиболее неблагоприятным является как раз уголь [33]. В 1990–2020 гг. его доля в валовой доступной энергии снизилась в ЕС почти в 3 раза, опустившись со 2-го места (около 26 %) на 5-е (около 10 %), уступив не только нефтепродуктам, но и природному газу, ВИЭ и атомной энергетике. Правда, ввиду постепенного восстановления от COVID-19, в 2021 г. показатели всех источников возросли [18].

Однако это была скорее кризисная мера, и планировалось дальнейшее сокращение. Так, например, в Коалиционном соглашении между Социал-демократической партией Германии, «Союзом 90 / Зеленые» и Свободной демократической партией было прописано намерение отказаться от угля уже к 2030 г. [21, S. 91]. Реализуя «энергетический переход», желание избавиться от наиболее «грязного» и небезопасного источника целесообразно, тем не менее его доля в энергетическом балансе ЕС и отдельно государств-членов тесно коррелирует с планируемыми изменениями для других источников. Это обосновано двумя факторами:

- цена на уголь исторически в несколько раз ниже, чем на природный газ и нефть;
- Европейский регион богат собственными запасами, а в некоторых государствах многолетний акцент на угольной промышленности и вовсе является существенным сдерживающим фактором для «энергетического перехода».

Весьма характерно последнее для более бедных восточноевропейских стран с разви-

той угольной промышленностью, таких как Польша, Чехия и др. Однако соблазн воспользоваться твердым ископаемым топливом актуален и для богатой Германии [1, с. 55]. Так, еще задолго до текущего кризиса, после аварии на атомной электростанции «Фукусима-1» (Япония) в 2011 г., в стране было принято решение полностью отказаться от атомной энергетике к 2022 году. В результате если в валовой выработке электричества в 2010 г. на каменный уголь приходилось 19 %, а на бурый уголь 23 % [15], то к 2012 г. показатель возрос до 19 и 26 % соответственно [35]. Дорогостоящие, нестабильные, зависящие от погоды и требующие новой инфраструктуры ВИЭ не были готовы сразу заменить уходящую атомную энергетике, потому на временной основе дополнительно задействовались и другие источники, где наиболее заметно себя проявил «грязный» уголь. В дальнейшем, соответствуя европейским тенденциям, снижение доли твердого ископаемого топлива возобновилось, и, для сравнения, на 2021 г. на бурый уголь пришлось уже только 18,6 %, а на каменный – 9,3 %, тогда как доля ВИЭ возросла с 17 % в 2010 г. до 40,2 % в 2021 г. [15; 24]. Другое дело, что в Польше, например, ситуация обратная, так как там пока нет и никогда не было (в том числе из-за проблем с финансированием) ни одной атомной электростанции, что могло бы стать существенным вкладом в борьбу с выбросами парниковых газов от «грязных» угольных электростанций [28, р. 12–13]. На последние приходится свыше 70 % производимой электроэнергии в стране, а доля ВИЭ составляет только около 10 % [30].

Угольная энергетика в ЕС в условиях антироссийских санкций. 14 сентября 2022 г. президент Европейской комиссии У. фон дер Ляйен выступила с традиционным ежегодным докладом «О состоянии дел союза», где энергетический кризис оказался одной из центральных тем. Политик обвинила Россию в «манипуляциях» на энергетическом рынке, заявив о необходимости избавления от энергетической зависимости [41]. Наиболее показательным стало практически полное игнорирование прежде доминировавшей в официальном дискурсе проблемы изменения климата, тогда как перечисленные меры (например, «энергетический переход») имели тра-

диционно к ней самое прямое отношение. Аргументацию фокуса на энергетике в своей речи предоставила сама госпожа президент, вспомнив энергетический кризис 1970-х гг. и заявив об ошибочности сохранения зависимости «не только для климата, но и для государственных финансов, а также нашей независимости» [41]. Если обратиться к истории, по аналогии, именно в 1970-е гг. западными странами начал активно развиваться экологический курс, что вылилось в создание Первой программы экологических действий. Как и тогда, энергетические проблемы снова в связке с экологией [26, S. 10, 13].

Опасения, касающиеся безопасности поставок, а также обвинения в использовании Россией своих энергетических ресурсов в качестве «инструмента продвижения внешнеполитических интересов» широко распространились задолго до кризиса, получив наибольшую актуальность из-за событий 2014 г. [37, p. 417]. Однако в соответствии со Стратегией энергетической безопасности (2014 г.) полный отказ не предполагался. Следует отметить, что определенный акцент на диверсификации и безопасности поставок после перебоев 2006 и 2009 гг. все-таки делался. Впрочем, рынок угля в Стратегии был охарактеризован как «хорошо функционирующий и диверсифицированный» [20]. Статистически, на энергетический импорт от всего твердого ископаемого топлива приходилось всего порядка 5 %, правда, 54 % из которых все-таки поставляла Россия [22]. Однако во Внешней энергетической стратегии ЕС (2022 г.) риторика существенно ужесточилась. Определялось, что «переход на зеленую энергию – единственный способ одновременно обеспечить устойчивую, безопасную и доступную энергию во всем мире» [19]. Четырьмя приоритетами стали энергетическая безопасность, ускорение «энергетического перехода», поддержка Украины и других «пострадавших от российской агрессии» стран, а также продвижение «чистой» энергетики на международном уровне [19].

В результате новый план REPowerEU (План по отказу от российских ископаемых видов топлива задолго до 2030 г., в котором среднесрочные меры рассчитаны до 2027 г.) предполагает как дальнейшее увеличение доли ВИЭ, так и повышение энергоэффектив-

ности. В нем говорится о доведении доли возобновляемой энергетики до 42,5 % (в идеале – 45 %), хотя еще недавно планировалось до 40 % [32]. В свою очередь, целевой показатель по энергоэффективности в 2021 г. было предложено поднять до 39 % в первичной энергии и до 36 % в конечной [13]. Это соответствовало бы дополнительным 9 % «по сравнению с прогнозами базового сценария на 2020 г.», однако REPowerEU предложил повысить их до 13 % [17]. В 2023 г. отметка по энергоэффективности была закреплена как сокращение конечного потребления энергии на 11,7 % к 2030 г. [14].

ЕС решил в первую очередь избавиться от угля как наименее зависимого от поставок источника энергии, чья совокупная доля в импорте является несущественной, а сам он наиболее «грязный» в контексте выбросов. Так, согласно принятому в апреле 2022 г. Пятому пакету санкций, первые серьезные импортные ограничения коснулись именно твердого ископаемого топлива. В результате с 10 августа 2022 г. в ЕС действует запрет на импорт угля и другого российского твердого ископаемого топлива. Однако присутствует и оговорка, касающаяся продовольственной и энергетической безопасности третьих стран, особенно наименее развитых из них. Так, передача «определенных товаров... должна быть разрешена “для борьбы с отсутствием продовольственной и энергетической безопасности во всем мире” и “во избежание любых потенциальных негативных последствий”» (правда, только «из пункта в пункт... без транзита через территорию ЕС») [12].

Согласно Внешней энергетической стратегии ЕС от 2022 г., эмбарго предполагало бы «замену 44–56 млн т угля ежегодно, в основном за счет импорта. В долгосрочной перспективе использование угля в ЕС, в большинстве стран, будет постепенно прекращено к 2030 г.» [19]. В действительности импорт угля из России в последние годы сокращался. За счет эмбарго он и вовсе снизился с 51,3 до 25,6 млн т в сравнении 2021 и 2022 гг. [36]. Более того, с конца 2021 г. можно было наблюдать ежемесячное уменьшение объема угольного импорта из России. Лишь единожды он возрос практически в 1,5 раза – с 2,774 до 3,898 млн т. Это случилось в мае

2022 г. – соответственно, сразу после анонса эмбарго. Затем снижение возобновилось вплоть до полного прекращения [25].

Ежемесячный мировой индекс цен на уголь¹ с минимального пандемийного показателя 78,36 в июле 2020 г. возрос до пиковых 577,58 как раз в августе 2022 года. Затем началось постепенное сокращение, и к началу 2025 г. достиг 165,79. Это означает, что из-за восстановления мировой экономики после ограничений COVID-19 и российско-украинской напряженности цены стали в среднем выше, хотя и преодолели пиковые кризисные показатели [27]. При этом на развитие событий повлияло не только угольное эмбарго, но и попытка снова использовать твердое ископаемое топливо в качестве кризисного источника энергии для частичной компенсации потерь в газовых и нефтяных поставках. Таким образом, несмотря на отказ от российских поставок, возросли собственная добыча (+5 %) и потребление (+2 %) твердого ископаемого топлива в 2022 г. [10], что привело даже к возобновлению работы закрытых станций. Для компенсации потери импорта из России в 2022 г. в Европу также увеличились поставки из Южно-Африканской Республики (почти в 7 раз), Колумбии, Индонезии и др. Однако государства – члены объединения всячески подчеркивают, например в Законе о готовности замещающих электростанций в Германии (2022 г.), «временное участие (угля. – Н. З., А. Л.) на рынке электроэнергии» [23] и, как заявил министр климата, энергетики и снабжения Дании Д. Йоргенсен в 2022 г., отсутствие влияния «на выполнение наших амбициозных... климатических целей» [31].

Эксперты Всемирного банка прогнозировали, что цены на уголь в 2023 г., с учетом происходящей перестройки энергетического рынка, так и будут выше, чем в 2017–2021 гг., но существенно ниже пиковых в 2022 г. [7]. Данный тренд подтверждают данные и за первую половину 2025 г. [9]. Наконец, в краткосрочной перспективе в 2022 г. на рынок повлияли такие факторы, как перебои с поставками из Австралии из-за неблагоприятных погодных условий, высокий внутренний спрос в Индонезии или неготовность США в полной мере выступить альтернативным поставщиком из-

за проблем с рабочей силой, а также инвестиционного и логистического характера [11].

На 2025 г. об отказе от реализации «энергетического перехода» на ВИЭ с сокращением выбросов парниковых газов и повышением энергоэффективности в ЕС речи не ведется, а уголь и другое твердое ископаемое топливо – это осознанно используемый временный антикризисный дешевый и доступный источник, к которому объединение прибегало в трудных ситуациях и ранее. Евросоюз надеется на безопасность поставок и диверсификацию со стремлением к энергетической независимости через ВИЭ и энергоэффективность. На практике инфраструктура для возобновляемой энергетики все еще дорогостоящая, нестабильная и зависит от погоды, поэтому в дополнение к диверсификации, а также энергоэффективности активно задействован и такой механизм, как жесткая экономия. Среди прочего последняя необходима для соответствия целевым показателям по сокращению выбросов, однако сопутствующим результатом становятся и производственные потери.

Результаты. Несмотря на амбиции ЕС, его «энергетический переход» на ВИЭ является долгосрочным процессом, так как возобновляемая энергетика требует инфраструктуры, нестабильна и зачастую зависит от погоды. Более того, в кризисные ситуации ВИЭ не справляются с возлагаемыми на них надеждами, будь то восстановление экономики после ограничений COVID-19, отказ Германии от атомной энергетики или текущая напряженность в отношениях с Россией, прежде ведущим поставщиком. Евросоюзу и его государствам-членам приходится осознанно прибегать к дополнительным мерам по повышению энергоэффективности, экономии и диверсификации, в том числе к временному увеличению использования невозобновляемых источников энергии. Соответственно, об отказе от «энергетического перехода» речь не идет, и ЕС продолжает стремиться к максимально возможной энергетической независимости.

Ситуация с угольной энергетикой неоднозначна. С точки зрения сокращения выбросов парниковых газов это наиболее «грязный» источник. Однако Европейский регион богат собственными запасами и цены на твер-

дое ископаемое топливо исторически ниже, чем на природный газ или нефтепродукты. Как следствие, с одной стороны, решение ввести в первую очередь эмбарго именно против наиболее «грязного» и наименее зависимого от импорта источника выглядело логичным, тем более что до текущего кризиса доли твердого ископаемого топлива в энергетическом балансе и угольного импорта в ЕС действительно снижались. С другой стороны, на практике существенным сдерживающим фактором для «энергетического перехода» является многолетний акцент ряда государств-членов на угольной промышленности, в условиях перестройки энергетических рынков уровень кризисного потребления угля только вырос, тогда как поставки из России заменены не ВИЭ, а увеличением собственной добычи и импортом из Южно-Африканской Республики, Колумбии, Индонезии и др. Наконец, прогнозы, касавшиеся сохранения более высокого уровня цен, чем в 2017–2021 гг., но существенно более низкого в сравнении с пиковыми 2022 г., оправдались.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мировой индекс цен на уголь подсчитан в условных единицах (у. е.) на основе цен на южноафриканский и австралийский уголь, где 2016 г. = 100 у. е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европейский союз в мировом хозяйстве: проблемы конкурентоспособности / под общ. ред. Е. С. Хесина. М.: ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, 2020. 317 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0587-1
2. Ивановский Б. Г. Проблемы и перспективы перехода к «зеленой» энергетике: опыт разных стран мира (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 1 (49). С. 58–78. DOI: 10.31249/espr/2022.01.04
3. Лобанова О. Н. Перспективы энергетического сотрудничества России и Европы в условиях торгово-экономической войны // Власть. 2022. Т. 30, № 3. С. 155–161. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9061
4. Милькин В. Цены на газ и уголь в Европе обновили максимумы на фоне военной спецоперации на Украине. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/03/02/911778-tseni-gaz-ugol-evrope>
5. Новак А. В. Мировой энергетический кризис: кто виноват и что делать? // Энергетическая политика. 2022. № 2 (168). С. 4–11. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_2168_4
6. Шуранова А. А., Петрунин Ю. Ю. Энергетический кризис 2021–2022 гг. в отношениях России и Европейского союза // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 74–89. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-90-74-89
7. Agnolucci P., Nagle P., Temaj K. Declining Coal Prices Reflect a Reshaping of Global Energy Trade. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/declining-coal-prices-reflect-reshaping-global-energy-trade>
8. Brent Crude Oil Prices – 10 Year Daily Chart. URL: <https://www.macrotrends.net/2480/brent-crude-oil-prices-10-year-daily-chart>
9. Coal. URL: <https://tradingeconomics.com/commodity/coal>
10. Coal Production and Consumption Up in 2022. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20230622-2>
11. Coal 2022: Executive Summary. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2022/executive-summary>
12. Commission Consolidated FAQs on the implementation of Council Regulation No. 833/2014 and Council Regulation No. 269/2014. URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2023-09/faqs-sanctions-russia-consolidated_en_0.pdf
13. Commission Proposes New Energy Efficiency Directive. URL: https://ec.europa.eu/info/news/commission-proposes-new-energy-efficiency-directive-2021-jul-14_en
14. Council Adopts Energy Efficiency Directive. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/07/25/council-adopts-energy-efficiency-directive/>
15. Der Strommix in Deutschland im Jahr 2010. URL: <https://www.stromtip.de/News/24894/Der-Strommix-in-Deutschland-im-Jahr-2010.html>
16. Economidou M., Todeschi V., Bertoldi P., D'Agostino D., Zangheri P., Castellazzi L. Review of 50 Years of EU Energy Efficiency Policies for Buildings // Energy and Buildings. 2020. Vol. 225. P. 1–20. DOI: 10.1016/j.enbuild.2020.110322
17. Energy Efficiency Directive. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-efficiency/energy-efficiency-targets-directive-and-rules/energy-efficiency-directive_en
18. Energy Statistics – An Overview. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_statistics_-_an_overview
19. EU External Energy Engagement in a Changing World. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2022%3A23%3AFIN&qid=1653033264976>
20. European Energy Security Strategy. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52014DC0330&qid=1407855611566>

21. Frenz W. Klimaschutz i.e.S. nach dem Ampel-Koalitionsvertrag: Ökostromausbau und früherer Kohleausstieg // *Natur und Recht*. 2022. Bd. 44, Heft 2. S. 87–95. DOI: 10.1007/s10357-022-3955-2
22. From Where Do We Import Energy? URL: <https://web.archive.org/web/20221025015240/https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html>
23. Gesetz zur Bereithaltung von Ersatzkraftwerken zur Reduzierung des Gasverbrauchs im Stromsektor im Fall einer drohenden Gasmangellage durch Änderungen des Energiewirtschaftsgesetzes und weiterer energiewirtschaftlicher Vorschriften (GasVReG). URL: <https://www.buzer.de/GasVReG.htm>
24. Grafik-Dossier: Der Strommix in Deutschland 2018–2022. URL: <https://www.unendlich-viel-energie.de/mediathek/grafiken/grafik-dossier-strommix-2015-2022>
25. Import Volume of Coal from Russia in the European Union (EU) from January 2021 to September 2022 (in 1,000 Metric Tons). URL: <https://www.statista.com/statistics/1345760/eu-monthly-coal-imports-from-russia/>
26. Milionish N., Ömer Köse H., Tartaggia M. The European Union and Climate Change: An Auditor's Perspective // *Journal of Turkish Court of Accounts*. 2021. Vol. 32, iss. 122. P. 9–35. DOI: 10.52836/sayistay.1004744
27. Monthly Coal Price Index Worldwide from January 2020 to April 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1303005/monthly-coal-price-index-worldwide/>
28. Mrozowska S., Wendt J.A., Tomaszewski K. The Challenges of Poland's Energy Transition // *Energies*. 2021. Vol. 14, iss. 23. P. 1–23. DOI: 10.3390/en14238165
29. Perissi I., Jones A. Investigating European Union Decarbonization Strategies: Evaluating the Pathway to Carbon Neutrality by 2050 // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, iss. 8. P. 1–20. DOI: 10.3390/su14084728
30. Produkcja energii elektrycznej z OZE – podsumowanie roku 2021. URL: <https://www.cire.pl/artykuly/opinie/produkcja-energii-elektrycznej-z-oze—podsumowanie-roku-2021-#:~:text=Dominuj%C4%85cy%20udzia%C5%82%20w%20produkcji%20energii,odpowiadaj%C4%85ce%20za%2011%20C6%20proc>
31. Regeringen vil udskyde lukning af tre kraftværker. URL: <https://kefm.dk/aktuelt/nyheder/2022/okt/regeringen-vil-udskyde-lukning-af-tre-kraftvaerker->
32. REPowerEU: Affordable, Secure and Sustainable Energy for Europe. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en
33. Ritchie H. What Are the Safest and Cleanest Sources of Energy? URL: <https://ourworldindata.org/safest-sources-of-energy>
34. Schimmeck T. Gedächtnis Energiewende – Historie und Zukunft // *Forschungsjournal Soziale Bewegungen*. 2018. Jg. 31, Heft 4. S. 88–93.
35. Strommix in Deutschland 2012. URL: <https://web.archive.org/web/20130131072514/https://www.unendlich-viel-energie.de/de/detailansicht/article/4/strommix-in-deutschland-2012.html>
36. Volume of Coal Imports from Russia in the European Union (EU) from 2018 to 2022 (in Million Metric Tons). URL: <https://www.statista.com/statistics/1034961/volume-russian-hard-coal-exports-to-eu/>
37. Westphal K. German-Russian Gas Relations in Face of the Energy Transition // *Russian Journal of Economics*. 2020. Vol. 6, №4. P. 406–423. DOI: 10.32609/j.ruje.6.55478
38. What is the Share of Renewable Energy in the EU? URL: <https://web.archive.org/web/20221212110515/https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-4c.html>
39. Where Does Our Energy Come From? URL: <https://web.archive.org/web/20221208084128/https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2a.html?lang=en>
40. Žarković M., Lakić S., Četković J., Pejović B., Redzepagic S., Vodenska I., Vujadinović R. Effects of Renewable and Non-Renewable Energy Consumption, GHG, ICT on Sustainable Economic Growth: Evidence from Old and New EU Countries // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, iss. 15. P. 1–27. DOI: 10.3390/su14159662
41. 2022 State of the Union Address by President von der Leyen. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ov/SPEECH_22_5493

REFERENCES

1. Khesin E., ed. *Evropejskij soyuz v mirovom hozyajstve: problemy konkurentosposobnosti* [European Union in the World Economy: Competitiveness Issues]. Moscow, IMEMO im. E.M. Primakova RAN, 2020. 317 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0587-1
2. Ivanovskiy B.G. Problemy i perspektivy perekhoda k «zelenoj» energetike: opyt raznyh stran mira (Obzor) [Problems and Prospects of Transition to Green Energy: Experience of Different Countries of the World (Review)]. *Ekonomicheskie i socialnye problemy Rossii* [Economic and Social Problems of Russia], 2022, no. 1 (49), pp. 58-78. DOI: 10.31249/espr/2022.01.04
3. Lobanova O.N. Perspektivy energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i Evropy v usloviyah torgovo-ekonomicheskoy vojny [Prospects for Energy

Cooperation between Russia and Europe in Conditions of Trade and Economic War]. *Vlast*, 2022, vol. 30, no. 3, pp. 155-161. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9061

4. Milkin V. *Ceny na gaz i ugol v Evrope obnovili maksimumy na fone voennoj specoperacii na Ukraine* [Gas and Coal Prices in Europe Hit New Highs Amid Special Military Operation in Ukraine]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/03/02/911778-tseni-gaz-ugol-evrope>

5. Novak A. V. Mirovoj energeticheskij krizis: kto vinovat i chto delat? [Global Energy Crisis: Who Is to Blame and What to Do?]. *Energeticheskaya politika* [Energy Policy], 2022, no. 2 (168), pp. 4-11. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_2168_4

6. Shuranova A. A., Petrunin Yu. Yu. Energeticheskij krizis 2021–2022 gg. v odnosheniyah Rossii i Evropejskogo soyuza [2021–2022 Energy Crisis in Relations between Russia and European Union]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [Public Administration. E-Journal], 2022, no. 90, pp. 74-89. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-90-74-89

7. Agnolucci P., Nagle P., Temaj K. *Declining Coal Prices Reflect a Reshaping of Global Energy Trade*. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/declining-coal-prices-reflect-reshaping-global-energy-trade>

8. *Brent Crude Oil Prices – 10 Year Daily Chart*. URL: <https://www.macrotrends.net/2480/brent-crude-oil-prices-10-year-daily-chart>

9. *Coal*. URL: <https://tradingeconomics.com/commodity/coal>

10. *Coal Production and Consumption Up in 2022*. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20230622-2>

11. *Coal 2022: Executive Summary*. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2022/executive-summary>

12. *Commission Consolidated FAQs on the Implementation of Council Regulation No. 833/2014 and Council Regulation No. 269/2014*. URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2023-09/faqs-sanctions-russia-consolidated_en_0.pdf

13. *Commission Proposes New Energy Efficiency Directive*. URL: https://ec.europa.eu/info/news/commission-proposes-new-energy-efficiency-directive-2021-jul-14_en

14. *Council Adopts Energy Efficiency Directive*. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/07/25/council-adopts-energy-efficiency-directive/>

15. *Der Strommix in Deutschland im Jahr 2010*. URL: <https://www.stromtip.de/News/24894/Der-Strommix-in-Deutschland-im-Jahr-2010.html>

16. Economidou M., Todeschi V., Bertoldi P., D'Agostino D., Zangheri P., Castellazzi L. Review of 50/Years of EU Energy Efficiency Policies for Buildings.

Energy and Buildings, 2020, vol. 225, pp. 1-20. DOI: 10.1016/j.enbuild.2020.110322

17. *Energy Efficiency Directive*. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-efficiency/energy-efficiency-targets-directive-and-rules/energy-efficiency-directive_en

18. *Energy Statistics – An Overview*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_statistics_-_an_overview

19. *EU External Energy Engagement in a Changing World*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2022%3A23%3AFIN&qid=1653033264976>

20. *European Energy Security Strategy*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52014DC0330&qid=1407855611566>

21. Frenz W. Klimaschutz i.e.S. nach dem Ampel-Koalitionsvertrag: Ökostromausbau und früherer Kohleausstieg. *Natur und Recht*, 2022, Bd. 44, Heft 2. S. 87–95. DOI: 10.1007/s10357-022-3955-2

22. *From Where Do We Import Energy?* URL: <https://web.archive.org/web/20221025015240/https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html>

23. *Gesetz zur Bereithaltung von Ersatzkraftwerken zur Reduzierung des Gasverbrauchs im Stromsektor im Fall einer drohenden Gasmangellage durch Änderungen des Energiewirtschaftsgesetzes und weiterer energiewirtschaftlicher Vorschriften (GasVReG)*. URL: <https://www.buzer.de/GasVReG.htm>

24. *Grafik-Dossier: Der Strommix in Deutschland 2018–2022*. URL: <https://www.unendlich-viel-energie.de/mediathek/grafiken/grafik-dossier-strommix-2015-2022>

25. *Import Volume of Coal from Russia in the European Union (EU) from January 2021 to September 2022 (in 1,000 Metric Tons)*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1345760/eu-monthly-coal-imports-from-russia/>

26. Millionish N., Ömer Köse H., Tartaggia M. The European Union and Climate Change: An Auditor's Perspective. *Journal of Turkish Court of Accounts*, 2021, vol. 32, iss. 122, pp. 9-35. DOI: 10.52836/sayistay.1004744

27. *Monthly Coal Price Index Worldwide from January 2020 to April 2023*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1303005/monthly-coal-price-index-worldwide/>

28. Mrozowska S., Wendt J. A., Tomaszewski K. The Challenges of Poland's Energy Transition. *Energies*, 2021, vol. 14, iss. 23, pp. 1-23. DOI: 10.3390/en14238165

29. Perissi I., Jones A. Investigating European Union Decarbonization Strategies: Evaluating the Pathway to Carbon Neutrality by 2050. *Sustainability*, 2022, vol. 14, iss. 8, pp. 1-20. DOI: 10.3390/su14084728

30. *Produkcja energii elektrycznej z OZE – podsumowanie roku 2021*. URL: <https://www.cire.pl/artykuly/opinie/produkcja-energii-elektrycznej-z-oze—podsumowanie-roku-2021-#:~:text=Dominuj%C4%85cy%20udzia%C5%82%20w%20produkcji%20energii,odpowiadaj%C4%85ce%20za%2011%2C6%20proc>
31. *Regeringen vil udskyde lukning af tre kraftværker*. URL: <https://kefm.dk/aktuelt/nyheder/2022/okt/regeringen-vil-udskyde-lukning-af-tre-kraftvaerker->
32. *REPowerEU: Affordable, Secure and Sustainable Energy for Europe*. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en
33. Ritchie H. *What Are the Safest and Cleanest Sources of Energy?* URL: <https://ourworldindata.org/safest-sources-of-energy>
34. Schimmeck T. *Gedächtnis Energiewende – Historie und Zukunft. Forschungsjournal soziale Bewegungen*, 2018, Jg. 31, Heft 4, S. 88-93.
35. *Strommix in Deutschland 2012*. URL: <https://web.archive.org/web/20130131072514/https://www.unendlich-viel-energie.de/de/detailansicht/article/4/strommix-in-deutschland-2012.html>
36. *Volume of Coal Imports from Russia in the European Union (EU) from 2018 to 2022 (in Million Metric Tons)*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1034961/volume-russian-hard-coal-exports-to-eu/>
37. Westphal K. *German-Russian Gas Relations in Face of the Energy Transition. Russian Journal of Economics*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 406-423. DOI: 10.32609/j.ruje.6.55478
38. *What Is the Share of Renewable Energy in the EU?* URL: <https://web.archive.org/web/20221212110515/https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-4c.html>
39. *Where Does Our Energy Come From?* URL: <https://web.archive.org/web/20221208084128/https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2a.html?lang=en>
40. Žarković M., Lakić S., Četković J., Pejović B., Redzepagic S., Vodenska I., Vujadinović R. *Effects of Renewable and Non-Renewable Energy Consumption, GHG, ICT on Sustainable Economic Growth: Evidence from Old and New EU Countries. Sustainability*, 2022, vol. 14, iss. 15, pp. 1-27. DOI: 10.3390/su14159662
41. *2022 State of the Union Address by President von der Leyen*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ov/SPEECH_22_5493

Information About the Authors

Natalia G. Zaslavskaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, European Studies Department, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, zaslavsk@mail.sir.edu, <https://orcid.org/0000-0002-8287-7687>

Alena D. Lisenkova, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of International Relations, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Sredny Prosp. V.O., 57/43, 199178 Saint Petersburg, Russian Federation, alena.denisovna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>

Информация об авторах

Наталья Генриховна Заславская, кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, zaslavsk@mail.sir.edu, <https://orcid.org/0000-0002-8287-7687>

Алена Денисовна Лисенкова, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Средний просп. В.О., 57/43, 199178 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, alena.denisovna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.20>

UDC 323.2(470+571):316.61
LBC 66.3(2Рос),1

Submitted: 31.12.2024
Accepted: 04.05.2025

**THE SOCIALIZING INFLUENCE OF PARENTS ON THE FORMATION
OF ELECTORAL ATTITUDES OF MODERN RUSSIAN YOUTH
IN THE CONTEXT OF GLOBAL CRISES OF IDENTITY AND TRUST**

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Liliia S. Pankratova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper reflects the study of a number of phenomenons of political socialization among youth in modern Russia. Electoral experience is largely borrowed from the family through common practices of participation in elections. *Methods and materials.* The methodological basis of the study is M. Weber's theory of social action and the model of expressive voting, the synthesis of which makes it possible to analyze the role of the external environment and specific parental practices of participation in the formation of political guidelines and norms of young people. The methods of collecting information were an online survey of young people ($N = 540$), a series of standardized interviews ($N = 14$) with young people who took part in the elections for the first time in September 2024, and focus groups with representatives of student youth of Volgograd ($N = 3$). *The analysis* of interviews and focus groups with young people made it possible to identify three motives for the first electoral experience of respondents: interest, duty, and group identity. The rationality of young people in the manifested practices of electoral behavior and their willingness to take part in large-scale events are noted. *Results.* The experience of parental electoral participation shapes patterns of political behavior of young people. Many respondents note the importance of forming family traditions of participation in elections, socialization of their future children by familiarizing them with the procedure, but without imposing their political views. Thus, a rational-legal type of legitimacy in relation to the institution of elections is formed among the youth of modern Russia. *Authors' contribution.* L.S. Pankratova analyzed the studies on the concepts that act as an external background for the immediate object of the work, identity crises and trust, selected and substantiated the theoretical and methodological framework of the work, and formed the general concept of the study. K.M. Makarenko collected, processed, summarized and analyzed the empirical data on the topic of the study, substantiated the role of family practices of participation in elections in the formation of special models of electoral behavior of young people, and formulated the main conclusions of the work. *Funding.* The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Expert Institute for Social Research within the framework of the project FZUU-2024-0005 "Participation in elections as a family tradition: resources of the institution of the family and vectors of mobilization of civic activity of modern Russian youth."

Key words: political socialization, political activity of youth, electoral practices, identity, trust.

Citation. Makarenko K.M., Pankratova L.S. The Socializing Influence of Parents on the Formation of Electoral Attitudes of Modern Russian Youth in the Context of Global Crises of Identity and Trust. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 222-234. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.20>

СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ РОДИТЕЛЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДОВЕРИЯ

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Лилия Сергеевна Панкратова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В работе находит отражение исследование ряда феноменов политической социализации молодежи в современной России. Электоральный опыт в значимой степени заимствуется в семье через общие практики участия в выборах. *Методы и материалы.* В качестве методологической основы анализа выступает теория социального действия М. Вебера и модель экспрессивного голосования, синтез которых обеспечивает возможность изучения роли внешней среды и конкретных родительских практик участия на становление политических ориентиров и норм молодежи. Методами сбора информации послужили онлайн-опрос молодежи ($N = 540$), серия стандартизированных интервью ($N = 14$) с молодежью, впервые принявшей участие на выборах в сентябре 2024 г., фокус-группы с представителями студенческой молодежи г. Волгограда ($N = 3$). *Анализ* интервью и фокус-групп позволил выделить три мотива первого электорального опыта респондентов: интерес, долг, групповая идентичность. Отмечается рациональность молодежи в проявленных практиках электорального поведения и готовность принимать участие в масштабных событиях. *Результаты.* Опыт электорального участия родителей формирует паттерны политического поведения молодежи. Многие респонденты отмечают важность формирования семейных традиций участия в выборах, социализации своих будущих детей путем ознакомления их с процедурой, но без навязывания своих политических взглядов. Тем самым в среде молодежи современной России формируется рационально-легальный тип легитимности в отношении института выборов. *Вклад авторов.* Л.С. Панкратовой был осуществлен анализ исследований по концептам, выступающим внешним фоном непосредственного объекта работы, кризисам идентичности и доверию, выбрана и обоснована теоретико-методологическая рамка работы, а также сформирована общая концепция. К.М. Макаренко осуществил сбор, обработку, обобщение и анализ эмпирических данных по теме исследования, обосновал роль семейных практик участия в выборах на формирование особых моделей электорального поведения молодежи, сформулировал основные выводы работы. *Финансирование.* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи».

Ключевые слова: политическая социализация, политическая активность молодежи, электоральные практики, идентичность, доверие.

Цитирование. Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Социализирующее воздействие родителей на формирование электоральных установок современной российской молодежи в контексте глобальных кризисов идентичности и доверия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 222–234. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.20>

Введение. Ключевое значение для трансформации форм взаимодействия власти и общества как в глобальном, так и в национальном масштабах, имеют кризисы доверия и идентичности. Они, безусловно,

связаны между собой. Вопросы идентичности с определенной регулярностью возникают в жизни человеческих обществ. Проблемы гражданской / национальной (а в XXI в. и цивилизационной) идентичности

возникают, когда страна находится в кризисном положении.

А. Этциони был проницателен в прогнозе, когда отмечал, что XX в. характеризовался борьбой идеологий, тогда как XXI будет связан с вызовами идентичности [14]. Р.Т. Мухаев пишет: «Кризис национально-культурной идентичности обернулся доминированием конфликтных форм репрезентации внутри западных и незападных сообществ. Это создало преграды на пути достижения ментального единства и жизнеспособности современных наций, демонтировало прежние механизмы культурного наследия, но не создало конструктивных идентификационных практик, адекватных условиям неопределенности и нарастания социального разнообразия» [11, с. 200].

Проблема кризиса национальной идентичности является глобальной и свойственна всем обществам, за исключением тех, которые находятся в стадии внешних конфликтов. В книге одного из наиболее видных современных политологов С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» отмечается, что сталкивающаяся с серьезным кризисом единая американская идентичность в начале XXI в. стала демонстрировать тренд на фрагментацию. Типичный гражданин США ассоциировал себя, скорее, с какой-либо субкультурой, профессией или иной социальной группой, нежели с некогда единой американской нацией. Поворотным моментом, выступившим фактором новой волны национального единения, стала внешняя угроза исламского фундаментализма после 2001 года. Косвенным подтверждением этому является популяризация национальной символики, увеличение количества национальных флагов, вывешиваемых у домов и т. д. «До тех пор, пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой» [13, с. 15–16].

В современной России после распада Советского Союза также нарастал кризис национальной идентичности, чему способствовали резкие социально-политические трансформации, произошедшие с обществом. Наиболее сильно кризис проявился в молодежной среде, которая осталась без тех идеологических основ, на которых строилось взросление и вос-

питание их родителей. Осознание внешней угрозы до и особенно в период проведения специальной военной операции (далее – СВО) стало «точкой сборки» нации, то есть именно отношение и соучастие, работа в целях помощи бойцам СВО, своему государству и согражданам воспринимается в качестве основания для общей идентичности нации. Снижение роли государства в мире в период глобализации породило и снижение идентификации граждан с государством. В этом контексте и развивается еще один значимый кризис, вынесенный в название нашей статьи, – кризис доверия межличностного, обобщенного и институционального.

Доверие представляется в качестве одной из важнейших характеристик социально-политического взаимодействия граждан. Так как познание объекта возможно исключительно путем его отмежевания от иного, то доверие зачастую определяют через состояние, ему противоположное, то есть нехватку информации, в которой увеличивается риск отрицательного поведения со стороны других участников коммуникативного взаимодействия [8], результатом чего является повышение транзакционных издержек в процессе межакторного взаимодействия. В малом академическом словаре используется следующая трактовка термина «доверие»: «Убежденность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-либо» [10].

С нашей точки зрения необходимо обозначить «доверие» через четыре его важнейшие характеристики: безопасность, открытость, эмпатия, взаимность. Отсутствие какой-либо из этих характеристик не может привести к формированию доверия как на уровне личности, так и на уровне государств. Характеристики безопасности и открытости обеспечиваются внешней средой (набором институтов и правил, устанавливающих допустимые модели коммуникации), тогда как эмпатия и взаимность определяются непосредственно паттернами поведения субъектов (как людей, социальных групп, так и государств).

За годы исследования феномена доверия в научном мире возникли разнонаправленные течения. Так, исследователи Дж. Хамфри и Х. Шмитц (Humphrey J., Schmitz H.) от-

мечали, что ключевыми факторами для формирования доверия, являются воспитание в семье и сложившиеся моральные нормы [15]. Тем самым ключевое значение отводится ценностям, которые прежде всего воспроизводятся в семье и культуре. При этом в рамках социологического течения в исследовании доверия считается, что анализируемый объект является результатом «долговременной, исторически сложившейся модели ассоциализма, гражданских обязательств и внесемейного взаимодействия. Вследствие исторических особенностей некоторые общества в большей степени предрасположены к объединению, чем другие. Там, где люди более склонны собираться вместе, объединяться в клубы, создавать футбольные лиги и т. д., там они чаще доверяют друг другу и объединяются для решения общих проблем» [5, с. 4]. Таким образом, синтезируя отдельные элементы разнонаправленных подходов, мы приходим к выводу, что доверие как обобщенная характеристика, является результатом совокупности факторов, где находят отражение как семейные практики, так и общегражданские паттерны и культурные принципы.

Мир на современном этапе переживает кризис доверия на трех уровнях сразу: международном, национальном, межличностном. На каждом из представленных уровней субъекты отношений становятся все более атомизированными, теряя характеристики, присущие коллективам. В системе международных отношений это проявляется в кризисе глобальных институтов (ООН, Совет Безопасности ООН, ВТО, G7 и т. д.), невозможности формирования консенсусов, устраивающих конкурирующих «игроков». На уровне национальном это характеризуется так называемым правым поворотом, который ознаменовал утрату доверия к традиционно левым силам, привел к потере интереса значительной части граждан к демократическим процедурам и «уходу» от политики. В межличностном плане снижение доверия представляется в качестве серьезной социально-психологической проблемы, приводящей к минимизации социальных связей и т. д.

Наиболее серьезный кумулятивный эффект кризис доверия имеет в молодежной среде. Одна из проблем связана также с тем,

что снижение межличностного доверия приводит к изменению традиционных практик политического поведения, в том числе и в электоральном процессе. Важнейшим институтом демократии являются выборы как процедура избрания властвующих лиц. При этом в молодежной среде отношение к выборам неоднозначное, что может быть, как стихийной, так и осознанной реакцией. Как отмечает Е.М. Гуменникова, абсентеизм молодежи связан с ощущением обмана при вовлечении их в политическую активность [6, с. 90].

Методы и материалы. Глобальные кризисы доверия и идентичности являются характерными чертами современной эпохи, выступая внешней средой для объекта нашего исследования – политической социализации, проявляемой в формировании электоральных установок молодежи.

В методологическом плане изучение политической социализации целесообразно проводить посредством целого ряда подходов, например, П. Бергер и Т. Лукман (авторы термина «политическая социализация») в рамках методологии социального конструкционизма (конструктивизма) выделяли два этапа социализации: 1) приобретение норм и ценностей, характерных тому или иному обществу, полученное посредством передачи их от старших поколений к младшим; 2) приобретение новых знаний и опыта, получаемого посредством как самостоятельных практик, так и иных факторов [2].

Согласно теории символического интеракционизма, формирование личности с особым набором ценностей, интересов и ориентиров является результатом ее регулярных взаимодействий с окружающей средой.

В рамках системного подхода (Д. Истон, Дж. Деннис и Т. Парсонс) политическая социализация является результатом взаимодействия социальной среды и индивида с целью формирования общественно установленных ценностей и норм поведения.

Исследование политической социализации не ограничивается тремя представленными подходами. В работе А.Р. Бочкаева дан краткий анализ наиболее популярных теорий политической мобилизации [3].

При всем многообразии теорий политической социализации и многоаспектности

самого объекта исследования мы считаем необходимым прибегнуть к синтезу двух подходов: 1) теории социального действия, согласно которой поведение индивида обусловливается доминирующими в обществе практиками, то есть детерминируется паттернами поведения «других». В нашем случае значимыми «другими» выступают родители индивида, которые и являются первой (и зачастую самой важной) ролевой моделью; 2) модели экспрессивного голосования, которая подразумевает, что электоральный выбор формируется в результате внешнего влияния на индивида. В рамках данного подхода особая роль отводится агентам политической социализации.

Единство подходов дает нам возможность акцентирования исследовательского внимания на внешней среде и конкретных практиках, источником которых являются члены семьи (прежде всего родители). Политический характер социализации выражается в том числе в формировании особых паттернов гражданской активности, выражения себя в политике, ее регулярных и стихийных практиках.

Политическая социализация не только функционирует на двух уровнях, но и разделяется по формам проявления. А.М. Гатиева выделяла три формы политической социализации: 1) прямую; 2) латентную; 3) стихийную. Соответствующими агентами политической социализации в каждой из форм выступают 1) социальные и политические институты, целенаправленно формирующие определенные наборы ценностей; 2) те социальные институты, которые не создают политические ценности и ориентиры, но оказывают влияние на выражение отношения к государству, обществу, политическим институтам; 3) СМИ и субкультуры [4, с. 112]. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка анализа латентной формы политической социализации с акцентированием внимания на роли семьи в формировании политических ценностей и электоральных паттернов поведения молодежи.

Отметим, что тема политической социализации молодежи находила свое отражение в работах отечественных исследователей как в теоретическом, так и прикладном планах. Особое внимание, с нашей точки зрения, заслуживают работы, фокусирующие внимание

на исследовании практик и форм политической социализации в региональном пространстве РФ. Для современной отечественной молодежи характерен в большей степени интерес к внешней повестке (мировые новости), нежели решение локальных проблем. Подобный вывод об игнорировании общественно-политической жизни города и страны в пользу проявления интереса к политической жизни мира в целом был сформулирован в статье коллектива авторов: О.А. Нерсерчук, А.Р. Горчаковой, Н.С. Стригиной [12, с. 89]. Это может свидетельствовать либо о кризисе идентичности в молодежной среде, когда вопросы, имеющие непосредственное значение для жизни социальной группы остаются на периферии внимания, либо об усталости от политики как общественном явлении, тогда как мировая политика представляется, скорее, как продукт масс-медиа и вызывает интерес. В настоящий момент обозначенные выше тезисы носят гипотетический характер, а эмпирическая проверка данных предположений, выявление четких причинно-следственных связей может стать предметом будущих исследований.

Значимым для понимания политической социализации молодежи России представляется и феномен цифровизации. Классические агенты социализации (семья, учителя, телевидение) сталкиваются с растущим влиянием со стороны новых акторов (блогеры, стримеры). Ключевой проблемой в данном ракурсе является доверие к агентам социализации, так как именно оно определяет возможность влияния. В этой связи выделение блогеров как одних из ключевых акторов социализации не выглядит странным, так как именно доверие является выраженным по отношению к ним чувством молодежи. В.А. Касамара, А.А. Сорокина и А.Н. Шилина пишут, что причина формирования доверительных отношений с молодежью основывается, по мнению молодежи, на отсутствии фальши, выражении искренних эмоций [7, с. 20].

Теме соотношения «традиционных» и «новых» агентов политической социализации посвящена статья Т.А. Асеевой и О.С. Киревой, пришедших к ряду интересных выводов. В качестве ключевых источников получения информации о политических событиях для молодежи Сибирского и Дальневосточного фе-

деральных округов выделяются: 1) социальные сети, мессенджеры; 2) друзья, знакомые; 3) родственники; 4) центральное телевидение. При этом наиболее значимым в вопросах обсуждения общественных проблем представляется мнение: 1) родителей, родственников; 2) собственное мнение; 3) друзей [1, с. 59]. Выводы данного исследования показывают амбивалентный характер политической социализации молодежи, которая проявляется, с одной стороны, во все более увеличивающемся влиянии цифровизации в контексте появления и закрепления новых источников информации, а с другой – в сохранении семьи и близких в качестве ключевых субъектов формирования позиции для представителей молодежи. Мы склонны предположить, что схожий характер политической социализации присущ и иным регионам России.

В рамках данного исследования была предпринята попытка проверки гипотезы о том, что семейная практика электорального поведения молодежи Волгоградской области имеет все основания для формирования традиции участия в выборах. Целевой группой стала молодежь 18–21 года, представители которой в 2024 г. потенциально имели возможность впервые принять участие в выборах в качестве избирателей. Исследование было комбинированным, включающим как количественные (онлайн-опрос молодежи, ассоциативный опрос), так и качественные методы (формализованные интервью и фокус-группы). Акцент в рамках данной статьи сделан на представлении результатов 3 фокус-групп, проведенных в декабре 2024 г. с представителями студенческого сообщества г. Волгограда. Выбор обучающихся в вузах обусловлен попыткой формирования однородных по уровню образования и вовлеченности в общественную жизнь групп. В каждой фокус-группе принимало участие от 8 до 10 человек. Соотношение по полу было представлено в пропорции 50/50, тогда как в плане возраста делался акцент на студентах 1-го курса, которым на момент проведения выборов в сентябре 2024 г. было 18 лет.

Отметим, что полученные в ходе проведения фокус-групп данные отражают в большей степени специфику электорального и политического поведения молодежи Волгоград-

ской области, а их экстраполяция на другие регионы требует осторожности и учета местной специфики. Тем не менее обозначенные в исследовании паттерны, с нашей точки зрения, носят универсальный (с отдельными оговорками) характер и могут стать отправной точкой для дальнейших кросс-региональных исследований.

Упор на качественные методы исследования обусловлен необходимостью фиксации глубинных мотивов и объяснения паттернов поведения молодежи, которые не фиксируются через закрытые вопросы в рамках опросного инструментария. Помимо этого, глубинные интервью и фокус-группы позволяют в рамках исследования изучить субъективные интерпретации семейного влияния, раскрыть нюансы формирования доверия к процедурам, анализировать контекстные факторы (роль друзей при участии в выборах или причины формирования тревожности к избирательной процедуре).

Анализ транскриптов (стенограмм) интервью и фокус-групп проводился посредством процедуры открытого, а затем осевого кодирования вручную в программах MS Word и MS Excel. При необходимости мы будем обращаться к результатам и другим исследований, проведенных исследовательским коллективом Волгоградского государственного университета ранее. Объем данных, полученных качественными методами, обусловлен достижением теоретического насыщения, когда последующие интервью с однородной социальной группой перестали давать информацию о новых паттернах политического (в данном случае – электорального) поведения.

Анализ. На основе предварительно сформулированной гипотезы о том, что электоральные практики детей заимствуются от родителей при наличии побудительного мотива, а также в ходе проведения непосредственного исследования (и интерпретации его результатов) мы пришли к выводу, что в качестве факторов электорального участия можно выделить: мотив участия, устойчивость семейных электоральных практик, уровень выборов. Выбор данных параметров, определяющих электоральное участие, обусловлен не только их влиянием, но и, что немаловажно, возможностью их эмпирической фиксации.

Мотив участия. На основе серии проведенных формализованных интервью ($N = 14$) было выделено три доминирующих мотива к первому участию в выборах: 1) интерес; 2) долг; 3) групповая идентичность [9, с. 75]. Частичное подтверждение данные мотивы нашли и в рамках проведенных фокус-групп с представителями студенческого сообщества г. Волгограда.

1. Интерес к процедуре. *«Первый раз я участвовала в выборах в марте, когда выбрали президента. Мне исполнилось 18 лет. Было просто интересно, сходила, проголосовала. Ну и хотела, в принципе»* (фокус-группа, девушка).

«Вот мне исполнилось 18, и я подумала, что интересный опыт можно получить, почему бы и не сходить на выборы. Вот казалось, что... То, что я проголосую, возможно, не сильно, но как-то сможет на что-то повлиять. Но это такие уже более утопические мысли. А так больше из-за того, что было интересно, такое любопытство» (фокус-группа 2, девушка).

2. Интерес + долг. *«У меня было несколько причин. Первое – это то, что мне вот только исполнилось 18 и это первый раз, когда я смогу проголосовать, я ничего такого не испытывала. Вот первый опыт, и зачем мне его упускать? Пойду, схожу. И несложно, что мне тут дойти до ближайшего пункта? И потом как-то тоже гражданская позиция того, что это нужно сделать. Если я уже достигла возраста, когда я могу это сделать, что это необходимо, то я пойду и сделаю»* (фокус-группа 2, девушка).

«Как я и сказал, по большей части это мой гражданский долг. Как гражданин Российской Федерации, который уже получил в 18 лет возможность избирать своего будущего президента как главу своей любимой страны» (интервью, юноша, Астраханская обл.)

3. Групповая идентичность. *«[Что побудило к участию?] это были мои друзья, которые тоже уже достигли совершеннолетия, им тоже было 18 лет, и с ними тоже хотелось сходить на данные выборы»* (интервью, юноша, Волгоградская обл.).

Отсутствие первого опыта участия в выборах может приводить как к интересу, так

и к тревоге. Представителям молодежи свойственна боязнь ошибиться, выглядеть нелепо на публике: *«В принципе, я хотела сходить на выборы, когда я смогу это сделать со своей семьей, которые мне помогут вообще разобраться, так, куда мне надо подойти, как мне сказать, откуда я, куда мне надо идти с этим листочком, потом куда мне класть его, потому что все равно потеряешься в этом»* (фокус-группа 1, девушка). Тем самым актуализируется необходимость более пристального внимания власти к обеспечению процессов, превентивно успокаивающих тревожную молодежь при участии в выборах. Такого рода напряжение порождает страх, а значит способствует снижению электоральной активности в молодежной (а возможно и не только в ней) среде. Социальные изменения обоснованно ведут к трансформации привычных процедур, в том числе и в электоральной практике.

Интерес хоть и выделяется в качестве одного из ключевых мотивов, не может являться единственной моделью поведения столь неоднородной социально-возрастной группы как молодежь. Наряду с активным участием, основанным на интересе, выделяются практики осознанного абсентеизма, где неучастие обосновывается недостаточной экспертностью в вопросе: *«Нет, просто не увлекаюсь политикой. Я для того, чтобы проголосовать, но в моем понимании нужно примерное представление иметь о людях, которые участвуют в выборах как кандидаты. У меня такого не было, поэтому не проголосовала»* (фокус-группа 1, девушка).

Рационализация электорального поведения проявляется и в осознании значимости своего голоса. *«Если в будущем я начну интересоваться чем-то таким подобным и у меня будет какой-то уже более осознанный выбор, который, правда, принесет пользу, а не так чисто для галочки ходить, проголосовать. Вот тогда да, я буду ходить на выборы. А вот, как я уже сказал, для галочки я не хочу ходить»* (фокус-группа 3, юноша). На этом фоне проявляется и некоторая предубежденность к электоральным практикам представителей более старших поколений. Респондентами высказыва-

лась мысль о том, что их практики политической активности более выраженные, нежели это представлено в поколении их родителей: «Мне кажется, что родители все-таки наши еще родом из СССР, где в принципе граждане принимали меньше участия в решении каких-то политических вопросов и таковые выборы имели меньше значения. А сейчас молодежь уже стала более политически активной, и в целом выборы агитируются на многих уровнях нашей жизни, поэтому люди в этом более заинтересованы» (фокус-группа 1, юноша).

Устойчивость семейных электоральных практик. Родительские практики сильно отличаются в разных семьях. Зависит это как от непосредственной позиции самих родителей, так и от сферы деятельности, в которой они трудоустроены: «Мои родители посещают. Все выборы, 100 %. Мой папа военный, там без шансов, он сам всегда голосует, во всех выборах принимает участие. А маму, скорее, вынуждают на работе, то есть... Это обязательно. То есть прийти туда, проголосовать, скинуть либо фотку, либо геолокацию. То есть это обязательно. Мама врач. Она работает и в государственной, и в частной клинике. Поэтому в государственной это обязательно» (фокус-группа 2, девушка).

Некоторые респонденты отмечали крайнюю избирательность и рационализм своих родителей при участии в процедуре голосования: «Ну, отец ходит только на президентский, а на уровень ниже только если попросит [кто-то], но так он на него не ходит. Ну или если что-то наподобие благоустройства обсуждается, почему нет. Потому что это что-то, ну, условно рядом с домом нашим, и это может принести какую-то нам выгоду, условно сказать. То есть если мы голосуем за кандидата какого-то, не факт, что нам от этого лучше или хуже станет. А если территорию там починят, например, то неплохо» (фокус-группа 2, юноша).

Опыт хождения на выборы с родителями выполняет выраженную социализирующую функцию, которая признается респондентами полезной: «Я очень часто с папой посещала такие мероприятия, просто, ну, посмотреть.

Он водил меня, чтобы показать, как это все происходит. То есть, в принципе, когда лично я пошла уже на выборы, я уже знала, как это будет происходить, как, куда, что заполнять, куда отдаешь бюллетень, еще что-то. Поэтому ничего нового такого прямо не узнала, когда сходила сама» (фокус-группа 1, девушка).

«Я могу сказать, что просто они [родители] показали мне вообще, что это и как это. И я бы сказала, что, когда мы в более младшем возрасте, наверное, до 14 лет, нам об этом ни в школе, ни где не говорят. Потому что нам до этого возраста далеко, и нас не заставляют, в принципе, не могут заставить пойти голосовать и что-то в этом роде. Поэтому все самое важное я узнала от них. Поэтому они повлияли на то, что я хожу на выборы. И как сказала Саша, это не что-то из разряда, вот мама сказала, поэтому я делаю. А именно то, что мне показали и объяснили, что это. А для себя дальнейшее решение я провела сама. Буду ли я туда ходить или нет. То есть меня бы никто туда не потащил, если бы я сказала, что я не буду» (фокус-группа 3, девушка).

Формирование социальной практики приводит респондентов к осознанию закрепления подобного опыта в будущем. В дальнейшем респонденты отмечают необходимость и полезность брать с собой на выборы уже своих детей: «Однозначно да. Ну, потому что я на своем примере условно испытала это, то, что родители... Там объясняли, что-то показывали, просто как это все проходит. Я думаю, что своего ребенка я бы тоже отвела, показала, объяснила. Не заставила, а, скорее, просто показала, как это происходит. А в дальнейшем, когда он вырастет, он уже сам решит, что ему надо интересоваться этим, ходить, голосовать или нет. Ну я думаю, заставлять не буду» (фокус-группа 2, девушка).

Уровень выборов. Президентские выборы воспринимаются респондентами более важным событием, что обусловлено тремя факторами: большим масштабом информационного насыщения, ощущением значимости события, практикой родительского электорального участия (родители чаще ходят на выборы федерального уровня).

По итогам проведения онлайн-опроса 540 представителей молодежи России (респонденты были представлены из разных регионов РФ: Волгоградская область, Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ярославская область, Астраханская область и т. д., что обеспечивает географическое разнообразие выборки) была составлена корреляционная матрица по 4 вопросам (вариантам ответов «да», «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да», «нет» были присвоены числовые значения; ответы «не знаю», «другое» – были отфильтрованы).

Легенда к таблице 1:

2. Обсуждалась ли в Вашей семье необходимость / важность участия в выборах?

9. Считаете ли Вы для себя значимым в будущем делиться своими политическими взглядами с Вашими детьми в семье?

4. До достижения Вами 18-летнего возраста ходили ли Вы вместе с родителями на избирательные участки?

6. Принимали ли Вы участие в выборах, которые проходили в сентябре 2024 года?

Статистически значимым является коэффициент корреляции, значение которого превышает 0,3 (-0,3). То есть в рамках проведенного анализа значимой является корреляция между ответами на вопрос 2 и 9 (отсутствие статистически обусловленных взаимосвязей между другими данными может быть связано как с ограниченным объемом выборки, так и с нелинейностью факторов влияния на электоральную активность молодежи). Тем самым можно говорить о наличии слабой взаимосвязи между обсуждением необходимости / важности участия в выборах и значимостью в будущем делиться своими политическими взглядами с детьми. По всей видимости, данная взаимосвязь является доказательством начала формирования традиций семейного участия, однако подтверждение полученных данных требует про-

ведения лонгитюдных исследований, чтобы понять, насколько данная зависимость устойчива и воспроизводима. Данная статистическая закономерность подтверждается словами участницы одной из проведенных фокус-групп: «Не сказала бы, что это прям семейное событие, но с тех пор, как мне исполнилось 18, на выборы мы ходим вместе. Все в один день. Вместе собираемся и идем» (фокус-группа 1, девушка). В остальном статистически значимых корреляций между исследуемыми переменными не обнаружено.

В рамках онлайн-опроса задавалась серия вопросов по определению радиуса доверия респондентов к определенным социальным группам.

Очевидным становится наличие короткого радиуса доверия современной российской молодежи, который не раз уже отмечался в отечественных и зарубежных исследованиях. Т.А. Гужавина отмечала: «В молодежной среде, как и в целом среди населения области, превалирует доверие, прежде всего, ближнему кругу, к которому относятся члены семьи, родственники и друзья. По своему составу круги доверия сформированы на основе взаимодействия с хорошо знакомыми людьми» [5, с. 4]. Уверенность в обоюдной открытости концентрируется на ближайшем круге общения индивида, куда относятся члены семьи, родственники, друзья, представители социально одобряемых профессий (учителя, врачи). В отношении политиков доминирует низкий уровень доверия, статистически близкий к тому, что реализуется при общении с людьми в Интернете (см. табл. 2).

Низкий уровень доверия политикам в среде молодежи во многом обуславливает отношение к политическим процедурам. Стоит отметить, что такой показатель доверия к политикам нередко связан с малым уровнем информирования о деятельности этих людей. «Нет, просто не увлекаюсь политикой. Для того, чтобы проголосовать, в моем понимании,

Таблица 1. Корреляционная матрица по результатам онлайн-опроса молодежи
Table 1. Correlation matrix based on the results of the online youth survey

Номер вопроса	2	9	6	4
2	1			
9	0,3362038	1		
6	0,0840594	0,1550626	1	
4	0,2635695	0,2173087	0,272446	1

нужно примерное представление иметь о людях, которые участвуют в выборах как кандидаты. У меня такого не было, поэтому не проголосовала» (фокус-группа 2, девушка). Высокую значимость для молодежи имеют выборы президента, что обосновывается выбором лица, оказывающего влияние на глобальные процессы. Данный факт подтверждает желание молодежи участвовать в значимых, крупных событиях. Иные выборы остаются на периферии общественного сознания молодежи как неважные, бессмысленные. В одной из фокус-групп участник отмечал, что принимал участие в президентских выборах в марте 2024 г., но относительно выборов губернаторского уровня высказал следующее:

«Модератор: А про губернаторские? Знали или нет?»

Юноша: Знал, но не ходил.

Модератор: А почему?»

Юноша: Не вижу смысла даже ходить» (фокус-группа 2, юноша).

Также имела место позиция относительно несопоставимо более низкой степени информированности о губернаторских выборах. Молодежь считает важным делать выбор, понимая, за кого они голосуют. В случае отсутствия информации молодежь сознательно избегает участия в выборах: *«А про другие [помимо президентских], мне кажется, нет такой масштабной информации, рекламы, больше информации о тех личностях, которые выдвигают себя. Возможно, если бы я кого-то знала, ну, просто даже бы видела, слышала и увидела, что этот человек выступает, предьявляет себя, я бы пошла проголосовать за него» (фокус-группа 3, девушка).*

Результаты. Полученные данные свидетельствуют о том, что во многом ключе-

вым звеном политической социализации в современной России остается институт семьи. Институционализация первичных электоральных практик, происходящая в семье, проявляется в опыте первого участия молодежи в выборах. Семейная практика брать детей с собой на выборы до достижения ими 18-летнего возраста выполняет крайне значимые социализирующую и терапевтическую функции, позволяя сформировать как отношение к процедуре, так и снизить тревожность в отношении алгоритма действий, нужных для проведения процедуры голосования.

В исследовании подчеркивается, что социализирующее влияние родителей проявляется преимущественно в формировании базового доверия к электоральным институтам и процедурам, а не в прямой трансляции конкретных политических предпочтений. Респонденты отмечают, что родители знакомили их с процессом голосования, демонстрировали значимость участия в выборах как гражданского долга, но избегали навязывания своих взглядов. Это способствует формированию рационально-легального типа легитимности выборов у молодежи, где акцент делается на уважении к процедуре, а не на поддержке конкретных кандидатов. Данный тезис явно обозначен в разделе «Результаты» (см. абзац о рационально-легальной легитимности) и усилен во введении.

Статистически значимая корреляция фиксируется между ответами на вопросы «Обсуждалась ли в Вашей семье необходимость / важность участия в выборах?» и «Считаете ли Вы для себя значимым в будущем делиться своими политическими взглядами с Вашими детьми в семье?», что может говорить о складывании в российском обществе традиции семейного участия в выборах. Помимо этого, прояв-

Таблица 2. Средние значения доверия молодежи к разным субъектам

Table 2. Average values of youth trust in different subjects

Наименование	Ср. арифметическая	Мода
Члены семьи	4,44	5
Друзья	3,87	4
Коллеги по учебе / работе	2,84	3
Незнакомые люди	1,38	1
Люди, с которыми Вы общаетесь в Интернете	1,95	1
Политики	2,20	2
Учителя, врачи	3,15	3

ляемая в высказываниях респондентов позиция относительно готовности отдать свой голос только за что-то важное, масштабное и значимое (прежде всего голос на выборах президента), говорит о складывании в российском обществе, в частности в молодежной среде, модели рационально-легального типа легитимности в отношении института выборов. Отмеченные признаки появления иного (помимо харизматического) типа легитимности позволяют сделать вывод о назревающих изменениях в моделях отношений власти и социума в России, что повторно актуализирует вопросы доверия и идентичности, которые во многом детерминируют трансформационные процессы социально-политического характера.

Сильное влияние традиционных социальных институтов позволяет, хоть и с оговорками, говорить о слабости институционализированных форм вовлечения молодежи в политику: посредством молодежных отделений партий, молодежных парламентов и т. д. Также имеет место ряд выводов относительно вынесенных в заглавие статьи кризисов идентичности и доверия. Политическая идентичность молодежи РФ характеризуется свойственной ей двойственностью: стремлением к автономии и критической позиции по отношению к официальным (государственным) нарративам и в то же время зависимостью от семейных моделей поведения. Кризис доверия явно проявляется в электоральном цинизме, когда молодежь заявляет о недоверии (и незначимости участия) к электоральной процедуре, но принимает участие в ней в соответствии с принятыми в обществе моделями поведения (особенно в отношении выборов на федеральном уровне).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асеева Т. А., Киреева О. С. Новые vs традиционные агенты политической социализации в условиях digital-коммуникации молодежи регионов РФ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 57–64.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бочкаев А. Р. Основные подходы к политической социализации молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 104–108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108
4. Гатиева А. М. Политическая социализация: основные теоретические подходы исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 3. 109–114.
5. Гужавина Т. А. Социальный капитал молодежи: опыт социологического анализа // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). С. 1–13.
6. Гуменникова Е. М., Короткова О. В. Абсентеизм среди молодежи Хакасии // Вестник науки и образования. 2018. № 5. С. 89–91.
7. Касамара В. А., Сорокина А. А., Шилина А. Н. YOUTUBE-блогеры как агенты политической социализации российских школьников // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 7–21.
8. Локке Р. М. Формирование доверия. Препринт WP1/2005/07. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 32 с.
9. Макаренко К. М., Морозов С. И. Характер социализирующего влияния родителей на участие молодежи в выборах // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука», 2024. С. 63–79.
10. Малый академический словарь. URL: <https://gufu.me/dict/mas/доверие>
11. Мухаев Р. Т. Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 199–215.
12. Нестерчук О. А., Горчаков А. Р., Стригина Н. С. Особенности политической социализации молодежи в современной России (на примере Брянской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 84–92.
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 635 с.
14. Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. 384 с.
15. Humphrey J., Schmitz H. Trust and Economic Development // Discussion Paper 355. Brighton, UK: Institute of Development Studies. URL: https://www.researchgate.net/publication/295650547_Trust_and_Economic_Development

REFERENCES

1. Aseeva T.A., Kireeva O.S. Novye vs traditsionnyye agenty politicheskoy sotsializatsii v usloviyakh digital-kommunikatsii molodezhi regionov RF [New vs Traditional Agents of Political Socialization

in the Context of Digital Communication of Youth in the Regions of the Russian Federation]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2022, no. 2 (71), pp. 57-64.

2. Berger P., Lukman T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti [Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.

3. Bochkaev A.R. Osnovnyye podkhody k politicheskoy sotsializatsii molodezhi [Main Approaches to the Political Socialization of Youth]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2022, no. 12 (4), pp. 104-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108

4. Gatiyeva A.M. Politicheskaya sotsializatsiya: osnovnyye teoreticheskiye podkhody issledovaniya [Political Socialization: Main Theoretical Approaches to Research]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], 2010, no. 3, pp. 109-114.

5. Guzhavina T.A. Sotsialnyy kapital molodezhi: opyt sotsiologicheskogo analiza [Social Capital of Youth: Experience of Sociological Analysis]. *Sotsialnoye prostranstvo* [Social Space], 2017, no. 1 (8), pp. 1-13.

6. Gumennikova E.M., Korotkova O.V. Absenteizm sredi molodezhi Khakasii [Absenteeism Among the Youth of Khakassia]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 2018, no. 5, pp. 89-91.

7. Kasamara V.A., Sorokina A.A., Shilina A.N. YOUTUBE-blogery kak agenty politicheskoy sotsializatsii rossiyskikh shkolnikov [YouTube Bloggers as Agents of Political Socialization of Russian Schoolchildren]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskkiye nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences], 2021, no. 3, pp. 7-21.

8. Lokke R.M. *Formirovaniye doveriya. Preprint WPI/2005/07* [Formation of Trust. Preprint WPI/2005/07]. Moscow, GUVShE, 2005. 32 p.

9. Makarenko K.M., Morozov S.I. Kharakter sotsializiruyushchego vliyaniya roditeley na uchastiye molodezhi v vyborah [Nature of the Socializing Influence of Parents on Youth Participation in Elections]. *Fundamentalnaya i prikladnaya nauka: sostoyaniye i tendentsii razvitiya* [Fundamental and Applied Science: State and Development Trends]. Petrozavodsk, Mezhdunar. tsentr nauch. partnerstva «Novaya Nauka», 2024, pp. 63-79.

10. *Malyy akademicheskiy slovar* [Small Academic Dictionary]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/doverie>

11. Mukhayev R.T. Globalizatsiya i krizis natsionalnoy identichnosti: v poiskakh novykh form reprezentatsii [Globalization and the Crisis of National Identity: In Search of New Forms of Representation]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 2021, no. 1, pp. 199-215.

12. Nesterchuk O.A., Gorchakov A.R., Strigina N.S. Osobennosti politicheskoy sotsializatsii molodezhi v sovremennoy Rossii (na primere Bryanskoy oblasti) [Features of Political Socialization of Youth in Modern Russia (on the Example of the Bryansk Region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Bulletin of the Southwestern State University. Series: History and Law], 2020, vol. 10, no. 3, pp. 84-92.

13. Khantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti* [Who Are We? Challenges to American National Identity]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga Publ., 2004. 635 p.

14. Etsioni A. *Ot imperii k soobshchestvu. Novyy podkhod k mezhdunarodnym otnosheniyam* [From Empire to Community: A New Approach to International Relations]. Moscow, Ladimir Publ., 2004. 384 p.

15. Humphrey J., Schmitz H. Trust and Economic Development. *Discussion Paper 355*. Brighton, UK, Institute of Development Studies. URL: https://www.researchgate.net/publication/295650547_Trust_and_Economic_Development

Information About the Authors

Kirill M. Makarenko, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Russian Statehood, Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Liliia S. Pankratova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Информация об авторах

Кирилл Михайлович Макаренко, кандидат политических наук, доцент кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Лилия Сергеевна Панкратова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after review. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2025. Том 30. № 3. 1–236.